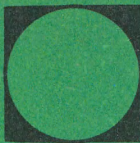

Зарубежная

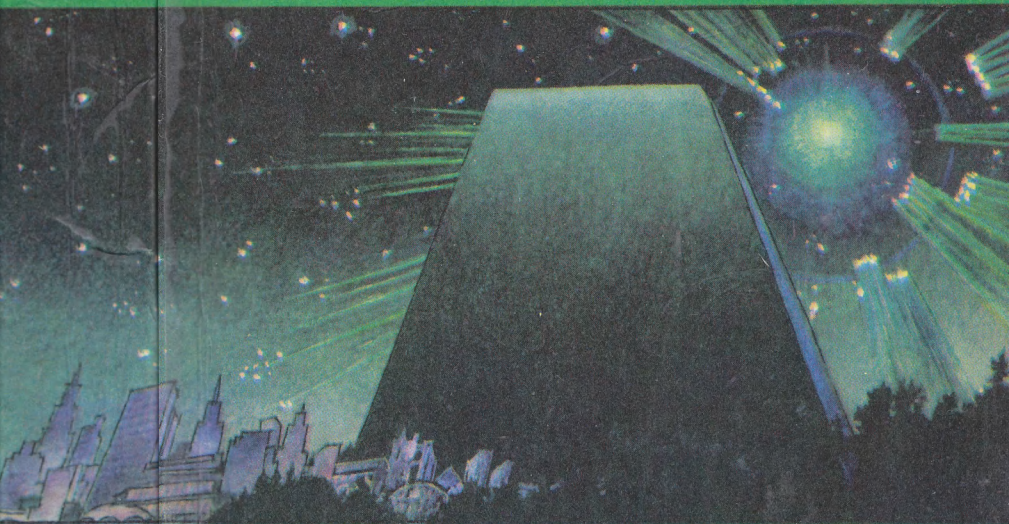

фантастика

Артур Кларк
ОДИССЕЯ
ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Артур Кларк ОДИССЕЯ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Сборник научно-фантастических
произведений

Издательство «Мир»

Зарубежная

фантастика

Артур Кларк

ОДИССЕЯ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Сборник
научно-фантастических произведений

Перевод с английского

МОСКВА «МИР» 1991

ББК 84.4 Вл
К47

Предисловие А. Балабухи

Кларк А.

К47   Одиссея длиною в жизнь: Сб. науч.-фантаст. произведений; Пер. с англ./ Предисл. А. Балабухи.— М.: Мир, 1991.— 512 с.— (Зарубежная фантастика)

ISBN 5-03-001917-0

В сборник включены один из первых романов известного английского писателя-фантаста А. Кларка «Конец детства» и один из последних его вышедших романов «2061: Одиссея три».

К **4703010100-455** 147—91
041(01)-91

ББК 84.4Вл

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-001917-0

© состав, предисловие,
оформление, «Мир», 1991

Парадоксы Артура Кларка

«Мне всегда хотелось узнать, что будет, если неотразимая сила натолкнется на несокрушимую преграду»,—признавался один из героев романа Артура Кларка «Фонтаны Рая». Примерно таким же вопросом невольно задаешься, когда в руки попадает новый (или просто еще нечитанный) роман этого писателя. Ведь в его творчестве—и, естественно, в нем самом—постоянно происходит столкновение неодолимых сил, решается и никак не может решиться извечный человеческий вопрос. Впрочем, об этом—после.

Прежде хочется сказать несколько слов о самом Артуре Чарлсе Кларке. Во-первых, этого требует элементарная вежливость. Во-вторых, у меня нет уверенности, что эта книга попадет лишь в руки тех, кто хорошо знает не только изданные в нашей стране произведения Кларка, но и все его творчество. И наконец, в-третьих, Кларк являет собой фигуру столь колоритную, что не рассказать о нем попросту грешно.

Кларк родился в 1917 году на юго-западе Англии, в графстве Сомерсет, краю сидра и чеддера, в небольшом курортном городке Майнхед, приютившемся на берегу Бристольского залива. Отсюда недалеко до Гластонбери—древнего рыночного городка, с его руинами аббатства, на месте которых стояла некогда первая в Англии христианская церковь; говорят, именно в ней был захоронен легендарный король Артур. Да и вооб-

ще юго-западные графства — Корнуолл, Девон, Сомерсет, Дорсет — это древняя кельтская страна, тесно связанная с преданиями Артурова цикла. И потому не удивительно, что родившийся в семье Кларков мальчик получил имя Артур.

Когда сыну исполнилось десять лет, Кларк-старший сделал ему два «роковых» подарка: альбом с изображениями доисторических ящеров и номер «Эмейзинг сториз» — первого в мире специализированного журнала научной фантастики, годом раньше появившегося на свет в США. Перелистывая глянцевые страницы альбома, юный Артур чувствовал себя первооткрывателем удивительного мира невероятных чудовищ, обитавших когда-то на Земле; в мечтах он становился спутником профессора Челленджера и лорда Джона Рокстона в их путешествии сквозь таинственные дебри конандовского «Затерянного мира»... И свое будущее мальчик уже совсем было решил посвятить палеонтологии, чему немало способствовали экскурсии в Чеддерское ущелье и знаменитую пещеру Вуки-Хоул с ее светящимися сталактитами и сталагмитами.

Но повести и рассказы из «Эмейзинг сториз» уводили его в не менее захватывающие дали, на планеты далеких звездных систем, где обитают необыкновенные животные и удивительные собратья человека по разуму; в прошлое и грядущее, равно исполненные поистине сказочных чудес. Артур даже смастерил нехитрый телескоп, чтобы хоть немного приблизить эти манящие, эти удивительные миры. С тех пор они навсегда вошли в его жизнь.

Еще в школьные годы он начал писать — любительские, по его собственному выражению, фантастические рассказы. Причем среди них оказался не то в 1940, не то в 1941 году и первый вариант увидевшего свет лишь полтора десятилетия спустя, в 1956 году, романа «Город и звезды», который впоследствии нередко

называли одной из вершин его литературного творчества.

В 1936 году, окончив школу, Артур Кларк становится государственным служащим — ревизором Казначейства Его Величества, а потом, в годы второй мировой войны, офицером Королевских ВВС. Правда, он не был боевым летчиком, так как сразу же обратился на себя внимание научно-технического отдела, и ему предложили принять участие в испытаниях сначала аппаратуры слепой посадки, а затем — экспериментальной системы радарного обнаружения. Демобилизовавшись в 1946 году, Кларк поступает в Лондонский королевский колледж и два года спустя становится обладателем диплома бакалавра наук по специальности «физика и прикладная математика».

В эти первые послевоенные годы деятельность будущего писателя поражает разнообразием. Кларк публикует научные статьи, где впервые проявляется органически присущее ему чувство реальной научно-технической перспективы. В частности, именно тогда он выдвинул идею спутников связи, выведенных на стационарную орбиту. Кларк любит повторять, что, сообрази он тогда запатентовать ее, сегодня был бы мультимиллионером. Его же в то время удовлетворил гонорар в пятнадцать фунтов стерлингов. Одновременно Кларк пишет и публикует свои первые научно-фантастические рассказы, редактирует научно-популярный журнал, возглавляет Британское межпланетное общество (в 1946—1947 и 1950—1953 годах), его избирают членом совета Британской астрономической ассоциации — ведущей государственной организации в области астрономии. Работоспособность, умение совмещать все эти столь несхожие занятия просто поразительны. Кларк работал буквально на износ. Однако вскоре он обнаружил, что литературные гонорары заметно превышают остальные его доходы. И выбор был

сделан — Кларк становится профессиональным писателем.

В 1951 году он знакомится с Майком Уилсоном — человеком, сыгравшим немалую роль в его дальнейшей судьбе. Произошло это в кафе «Белый олень», облюбованном братством лондонских писателей-фантастов. Каждый четверг с полсотни человек собирались здесь, чтобы потолковать о прочитанных книгах и собственных сочинениях, написанных или еще ожидающих пера (позже дух этого клуба фантастов найдет свое отражение в цикле Артура Кларка «Рассказы „Белого оленя“», 1957). В прокуренном баре, за окном которого терялась в дожде и тумане Флит-стрит, как-то странно было слушать про подводное плавание в царстве коралловых рифов. Майк — он увлекался рифами, будучи моряком торгового флота,— заразил Кларка своим энтузиазмом. И вскоре Кларк уже осваивает маску и ласты в одном из лондонских бассейнов. После нескольких погружений в холодные воды Ла-Манша — однажды они нырнули зимой на восемьдесят футов — было решено, что это увлечение годится лишь для тропических вод. Сказано — сделано. Кларк с Уилсоном отправляются в первую совместную экспедицию на Большой Барьерный риф, протянувшийся вдоль восточного побережья Австралии.

Так в жизнь Кларка вошла его вторая любовь — море.

Пять лет спустя друзья перебрались на остров Цейлон — ныне Шри-Ланка. Тут нельзя не обратиться к сакраментальной цитате, использовать которую не отказался, по-моему, ни один из тех, кто писал о Кларке. «Я приехал на Цейлон в 1956 году с намерением провести здесь шесть месяцев и написать одну-единственную книгу об исследовании прибрежных вод острова,— признавался Кларк много позже.— Сегодня, четырнадцать лет и двадцать книг спустя, я все еще тут и надеюсь

остаться здесь до конца своих дней». Что ж, надеждам Кларка, похоже, суждено сбыться: еще двадцать лет и полтора десятка книг спустя он все еще там.

Так вслед за второй любовью Кларк обрел и вторую родину. В жизни этой страны он принял активное участие. Его трудами и энтузиазмом были основаны Цейлонское астрономическое общество и Цейлонский подводный клуб — ассоциация любителей-рифкомберов. Кларк стал президентом обеих этих организаций. Впрочем, занимался он не только общественной деятельностью.

Здесь самое время сказать о любопытной черте характера — или судьбы? — Кларка. Греческий миф повествует о фригийском царе Мидасе, получившем от бога Диониса дар, прямо скажем, спорной ценности: все, к чему бы ни прикоснулся Мидас, обращалось в золото. Так вот, Кларк наделен чем-то, подозрительно напоминающим это Мидасово свойство. И, вдобавок, основано оно также на божьем даре, даже дарах — таланте, предприимчивости и удаче.

С тех пор как Кусто и Ганьон подарили человечеству акваланг, миллионы людей погружались в подводный мир. И почти всем им хватало тех впечатлений, которые они из этого мира выносили. Некоторые, правда, писали об этом книги. Кларк тоже. Но он побил едва ли не все рекорды. Новую книгу рождала каждая его подводная экспедиция: «Берег кораллов», «Рифы Тапробаны», «Взгляд с Серендипа», «Море бросает вызов», «Мальчик в подводном мире», «Сокровище Большого рифа»... Книги издавались и переиздавались, переводились на многие языки. И подавляющее большинство людей удовлетворилось бы этим. Но не Кларк. Ему нужно было еще и показать то, что видел он сам. Так он стал — вместе со своими друзьями Майком Уилсоном и Родни Джонкласом — режиссером и оператором. Сначала они сняли видовой фильм о прибрежных водах

Шри-Ланки. Сколько подобных любительских (пусть и на профессиональном уровне!) фильмов снимается в мире! Однако в большинстве своем они не выходят за семейные, клубные рамки. В лучшем случае их покажут разок в какой-нибудь телепередаче вроде «Клуба путешественников». Кларк с друзьями пустил свой фильм в прокат — и отнюдь не остался внакладе. И тут же они приступили к съемке нового — теперь уже игрового — фильма. «Ранмутху Дува» надолго сделал друзей популярнейшими личностями на острове.

Кто из нас не любовался пестрыми аквариумными рыбками? Правда, в нашей стране аквариумы у любителей в большинстве своем пресноводные, но с тех пор, как была отработана технология замкнутого цикла, повсюду в мире получили распространение и солоноводные аквариумы. И кто из посетителей Нептунова царства не любовался этими рыбками в родной стихии? Но вот соединить одно с другим! И Кларк начинает сотрудничать в фирме, которая занимается экспортом тропических рыбок. Ну, а заодно уж — не плавать же только для собственного удовольствия! — основывает собственную фирму «Подводное сафари».

Почти каждый из аквалангистов-любителей рано или поздно «заболевает» подводной археологией, а то и вовсе ударяется в томсойерщину — подводное кладоискательство. Не избежал этой участи и Кларк. Но и здесь ему удалось то, что выпадает немногим: он не только искал, но и нашел. Возле рифа Грейт-Бэсиз вместе с друзьями он обнаружил затонувший корабль XVIII века с грузом серебра. Подъем этого клада занял без малого два года...

И все это, заметим, без малейшего ущерба для литературной деятельности!

В 1961 году Шри-Ланку посетил Юрий Гагарин. Первый человек, побывавший в космосе, — мимо такого не мог пройти писатель-фантаст, увлеченный миром

звезд. Встреча состоялась и оставила, по признанию Кларка, одно из наиболее ярких воспоминаний в его жизни: „Необыкновенное впечатление произвел на меня Гагарин, когда говорил с трибуны. Словно он уже принадлежал истории. А потом, когда мы беседовали через переводчика, Гагарин оказался веселым, приветливым молодым человеком, таким же, как все, без какой-либо печати судьбы. Поскольку я не мог показать ему «Подводный мир Цейлона», в виде компенсации я подарил космонавту литературный предтечу фильма — книгу «Приключения в Индийском океане». Через несколько недель я с удовольствием получил его автобиографию с надписью: «Артуру Кларку на память о нашем космическом путешествии и нашей встрече на Цейлоне. Ю. Гагарин».” Потом Кларк сдружился и с другими нашими космонавтами. В 1968 году в Вене Алексей Леонов был в числе первых зрителей «Космической одиссеи». А во время своего двухдневного «налета» на Ленинград в 1982 году Кларк с удовольствием демонстрировал слайд, на котором возле дома писателя запечатлен Владимир Ляхов. Кстати, тогда же, в 1982 году, в Звездном Алексей Леонов вручил Кларку памятную медаль, которой удостоивают тех, кто проработал в Космическом центре двадцать лет,— так был отмечен более чем тридцатилетний труд писателя по освещению проблем исследования космоса.

Однако вернемся на Цейлон начала шестидесятых. Увы, жизнь не может состоять лишь из радостей и удач. Как-то, выходя из магазина, Кларк ударился головой о притолоку. Казалось бы, ничего особенного, но через двое суток он уже лежал разбитый параличом: следствием удара оказалась довольно редкая травма позвоночника, и долгое время врачи вообще не были уверены, что их пациенту удастся еще когда-нибудь самостоятельно двигаться. Но воля к жизни, закалка спортсмена-рифкомбера и стремление к работе взяли свое.

Прошло несколько месяцев, и... «Только тот, кто сам был парализован, способен по-настоящему оценить чудесный механизм, именуемый человеческим телом. Медленно, но верно выздоравливая, я будто заново рождался. Несмотря на бездну неприятностей и трудностей, это было полное открытий путешествие в неведомое, и я ему даже рад. Шли недели, я проходил веху за вехой, повторяя свое детство. Помню день, когда я без посторонней помощи сел в кровати; день, когда я сам дошел до ванной; день (это было много позже), когда я сам выбрался из ванной; день, когда я встал с кресла, опираясь двумя руками... одной рукой... совсем без помощи рук. Наконец я смог, опираясь на две трости, пройти целых десять метров»,—вспоминает Кларк.

Едва обретя подвижность рук, Кларк принялся за работу. Ежедневно он исписывал по два-три листа бумаги, и через полтора месяца из-под его пера вышла повесть «Остров дельфинов» — произведение на редкость оптимистическое и жизнерадостное.

Работает писатель не переставая. Его книги — это целая библиотека. Не без некоторого кокетства Кларк признавался, что даже не помнит всех, зная только их общее число на данный момент, и то без переизданий и переводов. В его творчестве помимо фантастики представлены едва ли не все жанры познавательной литературы: от сухой популяризации до эссеистики и от истории различных областей науки и техники до футурологии. Порой он выступает в совсем необычных жанрах. Так, он снискал себе невероятную популярность, комментируя по телевидению лунные экспедиции «Аполлонов» в 1969—1970 годах.

В состязании между писателем-популяризатором (или экстраполятором, как любит называть себя Кларк) и научно-техническим прогрессом исход предreshен заранее: рано или поздно прогресс осуществит любое, даже самое смелое, предвидение, а любая популяризатор-

ская книга рано или поздно устареет (и в наши дни чаще всего это происходит, увы, даже слишком быстро). И потому призы в этом состязании присуждаются задолго до финального свистка. Так, в 1962 году Кларк стал десятым по счету лауреатом Международной премии Калинги, учрежденной ЮНЕСКО для поощрения деятельности выдающихся популяризаторов науки. Ему присуждались Аэрокосмическая литературная премия 1965 года и премия Вестингауза 1969 года; он удостоен Международной фантастической премии, присуждаемой не только за фантастику, но и за научно-популярные книги, интересные для любителей НФ; в 1982 году в Голландии ему была вручена премия Маркони... И я сомневаюсь, что этот список полон. Но он дает представление о значении (и косвенно — о масштабах) того литературного явления, которое представляет собою Кларк-популяризатор. Пожалуй, сравниться с ним в этом отношении могли бы в прошлом лишь Жюль Верн и Герберт Уэллс, а ныне — его друг, коллега и соперник Айзек Азимов.

Кларк не только пишет о технике. Он и живет в насквозь технизированном окружении. Причем техника должна быть новейшей. Если катер — то на воздушной подушке, если пишущая машинка — то «ворд-процессор», едва ли не столь же отдаленный потомок «ундервудов» и «ремингтонов», как, скажем, «шаттл» — аппарата братьев Райт. В пинг-понг Кларк играет с роботом, смотрит телепрограммы при помощи собственной — и пока единственной, по слухам, на Шри-Ланке — антенны для приема передач, идущих через спутники связи. Акваланги у него новейших конструкций. Микроскоп, восьмидюймовый телескоп-рефлектор «селектрон»... Довольно! Не заполнять же перечислением целую страницу, но — ручаюсь! — первый частный космический корабль появится не где-нибудь, а у Кларка в Коломбо.

И это отнюдь не «технарский» снобизм, все это приносит реальную пользу, работает, увеличивая возможности хозяина.

Но одновременно это еще и материальное выражение символа веры Артура Кларка.

В предисловии к русскому изданию романа Артура Кларка «Свидание с Рамой» академик Л. М. Бреховских писал: „Я прочитал «Свидание с Рамой» с таким же увлечением, как в свое время «Таинственный остров» Жюль Верна. И в самом деле, космический корабль Рама — это остров, полный тайн, многие из которых так и остались неразгаданными”. Не знаю, так ли уж справедливо уподобить Раму острову Линкольна, но вот чутью академика впору позавидовать: не зря, совсем не зря поставил он эти два романа рядом! Только связь между ними не поверхностная, а весьма глубинная, генетическая. Впрочем, относится это не только к «Свиданию с Рамой», а почти ко всему творчеству английского фантаста. Ибо сам он, Кларк, некоторым образом доводится отдаленным потомком жюльверновскому Сайресу Смиту, вернее сайресам смитам — тому легиону инженеров, что в прошлом веке вышли на свой триумфальный марш по градам и весям Европы и Америки.

Кто может сейчас сказать, с чего начался этот парад? С пышущей ли дымом стефенсоновской «Ракеты»? Ах, как это здорово, как «веселится и ликует весь народ», как лихо «мчится поезд в чистом поле»!.. С отважного ли «Сириуса», который высадил на нью-йоркский причал девяносто восемь насквозь прокопченных, но исполненных сопричастности к истории пассажиров? Или с дробного стука аппарата Сэмюэла Морзе? Или... Да важно ли это? Главное в ином: стройными колоннами шли они, эти инженеры с закопченными лица-

ми, с мозолистыми руками, шли в прожженных кислотами сюртуках... Шли осчастливливать человечество.

А человечество истово надеялось, что вот еще немного — и круто замешенное на электричестве и паре пышно взойдет оно, всеобщее счастье, и хватит его на всех, и наступит на Земле мир, а в человеках — благоволение.

Правда, тогда уже многие понимали, что не все так просто. И тот же Жюль Верн устами инженера (инженера, заметьте!) Робура утверждал: «Успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов». И Блок, обращаясь к пилоту, одному из тех, заморозивших мир победой над воздухом, не без горечи вопрошал:

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

И это не говоря уже об Уэллсе...

Но большинство — верило и надеялось. Верило и в нашем уже веке, лишь добавив к прежним апостолам новых. Помните, у Хаксли, в его «Прекрасном новом мире»? «Господи Форде!» — восклицает его фордейшество Главноуправитель Мустафа Монд...

Пожалуй, первое по-настоящему серьезное отрезвление принесла лишь Хиросима. Прекрасный американский фантаст Рэй Брэдбери (Кларк сказал бы: «Мой друг Брэдбери») писал об этом: «Появление бомбы было как голос свыше, сказавший нам: „Подумайте, подсчитайте все хорошенько и найдите способ жить в мире и согласии друг с другом“. Этот голос мы все теперь ясно слышим». Правда, закончил этот процесс только экологический кризис. Но уже в шестидесятые годы многие гуманитарии из самых лучших, самых благородных побуждений, естественно, начали весьма небез-

успешно превращать портрет Великого Инженера в образ врага. Никуда не денешься, человеческие умонастроения от века подчинялись закону маятника.

Из всякого правила, однако, существуют исключения. Именно к их числу и принадлежит Артур Кларк. Он из тех сайрессмитовской закваски инженеров, хотя и не закрывает глаза на двойственный лик научно-технического прогресса. Просто он отчетливо понимает, что клин вышибают клином, отравление можно лечить и ядом, а единственным средством победить все негативные явления, сопутствующие прогрессу, является сам же прогресс. «Я думаю, любой человек, достаточно осведомленный в достижениях современной науки и технологии, верит в их грядущее бурное развитие. Относится это и ко мне, — говорил Кларк на встрече с ленинградскими фантастами. — Однако я не наивный оптимист — сейчас есть и наивные оптимисты, и наивные пессимисты, — я пытаюсь быть реалистом, хотя прекрасно понимаю, в какое время мы живем».

Убежденность в том, что путь технологического развития — единственно возможный для нашей человеческой цивилизации, вера в беспредельность перспектив, открывающихся на этом пути, и являют собою в творчестве Артура Кларка ту «неотразимую силу», о которой я говорил вначале.

Ну, а что же в таком случае представляет собой «непоколебимая преграда»? Попробуем разобраться и в этом.

Едва ли не каждый из нас, особенно в юности, задается вечным вопросом о смысле жизни. Вопрос это «проклятый» — в том отношении, что однозначного ответа на него нет и быть не может. Каждый решает его только для себя самого. Но как же быть не с отдельным человеком, а с человечеством? В чем смысл его существования?

«В самом деле, — размышлял в своем превосходном

эссе „Человечество — для чего оно?“ советский ученый и писатель-фантаст Игорь Забелин, — для чего же вообще существует человечество?.. Неужели у него есть только сугубо имманентная цель — полный и равный самопрокорм и забава искусством и наукой в дальнейшем?.. <...> Имеются ли у человечества высшие цели, не считая имманентных, к которым мы продолжаем пока стремиться? Определено ли человечеству какое-либо назначение в системе природы, предопределена ли ему некими неведомыми пока законами особая миссия в природе?»

Один из ответов на этот вопрос Кларк дает в своем блестящем рассказе «Девять миллиардов имен», суть которого сводится к тому, что, согласно ламаистским верованиям, мир был создан богом лишь для того, чтобы найти все имена бога. Их около девяти миллиардов, этих имен, и строятся они по строго определенным принципам. И вот монахи из тибетского монастыря (тоже дети XXI века) обзаводятся компьютером, который всю эту работу проделывает достаточно быстро. Предназначение мира исполнено, и мир — исчезает. Конечно, это лишь остроумная шутка, прекрасный образчик английского юмора. Но ведь вопрос-то в рассказе поставлен отнюдь не шуточный! И вопрос этот мучит Кларка постоянно.

Однако было бы большим преувеличением сказать, что раздумьями на эту тему пронизано все творчество писателя. И ранние его, так сказать, идиллическо-технологические романы, и «Прелюдия к космосу», и «Пески Марса» (оба — 1951), и «Большая глубина» (1954), и повесть «Остров дельфинов» (1963), и ряд других произведений не затронуты ими. Впрочем, правильнее будет сказать «почти не затронуты» — в «Большой глубине», например, какие-то отзвуки темы слышны. Но дальние, очень дальние.

И вместе с тем уже в начале 50-х годов, с появлением

рассказа «Страж» (в американской публикации — «Страж Вечности»), в творчестве Кларка обнаружился явный парадокс, отмеченный едва ли не всеми западными исследователями. Тот, чье имя в первую очередь ассоциируется с твердой научной фантастикой, с психологией едва ли не технократической, оказался пленен метафизикой, даже мистикой (правда, особого рода; речь о том впереди).

Это противоречие явственно ощутил Иван Ефремов. В 1970 году у нас вышел в свет роман Кларка «Космическая одиссея 2001 года» — роман со сложной творческой историей. «Страж» послужил толчком к созданию сценария фильма, написанного Кларком совместно со Стенли Кубриком, фильма, который по сей день считается одной из вершин кинофантастики; сценарий же, в свою очередь, был положен в основу романа. Надо сказать, Кларк вообще сочетает в себе щедрость сеятеля с тщательностью жнеца: он щедро рассыпает идеи, но из каждой «выжимает» потом все возможное. Можно быть уверенным, что любая маломальски интересная мысль, вроде бы случайно оброненная в рассказе или романе, потом непременно послужит основой для нового произведения. Но я несколько отвлекусь.

Так вот, в послесловии к русскому изданию «Космической одиссеи 2001 года» Ефремов писал: «Последние страницы совершенно чужды, я бы сказал — антагонистичны, реалистической атмосфере романа, не согласуются с собственным, вполне научным мировоззрением Кларка, что и вызвало отсечение их в русском переводе». Если рассматривать роман сам по себе, в отрыве от всего остального творчества Кларка, то не согласиться с Ефремовым нельзя. Но в контексте прочих кларковских произведений финал «Космической одиссеи 2001 года» воспринимается органичным. Я со-

знательно не останавливаюсь на сути отсеченных эпизодов. Принципиального значения это сейчас для нас не имеет, тем более что многое делается понятным из нынешнего издания «2061: Одиссея три».

Но вернемся, однако, к парадоксу Кларка.

Да, Кларк оптимист, бесконечно верящий в мощь человеческого духа, в безграничные возможности человеческих свершений. Но в то же время в масштабах Вселенной и эта безграничность может затеряться. А если человек не способен стать хозяином всей беспредельности мироздания, то в чем же тогда смысл существования человечества?

Лишь в одном — в возможности влиться во Вселенский Сверхразум.

Здесь мы вступаем на зыбкую почву предположений. Увы, поговорить с Кларком на эту давно уже интересовавшую меня тему во время нашей ленинградской встречи не удалось. И остается лишь гадать, что послужило фундаментом кларковской концепции. Сверхразум Кларка чем-то родствен Брахману, безликому и бестелесному всеобщему божеству веданты, являющемуся единственной реальностью мира. Ведь целью человеческого бытия веданта считает как раз освобождение от оков материального мира и достижение тождества индивидуального духа, атмана, с Брахманом. И финал «Конца детства» убедительно подтверждает такое предположение.

Но не исключено, что на Кларка оказала свое влияние и знаменитая работа Тейяра де Шардена «Феномен человека», не так давно ставшая доступной и нашему читателю. Его теогенетическая концепция сводится к тому, что человечество обладает богосоздающей силой. Не богом создано оно по образу и подобию божию, а наоборот — само создает бога своей интеллектуальной и духовной деятельностью. Из начала эволю-

пии Тейяр де Шарден перемещает бога в ее конец. Тот самый конец человеческого детства... И, завершив детство свое, человечество приходит к конечной цели, растворяясь в им же созданном боге.

Убежденность в необходимости существования Вселенского Сверхразума, по-шарденовски трактуемого бога, и есть та «несокрушимая преграда», на которую наталкивается «необоримая сила». Если учесть, что первый вариант «Конца детства» (под названием «Ангел-хранитель») появился еще в 1950 году, то приходится признать, что поединок этот длится уже четыре десятилетия.

В «Конце детства» он заканчивается однозначной победой «несокрушимой преграды». Но для того чтобы обеспечить эту победу, Кларку пришлось несколько ограничить возможности «необоримой силы», заставить ее действовать не в полную мощь. Работая над научно-популярной книгой «Исследование космоса», Кларк заинтересовался мыслью, что было бы, ограничить какая-то внешняя сила космическую экспансию человечества, замкни она человечество в рамки родной планеты. В качестве именно такой силы и выступают в романе Сверхправители со своим тезисом «Вселенная — не для человека». Кстати, образ Кареллена и его расы, этих бесплодных акушеров Сверхразума, на мой взгляд, принадлежит к числу самых ярких и, пожалуй, самых трагических в творчестве Кларка.

Тогда, в начале 50-х («Конец детства» в полном варианте увидел свет в 1953 году), Кларку еще не было и сорока. Возможно, как раз по этой причине роман — и это отмечает большинство критиков — не только является одним из заметных явлений НФ тех лет (и не только тех), но и — о чем говорят реже — получился самым, пожалуй, жестким, бескомпромиссным из всего написанного Кларком. Миссия человечества исполнена, Сверхразум рожден, и породившая его раса исчезает.

Земная цивилизация полностью исчерпала себя. Причем Сверхразум этот не вызывает у читателей (насколько я могу судить об этом по тому, что читал, о чем говорил с любителями фантастики) сопереживания, сочувствия, эмоционального приятия. Для этого он слишком равнодушен, безжалостен. Ему мешает все — даже животные и растения. Для того чтобы сам он мог существовать и функционировать, все живое, кроме него (за редким исключением — таким, как служащая целям Сверхразума раса Кареллена), должно быть уничтожено. И в конце концов он должен остаться один в мертвой Вселенной, может быть, даже став этой Вселенной, включив в себя всю ее беспредельность.

Постепенно позиция Кларка в этом отношении меняется. Еремей Парнов, побывавший в гостях у Кларка на Шри-Ланке, вспоминает такой разговор:

«— Допустим, вам будет дано взойти по такой лестнице, — сказал я Кларку. — О чем вы спросите галактических собратьев?

— Конечны ли или бесконечны пространство и время, — его вопросы были давно продуманы. — Всюду ли жизни сопутствует смерть?.. Впрочем, нет, прежде всего я спросил бы о том, как победить рак.

— Значит, на первый план вы ставите частное, а не общее, животрепещущую сиюминутность, а не вечную и отрешенную истину?

— Человек меняется, добреет, — мелькнула лукавая улыбка, — особенно на этом острове, где ощутимо слышится переплеск райских фонтанов.»

Что ж, с годами человек нередко мудреет и добреет: старость, как и любовь, максимализирует наши склонности и черты, пристрастия ума и движения души. И потому совсем не удивительно, что уже в «Космической одиссее 2001 года», увидевшей свет на восемнадцать лет позже «Конца детства», Сверхразум выглядит у Кларка совсем иным.

Влившись в него, навек распроставшись со своей телесной оболочкой, Дэвид Боумен не теряет человеческой сущности. Не уничтожение родной планеты, а спасение ее от атомной угрозы — вот его поступок. И явление «призрака», фантома Дэвида Боумена, его близким — наглядное свидетельство тому, что остался он человеком. Как и Хэл в финале «2010: Одиссея два». И как доктор Хейвуд Флойд в завершающем романе трилогии, который вам предстоит прочесть.

Этот процесс неуклонной гуманизации идеи начался отнюдь не с «Космической одиссеи 2001 года». Причем не обошлось тут без одного странного на первый взгляд обстоятельства.

В одной из последних сцен «Конца детства» Сверхправитель Кареллен объясняет Яну, почему облик представителей его расы в преданиях землян олицетворяет врага рода человеческого: «...время — нечто гораздо более сложное, чем представлялось вашей науке. То была память не о прошлом, но о будущем... <...> Это было словно искаженное эхо; отдаваясь в замкнутом кольце времени, оно пронеслось из будущего в прошлое. Скорее не память, но предчувствие».

Кларк впервые приехал на Цейлон в 1956 году. И только тогда, судя по всему, погрузился впервые в культурную, духовную, религиозную среду страны. Но... ведь еще в 1954 году вышел в свет его роман «Большая глубина», написанный годом ранее. А главным носителем гуманистического начала является там буддистский духовный лидер Маханаяке Тхеро, убеждающий мир в том, что «ранить, убивать живые существа, какие бы то ни было, <...> неправильно», что «везде, где можно, надо отказаться от убийства», и тогда все «мы сбросим бремя вины, которое, несомненно, угнетает душу каждого думающего человека при взгляде на тех, кто вместе с нами населяет эту планету». Какое рази-

тельное несходство этой позиции с действиями Сверхразума из «Конца детства»!

«— Зачем же они все уничтожили? — ахнул Ян.

— Возможно, им мешало присутствие чужого разума — даже самого примитивного, разума животных и растений. Нас не удивит, если в один какой-то день они сочтут помехой весь материальный мир», — от этого объяснения Кареллена, от такого прогноза — мороз по коже...

Нет, не случайно «Большая глубина» — один из самых обаятельных романов Кларка. Свидетельством тому является, например, тот факт, что один из элементов созданного кларковским воображением мира, одна из сюжетных линий романа вторично родилась на страницах ранней повести братьев Стругацких «Возвращение. Полдень, XXII век». Даже такие яркие и самобытные писатели попали во власть обаяния кларковской мечты.

Пожалуй, именно с «Большой глубины» и начинал Кларк поиск разрешения конфликта, пытаясь превратить столкновение «необоримой силы» с «несокрушимой преградой» в некий синтез этих сил. И в этом смысле он выступает преемником национальной традиции английской фантастики. Ведь сущность книги, по общему признанию, основополагающей в английской НФ — «Франкенштейна» Мэри Шелли, говоря словами критика Тома Хатчисона, заключается «в примирении, если таковое возможно, души человека с техникой, повелителем которой он надеялся стать».

С «Большой глубины» начинается в творчестве Кларка и поиск социальной гармонии человечества. Написанный, повторяю, в 1953 году, в разгар «холодной войны», роман рисует мир будущего, являющийся итогом не конфронтации, а конвергенции. И этой своей идее Кларк верен по сей день.

Кларк — любитель и мастер прогнозов. И не удиви-

тельно, что, заканчивая разговор о нем, мне хочется высказать и собственный прогноз.

Число три обладает для Кларка неким магическим значением. Так, он трижды обращался к своей футурологической работе «Черты будущего» — первое издание вышло в 1962 году, переработанное — в 1973, а в 1987 — развивающая эту тему книга «20 июля 2019 года». Три романа составили и «Космическую одиссею».

В 1973 году вышел его роман «Свидание с Рамой», принесший Кларку небывалый успех, мерилom которого можно считать набор присужденных премий и призов. Судите сами: премия «Хьюго», присуждаемая любителями НФ; «Небьюла», учрежденная профессиональными писателями; «Юпитер», основанная преподавателями НФ; Мемориальный приз Джона У. Кемпбелла, приз Британского общества научной фантастики... Правда, трудно сказать, чем был вызван такой «призопад» — только ли литературными достоинствами романа или еще и тем фактом, что после пятилетнего перерыва «фантаст № 1» вновь вернулся к своему жанру... И вот недавно появился «Рама два». Не знаю, как скоро дойдет он до советского читателя, но уверен, что из «ворд-процессора» Кларка рано или поздно появится «Рама три».

Ведь помните, чем кончается «Свидание с Рамой»?

«Все, что бы они ни делали, рамане повторяют трижды...»

Андрей Балабуха

Конец детства

Перевод НОРЫ ГАЛЬ

Arthur C. Clarke

Pan Books Ltd
London 1956

© перевод на русский язык,
Нора Галь, 1990

Гипотезы, положенные в основу этой книги, принадлежат не автору.

I. Земля и Сверхправители

1 Вулкан, вознесший из глубин Тихого океана остров Таратуа, спал уже полмиллиона лет. Но очень скоро, подумал Рейнгольд, остров будет омыт пламенем куда более яростным, чем то, которое помогло ему родиться. Рейнгольд посмотрел в сторону стартовой площадки, запрокинул голову — иначе не оглядеть до самого верха пирамиду лесов, все еще окружающих «Колумб». Нос корабля возвышался на двести футов над землей, и на нем играли прощальные лучи закатного солнца. Настает одна из последних ночей, какие суждено видеть кораблю, скоро он уже выплывет в непреходящий солнечный свет космоса.

Здесь, под пальмами, высоко на скалистом хребте острова, тишина. Лишь изредка от строительства донесется вой компрессора или чуть слышный издали возглас рабочего. Рейнгольд успел полюбить эту пальмовую рощицу; почти каждый вечер он приходил сюда и сверху оглядывал свое маленькое царство. Но когда «Колумб» в бушующем пламени ринется к звездам, от рощи не останется даже пепла, и это грустно.

В миле за рифом на палубе «Джеймса Форрестола» вспыхнули прожекторы и пошли кружить, обшаривая темный океан. Солнце уже скрылось, с востока стремительно надвигалась тропическая ночь. Рейнгольд ус-

мехнулся — неужели на авианосце всерьез думают обнаружить у самого берега русские подводные лодки!

Мысль о России, как всегда, вернула его к Конраду и к памяtnому утру переломной весны 1945-го. Больше тридцати лет прошло, но не тускнело воспоминание о тех последних днях, когда Третья империя рушилась под грозным прибоем наступления с Востока и с Запада. Будто и сейчас перед ним усталые голубые глаза Конрада и рыжеватая щетина на подбородке — минута, когда они пожимали друг другу руки и расставались в той разрушенной прусской деревушке, а мимо нескончаемым потоком брели беженцы. Их прощанье — символ всего, что с тех пор случилось с миром, символ раскола между Востоком и Западом. Потому что Конрад выбрал путь, ведущий в Москву. Тогда Рейнгольд счел его выбор глупостью, но теперь он в этом не столь уверен.

Тридцать лет он думал, что Конрада уже нет в живых. И только неделю назад полковник Технической разведки Сэндмайер сообщил ему новость. Не нравится ему Сэндмайер, и уж наверно это взаимно. Однако ни тот ни другой не допускают, чтобы взаимная неприязнь мешала делу.

— Мистер Хофман,— начал полковник самым официальным своим тоном,— я только что получил весьма тревожное сообщение из Вашингтона. Разумеется, это совершенно секретно, однако мы решили поставить технический персонал в известность, люди должны понять, что необходимо ускорить работу.

Он многозначительно помолчал, но на Рейнгольда это не произвело особого впечатления. Он уже знал, что сейчас услышит.

— Русские почти догнали нас. Они разработали какую-то систему атомной тяги, которая, возможно, даже превосходит нашу, и строят на берегу озера Байкал кос-

мический корабль. Мы не знаем, насколько они продвинулись, но Разведка полагает, что запуск может состояться уже в этом году. Сами понимаете, что это значит.

Да, подумал Рейнгольд, понимаю. Идет гонка, и, возможно, ее выиграем не мы.

— А вы не знаете, кто там руководит работой? — спросил он, не слишком надеясь на ответ.

К его удивлению, полковник Сэндмайер подвинул ему через стол лист бумаги — первым в списке, отпечатанном на машинке, стояло имя: Конрад Шнайдер.

— Вы ведь знали многих ученых в Пеенемюнде, так? — сказал полковник. — Может быть, это даст нам какое-то представление об их методах. Я хотел бы услышать от вас характеристики всех, кого вы помните, — их специальность, блестящие идеи и прочее. Конечно, прошло много времени, а все-таки прошу вас припомнить.

— Важен один Конрад Шнайдер, остальные не в счет, — ответил Рейнгольд. — Это был настоящий талант, остальные — просто дельные инженеры. Бог весть чего он достиг за тридцать лет. Притом ему, вероятно, известны все результаты нашей работы, а мы о его работе ничего не знаем. Так что у него серьезное преимущество.

Он сказал это вовсе не в укор Разведке, однако полковник Сэндмайер, видно, готов был оскорбиться. Но только пожал плечами.

— Это, как вы сами говорили, палка о двух концах. Мы щедрее на информацию, потому продвигаемся быстрее, хотя и выдаем кое-какие секреты. В ведомстве русских, наверно, они и сами не всегда знают, как у них идут исследования. Мы им докажем, что Демократия первой достигнет Луны.

Демократия... Экая чушь! — подумал Рейнгольд, но не так он был глуп, чтобы сказать это вслух. Одному Конраду Шнайдеру цена больше, чем миллиону ваших

избирателей. А чего достиг за это время Конрад, когда за ним стоит вся производственная мощь Советского Союза? Быть может, в эту самую минуту его корабль уже взлетел с Земли...

Солнце, что покинуло остров Таратуа, было еще высоко над Байкалом, когда Конрад Шнайдер и помощник комиссара по ядерным исследованиям медленно пошли прочь от испытательного стенда. В ушах еще отдавался оглушительный рев двигателя, хотя громовые отголоски его за озером смолкли десять минут назад.

— Отчего такое уныние на лице? — спросил вдруг Григоревич. — Вам бы радоваться. Через месяц мы полетим, и янки лопнут от злости.

— Вы, как всегда, оптимист, — сказал Шнайдер. — Двигатель, конечно, работает, но не так все просто. Правда, теперь я не вижу серьезных препятствий, но меня беспокоят известия с Таратуа. Я вам уже говорил, Хофман — умница, и за ним стоят миллиарды долларов. Фотоснимки его корабля не очень отчетливы, но, похоже, он почти закончен. А двигатель, как нам известно, он испытал еще пять недель назад.

— Не беспокойтесь, — засмеялся Григоревич. — Сюрприз поднесем мы им, а не они нам. Не забывайте, они о нас ничего не знают.

Шнайдер совсем не был в этом уверен, но предпочел умолчать о своих сомнениях. Не то, пожалуй, мысль Григоревича пойдет разными сложными путями, а если какие-нибудь секретные сведения просочились наружу, нелегко будет доказать, что ты ни при чем.

Он вернулся в здание администрации, часовой при входе отдал ему честь. Военных тут не меньше, чем техников, хмуро подумал Шнайдер. Но жаловаться нечего, так у русских принято, зато работать они ему не мешают — это главное. В целом, за немногими досадны-

ми исключениями, надежды его сбылись, и все идет хорошо. И только будущее покажет, чей выбор лучше — его или Рейнгольда.

Он уже составлял свой окончательный доклад, как вдруг послышались крики. Минуту-другую он еще сидел за столом, недоумевая, что могло нарушить строгую дисциплину космического центра. Потом подошел к окну — и впервые в жизни изведаль настоящее отчаяние.

. . . . .

Рейнгольд спустился с холма, небо вокруг было уже усыпано звездами. Авианосец по-прежнему шарил по глади океана пальцами прожекторов, а подальше на берегу строительные леса вокруг «Колумба» засверкали огнями, будто рождественская елка. Лишь высоко взнесенный нос ракеты темнел, заслоняя звезды.

В жилом доме гремела по радио танцевальная музыка, и Рейнгольд невольно зашагал быстрее, в лад ей. Он почти уже дошел до узкой дорожки, проложенной вдоль пляжа, и вдруг то ли странное предчувствие, то ли едва уловимое краем глаза движение заставило его замереть на месте. Озадаченный, он обвел взглядом берег, море, снова берег; не сразу он догадался посмотреть на небо.

И тогда Рейнгольд Хофман понял, как понял в тот же самый миг и Конрад Шнайдер, что гонку он проиграл. Понял, что отстал не на недели и не на месяцы, как боялся, а на тысячелетия. Громадные тени неслышно скользили среди звезд, в такой вышине, что он не смел даже представить, сколько до них миль, и его маленький «Колумб» был перед ними все равно что перед самим «Колумбом» — долбленные лодки времен палеолита. Нескончаемо долгую минуту Рейнгольд смотрел, и смотрели все люди на Земле, как величественно и грозно спускаются исполинские корабли, пока его слуха не

достиг свист, с каким они рассекали разреженный воздух стратосферы.

Нет, он не пожалел о том, что труд всей его жизни пошел прахом. Он работал ради того, чтобы поднять людей к звездам, и в час, когда добился успеха, звезды — чуждые, равнодушные звезды — сами пришли к нему. В этот час история затаила дыхание и настоящее отломилось от прошлого, как отламывается айсберг от родных ледяных гор и одиноко, гордо выплывает в океан. Все, чего достигли минувшие века, отныне не в счет, лишь одна мысль опять и опять отдавалась в мозгу Рейнгольда:

Человечество больше не одиноко.

2 Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, застыв у широкого, во всю стену, окна, смотрел вниз, на медлительный поток машин, заполняющих 43-ю улицу. Порой он спрашивал себя, хорошо ли человеку работать на такой высоте над собратьями. Конечно, отстраненность помогает быть беспристрастным, но она легко может перейти в равнодушие. Или он просто пытается как-то объяснить свою нелюбовь к небоскребам, которую так и не одолел за двадцать лет жизни в Нью-Йорке?

Позади отворилась дверь, он услышал шаги Питера ван Риберга, но не обернулся. Как всегда, короткое молчание: конечно же, Питер неодобрительно посмотрел на термостат, ведь это ходячая острота — генеральному секретарю нравится жить в холодильнике. Стормгрэн подождал, пока его заместитель подойдет к окну, и тогда только отвел взгляд от такой знакомой и все же завораживающей картины, что открывалась с высоты.

— Они опаздывают, — сказал он. — Уэйнрайт должен был явиться пять минут назад.

— Мне только что сообщили из полиции, он ведет за собой изрядную толпу, из-за этого шествия на улицах пробки. Он явится с минуты на минуту.— Ван Рибберг чуть помолчал, потом спросил почти резко: — Вы все еще полагаете, что это разумно — встретиться с ним?

— Боюсь, отменять встречу поздновато. Как-никак я на нее согласился, хотя, вспомните, это не моя затея.

Стормгрен уже отошел к письменному столу и вертел в руках свое знаменитое урановое пресс-папье. Не то чтобы он волновался, но был в нерешительности. Хорошо, что Уэйнрайт запаздывает, от этого в начале переговоров чувствуешь некоторое превосходство. Такие вот мелочи значат в наших делах куда больше, чем хотелось бы тем, кто слишком полагается на логику и рассудок.

— Вот они! — ван Рибберг чуть не ткнулся носом в стекло. — Подходят... пожалуй, добрых три тысячи.

Стормгрен, прихватив записную книжку, подошел к заместителю.

Примерно в полумиле от здания секретариата ООН видна была небольшая, но решительная процессия, она медленно приближалась. Над головами развевались полотнища, надписи издали нельзя было прочесть, но Стормгрен и так знал, чего они требуют. А вскоре, перекрывая шум уличного движения, до него донеслись и размеренные выкрики зловещего многоголосого хора. Стормгрена захлестнуло внезапное отвращение. Право, человечество могло бы уже и отказаться от марширующих толп и яростных лозунгов!

Шествие поравнялось со зданием секретариата; наверно, участники понимали, что он стоит у окна: там и сям поднимались кулаки — впрочем, не очень уверенно. Вызов относился не к Стормгрону, хотя, конечно, кулак показывали ему. Словно угроза пигмеев великану, гневные взмахи кулака обращались к небу, где на

высоте полусотни километров сияло серебристое облако — флагманский корабль флота Сверхправителей.

И вполне возможно, что Кареллен смотрит на все это и безмерно забавляется, подумал Стормгрэн, ведь этой встрече вовек не бывать бы, если б не наущение Попечителя.

Сегодня впервые Стормгрэн встречается с главой Лиги освобождения. Он перестал спрашивать себя, разумный ли это шаг, — планы Кареллена зачастую чересчур сложны, человеку их не понять. Во всяком случае, серьезного вреда от этого не будет. А откажись он принять Уэйнрайта, Лига использовала бы отказ как оружие против него, Стормгрена.

Александр Уэйнрайт оказался рослым красивым мужчиной лет под пятьдесят. Стормгрэн знал, что это человек безусловно честный, а потому вдвойне опасный. Но он явно искренен, вот почему трудно отнестись к нему неприязненно, как бы ни оценивать его убеждения, — а кстати, и некоторых его последователей.

Ван Рибберг коротко, довольно натянуто представил их друг другу, и Стормгрэн, не теряя времени, приступил к делу.

— Я полагаю, — начал он, — главная цель вашего визита — заявить официальный протест против плана создания Всемирной федерации. Я не ошибаюсь?

Уэйнрайт серьезно кивнул.

— Это — главное, господин секретарь. Как вам известно, в последние пять лет мы пытались открыть человечеству глаза на стоящую перед ним опасность. Задача наша оказалась нелегкой, потому что в большинстве своем люди, похоже, охотно предоставляют Сверхправителям вертеть нашим миром, как тем за благорассудится. И все же в разных странах нашу петицию подписало свыше пяти миллионов патриотов.

— Не так-то много — пять миллионов из двух с половиной миллиардов.

— Пять миллионов со счета не сбросишь. Притом за каждым, кто подписался, стоит немало таких, которые отнюдь не уверены, будто замысел создать федерацию разумен, а тем более — будто он справедлив. Даже Попечитель Кареллен, при всем своем могуществе, не может одним росчерком пера отменить тысячелетнюю историю человечества.

— Что мы с вами знаем о могуществе Кареллена? — возразил Стормгрен. — Когда я был мальчишкой, Объединенная Европа была всего лишь мечтой, а когда я стал взрослым, мечта сбылась. И ведь это произошло еще до прибытия Сверхправителей. Кареллен лишь завершает работу, которую начали мы сами.

— Европа была и в культурном, и в географическом смысле едина. А весь наш мир не един — разница существенная.

— В глазах Сверхправителей, надо полагать, вся Земля несравненно меньше, чем нашим родителям казалась Европа, и я не могу не признать их взгляды более зрелыми, чем наши.

— Я не отвергаю наотрез федерацию как конечную цель, хотя многие мои сторонники, пожалуй, с этим не согласятся... Но объединение должно возникнуть внутри человечества, его не должны нам навязывать извне. Мы должны сами строить свою судьбу. Никто не должен больше вмешиваться в дела людей.

Стормгрен вздохнул. Все это он слышал уже тысячи раз... и может дать лишь все тот же ответ, с которым Лига освобождения не желает мириться. Он верит Кареллену, а Лига не верит. Тут они в корне расходятся, и ничего с этим не поделаешь. По счастью, Лига тоже не в силах что-либо сделать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Станете ли вы отрицать, что Сверхправители принесли человечеству безопасность, мир и процветание?

— Не спорю. Но они отняли у нас свободу. Человек жив...

— ... не хлебом единым. Знаю, знаю,—но сейчас впервые настало время, когда каждый человек уверен хотя бы в хлебе насущном. Да и какая свобода, утраченная нами, сравнится с тем, что впервые за всю историю человечества дали нам Сверхправители?

— Свобода распоряжаться нашей собственной жизнью, как велит нам Господь.

Наконец-то мы добрались до сути, подумал Стормгрен. Корень разногласий — в религии, как бы это ни прикрывали. Уэйнрайт ни в коем случае не даст забыть, что он — священник. Хотя он теперь одет как мирянин, все равно кажется, будто на нем облачение пастыря.

— Месяц тому назад сто епископов, кардиналов и раввинов в совместной декларации заявили, что они поддерживают политику Попечителя. Верующие в нашем мире не с вами.

Уэйнрайт гневно затряс головой — конечно, не согласен.

— Многие духовные власти слепы, Сверхправители их совратили. Когда они осознают опасность, будет слишком поздно. Человечество утратит волю к действию и впадет в рабство.

Короткое молчание. Потом Стормгрен сказал:

— Через три дня я опять буду у Попечителя. Я разъясню ему ваши возражения, поскольку мой долг — представлять все взгляды человечества. Но, поверьте, это ничего не изменит.

— Еще одно,—медленно сказал Уэйнрайт.— Для нас многое неприемлемо в Сверхправителях, но всего отвратительней их скрытность. Вы — единственный человек, который хотя бы говорил с Карелленом, но даже и вы ни разу его не видели! Так разве удивительно, что мы ему не доверяем?

— Несмотря на все, что он сделал для человечества?

— Да, несмотря на это. Даже не знаю, что оскорбительнее — всемогущество Кареллена или его секреты. Если ему нечего скрывать, почему он нам не покажется? В следующий раз, когда будете говорить с Попечителем, господин Стормгрэн, спросите его об этом!

Стормгрэн промолчал. На это ему нечего было ответить — во всяком случае, ничего такого, что убедило бы собеседника. Порой он сомневался в том, что убедил самого себя.

Для Сверхправителей, конечно, то была пустячная операция, для Земли же — величайшее событие за всю ее историю. Исполинские корабли вынырнули из неопостижимых глубин Вселенной безо всякого предупреждения. В фантастике это описывали тысячи раз, но ни одна душа не верила, что такой день и вправду настанет. И вот свершилось: безмолвные громадины, которые поблескивают в небесах над всеми странами, — символ знания, какого человеку не достичь и через века. Шесть дней они недвижно парили над городами людей, никак не показывая, что им известно о самом существовании человека. Но никаких знаков и не требовалось, ясно же, что не случайно могучие корабли повисли с такой точностью как раз над Нью-Йорком, Лондоном и Парижем, над Москвой, Римом, Кейптауном, Токио и Канберрой...

Еще прежде чем истекли те леденящие душу шесть дней, некоторые люди угадали истину. Эти пришельцы явились не впервые, они уже когда-то пытались свести знакомство с человеком. И теперь в безмолвных, неподвижных кораблях мудрые психологи присматриваются — как поведут себя люди. Когда напряжение достигнет предела, пришельцы начнут действовать.

И на шестой день Кареллен, Попечитель Земли, объявил о себе человечеству, перекрыв все передачи на любых радиоволнах. Он безупречно говорил по-английски, уже одно это вызвало распрю, которая бушевала над Атлантическим океаном, пока не сменилось целое поколение. Но суть его речи потрясла слушателей куда сильнее, чем форма. По любым меркам такое мог породить только высочайший гений, сумевший глубоко и всесторонне разобраться во всех человеческих делах. Несомненно, мудрость и гибкость, колдовские мгновения, по которым догадываешься о еще неведомых областях знания,— все это, искусно сплетенное воедино, должно было внушить человечеству, что перед ним разум неизмеримо более высокий. Когда Кареллен кончил, народы Земли поняли, что дни их зыбкой независимости миновали. В пределах государственных границ каждое правительство еще сохраняет свою власть, но в делах международных решающее слово отныне принадлежит не людям. Спорить, протестовать, доказывать — бесполезно.

Трудно было бы ожидать, что все государства мира безропотно подчинятся такому ограничению своей власти. Но как сопротивляться? Задача головоломная, ведь если даже удастся уничтожить корабли Сверхправителей, нависшие над крупнейшими городами, заодно погибнут и сами города. И все же одна мощная держава совершила такую попытку. Быть может, там кое-кто надеялся одним атомным ударом убить сразу двух зайцев, ибо метили в корабль, что парил над соседней и притом недружественной державой.

Должно быть, в минуту, когда на телеэкране тайного контрольного поста возникло изображение исполинского корабля, кучку военных и специалистов раздрали самые противоречивые чувства. Если попытка увенчается успехом, чем ответят остальные корабли? Быть может, и их удастся уничтожить, и человечество вновь

пойдет своей дорогой? Или Кареллен оплатит нападающим какой-нибудь страшной карой?

Ракета взорвалась, и экран померк, но тотчас же изображение корабля появилось снова: заработала камера, запущенная в воздух за многие мили отсюда. Пронеслась лишь доля секунды, однако уже пора бы вспыхнуть огненному шару и заполнить небеса пламенем, подобным солнцу.

Но ничего не произошло. Громадный корабль остался невредим и парил в недостижимой вышине, в ослепительных солнечных лучах. Атомная бомба его не коснулась, и никто даже не понял, что с ней случилось. Более того, Кареллен никак не покарал виновников, ничем не показал, что знает о нападении. Он презрительно промолчал, предоставил им в страхе ждать мести, которой так и не последовало. И это действовало куда сильнее, вызвало больший разброд и упадок духа, чем любое наказание. В считанные недели, после яростных взаимных обвинений, незадачливое правительство пало.

Случались и попытки пассивного сопротивления политике Сверхправителей. Обычно Кареллен просто давал несогласным поступать, как хотят, покуда они сами не убеждались, что, действуя по-своему, только вредят себе же. И лишь однажды он дал некоему упорствующему правительству почувствовать свое недовольство.

Больше ста лет Южно-Африканскую республику раздирали внутренние распри. В обоих лагерях люди доброй воли пытались перекинуть мост через пропасть, но тщетно — страх и предрассудки укоренились слишком глубоко и отрезали путь к соглашению. Опять и опять сменялись правительства, но отличались они друг от друга только степенью нетерпимости; вся страна отравлена была ненавистью и последствиями гражданской войны.

Когда стало ясно, что тут даже не попытаются по-

кончить с дискриминацией, Кареллен предостерег неутомонных. Всего лишь назвал день и час. В стране возникли смутные опасения, но не страх и, уж конечно, не паника — никто не верил, что Сверхправители допустят насилие или разрушения, от которых одинаково пострадали бы и виновные, и невинные.

Так оно и вышло. Просто, достигнув меридиана Кейптауна, погасло солнце. Остался лишь еле различимый глазом бледный лиловатый призрак, не дающий ни тепла, ни света. Неведомо как, высоко в космосе, скрестились два силовых поля и преградили путь солнечным лучам. Безукоризненно круглая тень покрыла пространство диаметром в пятьсот километров.

Наглядный урок длился полчаса. Этого хватило: на завтра южноафриканские власти объявили, что белое меньшинство полностью восстановлено в гражданских правах.

Если не считать вот таких отдельных случаев, человечество приняло Сверхправителей как неотъемлемую часть естественного порядка вещей. Удивительно быстро следы первого потрясения сгладились, и жизнь пошла своим чередом. Проснись внезапно новый Рип Ван Винкль, самой большой переменной, какую он бы заметил, оказалось бы затаенное ожидание, словно люди мысленно оглядывались, подстерегая миг, когда наконец Сверхправители выйдут из своих сверкающих кораблей и покажутся жителям Земли.

Пять лет спустя они все еще ждали. В этом и кроется причина всякой смуты, думал Стормгрэн.

.....

Когда машина Стормгрена подъехала к стартовой площадке, там уже, как обычно, собрались зеваки с фото- и киноаппаратами наготове. Генеральный секретарь обменялся напоследок несколькими словами со своим заместителем и прошел через кольцо любопытных.

Кареллен никогда не заставлял его долго ждать. Внезапно толпа ахнула — в вышине сверкнул и с потрясающей быстротой вырос серебряный шар. Стормгрена обдало порывом ветра, и кораблик замер в полусотне шагов от него, осторожно держась в нескольких сантиметрах над площадкой, будто боялся осквернить себя прикосновением к Земле. Стормгрэн медленно пошел к нему, и прямо на глазах сплошной, без единого шва, металлический корпус знакомо зарябил, открывая вход, — все специалисты мира безуспешно пытались понять, как это происходит. Стормгрэн шагнул внутрь, в заполненную мягким светом единственную кабину. Входное отверстие замкнулось бесследно, звуки и краски внешнего мира исчезли.

Пять минут спустя отверстие появилось вновь. Стормгрэн не ощутил движения, но знал, что его подняло на пятьдесят километров над Землей и теперь он находится в недрах Карелленова корабля. Он в мире Сверхправителей, повсюду вокруг они заняты своими таинственными делами. Он к ним ближе, чем кто-либо из людей, — и однако знает об их природе и облике не больше, чем миллионы людей там, внизу.

В небольшом кабинете, куда вел короткий переход, вся обстановка — единственный стул да стол перед экраном телевизора. По ней никак не представишь облик тех, кто все это устроил, — так оно и задумано. Экран телевизора, как всегда, пуст. Порой Стормгрэн мечтал: вдруг однажды экран вспыхнет, оживет и раскроет, наконец, секрет, не дающий человечеству покоя. Но мечта не сбывалась, за темным прямоугольником по-прежнему таилось Неведомое. И еще за ним таились мощь и мудрость, глубочайшее, снисходительное понимание рода людского и, что всего удивительней, какая-то насмешливая нежность к букашкам, что кишат на планете далеко внизу.

Из решетки, должно быть, скрывающей динамик,

звучал спокойный, неизменно неторопливый, хорошо знакомый голос — все люди, кроме Стормгрена, доныне слышали его лишь однажды. Глубина и звучность его — единственный ключ, позволяющий как-то представить себе Кареллена: за ними ощущаешь что-то громадное. Кареллен очень большой, наверно, много больше человека. Правда, кое-кто из ученых, исследовав запись той памятной речи, предположил, что говорило не живое существо, а какая-то машина. Но Стормгрону в это не верилось.

— Да, Рикки, я слышал вашу беседу. Итак, что вы думаете о мистере Уэйнрайте?

— Он честный человек, хотя о многих его последователях этого не скажешь. Как с ним поступить? Сама по себе Лига не опасна... но там есть экстремисты, они открыто призывают к насилию. Я даже подумывал, не поставить ли у своего дома охрану. Надеюсь, в этом все же нет нужды.

Кареллен словно и не слышал и, к досаде Стормгрена — так случалось не впервые, — заговорил о другом:

— Подробный план создания Всемирной федерации объявлен уже месяц назад. Много ли прибавилось к семи процентам несогласных со мною и к двенадцати процентам не имеющих определенного мнения?

— Пока немного. Но это неважно, меня беспокоит другое: даже ваши сторонники убеждены, что пора уже покончить с таинственностью.

Вздых Кареллена прозвучал совсем как настоящий, только вот искренности в нем не чувствовалось.

— И вы тоже так полагаете, а?

Вопрос чисто риторический, отвечать не стоит. И Стормгрен продолжал горячо:

— Неужели вы не понимаете, до чего нынешнее положение вещей мешает мне исполнять мои обязанности?

— Мне оно тоже не помогает, — пожалуй, даже

с чувством отозвался Кареллен.—Хотел бы я, чтобы люди перестали считать меня диктатором и помнили: я всего лишь администратор и пытаюсь проводить что-то вроде колониальной политики, которая разработана без моего участия.

Весьма приятное определение, подумал Стормгрэн. Любопытно, насколько оно правдиво.

— Но может быть, вы по крайней мере хоть как-то объясните эту скрытность? Нам непонятно, в чем ее причина, отсюда и недовольство, и всевозможные слухи.

Кареллен рассмеялся—как всегда громко, раскати-сто, слишком гулко, чтобы смех этот звучал совсем как человеческий.

— Ну, а за кого меня сейчас принимают? Все еще преобладает теория робота? Пожалуй, мне приятнее выглядеть системой электронных ламп, чем какой-нибудь сороконожкой,—да-да, я видел карикатуру во вчерашнем номере «Чикаго таймс»! Мне даже захотелось попросить подлинник.

Стормгрэн чопорно поджал губы. Право, иногда Кареллен относится к своим обязанностям слишком легкомысленно.

— Это вопрос серьезный,—сказал он с укоризной.

— Дорогой мой Рикки,—возразил Кареллен,—я не принимаю человечество всерьез, только это и позволяет мне сохранить остатки в прошлом незаурядных умственных способностей!

Стормгрэн невольно улыбнулся.

— Но мне, согласитесь, от этого не легче. Я должен вернуться на Землю и убедить моих собратьев, что, хоть вы и не показываетесь им на глаза, скрывать вам нечего. Задача непростая. Любопытство—одно из основных свойств человеческой природы. Не можете вы до бесконечности им пренебрегать.

— Да, это самое сложное препятствие, с которым

мы столкнулись на Земле,—признался Кареллен.— Но ведь вы поверили, что в остальном мы действуем разумно, так могли бы уж поверить и в этом!

— Я-то вам верю,—сказал Стормгрэн.— Но ни Уэйнрайт, ни его сторонники не верят. И можно ли их осуждать, если ваше нежелание показаться людям они толкуют в дурную сторону?

Короткое молчание. Потом до Стормгрена донесся слабый звук (может быть, скрип?), словно бы Кареллен шевельнулся на стуле.

— Вы ведь понимаете, почему Уэйнрайт и ему подобные меня боятся, так?—спросил он. Голос его звучал теперь мрачно, будто раскатились под сводами собора звуки исполинского органа.— Такие люди есть в вашем мире среди поборников любой религии. Они понимают, что мы — носители разума и знания, и как они там ни преданы своим верованиям, а все-таки боятся, что мы свергнем их богов. Не обязательно с умыслом, нет, способом более тонким. Знание может погубить религию и не опровергая ее догматы, а попросту не придавая им значения. Как я понимаю, никто никогда не доказывал, что Зевс или Тор не существуют, однако им теперь почти никто и не поклоняется. Вот и разные уэйнрайты боятся, что нам известна правда о происхождении их веры. Они спрашивают себя, давно ли мы наблюдаем человечество? Видели ли мы, как Магомет бежал из Мекки и как Моисей провозгласил иудеям их законы? Быть может, мы знаем, сколько лжи в их священных историях?

— А вы и в самом деле это знаете? — чуть слышно, скорее себя, чем Кареллена, спросил Стормгрэн.

— Вот чего они страшатся, Рикки, хоть ни за что в этом не признаются. Право же, нам не доставляет удовольствия разрушать верования людей, но ведь не могут быть истинными все религии, все до единой,— уэйнрайты это понимают. Рано или поздно человек не-

минуемо узнаёт правду; но время еще не пришло. А что мы не показываемся вам на глаза — да, согласен, это сильно осложняет нашу работу, но раскрыть секрет мы не вправе. Не меньше вашего я жалею о необходимости что-то скрывать, но на это есть веские причины. Все же я попытаюсь обратиться к ... к тем, кто стоит выше меня, пожалуй, их ответ удовлетворит вас, а может быть, и успокоит Лигу. А теперь давайте вернемся к нашим текущим делам и возобновим запись.

— Ну как? — жадно спросил ван Рибберг. — Удалось вам чего-нибудь добиться?

— Сам не пойму, — устало сказал Стормгрэн, швырнул на стол пачку бумаг и почти упал в кресло. — Теперь Кареллен совещается со своим начальством... Уж не знаю, кому и чему он там подчиняется. Мне он ничего не обещал.

— Послушайте, — вдруг сказал ван Рибберг. — Я сейчас подумал... Почему, собственно, мы должны верить, что над Карелленом кто-то стоит? Может, этих Сверхправителей, как мы их называем, больше нигде и нет, кроме тех, что тут над Землей, в кораблях? Может, им больше некуда деться, а они это от нас скрывают.

— Остроумно, — усмехнулся Стормгрэн. — Только ваша теория отнюдь не согласуется с тем немногим, что я знаю — как будто все-таки знаю — о Кареллене.

— А что же вы о нем знаете?

— Ну, он не раз упоминал, что его обязанности здесь временные и мешают вернуться к его главной работе, она, по-моему, как-то связана с математикой. Однажды я привел ему слова историка Актона о том, что власть развращает, а власть безграничная и развращает безгранично. Хотел посмотреть, как он к этому отнесется. Он засмеялся — смех у него оглушительный — и сказал, ему эта опасность не грозит. Во-

первых, мол, чем раньше я закончу тут работу, тем скорее смогу вернуться домой — это за много световых лет отсюда. А во-вторых, моя власть отнюдь не безгранична. Я всего лишь... попечитель. Разумеется, — закончил Стормгрэн, — он мог и нарочно сбивать меня с толку. Не знаю, можно ли ему верить.

— Он ведь, кажется, бессмертен?

— Да, по нашим меркам, хотя, похоже, что-то в будущем его пугает... Не представляю, чего он может опасаться. А больше я, в сущности, ничего не знаю.

— Все это не слишком убедительно. Я так думаю, их небольшая эскадра заблудилась в космосе и подыскивает себе пристанище. Этот Кареллен скрывает от нас, как мала его команда. Может быть, остальные корабли — автоматы и на них нет ни души. Просто нам пускают пыль в глаза.

— Вы читались научной фантастики, — сказал Стормгрэн.

Ван Рибберг не без смущения улыбнулся.

— «Вторжение из космоса» обернулось не совсем так, как мы ждали, правда? Но моя теория прекрасно объясняет, почему Кареллен не показывается нам на глаза. Просто он скрывает, что никаких других Сверхправителей нет.

Стормгрэн покачал головой — забавно, но все не то.

— Ваше толкование, как всегда, чересчур хитроумно, а потому неверно. За Попечителем несомненно стоит какая-то могучая цивилизация, хотя мы можем о ней только догадываться, и наверняка она давно знает о нас, людях. Сам Кареллен, несомненно, изучал человечество на протяжении столетий. Посмотрите, к примеру, как он владеет нашим языком, пословицами, поговорками. Не я его, а он меня учит образной речью!

— А замечали вы, что он хоть чего-нибудь не знает?

— Да, и нередко, — но это всегда мелочи, пустяки. Думаю, у него необычайная, безотказная память, но он

не все считает нужным узнавать. Вот, скажем, английский — единственный язык, которым он владеет в совершенстве, но за последние два года недурно изучил финский, просто чтобы меня подразнить. А финский труден, ему не скоро выучишься! Кареллен читает наизусть большие отрывки из «Калевалы», а я, стыдно сказать, помню всего несколько строк. И потом, он знает наперечет биографии всех нынешних государственных деятелей, а я далеко не всегда могу определить, на кого именно он ссылается. В истории и науке его познания всеобъемлющи — сами знаете, мы очень многому у него научились. И однако, если взять каждую область в отдельности, мне кажется, он не превосходит того, чего может достигнуть человеческий ум. Но ни одному человеку не под силу объять все, что знает Кареллен.

— Я и сам пришел примерно к тем же выводам, — согласился ван Рибберг. — Мы можем рассуждать о Кареллене хоть до скончания века, но неизменно возвращаемся к тому же: какого дьявола он нам не показывает-ся? Покуда он прячется, я не перестану гадать да сочинять теории, а Лига освобождения не перестанет бушевать.

Он сердито покосился на потолок.

— Надеюсь, господин Попечитель, в одну прекрасную темную ночь какой-нибудь репортер возьмет ракету и с черного хода проберется с фотокамерой в ваш корабль. Вот будет шуму в газетах!

Если Кареллен и слышал этот дерзкий вызов, то никак на него не отозвался. Впрочем, он никогда ни на что не отзывался.

. . . . .

За первый год появление Сверхправителей внесло в жизнь человечества меньше перемен, чем можно было ожидать. Тень их ложилась на все, но то была совсем не навязчивая тень. Почти во всех крупнейших городах Зе-

мли, запрокинув голову, можно было увидеть сверкающие в вышине серебряные корабли,— но они скоро стали такими же привычными, как солнце, луна и облака. Наверно, в большинстве люди лишь смутно сознавали, что уровень их жизни неуклонно возрастает благодаря Сверхправителям. А если об этом изредка и задумывались,— что ж, безмолвные корабли впервые в истории принесли всему человечеству мир, и за это им, конечно, спасибо.

Нет нищеты, нет войн, но это блага, состоящие именно в отсутствии чего-то, не бьющие на эффект,— их приняли как должное и вскоре о них забыли. А Сверхправители по-прежнему держались отчужденно и не показывались человечеству. Покуда Кареллен вел подобную политику, он мог ждать уважения и восхищения, но уж никак не более теплых чувств. Трудно ведь не досадовать на небожителей, которые изволят разговаривать с человеком только по телетайпу в штаб-квартире ООН. О чем беседуют Кареллен со Стормгреном, знали только они двое, и Стормгрэн порой сам недоумевал, для чего Попечителю эти встречи. Возможно, ему все-таки нужно непосредственно общаться хотя бы с одним землянином? Или он понимает, что Стормгрэн нуждается в такой прямой поддержке? Если так, генеральный секретарь за это очень признателен — и, пожалуйста, пусть Лига освобождения и дальше презрительно именует его «мальчиком на побегушках у Кареллена».

Сверхправители никогда не вступали в переговоры с отдельными государствами и правительствами: они приняли Организацию Объединенных Наций в том виде, как ее застали, объяснили, как установить необходимую радиосвязь — и все распоряжения персдавали через генерального секретаря. Советский делегат не раз пространно и совершенно справедливо доказывал, что такой порядок идет в разрез с уставом ООН. Кареллена это, видно, ничуть не заботило.

Можно только изумляться тому, какое множество зол, безумий и несчастий уничтожили эти послания с неба. При Сверхправителях народы поняли, что им больше незачем опасаться друг друга, — и еще до неудачной попытки догадались, что все их созданное доныне оружие бессильно против тех, кто умеет странствовать среди звезд. Так рушилась главная преграда, которая мешала человечеству быть счастливым.

Сверхправителей, видно, мало трогало, какой где существует государственный строй, лишь бы не было угнетения и продажности. На Земле по-прежнему были демократические страны и монархии, безобидные диктатуры, коммунизм и капитализм. Этому не переставали изумляться многие простаки, твердо убежденные, что их образ жизни — единственно возможный. Другие полагали, что Кареллен только выжидает часа, чтобы ввести свою систему, которая разом уничтожит все нынешние формы общественного устройства, потому и не занимается пока мелкими политическими преобразованиями. Но все это, как и прочие рассуждения о Сверхправителях, было попросту гаданием на кофейной гуще. Никто не знал их замыслов и целей, никто не знал, какое грядущее уготовали они человечеству.

3 В последние ночи Стормгрёну не спалось, а почему — непонятно, ведь скоро он навсегда освободится от груза своих обязанностей. Уже сорок лет служит он человечеству, из них пять — его правителям, и редкий человек, оглядываясь назад, мог бы похвастать, что столь многого добился на своем веку. А может быть, в этом вся беда: когда он уйдет на покой, на короткие ли, на долгие ли годы у него не останется цели, жизнь потеряет вкус. С тех пор как умерла Марта, а дети выросли и сами обзавелись семьями, мало что привязывает его к миру. Быть может, в мыслях он почти

уже не отделяет себя от Сверхправителей, а потому как-то отстранился от людей.

Вот и опять беспокойная ночь, мысль бесконечно колесит все по тому же кругу, будто механизм, у которого отказало управление. Стормгрен понимал — сколько себя ни уговаривай, не уснешь, — и нехотя поднялся с постели. Накинул халат и вышел на крышу своего скромного жилища, где разбит был садик. Любой из его подчиненных жил куда роскошнее, но Стормгрену вполне хватало и такого дома. Он достиг положения, когда ни имущество, ни почести уже не прибавляют человеку веса.

Ночь была теплая, почти душная, но небо ясное, низко на юго-западе сияла полная луна. В десяти километрах от Стормгрена стояло на горизонте зарево — отраженные огни Нью-Йорка, словно там начинался было рассвет и замер, не разгораясь.

Стормгрен поднял глаза — выше спящего города, еще выше, к тем высям, где не раз бывал он, единственный из людей. Там, далеко-далеко, поблескивал в лунном свете корабль Кареллена. Любопытно, чем занят сейчас Попечитель, ведь Сверхправители, наверно, никогда не спят.

В вышине огненным копьём пронзил купол неба метеорит. Мгновенье за ним еще виднелся слабо светящийся след — и померк, и опять в небе остались одни только звезды. Жестокое напоминание: через сотню лет Кареллен по-прежнему будет вести человечество к цели, известной только ему, но уже через четыре месяца генеральным секретарем ООН будет другой человек. Само по себе это Стормгрена ничуть не огорчает, — но, значит, если он надеется все-таки узнать, что же скрыто за тем непроницаемым экраном, у него осталось совсем мало времени.

Только в самые последние дни он посмел себе признаться, что жаждет проникнуть в тайну Сверхправите-

лей. До сих пор сомнения его не мучили, он верил Кареллену, а вот теперь (ехидная мысль!), видно, и сам заразился мятежным духом Лиги освобождения. Правда, все эти разговоры, будто человечество поработщено, пустая болтовня. Мало кто всерьез в это верит и хотел бы повернуть историю вспять. Люди привыкли к ненавязчивому правлению Кареллена, но им не терпится узнать наконец, кто же ими правит. И можно ли осуждать их за это?

Лига освобождения — самая крупная, но не единственная организация, восстающая против Кареллена, а значит, и против людей, которые помогают Сверхправителям. Причины недовольства и образ действий тут самые разные: одни группы руководствуются религиозными соображениями, в других просто говорит ощущение неполноценности. Они чувствуют себя — и вполне обоснованно — примерно как образованный индеец в девятнадцатом веке при владычестве Британии. Пришельцы из космоса принесли Земле мир и процветание, — но кто знает, какой ценой придется за это расплачиваться? История человечества не обнадеживает: даже самые мирные контакты между народами, стоящими на слишком разных уровнях развития, нередко несли гибель более отсталому обществу. Целая страна, как и отдельный человек, может пасть духом перед лицом неизмеримого превосходства, ибо не в силах ответить на вызов. А превосходство цивилизации Сверхправителей, хоть и окутанных тайной, — величайший вызов человечеству с начала времен.

За стеной слабо щелкнул телетайп, выбросил очередную ежечасную сводку Центрального агентства печати. Стормгрэн побрел в комнату, равнодушно перелистал пачку листов. В другом полушарии Лига освобождения подсказала агентству не слишком оригинальный заголовок. «ЧЕЛОВЕКОМ ПРАВЯТ ЧУДОВИЩА?» — вопрошала газета и затем цитировала: «Се-

годня на митинге в Мадрасе доктор С. В. Кришнан, президент Восточного отдела Лиги освобождения, сказал: "Поведение Сверхправителей объясняется очень просто — их облик настолько чужд и отвратителен людям, что они не смеют нам показаться. Предлагаю Попечителю доказать, что это не так"».

Стормгрен безглаголиво отшвырнул листок. Даже если обвинение и справедливо, что за важность? Мысль эта, далеко не новая, никогда его не тревожила. В каком бы причудливом обличье ни явилась жизнь, едва ли он, Стормгрен, не мог бы постепенно с ним примириться, а пожалуй, даже найти в странном существе красоту. Важно не тело, важен разум. Если б только убедить в этом Кареллена, Сверхправители, возможно, перестали бы скрываться. Уж конечно, они и вполонину не так безобразны, как измышления карикатуристов, которыми почти сразу после их прибытия запестрели газеты!

И однако Стормгрен знал — не только ради своего преемника он жаждет покончить с нынешним положением. Надо честно себе признаться, в последнем счете его мучит самое обыкновенное любопытство. Он давно уже знает Кареллена как личность — и не успокоится, пока не откроет также, что это за существо.

. . . . .

Когда на другое утро Стормгрена в обычный час не оказалось на месте, Питер ван Рибберг удивился и даже подсадовал. Генеральный секретарь нередко, прежде чем появиться у себя в кабинете, заезжал куда-нибудь по делам, но неизменно об этом предупреждал. Да еще, на беду, в это утро его ждало несколько спешных и важных сообщений. Ван Рибберг обзвонил полдюжины учреждений, пытаясь разыскать его, — и со злостью махнул рукой.

К полудню он встревожился всерьез и послал машину к Стормгрелу домой. А через десять минут подскочил, испуганный воем сирены: по проспекту Рузвельта на

бешеной скорости примчался полицейский патруль. Должно быть, в патруле у газетчиков нашлись приятели, потому что не успела еще машина остановиться, как радио возвестило ван Рибергу и всему миру, что он более не заместитель, а облеченный всеми полномочиями генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

Свались на ван Риберга меньше забот, ему любопытно было бы изучить отклики печати на исчезновение Стормгрена. За прошедший месяц все газеты мира разделились на два лагеря. Западная пресса в целом одобряла план Кареллена сделать всех людей на свете гражданами единого всемирного государства. А в странах Востока вспыхивали бурные, хотя зачастую искусственно подогретые, приступы национализма. Некоторые государства там обрели независимость лишь поколением раньше и теперь чувствовали, что у них обманом отнимают завоеванные права. Посыпались яростные нападки на Сверхправителей: сперва газеты были крайне осторожны, но быстро убедились, что самые резкие выпады против Кареллена проходят безнаказанно. И пресса изошрялась, как никогда.

Почти все газетные атаки, весьма громогласные, вовсе не выражали мнения подавляющего большинства. На страже государственных границ, которые вскоре сотрутся навсегда, охрану удвоили, но солдаты, хотя еще и помалкивали, глядели друг на друга вполне дружелюбно. Политики и генералы могут рвать и метать сколько угодно, а безмолвные миллионы чувствуют: долгая кровавая глава в истории человечества кончается — и давно пора.

И тут-то неведомо куда исчез Стормгрэн. Страсти разом утихли: мир понял, что потерял единственный человек, через которого Сверхправители по каким-то своим загадочным соображениям говорили с Землей.

Газеты и радиокomentаторы словно лишились дара речи, в тишине раздавался только голос Лиги освобождения, она горячо заверяла, что ни в чем не повинна.

. . . . .

Стормгрен проснулся в непроглядной тьме. Спросонок он даже не сразу этому удивился. А потом мысли прояснились, он порывисто сел и протянул руку к выключателю возле кровати.

В темноте рука наткнулась на голую, холодную каменную стену. И Стормгрен замер, душа и тело оцепенели, ошеломленные неизвестностью. Потом, почти не веря своим ощущениям, он стал на колени на постели и начал осторожно, кончиками пальцев ощупывать до ужаса незнакомую стену.

Не прошло и минуты за этим занятием, как вдруг что-то щелкнуло и темнота в одном месте раздвинулась. В слабо освещенном прямоугольнике мелькнул чей-то силуэт, и тотчас дверь затворилась, опять стало темно. Все случилось мгновенно, и Стормгрен не успел разглядеть, где же он находится.

Еще миг — и его ослепил яркий луч электрического фонаря. Ненадолго остановился на его лице, потом скользнул ниже, на постель, и Стормгрен увидел, что это просто матрас, брошенный на неструганные доски.

В темноте раздался негромкий голос, по-английски говорили безукоризненно, но с акцентом, который Стормгрену сперва не удалось определить.

— Рад видеть, что вы проснулись, господин генеральный секретарь. Надеюсь, вы чувствуете себя вполне хорошо.

Что-то было в последних словах, отчего Стормгрен насторожился и гневные вопросы замерли у него на губах. Он взгляделся в темноту, сказал спокойно:

— Сколько же времени я был без сознания?

Собеседник усмехнулся:

— Несколько дней. Нам обещали, что вредных последствий не будет. Рад видеть, что это правда.

Чтобы выиграть время, а заодно проверить собственные ощущения, Стормгрен спустил ноги на пол. Он по-прежнему был в пижаме, но она оказалась измятой и, похоже, изрядно запачкалась. От порывистого движения закружилась голова — не слишком сильно, но достаточно, чтобы понять: тут и впрямь не обошлось без наркотика.

Стормгрен повернулся к свету. Спросил резко:

— Где я? Это все с ведома Уэйнрайта?

— Да вы не волнуйтесь,— ответил человек, неразличимый в темноте.— Не будем пока об этом говорить. Думаю, вы порядком проголодались. Одевайтесь-ка и пойдем обедать.

Кружок света от фонаря пробежал по комнате и впервые дал Стормгрену понятие о ее размерах. В сущности, это даже не комната, голые стены — кое-как обтесанный камень. Очевидно, просто пещера, и наверно, очень глубоко под землей. И если он пробыл без памяти несколько дней, за это время его могли переправить в любую часть света.

Луч фонаря выхватил стопку одежды на чемодане.

— Придется вам обойтись этим,— сказал голос из темноты.— Со стиркой здесь довольно сложно, так что мы прихватили два ваших костюма и полдюжины рубашек.

— Очень любезно с вашей стороны,— вполне серьезно сказал Стормгрен.

— Мебели и электричества нет, уж не взыщите. В некоторых отношениях здесь очень удобно, но комфорта маловато.

— А для чего удобно? — спросил Стормгрен, натягивая рубашку, прикосновение привычной ткани странно успокаивало.

— Ну... просто удобно,— был ответ.— Кстати, мы,

наверно, довольно много будем вместе, так уж зовите меня Джо.

— Несмотря на ваше происхождение? Вы ведь поляк, правда? — заметил Стормгрен. — Думаю, я сумел бы называть вас и настоящим именем. Едва ли его трудней выговорить, чем многие финские имена.

Короткое молчание, фонарь мигнул.

— Что ж, этого надо было ожидать, — покорно сказал Джо. — Наверно, у вас солидный опыт по этой части.

— При моей должности очень полезно для развлечения изучать языки. Мне кажется, воспитывались вы в Соединенных Штатах, но из Польши уехали не раньше...

— Ладно, хватит, — прервал Джо. — Вы, видно, кончили одеваться, так что прошу.

Дверь отворилась, и Стормгрен вышел, в душе очень довольный своей маленькой победой. Страж посторонился, пропуская его, — любопытно, вооружен ли он, подумал Стормгрен. Наверно, вооружен, и уж конечно, его друзья недалеко.

Коридор тускло освещали развешенные там и сям керосиновые лампы, и Стормгрену впервые удалось разглядеть Джо. Это был человек лет пятидесяти, и весил он, должно быть, фунтов двести с изрядным хвостиком. Все в нем и на нем было огромно, начиная с покрытой пятнами военной формы бог весть какой именно армии и кончая неслыханных размеров перстнем на левой руке. Детине такого роста и сложения оружие, надо думать, без надобности. Зато и разыскать его будет нетрудно, лишь бы отсюда выйти, подумал Стормгрен. Но ведь и сам Джо, конечно, прекрасно это понимает — мысль не слишком утешительная.

Стены по сторонам — просто камень, лишь кое-где укреплены бетоном. Должно быть, это какая-то заброшенная шахта, — пожалуй, более надежной тюрьмы не

придумаешь. До сих пор сознание, что его похитили, как-то не очень волновало Стормгрена. Ему казалось — что бы ни произошло, уж наверно Сверхправители, при своем безмерном могуществе, сумеют разыскать его и вызволить. Теперь уверенности у него поубавилось. Ведь он здесь уже несколько дней, и никто его не выручает. Должно быть, даже всемогуществу Кареллена есть предел,—если пленника и впрямь держат в недрах какого-нибудь далекого материка, быть может, Сверхправители при всех своих познаниях бессильны найти его след.

В пустом полутемном помещении за столом сидели двое. Когда Стормгрэн вошел, они вскинули головы и поглядели на него с любопытством и с явным почтением. Один подвинул через стол горку сандвичей, и Стормгрэн тотчас за них принялся. Хотя он и голоден как волк, не худо бы получить обед поаппетитнее, но, вероятно, его стражи и сами едят не лучше.

Он ел, а сам поглядывал на этих троих. Несомненно, Джо среди них самая примечательная личность, и выделяется он не только ростом и сложением. Другие двое — явно его помощники, с виду вполне заурядные, а откуда они родом, можно будет определить, когда они заговорят.

В стакане сомнительной чистоты появилось немного вина, и Стормгрэн запил последний кусок хлеба. Теперь он чувствовал себя уверенней.

— Итак,— ровным голосом произнес он, обращаясь к великану-поляку,— может быть, вы объясните мне, что все это значит и чего, собственно, вы надеетесь таким образом достичь.

Джо откашлялся:

— Одно хочу вам растолковать. Уэйнрайт тут ни при чем. Он тоже ничего такого не ждал.

Стормгрэн был почти готов к подобному ответу, хотя и удивился, с чего Джо так легко подтвердил его

догадку. Он давно уже подозревал, что внутри Лиги — или рядом с нею — существует некое крайнее течение.

— А каким образом вы меня похитили? Спрашиваю из чистого любопытства.

Он не рассчитывал на ответ, но, к его изумлению, ответили охотно, будто только того и ждали.

— А мы это разыграли прямо как в голливудском детективе, — весело сказал Джо. — Мы ж не знали, вдруг Кареллен с вас глаз не спускает, ну и приняли кой-какие нужные меры. Пустили усыпляющий газ в кондиционер, это было не хитро. Потом перенесли вас в машину — и того проще. И все это, прямо скажу, проделали не наши люди. Для такой работенки мы наняли... э-э... специалистов. Кареллен может их поймать, наверно и поймают, только ничего он от них не узнает. Машина ушла от вашего дома и скоро нырнула в длинный туннель, есть такой меньше чем за тысячу километров от Нью-Йорка. А через положенное время вынырнула с другого конца, и в ней был без памяти человек — вылитый генеральный секретарь ООН. А недолго спустя из другого конца выехал большущий грузовик с металлическими ящиками, покатыл к одному аэропорту, и там ящики перегрузили в самолет, рейс был самый что ни на есть законный. Уж не сомневайтесь, владельцы померли бы со страху, знай они, для чего нам пригодились эти ящики... Ну, а та, настоящая машина пошла кружить да петлять до самой канадской границы. Может, Кареллен ее уже и захватил — не знаю, да не велика важность. Как видите — надеюсь, вы оцените мою откровенность, — весь наш план построен на одном расчете. Мы уверены, Кареллен может видеть и слышать все, что происходит на поверхности Земли, но уж никак не под землей, разве что ему служит не только наука, но и колдовство. А стало быть, он не узнает о подмене в туннеле либо узнает слишком поздно. Понятно, мы рискуем, но приняты и еще кой-какие меры предосторо-

жности, в это я сейчас вдаваться не стану. Лучше про них куда помолчать — может, еще понадобятся.

Джо так явно упивался своим рассказом, что Стормгрен с трудом сдерживал улыбку. Но при этом он по-настоящему встревожился. Похитители весьма изобретательны, очень возможно, что Попечителя удалось провести. И ведь никак нельзя ручаться, что Кареллен хоть сколько-нибудь печется о безопасности генерального секретаря. Джо тоже явно в этом не уверен. Может быть, потому он и разоткровенничался — проверяет, как Стормгрен ко всему этому отнесется. Что ж, как ему ни тревожно, а надо прикинуться невозмутимым. И Стормгрен сказал презрительно:

— Вы все, видно, сущие остолопы. Неужели, по-вашему, Сверхправителей так легко обмануть? Да и чего вы надеетесь этим добиться?

Джо предложил ему сигарету, Стормгрен отказался, тогда он сам закурил и уселся было на край стола. Послышался зловеющий треск, и великан поспешно спрыгнул на пол.

— Очень понятно, почему мы так действуем, — начал он. — Мы увидели, что уговаривать да убеждать толку нет, вот и пришлось действовать иначе. Подпольщики бывали на свете и до нас, и пускай у Кареллена сила большая, а все равно не так-то легко ему с нами справиться. Мы начинаем борьбу за независимость. Поймите меня правильно. Никакого насилия не будет — во всяком случае, поначалу, — но Сверхправителям, хочешь не хочешь, нужны помощники из людей, а этим помощникам мы можем доставить кучу неприятностей.

И начинаете, видно, с меня, подумал Стормгрен. Пожалуй, Джо рассказал далеко не все. Неужели подпольщики всерьез вообразили, будто на Кареллена можно хоть как-то повлиять гангстерскими приемами. Да, но ведь хорошо организованное движение сопротивления и вправду может сильно осложнить жизнь. Этот

Джо нащупал единственное уязвимое место во власти Сверхправителей. В конечном счете все их распоряжения исполняются помощниками-людьми. Если этих людей запугать так, что они перестанут повиноваться, вся система рухнет. Впрочем, едва ли... нет, Кареллен наверняка быстро найдет какой-нибудь выход.

— Как же вы намерены со мной поступить? — спросил наконец Стормгрэн. — Я что, заложник?

— Не беспокойтесь, мы о вас позаботимся. На днях ждем кой-кого в гости, а пока постараемся, чтоб вы не скучали.

Он прибавил несколько слов на своем языке, и один из его сотоварищей выложил на стол нераспечатанную колоду карт.

— Нарочно для вас достали, — пояснил Джо. — Читал я в «Тайме», что вы здорово играете в покер. — Он вдруг заговорил очень серьезно, даже озабоченно: — Надеюсь, у вас полон бумажник наличными. Мы не сообразили поглядеть. Чеки нам, знаете ли, брать неудобно.

Ошарашенный Стормгрэн круглыми глазами уставился на своих тюремщиков. И наконец до него дошло — да это же все презабавно, и теперь он избавлен от своих обязанностей, хлопот и тревог. Отныне все это — забота ван Риберга. Что бы ни случилось, он, Стормгрэн, ровно ничего не может поделать — и вот, не угодно ли, эти невообразимые похитители жаждут поиграть с ним в покер!

Стормгрэн откинулся на стуле и захохотал, — так он не смеялся уже многие годы.

. . . . .

Без сомнения, Уэйнрайт не лжет, — угрюмо размышлял ван Риберг. Возможно, он и подозревает, что за люди похитили Стормгрэна, но точно ему это не известно.

И выходку их он не одобряет. Очень похоже, что в последнее время экстремисты из Лиги всячески давили на Уэйнрайта, чтобы действовал решительней. А теперь вот начали действовать сами.

Спору нет, похищение организовано на славу. Стормгрена могли упрятать в любом уголке земного шара, и едва ли удастся напасть на его след. Однако же надо что-то предпринять, да поскорее, решил ван Рибберг. Хоть он нередко отпускал шуточки по адресу Кареллена, но в душе перед ним трепетал. Страшно даже подумать, что надо прямо обратиться к Попечителю, но иного выхода нет.

Отдел связи занимал весь верхний этаж огромного здания. Вдоль зала тянулись ряды телетайпов — одни молчали, другие деловито пощелкивали. Через них нескончаемым потоком поступали статистические данные — объем производства, численность населения, исчерпывающие сведения обо всей мировой экономике. Должно быть, где-то в вышине, на корабле Кареллена есть нечто подобное этому залу, и ван Рибберга мороз подирал по коже, когда он гадал, какие неведомые чудища бродят там от аппарата к аппарату, собирая отчеты, которые посылает Сверхправителям Земля.

Но сегодня его не интересовали ни эти аппараты, ни обыденные дела, которыми они были заняты. Он прошел в кабинетик, куда полагалось входить одному только Стормгрену. По его распоряжению замок уже взломали, и в кабинете ждал начальник связи.

— Вот это обычный телетайп, — сказал он ван Риббергу, — клавиатура, как у стандартной пишущей машинки. И есть фотопередатчик, на случай, если надо послать какие-нибудь изображения или таблицы, но вы говорили, вам это сейчас не нужно.

Ван Рибберг рассеянно кивнул.

— Да, спасибо. Вы свободны. Наверно, я не очень

задержусь. Тогда опять запрете комнату и все ключи отдадите мне.

Он подождал, пока тот вышел, и подсел к аппарату. Он знал, этим видом связи пользовались редко, почти все вопросы Кареллен и Стормгрен обсуждали каждую неделю при встрече. Но этот аппарат явно предназначен для экстренных случаев, и можно надеяться, что ответят немедленно.

Мгновенье ван Рибберг поколебался, потом начал немело нажимать клавиши. Машина тихонько заурчала, на потемневшем экране коротко вспыхивали слово за словом. Он выпрямился в ожидании ответа.

Не прошло и минуты, как аппарат снова замурлыкал. Ван Рибберг не впервые подумал — может быть, Кареллен никогда не спит?

Ответ был весьма краток и столь же неутешителен:
**НИКАКИХ УКАЗАНИЙ. ДЕЙСТВУЙТЕ ПО
СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. К.**

С горечью, без малейшего удовольствия ван Рибберг понял всю огромность взваленной на него ответственности.

. . . . .
За три дня Стормгрен успел основательно изучить своих стражей. Что-то значит один Джо, другие двое не в счет — ничтожества, сброд, какой неизбежно прилипает к любому нелегальному движению. Идеалы Лиги освобождения для них пустой звук, у них одна забота — добыть кусок хлеба насущного без особых трудов.

Джо — тот куда сложнее, хотя порою кажется великовозрастным младенцем. Нескончаемые партии в покер то и дело прерывались бурными политическими спорами, и скоро Стормгрену стало ясно, что великан никогда всерьез не задумывался — за что же он сражается. Им владели чувства и крайний консерватизм, где уж тут рассуждать трезво. Родина Джо слишком долго добивалась независимости, и это наложило на него неиз-

гладимую печать: он все еще жил прошлым. Своего рода живописное ископаемое, один из тех, кто вовсе не нуждается в каком-либо упорядоченном образе жизни. Когда люди такого склада исчезнут,—если только это когда-либо случится,—наш мир станет безопаснее, но и скучнее.

Стормгрен теперь почти не сомневался, что Кареллену не удалось напасть на его след. Он еще пытался убедить троих стражей в противном, но безуспешно. Ясное дело, его держали в плену, выжидая, вмешается ли Кареллен, а раз ничего не произошло, они могут действовать дальше.

И Стормгрен ничуть не удивился, когда на четвертый день после похищения Джо его предупредил, чтобы ждал гостей. Пленник еще до того заметил, как час от часу стражи становятся беспокойнее, и догадался: руководители движения убедились, что путь свободен, и наконец-то явятся за ним.

Они уже ждали за шатким дощатым столом, когда Джо привел Стормгрена и учтиво посторонился, давая пройти. Стормгрена позабавило, что на боку у тюремщика впервые красовался, ко всеобщему сведению, большущий пистолет. Его подручные не показывались, да и сам Джо держался куда скромнее обычного. Стормгрен сразу понял, что очутился перед людьми куда более значительными. Те, что сидели сейчас перед ним, очень напоминали виденную когда-то фотографию — Ленин и его сподвижники в первые дни русской революции. В этих — их было шестеро — чувствовалась та же сила ума, железная воля и непреклонность. Джо и ему подобные не опасны, а вот здесь — те, чья мысль управляет подпольем.

Стормгрен коротко кивнул, прошел к единственному свободному стулу и сел, стараясь держаться хладнокровно и непринужденно. За каждым его движением следил немолодой коренастый человек, сидевший в

дальнем конце стола,— он подался навстречу Стормгрёну и впился в него колючими серыми глазами. Под этим пронизывающим взглядом Стормгрёну стало не по себе, и он, сам того не желая, заговорил первым.

— Полагаю, вы пришли обсудить условия. Какой за меня назначен выкуп?

Тут он заметил, что поодаль кто-то стенографирует его слова. Обстановка самая деловая.

Отозвался главный, он говорил певуче, как уроженец Уэльса.

— Можете назвать это и так, господин генеральный секретарь. Но нам нужны не деньги, а сведения.

Вот оно что, подумалось Стормгрёну. Его допрашивают как военнопленного.

— Вы и сами знаете, чего мы добиваемся,— певуче продолжал уэльсец.— Если угодно, зовите нас движением сопротивления. Мы убеждены, что рано или поздно Земле не миновать борьбы за независимость, и мы понимаем — открытая война невозможна, остаются неповиновение, саботаж и тому подобное. Вас мы похитили отчасти затем, чтобы показать Кареллену, что мы хорошо организованы и действовать будем решительно, но главное, вы — единственный, от кого можно хоть что-то узнать о Сверхправителях. Вы разумный человек, мистер Стормгрён. Помогите нам, и мы вернем вам свободу.

— А что, собственно, вы хотите узнать? — осторожно спросил Стормгрён.

Казалось, удивительные глаза собеседника проникают в самые потаенные глубины сознания, никогда в жизни не встречал он такого взгляда. Не вдруг певучий голос ответил:

— Знаете ли вы, кто — или что такое — на самом деле эти Сверхправители?

Стормгрён едва удержался от улыбки.

— Поверьте,— сказал он,— я не меньше вашего желал бы раскрыть эту тайну.

— Значит, вы согласны отвечать на наши вопросы?

— Обещать не обещаю. Но, возможно, и отвечу.

Он услышал, как с облегчением вздохнул Джо, и все в комнате шелохнулись и замерли в ожидании.

— Мы примерно представляем себе, при каких обстоятельствах вы встречаетесь с Карелленом. Но может быть, вы опишете это подробно, не упуская ничего сколько-нибудь существенного?

Что ж, просьба довольно безобидная, решил Стормгрен. Десятки раз он отвечал на подобные вопросы, и выглядеть это будет как готовность помочь. Перед ним люди умные, проницательные, может быть, им тут что-то и откроется. Если они способны извлечь из его рассказа какие-то новые сведения — тем лучше, лишь бы и с ним поделились. Во всяком случае, Кареллену это никак не повредит.

Стормгрен пошарил по карманам, достал карандаш и старый конверт. Наскоро набрасывая чертеж, стал объяснять:

— Вы, конечно, знаете, за мной раз в неделю прилетает такой аппаратик, ни мотора, ни какого-либо иного движителя у него не видно, и он переносит меня к кораблю Кареллена. И проникает внутрь — вы, конечно, видели, как это происходит, телескопических фильмов снято немало. Дверь — если это можно назвать дверью — опять открывается, и я вхожу в небольшую комнату, там только и есть, что стол, стул и телеэкран. Расстановка примерно такая.

Он подвинул конверт к старому уэльсцу, но тот не взглянул на чертеж. Станные глаза все так же неотрывно смотрят на Стормгрена, и ему чудится — что-то переменялось в их глубине. Настала мертвая тишина, и Стормгрен услышал — позади него у Джо вдруг перехватило дыхание.

Озадаченный, раздосадованный, Стормгрен отвечал взглядом в упор — и наконец-то понял. Смутился, смял конверт в тугой комок и швырнул на пол.

Так вот отчего ему было так не по себе под взглядом этих серых глаз. Человек, что сидит напротив, слеп.

. . . . .

Ван Рибберг больше не пробовал связаться с Карелленом. Во многом работа его ведомства шла и дальше по накатанной колее: отсылались статистические данные, выжимки из мировой прессы и прочее. В Париже юристы все еще препирались из-за каждого пункта будущей Всемирной Конституции, но это пока его не касалось. Попечителю окончательный проект надо представить только через две недели; если к тому времени текст не будет готов, Кареллен, несомненно, поступит, как сочтет нужным.

А о Стормгрене по-прежнему никаких известий.

Ван Рибберг говорил в диктофон, как вдруг зазвонил телефон срочной связи. Он схватил трубку и слушал, все больше недоумевая, потом швырнул ее на рычаг, бросился к окну, распахнул. Далеко внизу на улицах нарастает вопль изумления, замирают на месте машины.

Да, правда — небо пусто, корабль Кареллена, неизменный символ власти Сверхправителей, исчез. Ван Рибберг шарил взглядом в вышине, сколько хватал глаз — никакого следа. И вдруг будто среди бела дня надвинулась ночь. С севера низко, над самыми крышами нью-йоркских небоскребов, налетел исполинский корабль, в полумраке он чернел снизу, точно грозовая туча. Ван Рибберг невольно отшатнулся. Он всегда знал, что корабли Сверхправителей громадны, но когда громадина недвижно парит в недостижимой вышине, это одно, и совсем другое — когда такое чудовище проносится у тебя над головой, словно туча, гонимая самим дьяволом.

В сумерках, будто при солнечном затмении, ван Ри-

берг следил за кораблем, пока тот вместе со своей чудовищной тенью не скрылся на юге. И не слышал ни звука, ни хотя бы шелеста в воздухе, значит, только показалось, что корабль так низко,—высота была не меньше километра. А потом все здание содрогнулось от удара воздушной волны и где-то со звоном посыпались на пол выбитые стекла.

За спиной разом заголосили все телефоны, но ван Рибберг не шевельнулся. Так и стоял, опершись на подоконник, и все смотрел туда, на юг, ошеломленный этой безмерной мощью.

.....
Стормгрен говорил, а мысль словно работала на двух уровнях сразу. Он пленник этих людей и старается дать им отпор, а в то же время брезжит надежда—вдруг они помогут раскрыть секрет Кареллена? Опасная игра, но, как ни странно, она доставляет истинное наслаждение.

Больше всего вопросов задавал слепой. Просто поразительно, с какой быстротой этот живой ум перебирает все возможности, исследует и отбрасывает все теории, от которых Стормгрен давно уже отказался. И вот уэльсец со вздохом откинулся на спинку стула.

— Это все впустую,—покорно сказал он.— Нам нужно больше узнать, значит, нужно не рассуждать, а действовать.

Казалось, незрячие глаза в раздумье смотрят прямо на Стормгрена. Слепой беспокойно забарабанил пальцами по столу—признак нерешительности, это Стормгрен подметил у него впервые. Потом продолжал:

— Мне немного странно, господин генеральный секретарь, что вы никогда не пробовали разузнать о Сверхправителях побольше.

— А что я, по-вашему, мог сделать?—холодно спросил Стормгрен, стараясь казаться равнодушным.— Я же вам сказал, из комнаты, где я разговари-

ваю с Карелленом, есть только один выход — и оттуда я напрямик попадаю на Землю.

— Вот если изобрести какие-то приборы, может, они нам что-нибудь да откроют, — вслух раздумывал тот. — Сам я не ученый, но, пожалуй, мы над этим поразмыслим. Если мы вас освободим, согласны вы помочь нам в этом деле?

— Поймите меня правильно раз и навсегда, — вспыхнул Стормгрен, — Кареллен стремится объединить человечество, и я палец о палец не ударю, чтобы помогать его врагам. Конечных его целей я не знаю, но верю, что ничего плохого не будет.

— Какие у вас доказательства?

— Да все его действия с тех самых пор, как впервые появились корабли. Назовите мне хоть что-нибудь, что, если вдуматься поглубже, не пошло бы нам на благо? — Стормгрен помолчал, перебирая в памяти минувшие годы. Улыбнулся. — Если вам нужно ясное доказательство присущей Сверхправителям — как бы это назвать? — доброжелательности, вспомните ту историю, когда они запретили жестокое обращение с животными, еще месяца не прошло с их прилета. Если сначала я сомневался насчет Кареллена, тот запрет разогнал все сомнения, хоть и доставил мне больше хлопот, чем все другие его приказы.

Пожалуй, я не преувеличиваю, подумал Стормгрен. Случай был из ряду вон, впервые обнаружилось, что Сверхправители не терпят жестокости. Эта их нетерпимость и еще страсть к справедливости и порядку — вот, кажется, преобладающие у них чувства, насколько можно судить по их действиям.

То был единственный случай, когда Кареллен дал знать, что разгневан, по крайней мере это походило на гнев. «Можете, если угодно, убивать друг друга, — заявил он, — это дело ваше и ваших законов. Но если, кроме как ради пищи или самозащиты, вы станете уби-

вать животных, которые вместе с вами населяют ваш мир, вы мне за это ответите».

Сперва никто толком не понял, насколько широко надо понимать этот запрет и каким образом Кареллен заставит ему подчиниться. Долго ждать не пришлось.

Трибуны стадиона Плаза де Торо были набиты битком, начинался парад матадоров и их помощников. Казалось, все идет как всегда — под ярким солнцем ослепительно сверкают освященные обычаем костюмы, толпа зрителей приветствует своих любимцев, так бывало прежде тысячи раз. Но кое-где поднимались головы, зрители тревожно поглядывали на небо, на равнодушное чудище, серебрящееся в пятидесяти километрах над Мадридом.

Потом пикадоры разъехались по местам, и на арену с громким фырканием вырвался бык. Высвеченные ярким солнцем тощие лошади, храпя от ужаса, завертелись под седоками, а те прищипоривали их, гнали навстречу врагу. Мелькнуло первое копьё... впилося в цель... и тут раздался звук, какого не слышали доньине на Земле.

Вопль боли вырвался у десяти тысяч раненых — но когда эти десять тысяч человек опомнились от потрясения, они не нашли на себе ни царапинки. Однако с боем быков было покончено — и не только в тот раз, но навсегда, ибо весть о случившемся распространилась быстро. Стоит упомянуть и о том, сколь потрясены были aficionados* — едва ли один из десяти потребовал деньги обратно; и еще лондонская «Дэйли миррор» подсыпала соли на раны — предложила испанцам взамен исконного национального спорта заняться крикетом.

— Может быть, вы и правы, — сказал старый уэль-

---

* Любители, болельщики (исп.).

сец.— Допустим, побуждения у Сверхправителей наилучшие... по их меркам, и эти мерки могут иногда совпадать с нашими. И все-таки они самовольно вмешались в нашу жизнь, мы их не звали, не просили перевернуть в нашем мире все вверх дном и порушить наши идеалы... да, идеалы, и государства, за чью независимость боролись и отстаивали ее многие поколения.

— Я родом из маленькой страны, которой тоже пришлось бороться за свою свободу, и, однако, я стою за Кареллена,— возразил Стормгрэн.— Вы можете досадить ему, возможно даже, из-за вас он не так быстро достигнет своей цели, но в конечном счете ничего вы этим не измените. Не сомневаюсь, вы искренни в своих убеждениях; вы боитесь, что в будущем Всемирном государстве не сохранятся традиции и культура малых стран,— я и это могу понять. Но в одном вы не правы— бесполезно цепляться за прошлое. Суверенное государство у нас на Земле отмирало еще до того, как явились Сверхправители. Они только ускорили его гибель; никому уже не спасти эту суверенность,— да и пытаться не следует.

Ответа не было, человек напротив Стормгрэна не шелохнулся, не вымолвил ни слова. Сидит недвижимо, губы приоткрыты, глаза теперь не просто незрячие, но безжизненные. И все остальные тоже застыли, окоченели в напряженных, неестественных позах. Стормгрэн задохнулся от ужаса, встал, попятился к двери. И тут в тишину ворвался голос:

— Очень мило сказано, Рикки, благодарю. Теперь, пожалуй, мы можем уйти.

Стормгрэн круто обернулся, уставился в полутьму коридора. Здесь вровень с его лицом плавал в воздухе маленький, совсем гладкий, без единой отметинки шар— несомненно, источник пущенной в ход Сверхправителями таинственной силы. И Стормгрэн услышал,

а может, ему просто почудилось тихое гуденье, точно от улья в полный ленивой истомы летний день.

— Кареллен! Слава богу! Но что вы с ними сделали?

— Успокойтесь, они живы и здоровы. Можете называть это своего рода параличом, но тут все много сложнее. Их жизнь сейчас течет в тысячи раз медленней обычного. Когда мы уйдем, они так и не поймут, что же случилось.

— Вы их так оставите до прихода полиции?

— Нет. У меня план получше. Я их отпускаю.

Стормгрен даже изумился, настолько легче стало на душе. Обвел прощальным взглядом подземную комнату и всех, кто в ней застыл. Джо стоит на одной ноге, смотрит бессмысленно куда-то в пространство. Стормгрен вдруг рассмеялся, пошарил у себя в карманах.

— Спасибо за гостеприимство, Джо,— сказал он.— Пожалуй, я оставляю тебе кое-что на память.

Он порылся в клочках бумаги и, наконец, подсчитал свои проигрыши. Потом на сравнительно чистом листке аккуратно написал:

В МАНХЭТТЕНСКИЙ БАНК

Прошу выплатить Джо сто тридцать пять долларов и пятьдесят центов (135.50).

Р. Стормгрен

Он положил записку возле поляка и услышал голос Кареллена:

— Что вы, собственно, делаете?

— В роду Стормгренов всегда платят долги. Те двое плутовали, но Джо играл честно. По крайней мере я ни разу не заметил, чтобы он смошенничал.

И пошел к двери, веселый, беззаботный, помоло-

девший на добрых сорок лет. Металлический шарик отплыл в сторону, пропуская его. Должно быть, это какой-то робот, теперь понятно, как удалось Кареллену добраться до пленника, скрытого под пластами камня бог весть какой толщины.

— Сто метров пройдете прямо,— сказал шар голосом Кареллена.— Потом повернете налево, а тогда я дам дальнейшие указания.

И Стормгрэн в нетерпении зашагал прямо, хотя и понимал, что торопиться нет нужды. Шар остался висеть позади, в коридоре,— надо думать, прикрывал отступление.

Через минуту Стормгрэн подошел к другому такому же шару, тот ждал его на развилке коридора.

— Надо пройти еще полкилометра,— сказал шар.— Держите влево, пока не встретимся опять.

Шесть раз Стормгрэн встречался с шарами на пути к выходу. Сперва он недоумевал— может быть, робот как-то ухитряется его обгонять; потом догадался— наверно, эти приборы расположились цепочкой и через нее-то шла связь до самого дна шахты. У выхода на поверхность застыли неправдоподобной скульптурной группой несколько часовых под надзором еще одного из вездесущих шаров. А чуть поодаль на косогоре лежал тот летательный аппаратик, что всегда доставлял генерального секретаря ООН к Кареллену.

Стормгрэн постоял немного, шурясь от солнца. Потом увидел вокруг ржавые, изломанные шахтные механизмы, за ними тянулась вниз по откосу заброшенная железнодорожная ветка. В нескольких километрах отсюда, к подножью горы подступал густой лес, а совсем уже в дальней дали поблескивало большое озеро. Пожалуй, он очутился где-то в Южной Америке, хотя трудно определить, откуда такое впечатление.

Забираясь в летательный аппарат, Стормгрэн окинул последним беглым взглядом зев шахты и застывших

возле нее людей. И вот отверстие в серебристой стене затянулось за ним, и со вздохом облегчения он откинулся на знакомом сиденье.

Не сразу он отдышался настолько, что из глубины души вырвалось короткое:

— Итак?

— Сожалею, что не мог вас вызволить раньше. Но вы ведь понимаете, очень важно было дожидаться, чтобы здесь собрались все руководители.

— Так вы...— захлебнулся Стормгрен.— Вы что же, все время знали, где я? Если б я думал...

— Не торопитесь,— сказал Кареллен,— дайте мне хотя бы договорить.

— Прекрасно, я слушаю,— мрачно процедил Стормгрен.

Он начал подозревать, что послужил всего-навсего приманкой в хитроумной западне.

— Некоторое время назад я пустил за вами... пожалуй, можно назвать это устройство «следопытом»,— стал объяснять Кареллен.— Ваши недавние друзья справедливо полагали, что я не мог следовать за вами под землей, однако я сумел идти по следу до самой шахты. Подмена в туннеле — остроумная проделка, но, когда первая машина перестала отвечать на сигналы, подлог обнаружился, и я вскоре опять вас отыскал. А потом просто надо было выждать. Я знал, как только они решат, что я потерял вас из виду, они явятся сюда, и я изловлю всех сразу.

— Но вы же их отпускаете!

— До сих пор я не мог выяснить, кто именно из двух с половиной миллиардов людей на вашей планете — подлинные главари подполья. Теперь, когда они известны, я могу проследить каждый их шаг на Земле и, если понадобится, наблюдать за всеми их действиями до мелочей. Это куда лучше, чем посадить их под замок. Что бы они ни предприняли, они тем самым выда-

дут остальных. Они связаны по рукам и ногам и сами это понимают. Ваше исчезновение останется для них непостижимым, точно у них на глазах вы растаяли в воздухе.

И по крохотной кабине раскатился звучный смех.

— В каком-то смысле презабавная вышла история, но цель ее очень серьезна. Меня заботят не просто несколько десятков человек этой организации, мне надо еще думать о том, как все это скажется на настроении других подпольных групп, которые действуют в других местах.

Стормгрен помолчал. Услышанное не слишком утешает, но мысль Кареллена понятна, и гнев недавнего пленника поостыл.

— Печально, что надо на это пойти, когда мне остаются считанные недели до отставки,— сказал он не вдруг,— но теперь я вынужден буду завести у моего дома охрану. В следующий раз могут похитить Питера. Кстати, как он без меня справлялся?

— В последнюю неделю я внимательно следил за ним и нарочно ничем не помогал. В общем, он держался очень недурно, но такой человек не может вас заменить.

— Его счастье,— заметил Стормгрен все еще не без обиды.— А кстати, вы не получили хоть какого-то ответа? Вам все еще не разрешают нам показаться? Теперь я убежден, это—сильнейшее оружие ваших врагов. Мне опять и опять твердят: мы не станем доверять Сверхправителям, пока не увидим их.

Кареллен вздохнул.

— Нет. Я пока не получал никаких известий. Но знаю, что мне ответят.

И Стормгрен оставил этот разговор. Прежде он продолжал бы настаивать, но теперь в мыслях у него впервые забрезжил некий план. Вспомнились слова че-

ловека, который его допрашивал. Пожалуй, и правда можно изобрести какие-то приборы...

То, что он отказался выполнить под чьим-либо нажимом, он, возможно, попытается сделать по собственной воле.

4 Еще несколько дней назад Стормгрен просто не поверил бы, что способен всерьез обдумывать такое. Вероятно, мысли его приняли новый оборот главным образом из-за нелепой мелодрамы с похищением — теперь оно казалось чуть ли не плохоньким телевизионным спектаклем. Впервые за всю свою жизнь Стормгрен подвергся прямому насилию, это было слишком непохоже на словесные битвы в залах заседаний. Должно быть, жажда действия, точно вирус, проникла в кровь... или он попросту слишком быстро впадает в детство?

Им двигало еще и жгучее любопытство, да и за шутку, что с ним разыграли, он непрочь был отплатить. Ведь теперь уже совершенно ясно: Кареллен воспользовался им как приманкой, пускай с наилучшими намерениями, — все равно Стормгрен не склонен был так легко это простить.

Пьер Дюваль ничуть не удивился, когда Стормгрен, не предупредив заранее, явился к нему в кабинет. Они старые друзья, и генеральный секретарь ООН нередко навещает главу Бюро научных исследований. Уж конечно, Кареллену и этот визит не покажется странным, если ему или его подчиненным случится как раз сюда обратить недреманное око своих приборов.

Сначала друзья потолковали о делах и обменялись политическими сплетнями; потом, не слишком уверенно, Стормгрен заговорил о том, ради чего пришел. Старый француз слушал, откинувшись на спинку кресла, и с каждой минутой брови его всползали все выше, так

что под конец чуть не смешались с прядью волос, падающей на лоб. Раза два он, казалось, хотел было что-то сказать, но сдержался.

Когда Стормгрэн умолк, ученый тревожно огляделся.

— А вы не думаете, что он нас слушает? — спросил он.

— Едва ли это возможно. У него есть, как он выражается, следопыт для моей охраны. Но это устройство под землей не действует, потому-то я и пришел сюда, в ваше подземелье. Предполагается, что это — убежище от всех видов радиации, так? Кареллен не кудесник. Он знает, где я сейчас, но не более того.

— Надеюсь, вы правы. И еще одно — если он узнает, что вы хотите проделать, разве это не опасно? А он наверняка узнает.

— Я рискну. Притом мы с ним неплохо понимаем друг друга.

Несколько минут физик, поигрывая карандашом, молча смотрел в одну точку.

— Задача не из легких. Мне это по душе, — сказал он просто. Нагнулся к какому-то ящику, извлек оттуда большой блокнот, Стормгрэн таких громадин и не видел.

— Вот так, — он принялся стремительно, одержимо чиркать по бумаге, покрывая ее какими-то стенографическими значками, видимо, собственного изобретения. — Мне надо знать все в точности. Расскажите все, что знаете про комнату, где вы с ним разговариваете. Не упускайте ни единой мелочи, даже если это по вашему пустяк.

— Тут почти нечего описывать. Стены металлические, комната около восьми квадратных метров, высота — метра четыре. Телеэкран размером примерно метр на метр, как раз под ним стол — давайте-ка я вам нарисую.

Стормгрен наскоро набросал чертеж хорошо знакомой комнаты и подвинул через стол Дювалю. И чуть вздрогнул — вспомнилось, как совсем недавно он проделал то же самое. Что-то случилось со слепым уэльсцем и его союзниками? Как отнеслись они к его внезапному исчезновению?

Француз, наморщив лоб, изучал чертеж.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Да,

Дюваль сердито фыркнул.

— А освещение? Вы что же, сидите в полной темноте? А какая там вентиляция, отопление...

Стормгрен улыбнулся: Дюваль верен себе, чуть что — и вспылит.

— Весь потолок — светящийся, а воздух, насколько я понимаю, идет из той же решетки, что и звук. Куда он уходит, не знаю, может быть, время от времени направление тяги меняется, но я этого не замечал. Батарей нет, никаких признаков отопления, но в комнате всегда нормальная температура.

— Иными словами, очевидно, замерзают только водяные пары, но не углекислый газ.

Стормгрен счел долгом улыбнуться старой общеизвестной шутке.

— По-моему, я вам все сказал. Что до машинки, которая переносит меня на корабль Кареллена, она не примечательней кабины лифта. Только и разницы, что есть диван и стол.

Несколько минут оба молчали, физик старательно зарисовывал свой блокнот крохотными закорючками. Стормгрен следил за его карандашом и спрашивал себя, почему этот человек — блестящий ум, до которого ему, Стормгрену, очень и очень далеко, — так и не стал подлинно выдающейся величиной в научном мире. Вспомнились злые и едва ли справедливые слова одного приятеля из американского Государственного депар-

тамента: «Французы поставляют лучших в мире работников второго сорта». Дюваль — один из примеров, что в словах этих есть доля правды.

Физик удовлетворенно покивал сам себе, наклонился к Стормгрелю, нацелился в него карандашом.

— Рикки, а почему вы думаете, что этот Карелленов телевизор, как вы его называете, и вправду телевизор, а не одна видимость?

— Никогда в этом не сомневался: экран выглядит точно так же. А что еще это может быть?

— Вы говорите — выглядит? То есть это он с виду такой же, как у наших телевизоров?

— Ну конечно.

— Вот это мне и подозрительно. Вряд ли Сверхправители пользуются такой грубой техникой, у них, скорей всего, картинка образуется прямо в воздухе. Да и чего ради Кареллену прибегать к помощи телевизора? Простота — всегда наилучшее решение. Разве не правдоподобнее, что этот ваш телеэкран — всего-навсего поляризованное стекло?

Стормгрел так озлился на себя, что минуту-другую не отвечал и только рылся в памяти. С самого начала он ни разу не усомнился в словах Кареллена — но, если вспомнить, разве Попечитель когда-либо говорил, будто пользуется телевизором? Стормгрел сам ничего другого и не думал, его с легкостью провели, сыграли на естественном ходе человеческой мысли. Да, так, — если, разумеется, догадка Дюваля верна. Однако опять он спешит с выводами, ведь никто пока ничего не доказал.

— Если вы правы, — сказал он, — мне просто надо разбить стекло...

Дюваль вздохнул.

— Уж эти мне профаны в науке. Вы что же, воображаете, что такое стекло можно расколотить без взрывчатки? И даже если бы это удалось, по-вашему, Кареллен непременно дышит таким же воздухом, как мы?

А если он благоденствует в хлорной атмосфере? То-то славно обернется дело для вас обоих.

Стормгрен почувствовал себя дураком. Мог бы и сам сообразить.

— Хорошо, ну а вы что предлагаете? — спросил он с досадой.

— Мне надо все обдумать. Первым делом надо выяснить, верна ли моя теория и нельзя ли как-то определить, что там за стекло. Поручу кое-кому из моих этим заняться. Кстати, вы, когда навещаете Сверхправителя, наверно, берете с собой портфель? Не тот, что при вас сейчас?

— Он самый.

— Пожалуй, он достаточно большой. Незачем менять, это будет заметно, особенно если к этому Карелен привык.

— А что я должен сделать? Пронести потайной рентгеновский аппарат?

Физик усмехнулся.

— Пока не знаю, но что-нибудь да придумаем. Недели через две дам вам знать.

Он коротко засмеялся:

— Знаете, о чем мне все это напоминает?

— Еще бы,—мигом отозвался Стормгрен.— Времена нацистской оккупации, когда вы мастерили для подполья радиоприемники.

Дюваль не сумел скрыть разочарование.

— Правда, мне уже случалось об этом упоминать. Но вот что я вам еще скажу.

— Да?

— Если вы попадетесь, я знать не знал, зачем вам понадобилась такая машинка.

— Как? Не вы ли когда-то подняли такой шум насчет того, что ученый в ответе перед обществом за свои изобретения? Право слово, Пьер, мне за вас стыдно!

Стормгрен положил на стол толстую папку с отступанными на машинке листами и облегченно вздохнул:

— Наконец-то все улажено. Странно думать, что в этих нескольких сотнях страниц заключено будущее человечества. Всемирное государство! Не надеялся я дожить и увидеть это своими глазами!

Он сунул бумаги в портфель — портфель стоял в каких-нибудь десяти сантиметрах от темного экрана, обращенный к нему тыльной стороной. Порою Стормгрен, сам того не замечая, беспокойно проводил пальцами по застежкам портфеля, но потайную кнопку он нажмет только в последнюю секунду, когда разговор закончится. Дюваль головой ручался, что Кареллен ничего не заметит, но мало ли — вдруг что-нибудь выйдет не так...

— Да, вы ведь сказали, что у вас есть для меня новости,— продолжал он, с трудом скрывая нетерпение.— Это насчет...?

— Да,— сказал Кареллен. — Несколько часов назад мне сообщили решение.

Что бы это значило, подивился Стормгрен. Не может же Попечитель переговариваться с далекой своей планетой, когда бог весть сколько световых лет их разделяет. Разве что, по теории ван Рибберга, он просто советуется с какой-то гигантской ЭВМ, способной предсказать, к чему приведет любой политический шаг.

— Лига освобождения и компания будут, пожалуй, не совсем довольны,— продолжал Кареллен,— но обстановка несколько разрядится. Это, кстати, записывать не надо.

Вы часто говорили мне, Рикки, что, как бы мы ни выглядели, человечество быстро привыкнет к любому нашему облику. Это лишь доказывает, как мало у вас воображения. Вы-то сами, вероятно, и правда, быстро бы освоились, но не забывайте, в большинстве люди

еще недостаточно образованы,— чтобы искоренить их суеверия и предрассудки, понадобятся десятилетия.

Не сомневайтесь, нам кое-что известно о человеческой психологии. Мы отлично знаем, что будет, если мы покажемся вашему миру на нынешнем уровне его развития. Не стану вдаваться в подробности, даже с вами, так что уж поверьте мне на слово. Однако вот что мы твердо обещаем, и пусть вас это хоть в какой-то мере удовлетворит: *через пятьдесят лет — когда у вас сменятся два поколения — мы выйдем из наших кораблей и люди наконец увидят нас такими, какие мы есть.*

Стормгрэн немного помолчал, надо было освоиться с услышанным. Слова Попечителя не принесли удовлетворения, какое он ощутил бы раньше. Правда, частичный успех застал его немного врасплох и на миг пошатнул недавнюю решимость. Со временем истина выйдет наружу, исполнить задуманное нет нужды и вряд ли благоразумно. Разве только из чистого эгоизма, ведь ему-то, Стормгрэну, еще полвека не прожить.

Должно быть, заметив его растерянность, Кареллен прибавил:

— Сожалею, если вас разочаровал, но по крайней мере за политику ближайшего будущего вам уже не придется отвечать. Может быть, вам кажется, будто наши страхи напрасны, но поверьте, мы давно убедились, что всякий иной путь опасен.

Стормгрэн задохнулся, весь подался вперед:

— Так значит, люди вас когда-то уже видели!

— Этого я не говорил,— мгновенно возразил Кареллен.— Ваша планета — не единственная, за которую мы отвечаем.

Но от Стормгрэна не так просто было отмахнуться.

— У нас есть немало преданий о том, что некогда на Землю спускались пришельцы с небес.

— Знаю, читал отчет Института древней истории.

Судя по этому отчету, ваша Земля — перекресток всех дорог Вселенной.

— А может быть, о каких-то пришельцах вы не знаете,— упорствовал Стормгрэн.— Могло же так быть, даже если вы следите за нами уже тысячи лет, а это, по-моему, маловероятно.

— По-моему, тоже,— уронил Кареллен.

Небрежный этот ответ ровно ничего не значил, и тут Стормгрэн решился.

— Кареллен,— сказал он резковато,— я набросаю текст сообщения и передам вам, чтобы вы одобрили. Но оставляю за собой право и дальше к вам приставать, а если найду какую-то возможность, всеми силами постараюсь вывести ваш секрет.

— В этом я не сомневаюсь,— в ответе послышалась усмешка.

— И вы не против?

— Ничуть — до известного предела: не стоит прибегать к ядерному оружию, отравляющим газам и прочему, что может подпортить наши дружеские отношения.

Догадался ли Кареллен, спросил себя Стормгрэн, и много ли угадал? Он поддразнивает, но за шуткой слышится понимание, а быть может — как знать? — даже поощрение.

— Рад это слышать,— сказал он, очень стараясь, чтобы не дрогнул голос. Поднялся и, поднимаясь, закрыл портфель. Пальцем легко провел по замку.

— Сейчас же составлю сообщение,— повторил он,— и еще сегодня передам вам по телетайпу.

Говоря это, он нажал потайную кнопку — и понял, что боялся напрасно. Восприятие Кареллена не тоньше, чем у человека. Конечно же, Попечитель ничего не заметил, ведь когда он попрощался и произнес те слова-шифр, которыми открывалась дверь, голос его прозвучал в точности как всегда.

И однако Стормгрэн почувствовал себя воришкой,

выходящим из магазина под зорким взглядом детектива, и когда стена сомкнулась за ним, не оставив никакого следа двери, у него вырвался вздох облегчения.

— Иные мои теории были не слишком удачны, согласен,— сказал ван Рибберг.— А все-таки, что вы скажете теперь?

— Вам непременно надо знать?— вздохнул Стормгрен.

Питер словно не заметил вздоха.

— В сущности, это не моя мысль,— сказал он скромно.— Я наткнулся на нее в одном рассказе Честертона. Допустим, Сверхправители скрывают, что им вовсе нечего скрывать?

— Что-то очень сложно, не понял,— сказал Стормгрен, но в нем шевельнулось любопытство.

— Я вот что имею в виду,— с жаром продолжал ван Рибберг.— По-моему, физически они такие же люди, как мы. Они понимают, что мы еще терпим, если нами правят какие-то воображаемые существа... ну, то есть совсем иные, намного превосходящие нас разумом. Но человечество, такое как оно есть, не станет подчиняться себе подобным.

— Весьма изобретательно, как все ваши теории,— сказал Стормгрен.— Хорошо бы вам нумеровать свои опусы, как сочинения композитора, мне было бы легче уследить. На сей раз возразить можно...

И тут доложили о посетителе, и в кабинет вошел Александр Уэйнрайт.

Стормгрен спросил себя, что у того на уме. И еще — связан ли как-нибудь Уэйнрайт с теми похитителями. Нет, вряд ли: думается, Уэйнрайт совершенно искренне отвергает насилие. Крайнее крыло Лиги освобождения безнадежно опозорилось и не скоро посмеет вновь заявить о себе.

Главе Лиги прочитали текст сообщения, он внима-

тельно выслушал. Стормгрен надеялся, что Уэйнрайт оценит такой знак внимания—мысль эту подсказал Кареллен. Только через двенадцать часов все остальные люди на Земле узнают, какое обещание дано их внукам.

— Пятьдесят лет,—задумчиво произнес Уэйнрайт.—Долго ждать.

— Для людей это, пожалуй, долгий срок, но не для Кареллена,—возразил Стормгрен. Только сейчас он начал понимать, как тонко рассчитали Сверхправители. Нынешнее решение дает им передышку, необходимую, по их мнению, отсрочку, и притом выбивает почву из-под ног Лиги освобождения. Конечно же, Лига не сложит оружие, но отныне ее позиция куда слабее. Разумеется, это понял и Уэйнрайт.

— За пятьдесят лет все будет загублено,—сказал он с горечью.—Никого из тех, кто еще помнит нашу независимость, не останется в живых; человечество утратит наследие предков.

Слова, пустые слова, подумал Стормгрен. Слова, за которые прежде люди дрались и умирали, но никогда больше не станут за них ни умирать, ни драться. И от этого мир станет лучше.

Сколько хлопот еще доставит Лига в ближайшие десятилетия, спросил себя Стормгрен, глядя вслед уходящему Уэйнрайту. И порадовался мысли, что это уже забота его преемника.

Есть недуги, которые может излечить только время. Злодеев можно уничтожить, но ничего не поделаешь с хорошими людьми, упорными в своих заблуждениях.

— Вот он, ваш портфель, как новенький,—сказал Дюваль.

— Спасибо,—Стормгрен все же придирчиво осмотрел портфель.—Теперь, может быть, вы мне объясните, что тут к чему и как мы будем поступать дальше.

Физик, видно, больше занят был своими мыслями.

— Одного не пойму,— сказал он,— почему нам так легко это сошло с рук. Будь я на месте Карел...

— Но вы не на его месте. Не отвлекайтесь, друг. Что мы все-таки открыли?

— Ох, уж эти мне пылкие, нетерпеливые северяне! — вздохнул Дюваль. — Мы смастерили нечто вроде радара малой мощности. Помимо радиоволн очень высокой частоты он работает еще и на крайних инфракрасных, и на всех волнах, которых наверняка не увидит ни одно живое существо, как бы причудливо ни были устроены его глаза.

— А почему вы это знаете наверняка? — спросил Стормгрэн, он и сам не ждал, что ему станет любопытно на эта чисто техническая задача.

— Н-ну, совсем уж наверняка мы сказать не можем,— нехотя признался Дюваль. — Но ведь Кареллен видит вас при обычном освещении, так? Стало быть, его глаза схожи с нашими и воспринимают световые волны примерно в тех же пределах. Так или иначе, аппарат сработал. Мы убедились, что за этим вашим телеэкраном и впрямь находится большая комната. Толщина экрана около трех сантиметров, а помещение за ним не меньше десяти метров в глубину. Нам не удалось различить эхо от дальней стены, но этого и трудно было ждать при такой малой мощности, а на большую мы не решились. И однако вот что мы все же получили.

Он перебрал Стормгрэну листок фотобумаги, по которому проходила единственная волнистая линия. В одном месте она подскочила зубцом, будто оставило отметину небольшое землетрясение.

— Видите этот зубчик?

— Вижу, а что это?

— Всего лишь Кареллен.

— Боже правый! Вы уверены?

— Нетрудно догадаться. Он сидит, или стоит, или

кто его знает, как он там располагается, по ту сторону экрана, примерно в двух метрах. Будь разрешающая способность аппарата чуть больше, мы бы даже высчитали его рост.

В смятении разглядывал Стормгрэн слабый изгиб следа, прочерченного на бумаге. До сих пор еще ничто не доказывало, что Кареллен — существо материальное. Доказательство и сейчас лишь косвенное, но Стормгрэн ни на миг не усомнился.

— Нам надо было еще и рассчитать, насколько этот экран пропускает обычный свет. Думаю, мы представили себе это довольно точно, хотя если и ошиблись на десятую долю, тоже неважно. Вы, конечно, понимаете, что нет такого поляризованного стекла, которое в одном направлении совсем не пропускало бы лучей. Вся суть в том, как размещены источники света. Кареллен сидит в затемненной комнате, а вы освещены, только и всего. — Дюваль усмехнулся. — Что ж, мы это переменим.

С видом фокусника, извлекающего невесть откуда целый выводок белых кроликов, он сунул руку в ящик стола и вынул что-то вроде электрического фонарика-переростка. На конце эта штука резко раздавалась вширь, будто большой револьвер или короткостволка с широким раструбом.

Дюваль ухмыльнулся.

— Не так страшно, как кажется. Вам только надо прижать дуло к экрану и нажать спусковой крючок. Ровно на десять секунд вспыхнет сильный прожектор, вы успеете обвести им ту комнату и хорошо ее разглядите. Весь пучок лучей пройдет сквозь экран и осветит вашего приятеля как миленького.

— А Кареллену это не повредит?

— Нет, если вы поведете луч снизу вверх. Тогда глаза его успеют освоиться — думаю, рефлекс у него

сходны с нашими, и нам вовсе не нужно, чтобы он ослеп.

Стормгрен нерешительно оглядел оружие, взвесил на ладони. В последние недели его мучила совесть. Безусловно, несмотря на обидную подчас прямоту, Кареллен всегда обращался с ним по-дружески, и теперь, когда их встречам приходит конец, совсем не хочется чем-либо испортить эти добрые отношения. Но он ведь честно предупредил Попечителя — и уж наверно, будь сам Кареллен волен в выборе, он давно показался бы людям. Теперь решение принято за него: когда закончится их последняя беседа, Стормгрен посмотрит Кареллену в лицо.

Если только у Кареллена есть лицо.

. . . . .
Сперва Стормгрену было тревожно, но он быстро успокоился. Говорил почти все время Кареллен, сплетая свою речь, точно кружево, из мудреных и цветистых выражений, так с ним порой бывало. Когда-то Стормгрену это казалось самым поразительным и, уж конечно, самым неожиданным дарованием Кареллена. Теперь такое красноречие уже не казалось чудом, потому что он знал: как почти все способности Попечителя, это не какой-то редкостный талант, а всего лишь плод могучего ума.

Когда Кареллен замедлял ход своей мысли под стать человеческой речи, у него хватало времени на любые стилистические изыски.

— Ни вам, ни вашему преемнику нет нужды чрезмерно волноваться из-за Лиги освобождения, даже когда она опомнится от объявшего ее сейчас уныния. Уже месяц, как она тише воды, ниже травы, — и хотя еще воспрянет духом, в ближайшие годы не будет представлять опасности. Право же, поскольку всегда следует ценить сведения о том, что делает противник, Лига — чрезвычайно полезная организация. Если у нее когда-

нибудь возникнут финансовые затруднения, мне, пожалуй, надо будет ссудить ее деньгами.

Зачастую нелегко понять, говорит Кареллен всерьез или шутит. И Стормгрен слушал, старательно сохраняя вид самый невозмутимый.

— Очень скоро Лига утратит еще один повод для нападок. До сих пор раздавалось много протестов, довольно ребяческих, против особой роли, какую вы играли в последние годы. В раннюю пору моего попечительства такое положение представляло для меня большую ценность, но теперь, когда ваш мир идет по пути, который я наметил, можно от этого посредничества отказаться. Впредь я не стану поддерживать столь прямую связь с Землей, и обязанности генерального секретаря ООН в известной мере вновь обретут первоначальную форму.

В ближайшие пятьдесят лет разразится еще немало кризисов, но и это пройдет. Черты вашего будущего достаточно ясны, и настанет день, когда все нынешние сложности забудутся — даже при том, какая у земного человечества долгая память.

Последние слова прозвучали так странно, так значительно, что Стормгрен весь похолодел. Несомненно, Кареллен не допустит оплошности, оговорки, каждое даже, казалось бы, неосторожное слово его всегда взвешено и рассчитано с микроскопической точностью. Но задавать вопросы, которые наверняка остались бы без ответа, было некогда, Попечитель еще раз переменял тему.

— Вы часто спрашивали меня о наших дальнейших планах. Разумеется, создание Всемирного государства — лишь первый шаг. Вы еще увидите, как оно возникнет, но перемена совершится так неуловимо, что мало кто ее заметит. Потом будет пора постепенного упрочения, а тем временем человечество станет готово

нас принять. И тогда настанет день, и мы исполним то, что обещали. Мне жаль, что вас при этом уже не будет.

Стормгрэн смотрел не мигая, взгляд его устремился далеко за темную преграду экрана. Он загляделся в будущее и представлял себе день, которого ему уже не увидеть,— долгожданный день, когда громадные корабли Сверхправителей опустятся наконец на Землю и распахнутся перед взором человечества.

— В этот день,— продолжал Кареллен,— люди испытают то, что иначе как шоком не назовешь. Но они быстро оправятся от потрясения: их психика станет к тому времени устойчивее, чем у их дедов. Мы станем привычной, неотъемлемой частью их существования, и когда они нас встретят, мы не покажемся им такими... странными... как показались бы вам.

Никогда еще Кареллен не предавался вот таким раздумьям вслух, но Стормгрэн не удивился. Он всегда был уверен, что ему знакомы лишь немногие грани личности Попечителя; подлинный Кареллен человеку неведом, а быть может, и недоступен человеческому пониманию. И уже не впервые возникло чувство, что по-настоящему Кареллена занимает что-то совсем другое, а управлению Землей он отдает лишь малую долю своих мыслей,— с такой легкостью шахматист, чемпион игры в трех измерениях, играл бы в шашки.

— А что будет дальше? — тихо спросил Стормгрэн.

— Тогда для нас начнется настоящая работа.

— Я часто гадал, в чем же она состоит. Навести в нашем мире порядок, сделать людей культурнее и воспитаннее — только средство, а у вас, конечно, есть какая-то цель. Может быть, когда-нибудь мы выйдем в космос и даже сумеем помогать вам в ваших трудах?

— В каком-то смысле, пожалуй, да,— сказал Кареллен, и так явственно прозвучала в этом ответе необъяснимая печаль, что у Стормгрэна странно сжалось сердце.

— Ну, а если ваш опыт с человечеством не удастся? Такое случилось у нас в отношениях с отсталыми народами. Наверно, и вам не все удастся?

— Да,— сказал Кареллен совсем тихо, Стормгрэн едва расслышал.— Не все удастся и нам.

— Как же вы тогда поступаете?

— Ждем... а потом пробуем еще раз.

Короткое молчание, какие-нибудь пять секунд. И когда Кареллен вновь заговорил, слова его застigli Стормгрэна врасплох.

— Прощайте, Рикки!

Кареллен его провел... быть может, уже поздно! Стормгрэн оцепенел, но лишь на миг. И тотчас быстро, ловко — недаром тренировался — он выхватил заветный фонарь и прижал к экрану.

. . . . .
Сосны подходили почти к самой воде, вдоль озера оставалась только неширокая, в несколько метров, полоска берега, поросшая травой. В теплую погоду Стормгрэн, несмотря на свои девяносто лет, каждый вечер отправлялся на прогулку по берегу, до пристани, смотрел, как угасает на воде отражение заката, и возвращался домой прежде, чем дохнет из лесу холодный ночной ветер. Этот нехитрый обряд доставлял ему истинное удовольствие — пока есть силы, он от этого не откажется.

Издавека, с запада, что-то летело быстро и низко, над самым озером. Самолеты в этих краях появляются не часто, кроме рейсовых пассажирских на линиях, пересекающих полюс, — эти, должно быть, проходят на большой высоте каждый час, и днем и ночью. Но их не замечаешь, разве что изредка протянется след в синеве стратосферы — белая полоска пара. А тут откуда-то взялся маленький вертолет — и явно направляется сюда, к нему. Стормгрэн окинул взглядом полоску берега и понял, что ему не сбежать и не спрятаться. Пожал

плечами и опустился на деревянную скамью в конце причала.

Репортер был необыкновенно почтителен, Стормгрен даже удивился. Он почти забыл, что он не только старейший из государственных мужей, но, вне пределов своей родины, личность почти легендарная.

— Мистер Стормгрен,— начал непрощенный гость,— мне очень неловко вас беспокоить, но, может быть, вы согласитесь прокомментировать некое только что полученное сообщение о Сверхправителях?

Стормгрен чуть сдвинул брови. После стольких лет он все еще разделял нелюбовь Кареллена к этому слову.

— Вряд ли я могу много прибавить к тому, что было уже написано прежде.

Репортер впился в него до странности испытующим взглядом.

— А мне казалось, можете. Сейчас неожиданно всплыла престранная история. Вроде бы почти тридцать лет назад один работник Бюро научных исследований смастерил для вас какой-то замечательный прибор. Надеюсь, вы нам что-нибудь об этом расскажете.

Стормгрен помолчал, унесся мыслями в прошлое. Его не удивило, что тайну раскрыли. Напротив, удивительно, что так долго она оставалась тайной.

Он поднялся и пошел по пристани к берегу, репортер, приотстав на несколько шагов,— за ним.

— В этом слухе есть доля истины,— сказал Стормгрен.— Когда я в последний раз поднимался на корабль Кареллена, я прихватил с собой некий аппаратик, надеялся, что сумею увидеть Попечителя. Не очень-то умный был поступок, но... что ж, мне тогда было всего лишь шестьдесят.— Он тихонько усмехнулся, потом закончил: — Не стоило вам ради этой пустячной истории лететь в такую даль. Фокус, знаете ли, не удался.

— Вы ничего не увидели?

— Ровным счетом ничего. Боюсь, вам придется ждать... но, в конце концов, осталось только двадцать лет!

Двадцать лет. Да, Кареллен был прав. Тогда мир будет готов принять новость, как отнюдь не был готов тридцать лет назад, когда он, Стормгрен, вот так же со-лгал Дювалю.

Кареллен верил ему, и Стормгрен не обманул доверия. Никаких сомнений. Попечитель с самого начала знал, что он замышляет, предвидел и рассчитал все до последней секунды.

Иначе почему громадное кресло было уже пусто, когда на нем вспыхнул круг света! В страхе, что опоздал, Стормгрен вмиг повел лучом. Когда он заметил металлическую дверь, вдвое выше человеческого роста, она уже затворялась — быстро, очень быстро, и все же недостаточно быстро.

Да, Кареллен доверял ему, не хотел, чтобы на скло-не лет он еще долго терзался неразрешимой загадкой. Кареллен не решился открыто нарушить запрет неведо-мых сил, которые стоят над ним (принадлежат ли и они к тому же племени?), — но он сделал все, что мог. Им не доказать, что то было прямое неповиновение. И Сторм-грен знал: тем самым Кареллен доказал, что и вправду к нему привязан. Быть может, это всего лишь привязан-ность человека к преданной и умной собаке, но чувство это искреннее, и за свою жизнь Стормгрену не часто случалось испытать большее удовлетворение.

«Не все удастся и нам».

Да, Кареллен, это верно — и уж не ты ли сам потер-пел неудачу на заре истории рода людского? И какая жестокая была неудача, думал Стормгрен, если громо-вое эхо ее прокатилось через века и страхом перед ним одержимы были все народы Земли, пока не вышли из

детства. В силах ли вы даже за полстолетия одолеть власть всех мифов и преданий нашего мира?

И однако Стормгрен знал, второй неудачи не будет. Когда Сверхправители снова встретятся с людьми, они уже завоюют доверие и дружбу человечества, и этого не разрушит даже потрясение от встречи со знакомым обликом. Дальше они пойдут бок о бок, и неведомая трагедия, которая, должно быть, омрачила прошлое, навсегда затеряется в сумраке доисторических времен.

И отраднo надеяться, что когда Кареллен волен будет снова ступить на Землю, он побывает когда-нибудь здесь, в северных лесах, и постоит у могилы первого из людей, кто стал ему другом.

II. Золотой век

5 «Час настал!» — нашептывало радио на сотне языков. «Час настал!» — твердили тысячи газетных заголовков. «Час настал!» — опять и опять проверяя свои камеры, думали кинооператоры, они кольцом окружили просторное поле, где скоро опустится корабль Кареллена.

В небе оставался только один корабль, над Нью-Йорком. Только теперь мир узнал, что над другими городами никаких кораблей и не было. Накануне громадный флот Сверхправителей обратился в ничто, растаял, как туман, когда выпадает утренняя роса.

Рейсовые корабли, которые сновали взад и вперед, доставляя на Землю грузы из космических далей, были самые настоящие; а вот серебряные облака, что долгий срок — целую человеческую жизнь — недвижно парили почти над всеми столицами, оказались обманом зрения. Никто не мог понять, как это делалось, но, похоже, они все до единого были только отражением корабля Кареллена. Но не просто миражем, игрой света, ведь

и радары тоже обманывались, и еще оставались живые свидетели, которые клялись, что своими ушами слышали, с каким шумом и свистом прорвал небеса этот воздушный флот.

Все это не имеет значения, важно одно: Кареллен больше не считает нужным выставлять напоказ свою силу. Он отбросил психологическое оружие.

— Корабль двинулся! — весть мгновенно облетела планету. — Он идет на запад!

Медленно, не быстрее тысячи километров в час, опускался корабль из разреженных высот стратосферы на просторную равнину для второй встречи с историей Земли. И послушно замер перед нетерпеливыми кинокамерами и тысячами зрителей, — в тесной толпе лишь немногим видно было все, что разглядели многие миллионы дома, у телевизора.

Казалось, земля содрогнется, треснет под неимоверной тяжестью, но корабль все еще удерживали неведомые силы, что направляли его полет среди звезд. И он опустился наземь легко, невесомо, как снежинка.

Выпуклая стена в двадцати метрах над полем замерцала, пошла зыбью, точно гладь озера: в ровной блестящей поверхности открылся большой проем. В нем ничего не различить даже пытливому глазу кинокамеры. Внутри тень, тьма, словно в пещере.

Из отверстия появился широкий блестящий трап и уверенно пошел вниз. Похоже, это цельная металлическая лента с перилами по бокам. Никаких ступенек, крутой гладкий спуск, будто горка для спортивных санных, и кажется, обычным способом по ней невозможно ни спуститься, ни подняться.

Весь мир не сводил глаз с темного портала, в котором все еще не заметно было ни малейшего движения. А потом из какого-то скрытого источника негромко зазвучал хоть и редко слышанный, но незабываемый го-

лос Кареллена. И произнес он слова самые неожиданные:

— Внизу у трапа есть дети. Я хотел бы, чтобы двое из них поднялись сюда и познакомились со мной.

Мгновенье тишины. Потом из толпы выбежали мальчик и девочка и, ничуть не смущаясь, направились к трапу, готовые войти в корабль — и в историю. Следом выбежали было другие, но остановились, когда Кареллен сказал со смешком:

— Довольно двоих.

Жадно предвкушая удивительное приключение, те двое — лет шести, не старше — прыгнули на металлический скат. И тут случилось первое чудо.

Весело махая руками толпе и встревоженным родителям, которые, пожалуй, поздно вато вспомнили легенду о Крысолове, дети быстро поднимались по крутому склону. Но они не сделали ни шагу, и скоро стало видно, что они стоят не вертикально, а под прямым углом к странному трапу. Он обладал собственной силой тяготения, независимой от притяжения Земли. Радуюсь чуду и не понимая, что же это поднимает их, дети скрылись в глубине корабля.

На двадцать секунд весь мир затих, замер, — после никому не верилось, что тишина была столь недолгой. А потом огромное отверстие словно бы приблизилось, и на солнечный свет выступил Кареллен. На левой руке у него сидел мальчик, на правой — девчурка. Оба поглощены были игрой, их так занимали крылья Кареллена, что они и не поглядели вниз, на толпу.

Да, Сверхправители — тонкие психологи — за долгие годы умело подготовили человечество к этому дню, и только очень немногие лишились чувств. Однако в мире еще меньше, наверно, было таких, у кого в душе на страшный миг не всколыхнулся извечный ужас, прежде чем разум изгнал его навсегда.

Все так, в точности. Кожистые крылья, короткие

рожки, хвост с острым концом, будто наконечник стрелы,— все на месте. Ожило, вышло из неведомого прошлого самое страшное предание. Но вот оно улыбается, полное величия, в солнечных лучах сверкает огромное тело, будто выточенное из черного дерева, и к плечам его доверчиво прильнули два человеческих детеныша.

6 Пятьдесят лет — срок немалый, за эти годы можно изменить планету и ее жителей до неузнаваемости. Тут только и нужны знание законов общества, ясность цели — и могущество.

Всем этим обладали Сверхправители. Хотя конечная цель их и оставалась тайной, но очевидны были и знания — и могущество.

Могущество принимало различные формы, и лишь немногие явственны были для людей, чьими судьбами ныне распоряжались Сверхправители. Каждый видел, какая мощь сокрыта в исполинских кораблях. Но за этой явной для всех дремлющей силой таилось иное, гораздо более утонченное оружие.

— Нет неразрешимых задач,— сказал когда-то Кареллен Стормгрёну,— надо только правильно применить власть.

— Звучит довольно цинично,— усомнился Стормгрён.— Слишком напоминает известное изречение «Кто силен, тот и прав». У нас в прошлом те, кто пускал в ход силу, ровно ничего не сумели решить.

— Суть в том, чтобы применить ее правильно. У вас тут никогда не было ни настоящей силы, ни знаний, необходимых, чтобы ею пользоваться. Притом за любую задачу можно взяться с толком, а можно без толку. Допустим, к примеру, одно из ваших государств, во главе с каким-нибудь фанатиком, попытается восстать против меня. Весьма бестолково было бы отве-

тить на подобную угрозу несколькими миллиардами лошадиных сил в виде атомной бомбы.Пусти я в ход достаточно бомб — и задача решена раз и навсегда. Но, как я уже сказал, решена без толку, не будь даже у этого решения других недостатков.

— А как решить ее с толком?

— Энергии для этого понадобится примерно как для небольшого радиопередатчика,— и примерно такое же уменье, чтобы ею управлять. Ибо важно не сколько энергии пустить в ход, важно — как ее применить. Долго ли, по-вашему, Гитлер оставался бы диктатором в Германии, если бы его на каждом шагу преследовал что-то неумолчно шепчущий голос? Или день и ночь звучала бы в ушах одна и та же нота, заглушала все другие звуки и не давала уснуть? Согласитесь, способ отнюдь не жестокий. И однако, в конечном счете, столь же неодолимый, как тритиевая бомба.

— Понимаю,— сказал Стормгрен.— И негде было бы укрыться?

— Нет такого места, куда я не мог бы, если очень захочу, послать мои... э-э... аппараты. Потому-то мне и незачем принимать крутые меры, чтобы поддерживать порядок.

Итак, исполинские корабли Сверхправителей оказались только символами, и теперь весь мир узнал, что лишь один из них был не призрак. Однако самим своим присутствием призраки эти изменили историю Земли. А теперь задача их выполнена, и память о том, что они совершили, останется в веках.

Кареллен рассчитал точно. Внезапный ужас и отвращение забылись быстро, хотя многие, кто с гордостью считал себя ничуть не суеверным, так никогда и не решились встретиться с кем-нибудь из Сверхправителей лицом к лицу. Что-то здесь было странное, чего не объяснишь разумом и логикой. В эпоху средневековья люди верили в дьявола и страшились его. Но теперь уже

двадцать первый век — так неужели все же существует какая-то наследственная, родовая память?

Разумеется, все так и понимали, что между Сверхправителями или родственными им существами и человечеством некогда, в глубокой древности, разыгралась жестокая битва. Должно быть, столкнулись они в бесконечно далеком прошлом, ибо в исторических источниках не сохранилось никаких следов той встречи. Вот еще одна загадка, и Кареллен не дает к ней ключа.

Хотя Сверхправители и показались людям, они редко покидали свой единственный корабль. Возможно, на Земле им было неудобно. Должно быть, там, откуда родом эти крылатые великаны, сила тяжести гораздо меньше. И всегда на них какие-то пояса, снабженные сложными механизмами, предполагается, что с их помощью Сверхправители управляют своим весом и общаются между собой. Яркое солнце они переносят с трудом и остаются на свету считанные секунды. А когда нужно пробыть под открытым небом подольше, надевают темные очки и выглядят в них престранно. Очевидно, они могут дышать земным воздухом, однако иногда носят с собой что-то вроде фляжки и порой освежаются глотком какого-то газа.

Возможно, их необщительность объясняется чисто физическими причинами. Мало кому доводилось встретить Сверхправителя во плоти, и можно только гадать, сколько их на борту у Кареллена. Никогда люди не видели сразу больше пятерых, но в исполинском корабле их, возможно, сотни и даже тысячи.

Во многих отношениях с выходом Сверхправителей на люди возникло больше новых загадок, чем разрешилось прежних. Все еще неизвестно, откуда они, счету нет теориям о том, что они собой представляют как биологический вид. На многие вопросы они отвечают охотно, а в некоторых случаях до крайности скрытны. Но все это заботит одних лишь ученых. А рядовой землянин

если и не жаждет общаться со Сверхправителями, благодарен им за все, что они сделали для людей.

По меркам прошлого на Земле воцарилась Утопия. Не стало невежества, болезней, нищеты и страха. Память о войне растворилась в прошлом, как рассеивается на заре страшный сон: скоро среди живых людей не останется ни одного, кто испытал все это на себе.

Вся человеческая энергия обратилась на творчество — и облик Земли преобразился. Теперь это поистине новый мир. Большие города, которыми довольствовались прежние поколения, стали бесполезны — и их либо перестроили, либо покинули и превратили в музеи. Многие города уже давно заброшены, потому что вся система промышленности и торговли совершенно изменилась. Производство стало почти полностью автоматическим: заводы-роботы нескончаемым потоком дают все необходимое для повседневной жизни — и все это даром. Люди работают, только если им хочется каких-то предметов роскоши, — или не работают совсем.

Мир стал един. Былые названия старых стран сохранялись лишь для удобства почты. Не осталось на свете человека, который не говорил бы по-английски, не умел читать, не мог в любую минуту воспользоваться телевизионной связью или не больше чем за сутки перенестись в другое полушарие.

Исчезла преступность. Преступление стало и ненужным и невозможным. Когда никто ни в чем не нуждается, незачем воровать. Притом все, кто способен был бы на преступление, знали, что им не ускользнуть от бдительного ока Сверхправителей. Поначалу те весьма убедительно вмешивались в земные дела, поддерживая закон и порядок, — урок усвоен был прочно.

Еще совершаются преступления в порыве страсти, но и они большая редкость. Очень многие противоречия, что были мучительно неразрешимы, теперь устранены, а потому человечество стало душевно здоровее

и не столь безрассудно. И то, что в былые времена именовалось пороком, теперь сочтут всего лишь чудачеством, в худшем случае — невоспитанностью.

И еще одна разительная перемена: не стало сумасшедшей спешки, которой отличался двадцатый век. Жизнь течет медлительней, появился досуг, какого не знали несколько поколений людей. А потому немногие находят ее довольно пресной, зато большинству живет-ся куда спокойнее. На Западе люди заново узнали то, о чем никогда не забывали все остальные, — что в досуге нет греха, лишь бы он не выродился в праздность и лень.

Быть может, будущее и принесет новые заботы, но пока избыток свободного времени людям не в тягость. Они дольше учатся, и познания их основательней, глубже. Мало кто кончает колледж раньше двадцати — и это лишь первая ступень образования, обычно человек по крайней мере года на три возвращается к учению в двадцать пять, когда путешествия и жизненный опыт уже расширили его кругозор. И даже после, пока жив, время от времени освежает свои познания в наиболее интересных для него областях.

Оттого что ученичество продлилось далеко за рубеж, когда юнец становится взрослым, многое изменилось в жизни общества. Иные перемены стали необходимы еще несколько поколений назад, но в былые времена их не осмеливались ввести либо притворялись, что и нужды в них нет. Так, изменились — изменились в корне — отношения между полами, если считать, что в этой области *mores* * когда-либо строились по единому образцу. Все устои рассыпались в прах под ударами двух изобретений чисто человеческих — Сверхправители тут были ни при чем.

---

* Нравы (лат.).

Первое изобретение — совершенно надежное противозачаточное средство: довольно проглотить таблетку; второе — столь же верный, как отпечатки пальцев, способ определить, кто отец ребенка, по очень подробному анализу крови. Действие этих двух новинок иначе как разрушительным не назовешь — последние остатки пуританской ограниченности сметены были с лица Земли.

И еще одна громадная перемена в образе жизни — необычайная подвижность. Воздушный транспорт достиг совершенства, и всякий в любую минуту волен лететь куда вздумается. Небеса много просторнее, чем какие-либо дороги прошлого, и двадцать первый век с гораздо более широким размахом повторил знаменитое достижение Америки, когда целый народ оказался на колесах. Теперь все человечество получило крылья.

Впрочем, не буквально. У обычного флаера или аэромобиля, каким располагал каждый, не было ни крыльев, ни видимых глазу приборов. Исчезли и неуклюжие винты старинных вертолетов. Но человек не открыл способа преодолеть земное притяжение — этим величайшим секретом владели только Сверхправители. В аэромобилях людей действовали силы попроще, их могли бы понять и братья Райт. Реактивный двигатель, работающий и непосредственно, и в более сложном режиме, с ограничением высоты, вел флаер вперед и поддерживал в воздухе, и эти вездесущие воздухоплетики стерли последние границы между различными человеческими племенами так быстро и так безвозвратно, как не стерли бы Сверхправители никакими законами и приказами.

Совершались и перемены более глубокие. Настал век безбожия. Из всех видов веры, какие существовали до прилета Сверхправителей, выжил лишь своего рода облагороженный буддизм — пожалуй, самая суровая из религий. Верования, основанные на чудесах и откровениях, рухнули раз и навсегда. Они и прежде постепенно

развеивались, по мере того как люди становились образованнее, но поначалу Сверхправители в эти вопросы не вмешивались. Кареллена нередко спрашивали, как он относится к религии, но он только и отвечал, что вера — личное дело каждого человека, лишь бы он не посягал на свободу других.

Быть может, древние верования продержались бы еще у нескольких поколений, если б не вечное человеческое любопытство. Все знали, что Сверхправителям доступно прошлое, и не раз историки просили Кареллена разрешить какой-нибудь давний спор. Возможно, такие вопросы ему надоели, а скорее он прекрасно понимал, к чему поведет его великодушие...

Аппарат, который он передал Институту всемирной истории, представлял собою просто приемник, телевизор с обширной клавиатурой настройки на время и пространство. Должно быть, он был так или иначе связан с несравнимо более сложной машиной на борту Карелленова корабля, а уж как она действует, никто и вообразить не мог. На Земле ученый просто нажимал нужные клавиши — и распахивалось окно в прошлое. Взгляду мгновенно открывалось едва ли не любое событие в истории человечества за последние пять тысяч лет. Глубже в прошлое аппарат не погружался, настроенный на более ранние века экран зиял непонятной пустотой. Возможно, на то была какая-то естественная причина, а возможно, Сверхправители умышленно не позволяли узнать больше.

Конечно, всякому мыслящему человеку и прежде ясно было, что *все* вероучения не могут быть истинными, но удар оказался роковым. Вот оно, разоблачение, в котором не усомнишься, с которым не поспоришь: неведомое волшебство науки Сверхправителей открыло взорам людей, как на самом деле возникли в мире все великие религии. Почти все они начинались благородно и вдохновенно — но не более того. В несколько дней не-

счетные мессии рода людского перестали быть богами. Верования, которые долгие два тысячелетия служили опорой миллионам людей, растаяли, точно утренняя роса, в жестоком, бесстрастном свете истины. Все доброе и все злое, что они создали, разом отошло в прошлое и уже не могло тронуть ничью душу.

Человечество лишилось древних богов — и уже настолько повзрослело, что не нуждалось в новых.

Пока мало кто понимал, что наряду с крушением веры приходила в упадок наука. Процветали техника и технология, но наперечет были своеобразные умы, которые пытались раздвинуть границы человеческого знания. Оставалось любопытство, хватало досуга, чтобы его утолить, но пыл серьезного научного исследования угас. Что толку всю жизнь доискиваться тайн, наверняка открытых Сверхправителями много веков назад.

Этот упадок был не столь заметен, оттого что пышно расцвели науки описательные — зоология, ботаника, астрономические наблюдения. Никогда не бывало на свете столько любителей, собирающих научные данные для собственного удовольствия, но почти не осталось теоретиков, которые свели бы эти данные в единую систему.

А при том, что исчезла борьба, угасли раздоры и противоречия, пришел конец и творчеству, подлинному искусству. Исполнителей тьма — и любителей, и профессионалов, но за целое поколение не создано ничего нового, по-настоящему талантливого ни в литературе, ни в музыке, ни в живописи и скульптуре. Мир все еще жил былой славой, блистательными свершениями невозвратного прошлого.

И никого это не тревожило, если не считать немногих философов. Человечество слишком упивалось новообретенной свободой, радовалось сиюминутными радостями и дальше не заглядывало. Наконец-то вот она,

Утопия, Золотой век; его новизну еще не омрачил злейший враг всякой утопии — скука.

Быть может, у Сверхправителей было в запасе решение и этой задачи, решили же они столько других. Со дня их прилета минул долгий срок — целая человеческая жизнь, — но и сейчас, как тогда, никто не знал, зачем они явились. Человечество привыкло им верить и уже не задавалось вопросом, что за сверхчеловеческая самоотверженность так долго удерживает Кареллена и его спутников вдали от родины.

Если это и впрямь самоотверженность. Все-таки еще находились люди, которые спрашивали себя, вправду ли конечная цель Сверхправителей — благоденствие человечества.

7 Если подсчитать, какое расстояние предстояло одолеть всем, вместе взятым, кого пригласил в тот день Руперт Бойс, цифра получилась бы весьма внушительная. Только в первой дюжине гостей были Фостеры из Аделаиды, Шенбергеры с Гаити, Фарраны из Сталинграда, чета Моравия из Цинциннати, чета Иванко из Парижа и еще Саллилены, живущие в общем-то по соседству с островом Пасхи, но на дне океана, на глубине четырех километров. И немало чести делает Руперту, что, хотя разослал он тридцать приглашений, гостей прибыло больше сорока, — примерно так он и рассчитывал. Подвели только Краусы — просто потому, что забыли, с какого меридиана идет международный отсчет времени, и опоздали ровно на двадцать четыре часа.

К полудню в парке собралась изрядная коллекция флаеров, и тем, кто явится последним, когда они найдут наконец, где приземлиться, придется еще немало пройти пешком. Во всяком случае, под безоблачным небом, когда по Фаренгейту сто десять, путь покажется дол-

гим. Вокруг замерли аэромобили всевозможных марок, от одноместных «букашек» до семейных «кадиллаков», похожих уже не просто на средство передвижения по воздуху, а на летучие дворцы. Впрочем, теперь по марке машины никак нельзя судить о положении ее владельца в обществе.

— До чего уродливый дом,— сказала Джин Моррел, когда «метеор» по спирали начал снижаться.— Точно коробка, на которую кто-то наступил.

Джорджу Грегсону свойственна была старомодная неприязнь к автоматической посадке, и прежде чем ответить, он подрегулировал скорость спуска.

— Под таким углом зрения едва ли можно судить о доме,— справедливо заметил он.— С земли он, наверно, выглядит совсем по-другому. О господи!

— Что случилось?

— Фостеры тоже тут. Это сочетание цветов я где угодно узнаю.

— Ну, так не разговаривай с ними, если не хочется. Вот чем хороши сборища у Руперта— всегда можно скрыться в толпе.

Джордж высмотрел свободное местечко и уверенно повел флаер вниз. Они плавно опустились между другим «метеором» и какой-то машиной совсем неизвестной обоим марки. На вид штука очень быстроходная и очень неудобная, подумала Джин. Наверно, кто-нибудь из Рупертовых приятелей, помешанных на технике, сам ее смастерил. А ведь это, как будто, по закону не полагается.

Они вышли из «метеора», и жара опалила их, точно пламя электросварки. Словно разом из тела испарилась вся влага, и Джорджу почудилось, что у него уже трескается пересохшая кожа. Конечно, отчасти сами виноваты. Три часа назад они вылетели с Аляски и не сообразили поменять температуру в кабине, чтоб переход был не такой резкий.

— Да разве можно тут жить! — Джин еле перевела дух. — Я думала, здешним климатом как-то управляют.

— Конечно, управляют, — сказал Джордж. — Когда-то здесь была пустыня, а теперь — сама видишь. Ну, идем, в доме все будет как надо.

Тут их окликнул Руперт — весело, но как-то непривычно гулко. Хозяин дома стоял возле их «метеора», протягивал гостям по бокалу и с озорной улыбкой смотрел на них сверху вниз. Свысока он смотрел по той простой причине, что был примерно трех с половиной метров ростом; к тому же он оказался почти прозрачным. Сквозь него нетрудно было смотреть.

— Ну и шуточки ты шутишь со своими гостями! — воскликнул Джордж и попробовал ухватить бокалы, до которых только-только сумел дотянуться. Рука, разумеется, прошла насквозь. — Надеюсь, когда мы доберемся до твоего дома, для нас найдется что-нибудь более осязаемое.

— Не беспокойся! — засмеялся Руперт. — Давай заказывай, когда придете, все будет наготове.

— Две солидные порции пива, охлажденного в жидком воздухе, — мигом распорядился Джордж. — Мы сейчас же явимся.

Руперт кивнул, поставил один бокал на невидимый стол, нажал какую-то невидимую кнопку и исчез.

— Ну и ну! — сказала Джин. — Первый раз вижу, как действует такая машинка. Откуда Руперт ее раздобыл? Я думала, они есть только у Сверхправителей.

— А ты знаешь хоть один случай, когда Руперт не раздобыл бы, чего захотел? — возразил Джордж. — Для него это самая подходящая игрушка. Сиди уютно у себя в кабинете и при этом обойдешь пол-Африки. Ни жары, ни кусачих насекомых, ни усталости, и еще холодильник с пивом под рукой. Любопытно, что бы подумали Стенли и Ливингстон?

Под палящим солнцем больше говорить не хоте-

лось. Когда они подошли к парадной двери, почти неразличимой в сплошном стекле фасада, она под пенью фанфар автоматически распахнулась. Наверно, к вечеру меня уже начнет тошнить от фанфар, подумала Джин, и не ошиблась.

В чудесной прохладе прихожей их приветливо встретила очередная миссис Бойс. По правде сказать, из-за нее-то и собралось такое множество гостей. Половина явилась бы все равно поглядеть на новое жилище Руперта; тех, кто сперва колебался, привлекли рассказы о его новой жене.

Потрясающая женщина. Поистине другого слова не подобрать. Даже теперь, в мире, где красотой никого не удивишь, мужчины оборачивались, едва она входила в комнату. Должно быть, у нее одна бабка или дед были негры, догадался Джордж; безукоризненно правильные античные черты; длинные волосы отливают вороненой сталью. Только смуглая кожа сочного оттенка, определяемого одним лишь затрепанным словом «шоколадный», выдает ее смешанное происхождение.

— Вы — Джин и Джордж, правда? — она протянула руку. — Очень рада с вами познакомиться. Руперт там что-то мудрит с коктейлями. Идемте, познакомьтесь со всеми.

От ее глубокого контральто по спине Джорджа пробежала дрожь, словно кто-то перебирал по ней пальцами, как на флейте. Он беспокойно покосился на Джин — та натянуто, через силу улыбнулась — и не сразу сумел ответить.

— Очень... очень приятно, — пролепетал он. — Мы так предвкушали нынешний прием.

— Руперт *всегда* устраивает очень милые приемы, — вставила Джин.

«Всегда» прозвучало весьма недвусмысленно, это значило — каждый раз, когда он женится. Джордж немного покраснел, бросил на Джин укоризненный

взгляд, но хозяйка словно и не заметила шпильки. Воплощенное дружелюбие, она приветливо ввела их в главную гостиную, где уже собралось пестрое общество многочисленных друзей-приятелей Руперта. Сам хозяин сидел у аппарата, похожего на пульт управления,— очевидно, через этот аппарат он и посылает свое изображение встречать гостей, понял Джордж. Руперт как раз и старался поразить этим еще двоих, чья машина только что совершила посадку, но на секунду отвлекся, поздоровался с Джин и Джорджем и попросил прощения: приготовленные для них коктейли он уже кому-то отдал.

— Вон там всякого питья полно,— договорил он и махнул рукой куда-то назад, не переставая другой нажимать клавиши аппарата.— Будьте как дома. Вы тут почти всех знаете, Майя вас познакомит с остальными. Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что вы нас пригласили,— сказала Джин не очень уверенно.

Джордж уже шагал к стойке, Джин пошла следом, на ходу здоровалась, замечая знакомое лицо. На три четверти, как всегда у Руперта, тут собрались люди, которые никогда прежде друг друга не встречали.

— Давай пойдем на разведку,— сказала она Джорджу, когда они промочили горло и хотя бы помахали рукой всем знакомым.— Я хочу осмотреть дом.

Джордж, почти не скрываясь, оглянулся на Майю Бойс и пошел за Джин. Взгляд у него стал отрешенный, и это ей совсем не понравилось. Беда, что мужчины по природе своей многоженцы. Впрочем, будь по-другому... Нет, пожалуй, так оно лучше.

Они принялись исследовать полную чудес новую обитель Руперта, и Джордж опять быстро стал самим собой. Дом казался чересчур велик для двоих, но иначе нельзя, ведь тут часто, как сегодня, будет полно посторонних. Он двухэтажный, верхний этаж много больше, так что

выступает над нижним и дает ему тень. На каждом шагу автоматы, и кухня — не кухня, а рубка воздушного лайнера.

— Бедняжка Руби, ей бы здесь понравилось, — сказала Джин.

— Насколько я слышал, она вполне счастлива со своим дружкой в Австралии, — возразил Джордж, он вовсе не питал нежных чувств к предыдущей миссис Бойс.

Спорить не приходилось — про Руби и австралийца было известно всем, и Джин переменила разговор:

— Она ужасно хороша, правда?

У Джорджа хватило ума не попасться на удочку.

— Да, пожалуй, — равнодушно сказал он. — Конечно, если кому нравятся брюнетки.

— Тебе, как я понимаю, они не нравятся, — премило заметила Джин.

— Не надо ревновать, дорогая, — усмехнулся Джордж и погладил ее по очень светлым золотистым волосам. — Пойдем посмотрим библиотеку. По-твоему, где она может быть?

— Наверно, тут, наверху: внизу больше нет места. И вообще, похоже, так задумано: жить, есть, спать и прочее на первом этаже. А второй — для игр и развлечений... хотя, по-моему, нелепая затея — устроить плавательный бассейн на втором этаже.

— Ну, какая-нибудь причина да есть, — Джордж наугад отворил еще одну дверь. — У Руперта наверняка были опытные советчики. Уж конечно, он сам не додумался бы до такой планировки.

— Это верно. Он бы построил дом с комнатами без дверей, а лестницы вели бы в пустоту. Да мне просто страшно было бы войти в дом, построенный по плану Руперта.

— Ну, вот и пришли, — объявил Джордж, гордый, как штурман после образцовой посадки. — Прослав-

ленная коллекция Бойса на новом месте. Хотел бы я знать, много ли он тут прочел.

Библиотека тянулась во всю ширину дома, но длиннейшие ряды книжных полок рассекали ее поперек на полдюжины комнат. Тут было, насколько помнил Джордж, около пятнадцати тысяч томов — едва ли не все существенное, что когда-либо печаталось по туманным вопросам магии, психологических исследований, ясновидения, телепатии и прочих неуловимых явлений, которых не объясняет обыкновенная физика. Престранное увлечение в век здравого смысла. Должно быть, для Руперта это просто особый способ бегства от действительности.

Еще с порога Джордж ощутил странный запах. Не сильный, но острый, не то чтобы неприятный, но какой-то ни на что не похожий. Джин тоже его заметила, попыталась разобраться, на лбу обозначилась морщинка. Вроде уксуса, подумал Джордж. Но примешивается что-то еще...

В дальнем конце библиотеки оказалось свободное от полок место, его только и хватало для стола, двух стульев и нескольких подушек. Вероятно, в этом-то уголке Руперт обычно и проводил время за чтением. И сейчас при странно тусклом свете тут тоже кто-то читал.

Джин тихонько ахнула и уцепилась за руку Джорджа. Пожалуй, ей простительно. Видеть изображение на экране телевизора — это одно, повстречаться в жизни — совсем другое. Джордж — тот опомнился мигом, его мало что могло застигнуть врасплох.

— Надеюсь, мы вас не беспокоили, сэр, — вежливо сказал он. — Мы понятия не имели, что тут кто-то есть. Руперт нам не говорил...

Сверхправитель опустил книгу, внимательно оглядел обоих и снова принялся за чтение. Это нельзя счесть неучтивым, если так ведет себя существо, способное од-

новременно читать, разговаривать и, наверно, заниматься еще несколькими делами сразу. Однако с человеческой точки зрения это выглядело дико и страшно-вато.

— Меня зовут Рашаверак,— любезно сказал Сверхправитель.— Боюсь, я не слишком общителен, но из библиотеки Руперта трудно выбраться незамеченным.

Джин не без труда сдержала нервический смешок. Неожиданный собеседник читает с невероятной быстротой, заметила она: по странице за две секунды. И уже конечно впитывает каждое слово, а может быть, сумел бы читать одним глазом одну книгу, а другим другую. И еще он, наверно, может пользоваться азбукой Брайля — читать пальцами книги для слепых... Воображение нарисовало ей до того забавную картинку, что стало не по себе, и Джин поспешила спокойствия ради вступить в разговор. В конце концов, не каждый день выпадает случай поговорить с одним из повелителей Земли.

Джордж познакомил их и предоставил ей болтать, в надежде, что у нее не вырвется какая-нибудь бестактность. Как и Джин, он никогда еще не видел Сверхправителя во плоти. С государственными деятелями, с учеными, с людьми самыми разными Сверхправители постоянно встречались на деловой почве, но никогда Джордж не слышал, чтобы хоть один появился вот так, просто-напросто гостем на обыкновенной вечеринке. Но, пожалуй, в этом доме и сегодняшнем сборище все не так просто. Недаром же в распоряжении Руперта оказался и аппарат Сверхправителей, и Джорджа теперь уже не на шутку озадачило — да что же, в сущности, происходит? Надо будет поймать Руперта один на один и все из него выудить.

Стулья для Рашаверака малы, он сидит прямо на полу,— видно, ему и без подушек удобно, они валяются рядом. Итак, голова его оказалась всего в двух метрах

над полом, единственный в своем роде случай для Джорджа изучить внеземную биологию. На беду, он и в земной-то слабо разбирался, а потому не много узнал нового. Внове только этот особенный, но даже по-своему приятный острый запах. Еще вопрос, как, по мнению Сверхправителей, пахнут люди, подумалось Джорджу, — остается надеяться на лучшее.

На вид в Рашавераке нет ничего человеческого. Можно понять, что издали невежественным перепуганным дикарям Сверхправители показались крылатыми людьми, отсюда и возник привычный портрет Дьявола. Однако вблизи ясно что сходства куда меньше. Рожки (любопытно, для чего они служат?) в точности такие, как на картинках, но в теле ничего общего с человеком или с любым земным существом. Порождение совсем иной эволюции, Сверхправители не принадлежат ни к млекопитающим, ни к насекомым, ни к рептилиям. Неясно даже, относятся ли они к позвоночным: возможно, этот жесткий панцирь и есть их костяк, единственная опора туловища.

Крылья Рашаверака сложены, их толком не разглядеть, но хвост — точь-в-точь бронированный пожарный шланг — аккуратно свернут под ним. Знаменитое острие на конце напоминает не столько наконечник стрелы, как большой плоский алмаз. Сейчас уже никто не сомневается, что его назначение, подобно хвостовым перьям птицы, поддерживать равновесие при полете. Опираясь на немногие точные данные и на такие вот догадки, ученые полагают, что родина Сверхправителей — планета с малой силой тяжести и очень плотной атмосферой.

Внезапно из скрытого где-то динамика загремел голос Руперта:

— Джин! Джордж! Куда вы исчезли, черт возьми? Идите вниз и присоединяйтесь к компании. Люди уже сплетничают.

— Пожалуй, пойду и я,— сказал Рашаверак и положил книгу на полку.

Он легко проделал это, не вставая с пола, и Джордж впервые заметил, что на руке у него два больших пальца и еще пять пальцев между ними. Джордж от души порадовался, что не вынужден пользоваться арифметикой, основанной на числе четырнадцать.

Рашаверак поднялся на ноги — внушительное зрелище! Чтобы не удариться о потолок, ему пришлось сутулиться; ясное дело, даже если бы Сверхправители жаждали побольше общаться с людьми, это было бы не так-то легко.

За последние полчаса прилетело еще немало народу, и теперь гостиная была полна. С появлением Рашаверака стало совсем тесно: из смежных комнат все поспешили сюда посмотреть на него. Руперт явно наслаждался общим изумлением. Джин и Джорджу было не так уж приятно, что их никто не заметил. По правде сказать, за спиной великана их почти никто и не увидел.

— Идите сюда, Раши, я вас кое с кем познакомлю,— крикнул Руперт.— Садитесь на диван, тогда вам не придется царапать потолок.

Рашаверак, перекинув хвост через плечо, перешел комнату, будто ледокол, прокладывающий себе путь во льдах. Когда он сел возле Руперта, комната словно опять стала просторнее, и Джордж вздохнул с облегчением.

— Пока он стоял, меня мучила клаустрофобия. Любопытно, каким образом Руперт его заполучил... Похоже, вечерок будет занятный.

— Надо же, как Руперт с ним разговаривает, да еще на людях. А ему, видно, все равно. Очень все это странно.

— Спорим, ему совсем не все равно! Беда, что Руперт такой хвастун и ужасно бестактный. Кстати, ты тоже милые вопросы задавала!

— То есть?

— Ну, к примеру,— а вы давно здесь? А как вы ладите с Попечителем Карелленом? А вам нравится на Земле? Знаешь ли, детка, со Сверхправителями так не разговаривают!

— А почему бы и нет. Пора уж кому-нибудь начать.

Поссориться они не успели — подошли Шенбергеры, и почти сразу пары распались. Женщины отошли в сторону и принялись обсуждать миссис Бойс; мужчины направились в противоположную сторону и стали разбирать тот же предмет, но под иным углом зрения. Оказалось, Бенни Шенбергер, старинный друг Джорджа, может многое сообщить по этому поводу.

— Ради бога, никому не проболтайся,— сказал он,— Рут об этом не подозревает, но это я познакомил Руперта с Майей.

— По-моему, Руперт ее не стоит,— с завистью сказал Джордж.— Но это, конечно, не надолго. Он ей очень быстро надоест.

(Эта мысль его заметно подбодрила.)

— И не надейся! Она не только красавица, она чудесный человек. Давно пора кому-нибудь позаботиться о Руперте, и она для этого самая подходящая женщина.

Руперт и Майя теперь сидели подле Рашаверака и торжественно вели прием. На сборищах у Руперта гости редко стягивались к единому центру — обычно они распадалась на полдюжины кружков, поглощенных самими разными интересами. Но сегодня всех как магнитом тянуло к одной точке. Джорджу стало жаль Майю. Ведь это должен был быть ее праздник, а Рашаверак ее почти затмил.

— Слушай,— сказал Джордж, куснув сэндвич,— как это Руперт ухитрился залучить к себе Сверхправителя? Я никогда еще о таком не слышал, а он держится как ни в чем не бывало. Ни словечком про это не упомянул, когда нас приглашал.

Бенни усмехнулся:

— Ну, это же его страсть — чем-нибудь да удивить. Ты его сам спроси. Но в конце концов, это ведь не первый случай. Кареллен бывал на приемах в Белом доме и в Букингемском дворце, и...

— Это совсем другое, черт подери! Руперт самый обыкновенный человек, ни чинов, ни постов.

— А может быть, Рашаверак — мелкота среди Сверхправителей. Ты лучше их сам спроси.

— И спрошу, — сказал Джордж. — Дай только поймаю Руперта без свидетелей.

— Ну, тебе придется долго ждать.

Бенни был прав, но прием становился все оживленнее и потерпеть было ничуть не скучно. Появление Рашаверака сперва сковало собравшихся, но они быстро опомнились. Немногие еще держались около Сверхправителя, остальные по обыкновению разбились на кружки, и все вели себя вполне естественно. Так, Салливен описывал увлеченным слушателям свой последний исследовательский поход на подводной лодке.

— Мы еще не знаем точно, каких размеров они достигают, — говорил он. — Неподалеку от нашей базы есть каньон, там гнездится один — настоящий гигант. Я раз мельком его видел, так вот, размах щупалец у него добрых тридцать метров. На той неделе за ним поохочусь. Кто желает завести в доме по-настоящему редкого ручного зверя?

Какая-то женщина даже взвизгнула от ужаса.

— Брр! От одной мысли мороз по коже! Вы, наверно, ужасно храбрый.

На лице Салливена отразилось искреннее удивление.

— Никогда об этом не думал, — сказал он. — Конечно, я действую осторожно, но серьезная опасность мне ни разу не грозила. Спруты понимают, что им меня не съесть, и не обращают на меня внимания,

только не надо подходить к ним слишком близко. В большинстве морские твари вас не тронут, если вы их не заденете.

— Но рано или поздно вы уж наверняка столкнетесь с кем-нибудь, кто сочтет, что вы съедобны.

— Ну, изредка случается и такое,—беспечно отозвался Салливен.— Я стараюсь не повредить им, ведь больше всего мне хочется завязать с ними дружбу. Ну, а если что, включаю двигатели на полную мощность и через минуту уже свободен. Если есть другие дела и мне играть недосуг, можно пощекотать спрута разрядом вольт на двести. Этого достаточно, больше уж он к вам не пристанет.

Да, занятных людей встречаешь у Руперта, подумал Джордж, переходя к другой компании. Литературные вкусы Руперта широтой не отличаются, зато друзья у него весьма разнообразные. Незачем даже озираться по сторонам—в поле зрения одновременно оказываются знаменитый кинорежиссер, второстепенный поэт, математик, два актера, инженер-атомщик, смотритель заповедника, издатель еженедельника, статистик из Всемирного банка, скрипач-виртуоз, профессор археологии и астрофизик. Коллег Джорджа—сценаристов телевидения—не видно ни одного, и слава богу, ему вовсе не хочется разговаривать на профессиональные темы. Работу свою он любит—так ведь сейчас, впервые в истории человечества, никто не занимается нелюбимым делом. Но после рабочего дня он предпочитает и в мыслях захлопнуть за собой двери телестудии.

Наконец ему удалось поймать Руперта на кухне, где тот колдовал с напитками. И такой у него был при этом отрешенный взор—просто жаль возвращать человека на грешную землю... но Джордж, если надо, умел быть безжалостным.

— Послушай, Руперт,—начал он, усаживаясь на

край ближайшего стола.— По-моему, ты обязан нам всем кое-что объяснить.

— М-м,— Руперт задумчиво просмаковал глоток.— Боюсь, чуточку перелил шотландского.

— Не ув依ливай и не прикидывайся пьяненьким, я же вижу, ты трезвый, как стеклышко. С каких пор ты завел дружбу со Сверхправителем и чем он тут занимается?

— А разве я тебе не говорил? Мне казалось, я уже всем объяснил. Наверно, тебя при этом не было— ну да, вы же сбежали в библиотеку.— Он довольно обидно усмехнулся.— Понимаешь, Рашаверак у меня именно из-за библиотеки.

— Вот так раз!

— Что тебя удивляет?

Джордж спохватился: надо поделикатнее, Руперт безмерно горд своим необыкновенным собранием книг.

— Н-ну... Сверхправители такие знатоки всех наук, с чего бы им интересоваться парапсихологией и всяким таким вздором.

— Вздор это или не вздор, но их интересует человеческая психология, и они многое могут почерпнуть из моих книг. Как раз перед моим переездом сюда со мной связался то ли помощник младшего Сверхправителя, то ли Сверхпомощник младшего правителя и попросил одолжить ему с полсотни самых редкостных экземпляров. Похоже, его направил ко мне кто-то из библиотечарей Британского музея. Ну, ты догадываешься, что я на это сказал.

— Понятия не имею.

— Так вот, я очень вежливо разъяснил, что собирал свою библиотеку двадцать лет. Если им угодно изучать мои книги, милости просим, но, черт возьми, пускай читают здесь, на месте. И тогда явился Раши и заглатывает по двадцать томов в день. Хотел бы я знать, что он из них извлекает.

Джордж подумал немного, презрительно пожал плечами.

— По правде сказать, я был о Сверхправителях лучшего мнения. По-моему, они могли бы тратить время на что-нибудь более путное.

— Так ведь ты неисправимый материалист, верно? Вряд ли Джин с тобой согласится. Но, даже если рассуждать по-твоему, сверхпрактическая ты личность, этот их интерес не лишен смысла. Ведь когда имеешь дело с дикарями, надо знать их суеверия!

— Да, пожалуй,— не слишком уверенно согласился Джордж.

Сидеть на жестком столе надоело, и он встал. Руперт наконец смешал коктейль по своему вкусу и направился в гостиную. Слышно было, что там уже возмущаются — куда пропал хозяин?

— Эй, погоди! — запротестовал Джордж. — Пока ты не сбежал, еще один вопрос. Как ты заполучил этот телевизор с передатчиком, которым хотел нас напугать?

— Маленькая сделка. Я объяснил, как полезна такая штука при моей работе, а Раши передал намек по начальству.

— Извини мою тупость, но что она такое, твоя новая работа? Очевидно, это как-то связано со зверьем?

— Правильно. Я свержветеринар. В моем ведении примерно десять тысяч квадратных километров джунглей, мои пациенты сами ко мне не придут, вот и надо их выискивать.

— Наверно, вздохнуть некогда?

— Ну, о мелюзге хлопотать незачем. Моя забота — львы, слоны, носороги и прочее. Каждое утро настраиваю эту машинку на высоту сто метров, сажусь перед экраном и обзираю окрестности. Когда увижу зверя в беде, влезаю в свой флаер и надеюсь, что больной оце-

нит мой врачебный такт. Бывают довольно заковыристые задачки. Со львом или тигром управиться несложно, а вот попробуй проткни носорогу шкуру с воздуха анестезирующей иглой — намучаешься.

— Ру-перт! — заорал кто-то за дверью.

— Что ты наделал! Я из-за тебя забыл про гостей. На вот, бери поднос. Эти — с вермутом, смотри не перепутай.

.....
Перед самым заходом солнца Джордж поднялся на крышу. По многим веским причинам у него побаливала голова и захотелось улизнуть от шума и толчеи. Джин, танцующая гораздо лучше, еще наслаждалась всем этим и не пожелала уйти с ним наверх. А в Джордже спиртное подогрело нежные чувства — и, разочарованный ее отказом, он пошел втихомолку лелеять свою обиду под звездным небом.

Чтобы попасть на крышу, надо было подняться сперва эскалатором на второй этаж, потом по винтовой лесенке, огибающей трубу кондиционера. Лесенка выводила через люк на просторную плоскую крышу. В одном ее конце стоял флаер Руперта, посередине разбит был сад, уже заметно запущенный, а с другого конца, с открытой площадки, где стояли шезлонги, видно было далеко окрест. Джордж плюхнулся в шезлонг и величественно осмотрелся. Он чувствовал себя поистине владыкой всего окружающего.

Да, что и говорить, зрелище великолепное. Дом Руперта построен на краю громадной котловины, пологий склон спускается на восток, где, за пять километров отсюда, лежат болота и озера. А на западе все ровно, плоско, и джунгли подступают чуть ли не вплотную к заднему крыльцу. Но за джунглями, пожалуй, не меньше чем в полусотне километров, на север и на юг, сколько хватает глаз, стеной высится горная цепь. Кое-где на вершинах сверкает снег, над вершинами пламе-

неют облака, через считанные минуты солнце закончит свой дневной путь. При виде этих далеких грозных бастионов Джордж разом протрезвел.

Звезды, что высыпали с какой-то прямо неприличной поспешностью, едва зашло солнце, оказались совсем незнакомыми. Джордж поискал глазами Южный крест, но не нашел. Он мало смыслил в астрономии, узнавал лишь немногие созвездия, но без старых друзей стало неуютно и не по себе. Тревожно и от звуков, доносящихся из джунглей, уж чересчур они близко. Хватит с меня свежего воздуха, подумал Джордж. Пойду-ка в гостиную, покуда вампир или еще какая-нибудь дрянь не прилетела отведать моей кровушки.

Он шагнул к лестнице, и тут из люка появился еще один гость. Уже слишком темно, не разглядеть, кто это.

— А, привет! Тоже захотели отдохнуть от кутерьмы? — окликнул Джордж.

Тот, неразличимый в темноте, засмеялся:

— Руперт показывает свои фильмы. Я их все уже видел.

— Возьмите сигарету, — предложил Джордж.

— Спасибо.

Джордж, большой любитель старинных игрушек, щелкнул зажигалкой — и при свете ее огонька узнал пришедшего: этого поразительно красивого негра ему назвали, но он тут же забыл имя, вместе с именами еще двух десятков гостей, которых сегодня увидел у Руперта впервые. Но в этом лице есть что-то знакомое... и вдруг Джорджа осенило:

— Мы как будто не знакомы, но вы ведь новый шурин Руперта?

— Правильно. Меня зовут Ян Родрикс. Все говорят, что мы с Майей очень похожи.

С благоприобретенным родичем Яна не поздравишь, можно скорее посочувствовать, подумал

Джордж, но смолчал. Бедняга и сам разберется; а впрочем, мало ли — вдруг Руперт наконец остепенится.

— А я Джордж Грегсон. Вы еще не бывали на знаменитых Рупертовых сборищах?

— Нет, сегодня первый раз. Масса новых лиц.

— И не только человеческих, — заметил Джордж. — Я никогда еще не встречался вот так на вечеринках со Сверхправителями.

Собеседник чуть помедлил, и Джордж подумал — уж не задел ли ненароком какое-то больное место. Но в ответе Яна ничего такого не просквозило.

— Я тоже их не видал — кроме как по телевизору, конечно.

Разговор иссяк, немного погодя Джордж сообразил: Яну хочется побыть одному. Да и прохладно уже. Он простился и пошел вниз, к остальным.

В джунглях все стихло; Ян прислонился к округлой стенке воздуховода, теперь он только и слышал приглушенное дыхание дома, неустанную работу его механических легких. Одиночество, полное одиночество — этого Яну и хотелось. Но и горечь разочарования — а вот этого он совсем не жаждал.

8 Нет такого царства Утопии, где довольны и счастливы были бы все и всегда. Чем благополучнее условия жизни, тем выше становятся духовные запросы, и тебе уже мало всего, чем обладаешь и что можешь, хотя прежде о таком не смел бы и мечтать. Пусть окружающий мир дал все, что только мог, — не находят покоя пытливая мысль и тоскующее сердце.

Ян Родрикс — хотя он вовсе не считал, что ему повезло, — был бы еще меньше доволен жизнью, родился он веком раньше. Сто лет назад цвет его кожи стал бы для него тяжелой, пожалуй, просто безнадежной помехой. Теперь это не имело значения. Неизбежная реак-

ция, которая в начале XXI века породила у негров некоторое чувство собственного превосходства, миновала. Обиходное словечко «черный» уже не было под запретом в приличном обществе, но никого не смущало. В нем заключалось теперь не больше обидного, чем в ярлычках вроде «республиканец» или «методист», «консерватор» или «либерал».

Отец Яна, обаятельный, но беспечный шотландец приобрел известность как профессиональный фокусник. Его раннюю смерть—в возрасте всего сорока пяти лет—ускорило злоупотребление напитком, которым больше других своих плодов прославилась его родина. Правда, Ян никогда не видел отца пьяным, но едва ли хоть раз видел его вполне трезвым.

Миссис Родрикс еще жила и здравствовала вовсю и даже читала в Эдинбургском университете лекции по усовершенствованной теории вероятности. Вполне в духе XXI века, столь чуждого оседлости, миссис Родрикс, чья кожа была черна как уголь, родилась в Шотландии, а ее светловолосый белокожий супруг рано покинул родину и почти всю жизнь провел на Гаити. У Майи и Яна никогда не было постоянного крова, они вечно сновали между семьями отца и матери, точно два маленьких челнока. Занятный образ жизни, но он отнюдь не помогал излечить неуравновешенность, которую оба унаследовали от папаша.

Яну минуло двадцать семь и предстояло еще несколько лет ученья, прежде чем надо будет всерьез подумать о выборе профессии. Он без труда получил степень бакалавра, пройдя программу, которая столетием раньше показалась бы престранной. Занимался он в основном математикой и физикой, а дополнительно философией и музыкой. Даже по высоким меркам своего времени он стал первоклассным пианистом-любителем.

Через три года он защитит диссертацию и станет доктором физических наук, вторая его специальность — астрономия. Поработать придется изрядно, но работа его не пугает. Притом он — студент Кейптаунского университета, что приютился у подножья Столовой горы, — больше нигде во всем мире не получишь высшее образование в уголке такой красоты.

Нет у него и забот материальных, и однако он недоволен жизнью и не находит покоя. И ко всему, хоть он ничуть не завидует сестре, от счастья Майи еще ясней стало, в чем беда его, Яна.

Ибо его все еще мучит романтическая иллюзия, что породила столько страданий и столько поэзии, — будто каждому человеку дается в жизни только одна истинная любовь. В необычно позднем возрасте он впервые влюбился без памяти в особу, куда больше известную красотой, нежели постоянством. Розита Цзен гордилась — и не без оснований, — что в жилах ее течет кровь маньчжурских императоров. У нее и сейчас немало подданных, в том числе профессора и преподаватели Кейптаунского университета чуть ли не в полном составе. Утонченная красота этого нежного цветка давно пленила Яна, отношения зашли достаточно далеко — тем острее боль от того, что все оборвалось. А почему оборвалось — не понять...

Ну, конечно, он это одолеет. Переживали же другие такой вот крах — и раны затягивались, и потом человек даже способен был сказать: «Право, не мог же я любить эту женщину по-настоящему!». Но до такой отрешенности еще очень и очень далеко, а сейчас Ян в жестоком разладе с жизнью.

Другая его обида еще глубже и неизлечимей, ибо Сверхправители разрушили его честолюбивые мечты. Ян — романтик не только сердцем, но и умом. Подобно многим молодым ученым, с тех пор как покорен был

воздух, он мечтами и воображением носился по неизведанному океану космоса.

Столетие назад человек поднялся на первую ступеньку лестницы, ведущей к звездам. И в тот же миг — неужели простое совпадение? — дверь, открывающую выход к планетам, захлопнули у него перед носом. Сверхправители почти не налагали запретов на какие-либо виды человеческой деятельности (пожалуй, важнейшее исключение — война), но исследованиям в области межпланетных полетов пришел конец. Слишком огромно оказалось научное превосходство Сверхправителей. У человечества — по крайней мере на время — опустились руки, и оно занялось другими делами. Что толку строить ракеты, когда у Сверхправителей есть двигатели несравненно более совершенные, а в чем тут секрет — они не обмолвились ни словом.

Несколько сот человек побывали на Луне и построили там обсерваторию, переправлялись они пассажирами на кораблике Сверхправителей, и кораблик был ракетный. Никаких сомнений — сколько ни изучай такое примитивное суденышко, мало что узнаешь, хотя Сверхправители и предоставили его в полное распоряжение любознательных земных ученых.

Итак, человек — все еще пленник своей планеты. И планета его теперь гораздо лучше, но и гораздо меньше, чем была сто лет назад. Уничтожив на ней войну, голод, болезни, Сверхправители заодно уничтожили отвагу и приключения.

Всходила луна, небо на востоке понемногу наливалось слабым молочно-белым сиянием. Ян знал — главная база Сверхправителей находится в бастиионе кратера Плутон. Должно быть, грузовые корабли садились на Луне и взлетали с нее уже лет семьдесят слишком, но только на памяти Яна Сверхправители перестали это скрывать, и теперь старт хорошо виден с Земли. В двухсотдюймовый телескоп нетрудно разли-

чить тени исполинских кораблей, под лучами восходящего или заходящего солнца они на милях протягиваются по лунным равнинам. Каждый шаг Сверхправителей вызывает у людей огромный интерес, а потому за прибытием и отправлением их кораблей тщательно наблюдают, и постепенно проясняется какой-то порядок, хотя чем он обусловлен, остается непонятно. Одна из этих исполинских теней исчезла несколько часов назад. Ян знает, это значит, что сейчас где-то по ту сторону Луны корабль Сверхправителей привычным, но загадочным для людей образом готовится в путь к своей далекой, неведомой родине.

Ян еще ни разу не видал, как уходит к звездам такой корабль. При ясном небе это видно на полмира, но Яну всегда не везло. Ведь не предугадаешь в точности, когда взлет, а Сверхправители об этом не сообщают. Ян решил подождать еще десять минут, потом он вернется в гостиную.

А это что? Всего лишь метеор скользнул по созвездию Эридана. Ян перевел дух, заметил, что сигарета погасла, закурил другую.

Он наполовину выкурил ее, и тогда-то в полумиллионе километров от него взлетел межзвездный корабль. Среди ширящегося бледного зарева восходящей луны вспыхнула крохотная искорка и стала подниматься в зенит. Сперва медленно, еле заметно, но с каждым мигом быстрее. Чем выше она поднималась, тем ярче сверкала — и вдруг померкла, скрылась из глаз. А через мгновение возникла вновь — еще ярче, еще стремительней. Так, то вспыхивая, то угасая в причудливом ритме, все ускоряя бег, она вздымалась в небо и оставляла среди звезд светящийся прерывистый след. Даже если не знать, как она далеко, дух захватит от такой скорости, но когда знаешь, что уносящийся прочь корабль — где-то там, за Луной, голова идет кругом при мысли об этой невообразимой мощи и энергии.

Ян знал, сейчас он видит всего лишь незначительный побочный продукт этой мощи. Сам корабль невидим, он далеко опередил устремленную ввысь световую черту. Корабль Сверхправителей оставляет за собой этот светящийся след, как остается в стратосфере струя пара позади реактивного самолета. Общепринятая теория — судя по всему, справедливая — утверждает, что громадные ускорения звездолетов местами искажают пространство. И Ян знал, то, что он сейчас видит, — ни много ни мало, свет далеких звезд, собранный в пучок там, где проносящийся корабль создал для этого благоприятные условия. Вот оно, наглядное доказательство теории относительности — изгиб светового луча вблизи мощного поля тяготения.

Теперь кончик этой огромной, заостренной, точно карандаш, линзы словно бы движется медленней, но лишь потому, что изменилась перспектива. На самом деле корабль все еще набирает скорость; просто его след, устремленный вовне Солнечной системы, к звездам, укорочен углом зрения. Ян знал, сейчас на эту светящуюся черту направлено множество телескопов — ученые Земли силятся раскрыть тайну межзвездных полетов. Тайне этой уже посвящены десятки научных трудов; несомненно, Сверхправители читают их с величайшим интересом.

Призрачный свет понемногу бледнеет. Теперь это всего лишь тонкая ниточка, она тянется к сердцу созвездия Карина — это Ян предвидел. Всем известно, что родная планета Сверхправителей где-то в той стороне, но — которая, возле какого из тысячи светил, что находится в этом секторе Пространства? И невозможно определить, как далека она от Солнечной системы.

Кончено. Хотя путь корабля еще только начат, человеческий глаз больше ничего не улавливает. Но в мыслях и в памяти Яна еще горит его след — и этот маяк

не погаснет, пока сам он способен к чему-то стремиться и чего-то желать.

Прием закончился. За немногими исключениями, гости уже уносились по воздуху на все четыре стороны света. Но кое-кто остался.

Не улетел поэт Норман Додсворт, давно уже до безобразия пьяный,— у него хватило ума свалиться без памяти, прежде чем пришлось бы применить к нему силу. Его не слишком бережно вытащили на лужайку в надежде, что какая-нибудь гиена без церемоний его разбудит. Итак, он не в счет.

Остались Джордж и Джин. Отнюдь не по воле Джорджа — он хотел вернуться домой. Ему совсем не нравилась дружба между Джин и Рупертом, и не просто из обыкновенной ревности. Джордж гордился тем, что он человек здравомыслящий и уравновешенный, и общее увлечение Джин и Руперта теперь, в век науки, на его взгляд, было не просто ребячеством, но какой-то болезненной манией. Непостижимо, как кто-то все еще может хоть на волос верить в сверхъестественное, и уважение Джорджа к Сверхправителям изрядно пошатнулось от того, что остался и Рашаверак.

Теперь ясно, Руперт хочет поразить оставшихся какой-то новой затеей, возможно,— в заговоре с Джин. Джордж угрюмо покорился — ладно, он стерпит какие угодно их дурацкие выходки.

— Чего я только не перепробовал, пока остановился вот на этом,— гордо заявил Руперт.— Самое главное — свести на нет трение, движению ничто не должно мешать. Старомодный полированный стол и вертящееся блюдо тоже недурны, но ими пользовались много веков, при современном уровне науки можно придумать что-нибудь получше. Ну и вот, сейчас увидите. Придвигайте стулья, подсаживайтесь... Раши, вы и правда не хотите присоединиться?

Долго секунды Сверхправитель, казалось, колебался. Потом покачал головой. (Уж не на Земле ли они этому выучились? — подумал Джордж.)

— Нет, спасибо, — сказал он. — Предпочитаю смотреть со стороны. Может быть, как-нибудь в другой раз.

— Ну что ж... если передумаете, времени у нас вдоль.

Ой ли? — усомнился про себя Джордж, мрачно глянув на часы.

Руперт подвел друзей к маленькому, но массивному, безупречно круглому столу. Снял гладкую пластмассовую крышку, под ней оказалось блестящее озерцо тесно уложенных металлических шариков. Скатиться им не давал чуть приподнятый бортик, Джордж понять не мог, для чего они. Свет отражался в них сотнями слепящих точек, этот яркий узор притягивал, завораживал, у Джорджа слегка закружилась голова.

Все уселись вокруг стола, откуда-то снизу Руперт вытащил диск сантиметров десяти в поперечнике и положил на блестящие шарики.

— Ну вот, — сказал он. — Довольно тронуть диск пальцем, и он движется без малейшего трения.

Джордж подозрительно оглядел всю эту механику. По окружности стола на равных расстояниях одна от другой, но не по порядку нанесены буквы алфавита. Между ними, уж совсем безо всякого порядка, разбросаны цифры от единицы до девяти и с двух сторон, точно друг против друга, начерчены две карточки со словами «да» и «нет».

— По-моему, все это просто шаманство — пробормотал Джордж. — Только диву даешься, как в наше время кто-то может принимать такое всерьез.

Этим не слишком бурным протестом он метил в Джин не меньше, чем в Руперта, и немного отвел душу. Впрочем, Руперт не скрывает, что все сверхъестественное занимает его лишь отвлеченно, с научной

точки зрения. Он человек непредубежденный, но не лежковерный. А вот Джин... она порой Джорджа беспокоит. Похоже, она и впрямь воображает, будто в ясновидении, телепатии и прочей чепухе что-то кроется.

Только уже съязвив насчет шаманства, Джордж сообразил, что его слова относятся и к Рашавераку. Он беспокойно оглянулся, но Сверхправитель ничем не показал, что уязвлен. Разумеется, это ровно ничего не доказывало.

Итак, они разместились вокруг стола. За Рупертом по часовой стрелке сидели Майя, Ян, Джин, Джордж и Бенни Шенбергер. Вне этого круга, с блокнотом в руках, села Рут Шенбергер. Она, видно, почему-то сочла для себя непозволительным участвовать в этой затее, и муж туманно сострил, что иные люди все еще свято чтут Талмуд. Однако она охотно вызвалась вести запись.

— Значит, так,— начал Руперт.— Ради скептиков вроде Джорджа вношу ясность. Есть ли тут что-то сверхъестественное, нет ли, но эта штука действует. Лично я думаю, что причины тут чисто механические. Мы касаемся диска — и пусть даже искренне не хотим как-либо повлиять на его движение, но в игру вступает наше подсознание. Я продумал множество таких сеансов — и ни разу не обнаружил ответов, которые кто-либо из участников мог знать или угадать, хотя сами они иногда об этом не подозревали. Однако мне хочется провести сегодня опыт при несколько... э-э... особых обстоятельствах.

Особое Обстоятельство сидело и смотрело на всех молча, но, без сомнения, не равнодушно. Что-то Рашаверак на самом деле думает об этих фокусах, спросил себя Джордж. Может быть, он сейчас — вроде антрополога, который наблюдает религиозные обряды дикарей? Право, все это выглядит просто невероятно, никогда в жизни он, Джордж, не чувствовал себя таким дураком.

Если и другие чувствуют себя так же глупо, по ним этого не видно. Одна Джин покраснела и явно взвинчена, но, может быть, это от выпитых коктейлей.

— Можно начинать? — спросил Руперт. — Отлично. — Он внушительно помедлил, потом, ни к кому не обращаясь, окликнул: — Есть тут кто-нибудь?

Плоский кружок под пальцами Джорджа чуть дрогнул. Ничего удивительного, ведь на него давят руки шестерых за столом. Кружок скользнул в сторону маленькой цифры восемь и опять вернулся на середину.

— Есть тут кто-нибудь? — повторил Руперт. — И прибавил более обычным тоном: — Часто до начала проходит минут десять — пятнадцать, но иногда...

— Тс-с! — выдохнула Джин.

Диск двигался. Он описывал широкую дугу между карточками «да» и «нет». Джордж с трудом подавил смех. Допустим, ответ будет «нет» — что это докажет? Вспомнился старый анекдот про негра, залезшего в курятник: «Тут никого нет, хозяин, одни мы, куры»...

Но ответ оказался «да». И тотчас диск вернулся на середину стола. Теперь он будто ожил и ждет нового вопроса. Джордж невольно стал внимательнее.

— Кто вы? — спросил Руперт.

На сей раз ответ последовал без запинки.

Диск носился по столу от буквы к букве, как разумное существо, да так быстро, что порой едва не ускользал у Джорджа из-под пальцев. И Джордж готов был поклясться, что никак не помогает этим движениям. Он быстро оглядел друзей — ни в одном лице ничего подозрительного. Похоже, все так же напряженно, жадно чего-то ждут, как и он сам.

— ЯЭТОВСЕ, — вывел диск и опять успокоился посреди стола.

— Я — это все, — повторил Руперт. — Характерный ответ. Уклончиво, но поощряет к дальнейшему. Ве-

роятно, это значит, что здесь только и присутствует совокупность наших сознаний.

Руперт минуту помолчал, видимо, обдумывая следующий вопрос. Потом снова обратился в пространство:

— Вы должны передать весть кому-то из нас?

— Нет,—сейчас же ответил диск.

Руперт обвел взглядом сидящих вокруг стола.

— Дело за нами; иногда он сам что-нибудь сообщает, но сейчас нам надо задавать какие-то прямые вопросы. Кто хочет начать?

— Будет завтра дождь?—с усмешкой спросил Джордж.

Диск забегал взад-вперед между «да» и «нет».

— Глупый вопрос,—упрекнул Руперт.— Понятно же, что где-то пройдут дожди, а в других местах будет ясная погода. Не задавайте вопросов, которые требуют двусмысленных ответов.

Джордж сник: попало — и поделом. Пускай попробует кто-нибудь другой.

— Какой мой любимый цвет?—спросила Майя.

— Голубой,—был мгновенный ответ.

— Правильно.

— Это ничего не доказывает,—заметил Джордж.— По крайней мере троим из нас это известно.

— Какой любимый цвет Рут?—спросил Бенни.

— Красный.

— Правильно, Рут?

Добровольная секретарша подняла голову от блокнота.

— Да. Но это знает Бенни, а он с вами за столом.

— Ничего я не знал,—возразил Бенни.

— Еще как должен знать, я тебе сто раз говорила.

— Подсознательная память,—пробормотал Руперт.— Так бывает часто. Но может быть, кто-нибудь

задаст вопрос поумнее, а? Началось так хорошо, не хотел бы я, чтобы вечер прошел впустую.

Странно, как раз оттого, что все это ничуть не походило на серьезный научный опыт, Джордж призадумался. Конечно же, объясняется это никакими не сверхъестественными причинами; как сказал Руперт, диск просто отзывается на бессознательные движения их же мышц. Но уже и это удивительно и заставляет задуматься: никогда бы не поверил, что можно получить такие мгновенные и точные ответы! И он попытался сам повлиять на диск — пусть напишет его имя. Он добился заглавного «Д», — но и только, дальше пошла бессмыслица. Нет, совершенно ясно, что один человек не может управлять диском — остальные в кругу это сразу поймут.

За полчаса Рут записала больше дюжины ответов, иные оказались довольно длинными. Попадались грамматические ошибки и причудливые обороты, но очень редко. Чем бы все это ни объяснялось, Джордж убедился: сознательно он в ответах диска никак не участвует. Несколько раз, увидев начало слова, он, казалось, угадывал следующую букву и тем самым смысл ответа. И всякий раз диск переносился в совершенно неожиданном направлении и писал что-то совсем другое. Порой даже весь ответ выглядел невнятицей — ведь слова не разделялись промежутками, конец одного сливался с началом другого, и только когда Рут перечитывала все заново, прояснялся смысл.

От всего этого у Джорджа возникло жутковатое чувство, словно он столкнулся с неким чужим, властным разумом. И все же он не видел решающего, окончательного докательства ни за, ни против. Ответы так обыденны, так двусмысленны. Как, например, прикажете понимать следующее:

ВЕРЬТЕВЧЕЛОВЕКАПРИРОДАСВАМИ

Но порой угадывалась какая-то глубокая, даже пугающая правда:

ПОМНИТЕ ЧЕЛОВЕК НЕ ОДИН РЯДОМ С ЧЕЛОВЕ- КОМ ОБИТАЮТ ДРУГИЕ

Впрочем, это же все известно... хотя, почему знать, может быть, тут подразумеваются не только Сверхправители?

Джорджа теперь отчаянно клонило ко сну. Давно уже пора по домам, сонно подумал он. Все это очень любопытно, но ничего определенного не достигли, и вообще хорошенького понемножку. Он быстро оглядел всех за столом. Бенни, видно, тоже сыт по горло и хочет спать, Майя и Руперт сидят как в тумане, а Джин... да, Джин с самого начала отнеслась к этой истории чересчур серьезно. Даже не по себе становится, такое у нее лицо: будто ей и покончить с этим страшно — и страшно, что будет дальше.

Остается один Ян. Любопытно, как-то он относится к причудам шурина, подумалось Джорджу. Молодой инженер еще не задал ни одного вопроса, ничем не показал, что удивлен хоть одним ответом. Похоже, он изучает движения диска так, словно наблюдает за урядный научный опыт.

Руперт очнулся от оцепенения.

— Давайте еще один вопрос и на этом кончим, — сказал он. — Ну-ка, Ян? Ты еще ничего не спрашивал.

Странно, Ян ни секунды не колебался. Казалось, он давно уже обдумал вопрос и только ждал удобного случая. Мельком глянул на бесстрастного, неподвижного Рашаверака и спросил звонко, отчетливо:

— Возле какой звезды находится планета Сверхправителей?

Руперт чуть не свистнул от изумления. Бенни и Майя остались безучастны. Джин сидит с закрытыми

глазами, похоже, уснула. Рашаверак наклонился, поверх Рупертова плеча заглядывает в круг.

И диск тронулся.

Когда он опять замер на месте, настало короткое молчание. Потом Рут спросила озадаченно:

— НГС 549672 — что же это значит?

Ей не ответили, помешал тревожный возглас Джорджа:

— Помогите мне кто-нибудь. Джин, кажется, в обмороке.

9 — Расскажи мне подробнее про этого Бойса,— сказал Кареллен.

Понятно, Сверхправитель не изъяснялся именно этими словами, и мысли, им высказанные, были гораздо тоньше. Человеческое ухо уловило бы короткий взрыв вибрирующих звуков, что-то вроде стремительной морзянки. У людей накопилось уже немало записей такой речи, но расшифровать язык Сверхправителей никто еще не сумел, он был безмерно сложен, да еще эта невероятная быстрота, при которой ни один переводчик, даже овладей он основами языка, не в силах был бы уследить за обычным разговором Сверхправителей.

Попечитель Земли стоял спиной к Рашавераку и пристально смотрел на многоцветную пропасть Большого каньона. В десяти километрах отсюда, но почти не затуманенные далью, уступчатые склоны сейчас так и горели в солнечных лучах. Далеко-далеко внизу под тем местом, где над краем затененного откоса стоял Кареллен, тащился по извилистой дороге караван мулов. Странно, думал Кареллен, очень многие люди при каждом удобном случае все еще ведут себя как дикари. Стоит только пожелать, и они могли бы спуститься на дно ущелья несравненно быстрее и с куда большим

удобством. Но нет, они предпочитают трястись по ухабистой дороге, наверняка ненадежной не только с виду.

Неуловимое движение руки — и великолепная картина померкла, только еще мгновенье взгляду Кареллена чудилась бесконечная глубь. И снова его теснит действительность, привычный кабинет, обязанности Попечителя.

— Руперт Бойс личность своеобразная, — отвечал ему Рашаверак. — По профессии он смотритель значительной части Африканского заповедника, заботится о здоровье зверей. Дело свое знает и любит. Поскольку ему надо держать под наблюдением несколько тысяч квадратных километров, он получил один из тех пятнадцати панорамных обзорников, что мы пока передали людям, — разумеется, как всегда, с ограничителями. Его экземпляр, кстати, единственный с передатчиком объемного изображения. Он вполне убедительно доказал, что это ему необходимо, и мы согласились.

— Какие у него доводы?

— Он сказал, что хочет показываться диким зверям, чтобы привыкали к его виду и не набросились, когда он сам к ним явится. Эта теория вполне оправдалась — со зверями, у которых важнее не нюх, а зрение... хотя в конце концов его, вероятно, растерзают. Ну и, понятно, мы предоставили ему аппарат еще по одной причине.

— Он стал сговорчивей?

— Вот именно. Сперва я обратился к нему потому, что у него едва ли не лучшее в мире собрание книг по парапсихологии и смежным вопросам. Он вежливо, но решительно отказался выпускать их из рук, пришлось читать у него дома. Я уже перечитал примерно половину его библиотеки. Довольно тяжелое испытание.

— Могу себе представить, — сухо сказал Кареллен. — Нашлось среди этого хлама что-нибудь стоящее?

— Да. Одиннадцать бесспорных случаев частичного

прорыва и двадцать семь вполне вероятных. Но материал отобран односторонне, так что выводов на нем не построишь. И все свидетельства безнадежно запутаны мистикой — вот, пожалуй, главная болезнь человеческого разума.

— А как сам Бойс ко всему этому относится?

— Выдает себя за человека непредубежденного и настроенного скептически, но ясно, что он не тратил бы на это столько времени и сил, если бы подсознательно в это не верил. Я так ему и сказал, и он признался, что я, пожалуй, прав. Ему хотелось бы найти какое-то веское доказательство. Потому он и ставит без конца свои опыты, хотя притворяется, будто это просто забава.

— Ты уверен, он не подозревает, что ты интересуешься всем этим не из чистого любопытства?

— Вполне уверен. В некоторых отношениях Бойс редкость туп и ограничен. Так что его попытки исследовать именно эту область довольно жалки. К нему незачем применять какие-то особые меры.

— Понимаю. А девушка, которая упала в обморок?

— Вот это самое интересное. Почти наверняка сообщение пришло именно через Джин Моррел. Но ей двадцать шесть лет — судя по всему нашему прежнему опыту, слишком много, не может она сама стать первым звеном. Значит, тут есть кто-то, с нею тесно связанный. Вывод ясен. Нам осталось ждать всего несколько лет. Надо внести ее в Пурпурный разряд: возможно, она сейчас — самый значительный человек на Земле.

— Так и сделаю. А тот молодой человек, который задал вопрос? Наобум спросил, просто из любопытства, или у него была какая-то задняя мысль?

— Он попал туда случайно — его сестра только что вышла замуж за Руперта Бойса. Ни с кем из других гостей он прежде не встречался. Я уверен, вопрос не обдуман заранее, а вызван необычной обстановкой, да еще

моим присутствием. При этих условиях неудивительно, что он задал такой вопрос. Его больше всего привлекает астронавтика, он — секретарь научной группы в Кейптаунском университете и явно намерен посвятить свою жизнь теории космических полетов.

— Любопытно, чего он достигнет. По-твоему, как он сейчас станет поступать и надо ли нам принять какие-то меры?

— Несомненно, при первой возможности он постарается хоть что-то проверить. Но у него нет способа доказать, что его сведения точны, и получены они столь необычным путем, что едва ли он предаст их гласности. А если они и станут известны, разве это хоть чему-то помешает?

— Надо будет взвесить обе возможности. Правда, нам не разрешено обнаруживать нашу базу, но люди никак не могут использовать эти сведения против нас.

— Согласен. Получится, что у Родрикса есть какие-то сведения, не слишком достоверные и практически бесполезные.

— Похоже на то, — сказал Кареллен. — Но полной уверенности нет. Люди на удивление изобретательны и зачастую крайне упорны. Недооценивать их опасно, и в дальнейшем за мистером Родриксом стоит следить. Я это еще обдумую.

. . . . .

Руперт Бойс так и не понял, что же в конце концов произошло. Когда гости разошлись — менее шумно и оживленно, чем всегда, — он задумчиво откатил столик на место, в угол. Винные пары мешали серьезно вникнуть в случившееся, да и сами события уже немного расплылись в памяти. Смутно представлялось, будто произошло что-то важное, хотя и непонятное, — может быть, потолковать с Рашавераком? Нет, пожалуй, это будет бестактно. В конце концов, неловкость вышла из-за новоявленного зятя... Руперта даже взяла

досада на Яна. Но разве так получилось по вине этого юнца? Или еще по чьей-то вине? Руперт виновато подумал, что ведь опыт затеял он сам. Он тут же решил забыть эту историю — и вполне в этом преуспел.

Пожалуй, Руперт все-таки что-то предпринял бы, найдись последний листок из блокнота Рут,— но в суматохе он пропал. Ян делал вид, что он ни при чем, ну, а Рашаверака в пропаже не упрекнешь... И никто не помнил точно, что же там было написано, только и помнили — какая-то бессмыслица...

. . . . .
Больше всех случай этот повлиял на судьбу Джорджа Грегсона. Навсегда запомнил он ужас, испытанный в минуту, когда Джин рухнула ему на руки. От внезапной беспомощности она вдруг преобразилась, это уже не просто забавная спутница; его мгновенно захлестнули любовь и нежность. Женщины падали в обморок с незапамятных времен (и не всегда нечаянно) — и мужчины неизменно отзывались на это, как надо. Джин лишилась чувств отнюдь не умышленно, но при самом тонком расчете нельзя было бы подгадать удачнее. После Джордж понял, что именно в эту минуту решил едва ли не на самый важный шаг в своей жизни. Пускай у Джин странные причуды, а приятели и того чуднее, ему нужна только она. Не обязательно совсем отказываться от Наоми, от Джой, Эльзы или — как бишь ее? — от Дениз, но пора завести отношения более прочные. Джин наверняка согласится, она своих чувств никогда не скрывала.

Он сам не подозревал, что его заставила решиться еще одна причина. После нынешнего опыта странное увлечение чудачки Джин уже не вызывает такого насмешливого презрения. Джордж в этом никогда не признается, но так уж оно вышло — и это разбило последнюю разделявшую их преграду.

Он смотрел на Джин — бледная, но спокойная, она

откинулась на низко опущенную спинку кресла. Под флаером тьма, над головой — звезды. Джордж понятия не имел, где они сейчас, определился бы разве что с точностью до тысячи километров, но не все ли равно. Это уж дело автопилота, он доставит их домой и совершит посадку — об этом сообщили приборы — ровно через пятьдесят семь минут.

Джин улыбнулась ему в ответ и мягко высвободила руку, которую он сжимал в своих.

— Совсем онемели, — пожаловалась она и стала растирать пальцы. — Я уже вполне хорошо себя чувствую, можешь мне поверить.

— А все-таки, по-твоему, что случилось? Неужели ты совсем ничего не помнишь?

— Ничего... какой-то провал. Я слышала, Ян задал вопрос, и сразу вы все вокруг меня суетитесь. Наверно, впала в какой-то транс. В конце концов...

Она помедлила — и решила, не стоит говорить Джорджу, что с ней и раньше так бывало. Он ничего такого не любит, пожалуй, расстроишь его еще сильнее, а то и вовсе отпугнешь.

— Что «в конце концов»? — спросил Джордж.

— Да так, ничего. Интересно, что об этом сеансе подумал Сверхправитель. Наверно, он и не ждал, что столько всего услышит.

Джин вздрогнула, оживленный взгляд затуманился.

— Боюсь я Сверхправителей, Джордж. Не оттого, что они несут зло, никаких таких глупостей я не воображаю. Конечно же, у них добрые намерения, и они всё делают, как считают лучше для нас. А только чего им на самом деле надо?

Джордж неуверенно пожал плечами.

— Люди об этом гадают с первого дня, — сказал он. — Когда мы будем готовы знать, Сверхправители нам сами скажут — по совести говоря, меня любопытство не разбирает. И у меня сейчас, знаешь ли, другое

на уме.— Он наклонился к Джин, стиснул ее руки.— Слушай, слетаем-ка завтра в Архив и заключим брачный договор... ну, скажем, на пять лет, а?

Джин посмотрела на него в упор — да, то, что написано у него на лице, очень приятно.

— Давай на десять,— сказала она.

Ян не торопился. Спеха никакого нет, надо основательно подумать. Он чуть ли не побаивался начать проверку — вдруг возникшая у него фантастическая надежда сразу рухнет. Пока ничего определенного нет, можно хотя бы мечтать.

Да и нельзя ничего предпринять, пока не повидал библиотекаря Обсерватории. Эта женщина хорошо его знает, знает, что он изучает и чем увлекается, и наверняка сочтет его просьбу странной. Может, это и не страшно, но лучше не рисковать. Выждем неделю, тогда представится более удобный случай. Да, он уж очень осторожничает, но от этого вся затея захватывает еще сильнее, прямо как мальчишку. Притом самое страшное — оказаться смешным, страшней, чем любые помехи и кары Сверхправителей. Нет, если его затея дурацкая, про нее никто никогда не узнает.

Для поездки в Лондон у него вполне уважительная причина, об этом договорено с месяц назад. Правда, для делегата он еще слишком молод и неопытен, но он — один из трех студентов, которым удалось пристроиться к делегации на съезд Международного астрономического общества. Могли поехать трое — не упустать же такой случай, да и в Лондоне он не был с детства. Ян знал, на этом съезде очень немногие из десятков докладов будут ему сколько-нибудь интересны, даже если он и сумеет их понять. Как всякий делегат любого ученого конгресса, он станет слушать только то, что может ему пригодиться, а остальное время потол-

кует с собратьями по увлечению или просто побродит по городу.

За последние пятьдесят лет Лондон изменился до неузнаваемости. Теперь в нем не наберется и двух миллионов жителей — и в сто раз больше машин. Он перестал быть важным портом — теперь каждая страна производит почти все необходимое, и самая система международной торговли стала иная. В некоторых странах еще делают какие-то вещи лучше, чем в других, но переправляют их по воздуху. Торговые пути, которые некогда вели от одной громадной гавани к другой, а позже от аэропорта к аэропорту, под конец превратились в хитроумную тонкую сеть, она охватила весь мир, но нет в ней каких-то особо важных узлов.

Однако переменилось не все. Лондон по-прежнему административный центр, средоточие искусства и науки. В этих областях с ним не может соперничать ни одна столица континента — даже Париж, как он ни силится доказать обратное. Лондонский житель, попади он сюда из прошлого века, и сейчас бы не заблудился, по крайней мере в центре. Через Темзу перекинута несколько новых мостов — но на прежних местах. Не видно громадных прокопченных вокзалов железной дороги, — их выдворили за город. Но здание парламента такое же, как было; Нельсон все так же свысока взирает единственным глазом на Уайтхолл; и купол собора св. Павла все еще высится на Ладгейтском холме, хотя с ним теперь могут потягаться и здания повыше.

И как прежде, маршируют гвардейцы перед Букингемским дворцом.

Все это подождет, думал Ян. Была пора каникул, и он с двумя своими товарищами студентами остановился в одном из университетских общежитий. Район Блумсбери за последнее столетие тоже не переменился: здесь и теперь полно гостиниц и меблированных комнат, хотя они уже не стоят вплоты друг к другу и не

тянутся, как прежде, нескончаемыми однообразными вереницами покрытых копотью кирпичных стен.

Только на второй день съезда Яну выпал желанный случай. Основные доклады читались в огромном зале заседаний Научного центра, неподалеку от Концертного зала, который больше всего помог Лондону стать музыкальной столицей мира. Ян хотел послушать первый из сегодняшних докладов — говорили, что докладчик камня на камне не оставит от общепринятой теории образования планет.

Быть может, он в этом и преуспел, но когда Ян после доклада ушел, познаний у него не прибавилось. Он поспешил в справочную узнать, как найти нужные ему комнаты.

Какой-то остроумец администратор отвел Британскому астрономическому обществу верхний этаж громадного здания — члены ученого совета вполне это оценили: сверху перед ними открывался великолепный вид на Темзу и на всю северную часть города. Ян сжимал в руке членский билет Астрономического общества, точно пропуск, на случай, если его остановят, но хоть не встретил ни души, без труда нашел библиотеку.

Почти час он потратил, пока отыскал то, что требовалось, и разобрался, как пользоваться толстенными звездными каталогами с миллионами данных. Под конец его бросило в дрожь — хорошо, что поблизости никого нет, некому заметить его волнение.

Он поставил каталог на место, к остальным, и долго сидел не шевелясь, невидящим взглядом смотрел на сплошную стену книг. Потом медленно пошел прочь, по безлюдным коридорам, мимо кабинета секретаря (теперь там были люди, деловито развязывали пачки книг) и дальше, вниз по лестнице. Лифтом спускаться не стал, хотелось избежать встреч и тесноты. Прежде он собирался послушать еще один доклад, но теперь это уже не важно.

Он подошел к парапету набережной и машинально следил, как неспешно течет к морю Темза, а в мыслях по-прежнему неразбериха. Непросто примириться с таким вот внезапным открытием, если ты воспитан на общепризнанных научных истинах. Никогда не узнать наверняка, правда ли то, что открылось, но уж слишком это убедительно. Ян медленно шел по набережной и перебирал по порядку все, что ему известно.

Факт первый: никто из гостей Руперта не мог знать, что он, Ян, задаст такой вопрос. Он и сам этого не знал, слова сорвались с языка, оттого что уж очень необычны были обстоятельства. А значит, никто не мог подготовить ответ, не мог заранее об этом думать.

Факт второй: НГС 549672 — это уж наверно ничего не говорит непосвященным и смысл имеет только для астронома. Хотя Полный всеобщий систематический атлас был составлен столетие назад, о нем знают лишь несколько тысяч специалистов. И если наобум назвать какой-то номер, никто не сумеет сказать точно, где находится эта звезда.

Однако — и этот третий факт стал ему ясен только сейчас — маленькая, незаметная звезда, обозначенная как НГС 549672, находится как раз там, где надо. В самом сердце созвездия Карина, в конце светящегося следа, который возник перед Яном всего несколько вечеров назад и ушел от Солнечной системы в бездну космоса.

Простое совпадение невозможно. Конечно же, НГС 549672 и есть родная планета Сверхправителей. Но если так, рушатся все милые сердцу Яна понятия о научных методах исследования. Ну и пускай рушатся. Надо примириться с фактом: так или иначе, нелепый Рупертов опыт оказался ключом к неведомому донныне источнику знания.

Рашаверак? Пожалуй, вот оно, самое правдоподобное объяснение. Сверхправитель не сидел со всеми за

столом, но это неважно. Да и не любопытна Яну механика сверхфизических явлений, важно одно — как воспользоваться их плодами.

Насчет звезды НГС 549672 известно очень мало, она ничем не выделяется среди миллионов других. Но в каталоге указаны ее размеры, координаты и тип спектра. Надо будет еще кое до чего доискаться, произвести кое-какие несложные расчеты — и тогда он хотя бы примерно узнает, насколько далека планета Сверхправителей от Земли.

Ян повернулся и пошел прочь от Темзы, назад, к сверкающему белому зданию Научного центра, понемногу лицо его осветилось улыбкой. Знание — сила, а он, единственный человек на Земле, знает, откуда явились Сверхправители. Сейчас не угадаешь, как воспользоваться этим знанием. Оно будет надежно храниться в памяти и ждать своего часа.

10 Человечество все еще не жило, согретое летним безоблачным полднем мира и процветания. Неужели когда-нибудь снова придет зима? Немыслимо. Вот когда подлинно наступил век разума, который слишком рано, два с половиной столетия назад, приветствовали вожди Французской революции. На сей раз так оно и есть.

Конечно, и процветание не обходится без изъянов, но с ними охотно примирились. Только глубокие старики понимают, что телегазеты, которые каждый принимает у себя дома, в сущности, изрядно скучны. Не стало потрясений, о каких когда-то возвещали кричащие заголовки. Нет больше таинственных убийств, что ставят в тупик полицию и вызывают в миллионах сердец бурю благородного негодования, под которым зачастую прячется зависть. Если уж и случится убийство, тайны не будет: довольно повернуть некий диск — и перед гла-

зами заново разыграется все преступление с начала до конца. Поначалу существование столь прозорливых инструментов изрядно перепугало законопослушных граждан. Сверхправители успели изучить очень многие, но не все завихрения человеческой психологии, и этого испуга они не предвидели. Пришлось разъяснить людям, что никто из них не сможет подглядывать и подслушивать секреты соседа, а над считанными аппаратами, переданными в человеческие руки, установлен строгий контроль. К примеру, телепередатчик Руперта Бойса работает только в пределах заповедника, и действие его касается только Руперта и Майи.

Серьезные преступления изредка бывают, но газеты мало ими занимаются. В конце концов, воспитанному человеку вовсе не хочется читать про чужие грехи.

Люди работают теперь в среднем всего часов двадцать в неделю, но уж в полную силу. Труда однообразного, чисто механического больше почти не существует. Слишком ценен человеческий разум, нелёпо тратить его на то, что могут выполнить две-три тысячи транзисторов, несколько фотоэлементов да печатные схемы общим объемом в кубический метр. Иные заводы неделями работают самостоятельно, и ни одна живая душа туда не заглядывает. Дело людей — обнаружить неисправность, принять решение и составить план новых предприятий. Все остальное выполняют роботы.

Появись столько досуга в прошлом веке, перед человечеством встали бы головоломные задачи. Теперь почти все их решило образование, ведь богатому и разностороннему уму не грозит скука. Нынешний уровень культуры когда-то показался бы невероятным. Не то чтобы человек как таковой стал разумнее, но впервые каждый может развить все способности, какие дала ему природа.

Почти у каждого есть не один дом, а два, в разных

концах света. Обжиты прежде недоступные приполярные области, и немало народу каждые полгода кочует из Арктики в Антарктиду и обратно, всему предпочитая долгий день полярного лета. Другие переселились в пустыни, в горы и даже на дно морское. На всей Земле нет такого места, где наука и технология не могли бы создать самое удобное жилище тому, кого уж очень туда потянет.

Иные особенно экзотические уголки дают пищу многим волнующим сообщениям в газетах. Даже в самом упорядоченном обществе не миновать изредка несчастных случаев. Быть может, это добрый знак — что иные смельчаки готовы рискнуть, а то и погибнуть, лишь бы устроить себе уютную виллу под самой макушкой Эвереста или полюбоваться видом сквозь струи водопада Виктория. А потому каждый раз кого-нибудь откуда-нибудь вывозят. Это стало своего рода игрой, чуть ли не спортом для всей планеты.

Всякий может потакать своим прихотям, ведь на это хватает и времени, и денег. Когда упразднены были армии, человечество разом стало почти вдвое богаче, а возросшая производительность довершила дело. И просто смешно сравнивать жизненный уровень человека XXI века с тем, как жилось кому-либо из его предков. Все необходимое стоит ничтожно мало и дается людям даром, как прежде государство предоставляло им бесплатно дороги, воду, уличное освещение и канализацию. Можно поехать куда вздумается, лакомиться самыми изысканными яствами и не платить за это ни гроша. Право на это ты заслужил, потому что и сам работаешь для общего блага.

Находятся, конечно, и трутни, но людей, у которых хватало бы силы воли на жизнь совершенно праздную, куда меньше, чем думают. А обществу несравненно легче прокормить таких паразитов, чем содержать армию контролеров на транспорте, продавцов, кассиров и всех

прочих, кто, если рассуждать с точки зрения мирового хозяйства, только тем бы и занимался, что переписывал бы всякую всячину из одного гроссбуха в другой.

Подсчитано, что почти четверть своих сил человечество отдает разным видам спорта — от такого сидячего, как шахматы, до смертельно опасного вроде планирующих перелетов на лыжах через горные долины. Это привело к разным непредвиденным последствиям, так, исчез профессиональный спорт: слишком много оказалось блистательных спортсменов-любителей, и при новых экономических условиях прежняя система безнадежно устарела.

После спорта важнейшей областью приложения сил стали всевозможные виды развлечений. В прошлом больше ста лет очень многие верили, что главное место на Земле — Голливуд. Теперь они могли бы утверждать это с гораздо большим основанием, но, безусловно, львиную долю фильмов 2050 года в 1950-м сочли бы чересчур мудреной и попросту не поняли. Как-никак, прогресс: не всем теперь командует касса.

Но среди несчетных забав и развлечений на планете, которая, похоже, готова превратиться в одну огромную площадку для игр, иные люди все еще находят время опять и опять задаваться извечным вопросом, на который нет ответа:

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

11 Ян прислонился к зверю, уперся ладонями в шершавую, точно древесная кора, кожу. Оглядел громадные бивни, круто изогнутый хобот — искусный таксидермист увековечил слона в позе то ли воинственной, то ли радостной. Любопытно, какие не менее странные существа с каких неведомых планет станут однажды разглядывать этого выходца с Земли?

— Много еще зверья ты послал Сверхправителям? — спросил он Руперта.

— По крайней мере пятьдесят штук, но этот, конечно, самый крупный. Великолепен, правда? То была в основном мелкота — бабочки, змеи, мартышки и прочее в том же роде. Хотя нет, в прошлом году я им отправил бегемота.

Ян невесело усмехнулся.

— Страшноватая мысль, но я подозреваю, что в их коллекции уже имеется живописная компания чучел *Ното сапиенс*. Интересно, кто удостоился сей чести?

— Наверно, ты прав, — преспокойно отозвался Руперт. — Это было бы несложно устроить через больницы.

— А вдруг бы нашелся желающий на роль живого экспоната? — задумчиво продолжал Ян. — Разумеется, при условии, что потом его вернут домой.

Руперт засмеялся, но не без сочувствия.

— Ты что же, вызываешься добровольцем? Передать Рашаверака?

Минуту-другую Ян обдумывал это почти всерьез. Потом покачал головой.

— М-м... нет, не надо. Я просто думал вслух. Они наверняка мне откажут. Кстати, ты часто видишь Рашаверака?

— Он у меня был месяца полтора назад. Ему как раз попалась книга, за которой я давно охотился. Очень мило с его стороны.

Ян медленно обошел кругом чучело великана, поражаясь мастерству, с каким навсегда остановлен этот миг могучего порыва.

— Понял ты наконец, чего он ищет? — спросил Ян. — Право же, это плохо сочетается — в науке Сверхправители достигли таких высот, а интересуются сверхъестественным.

Руперт подозрительно покосился на зятя—уж не насмехается ли тот над его увлечением?

— По-моему, Рашаверак это объясняет вполне правдоподобно. Его как антрополога занимают любые стороны нашей культуры. Не забудь, им спешить незачем. Они могут вникать в любую мелочь, нашим ученым целой жизни не хватит на такие исследования. Вот Рашаверак перечитал всю мою библиотеку, и едва ли ему это стоило особого труда.

Может быть, это и есть объяснение, но Яна оно не убедило. Порой он подумывал доверить Руперту свою тайну, но мешала прирожденная осторожность. При новой встрече с другом Рашаверак Руперт, пожалуй, проболтается—чересчур велик будет соблазн.

— Между прочим, ты сильно ошибаешься, если думаешь, что это такой уж большой экспонат,—неожиданно сказал Руперт.—Посмотрел бы, над чем работает Салливен. Он взялся изготовить двух самых больших тварей—спермацетового кита и гигантского спрута. И притом в схватке не на жизнь, а на смерть. Вот это будет картинка!

Ян молчал. В мозгу вспыхнула дикая, невероятная мысль, нельзя же думать о таком серьезно. И однако... как раз потому, что это так дерзко, вдруг да получится...

— Что с тобой?—встревожился Руперт.—Стало дурно от жары?

Ян опомнился.

— Нет, ничего,—сказал он.—Я только хотел понять, как же Сверхправители подберут такую игрушку.

— Ну, просто какой-нибудь их грузовой корабль спустится, откроет люк и втянет эту махину внутрь.

— Так я и думал,—сказал Ян.

. . . . .
Это было похоже на рубку космического корабля. По стенам сплошь измерительные приборы и какие-то

инструменты; и ни одного окна, только большой экран перед креслом пилота. Судно могло взять шестерых пассажиров, но сейчас Ян был единственный.

Он неотрывно смотрел на экран, ловил каждую подробность проходящего перед глазами удивительного, неведомого мира. Да, столь же неведомого, как все, что он, может быть, повстречает за россыпью звезд, если удастся его сумасшедшая затея. Сейчас он вступает во владения чудовищ, что пожирают друг друга во мраке, не потревоженном с начала времен. Тысячи лет люди плавают над этим царством тьмы, оно лежит не глубже чем в километре под килем корабля, а меж тем до нынешнего столетия человек знал о нем меньше, чем о видимой стороне Луны.

С поверхности океана пилот опускался к еще неизведанным глубинам Южной впадины Тихого океана. Ян знал, он ориентируется по незримым координатам, прочерченным звуковыми волнами расставленных на дне океана маяков. Но пока дно еще так далеко от них, как земные равнины от плывущих в небе облаков...

Видно было очень мало, локаторы подводной лодки понапрасну шарили вокруг. Наверно, волнение, поднятое двигателями, распугало рыбу помельче; из любопытства подойдет близко разве что какая-нибудь громадина, вовсе не ведающая страха.

Маленькая кабина содрогалась от скрытой в ней мощи — от мощи, способной выдержать безмерную тяжесть водной толщи над головой Яна, создать и хранить пузырек света и воздуха, в котором могут существовать люди. Если эта мощь откажет, подумал Ян, они станут пленниками металлического гроба, зарытого глубоко в ил на дне океана.

— Пора определиться, — сказал пилот.

Он пробежал пальцами по переключателям, двигатели умолкли, подводная лодка мягко замедлила ход

и наконец замерла. Она парила в равновесии, словно воздушный шар в небе.

Гидролокатор мигом установил, где они находятся.

— Сейчас опять включим моторы, только сперва послушаем, нет ли чего интересного,— заметил пилот, оглядев все свои приборы.

Из динамика в тишину маленькой кабины хлынул низкий ровный гул. Ян не мог различить отдельных звуков. Все они сливались в сплошной однообразный шум. Ян знал, это разом подают голос мириады морских тварей. Будто он оказался в сердце лесной чащи, где кишмя кишит жизнь,— только в лесном хоре он распознал бы хоть чьи-то голоса. А здесь в сложной звуковой ткани не ухватишь ни единой ниточки. Все чуждо, незнакомо, никогда ничего похожего не слышал... прямо волосы дыбом становятся. А ведь это все тут же, на его, Яна, родной планете...

Дикий вопль прорезал зыблющуюся толщу шума, как молния — грозовую тучу. Быстро перешел в надрывающее душу рыдание, в отчаянный, понемногу затихающий вой, и замер, а через минуту где-то дальше отозвался еще один. И следом пронзительная визгливая разноголосица, будто сорвался с цепи сам ад... пилот поспешил приглушить звук.

— Господи, это еще что? — выдохнул Ян.

— Жуть, а? Это киты, идут косяком километрах в десяти от нас. Я знал, что они где-то недалеко, подумал, может, захочешь послушать.

Яна пробрала дрожь.

— А я-то думал, в море тишина! Отчего они так орут?

— Наверно, беседуют друг с дружкой. Салливен тебе все объяснит, мне плохо верится, но, говорят, у него есть вроде как знакомые киты, он их узнает по голосу. Э, да у нас гости!

На экране появилась какая-то рыбина с громадной,

немыслимой пастью. Видно, и сама большущая, впрочем, Ян уже знает, о размерах по изображению судить трудно. Откуда-то из-под жабр у рыбыны свисает длинный ус, на конце его — непонятное расширение, подобие колокола.

— Сейчас мы видим в инфракрасном свете, — сказал пилот. — Попробуем обычную картинку.

Рыбина исчезла бесследно. Осталась одна лишь яркая, фосфорически светящаяся висюлька. Затем вдоль туловища вспыхнули огненные точки, и странное создание мелькнуло перед глазами все целиком.

— Это морской черт, а светится у него приманка — завлекает всякую рыбешку. Фантастика, верно? Одного не пойму — отчего на эту удочку не идет большая рыба и сама его не слопает? Только не до вечера же нам ждать. Смотри, сейчас я включу двигатели, и он удерет.

Кабина опять задрожала, лодка скользнула вперед. Большая светящаяся рыбина разом вспыхнула всеми огнями, неистовым сигналом тревоги, — и, точно метеор, умчалась в непроглядную бездну.

Еще двадцать минут медленного погружения — и невидимые пальцы локатора нащупали первые приметы океанского дна. Далеко внизу под лодкой проходила гряда невысоких, на удивление мягко очерченных округлых холмов. Если когда-то были у них выступы и неровности, их давно сгладил непрерывный дождь, падающий с водных высей. Даже здесь, посреди Тихого океана, вдали от огромных устьев рек, что постепенно смывают почву материков, никогда не прекращается этот дождь. Его рождают иссеченные бурями склоны Анд, и тела миллиардов погибших существ, и пыль метеоритов, что веками скитались в космосе и наконец обрели покой. Здесь, во мраке вечной ночи, слой за слоем закладывается основа будущих материков.

Холмы остались позади. По карте Ян видел, это — пограничная стража просторной равнины, которая ра-

скинулась на такой глубине, что ее не достигал луч локатора.

Лодка продолжала плавно спускаться. На экране понемногу вырисовывалась новая картина; глядя под непривычным углом зрения, Ян не сразу разобрал, что это такое. Потом понял — они приближаются к подводной горе, выступающей со скрытой далеко внизу равнины.

Изображение стало отчетливей: на близком расстоянии локаторы работали лучше и стало видно ясно, почти как при обычном свете. Ян различал мелкие подробности, видел, как среди скал преследуют друг друга странные рыбы. Вот из почти незаметной расщелины медленно выплыла зловещего вида тварь с разинутой пастью. Молниеносно, неуловимо для глаза метнулось длинное щупальце и увлекло отчаянно бьющуюся рыбу навстречу гибели.

— Почти пришли,— сказал пилот.— Через минуту увидишь лабораторию.

Лодка медленно шла над скалистым отрогом, выступающим у подножья горы. Взгляду уже открывалась равнина; до океанского дна осталось каких-нибудь несколько сот метров, прикинул Ян. И увидел примерно в километре впереди скопище шаров, поставленных на треножки и соединенных между собой трубчатыми переходами. Все это с виду очень напоминало резервуары химического завода и в самом деле построено было по тому же принципу. Разница лишь та, что здесь надо было выдержать давление не изнутри, но извне.

— А это что? — ахнул Ян.

Дрожащим пальцем он показал на ближайший шар. Причудливые разводы, покрывающие шар, оказались сплетением гигантских щупалец. Лодка подошла ближе, и стало видно, что щупальца ведут к большому мясистому мешку, с которого смотрят в упор громадные глаза.

— Это, наверно, Люцифер,—невозмутимо сказал пилот.— Опять его кто-то подкармливает.

Он щелкнул переключателем и склонился над приборной доской.

— Эс-два вызывает лабораторию. Я подхожу. Может, отгоните своего любимчика?

Ему тотчас ответили:

— Лаборатория—к Эс-два. Ладно, пришвартовывайтесь. Люци сам уступит дорогу.

На экране ширилась округлая металлическая стена. Перед Яном в последний раз мелькнуло громадное, усеянное присосками щупальце и дернулось прочь от лодки. Раздался глухой удар металла о металл, потом негромкий скрежет, царапанье—это рычаги захвата нащупывали контакты на гладком яйцеобразном корпусе лодки. Через несколько минут ее притянуло вплотную к стене станции, металлические руки сомкнулись, прошли вдоль корпуса лодки и повернули огромный полый винт. Вспыхнул сигнал «давление уравнено», люки отворились—доступ в глубоководную лабораторию номер один наконец открыт.

Профессора Салливена Ян застал в тесном, не ведающем порядка помещении—оно, видимо, было сразу и кабинетом, и мастерской, и лабораторией. Салливен заглядывал через микроскоп внутрь чего-то вроде маленькой бомбы. Вероятно, в этой капсуле, под привычным для себя давлением во многие тонны на квадратный сантиметр, беззаботно плавал какой-нибудь житель океанских глубин.

— Ну-с,—промолвил Салливен, с трудом отрываясь от микроскопа,—как поживает Руперт? И чем мы можем вам служить?

— Руперт процветает,—ответил Ян.—Шлет вам привет и наилучшие пожелания и передает, что рад бы вас навестить, да только у него клаустрофобия.

— Ну, тогда, конечно, ему тут было бы неудобно,

ведь над нами пять километров воды. Кстати, а вас это не беспокоит?

Ян пожал плечами.

— Это же все равно, как лететь на стратолайнере. Если что-то пойдет наперекос, конец и там и тут один.

— Здравая мысль, но странно, только очень немногие так рассуждают.

Салливен подкрутил что-то в микроскопе, потом испытующе глянул на Яна.

— Рад буду показать вам лабораторию,— сказал он,— но, признаться, я удивился, когда Руперт передал вашу просьбу. Человек, думаю, в мечтах витает среди звезд, откуда у него вдруг интерес к нашим делам? Может, вы ошиблись дверью?— Он необидно усмехнулся.— Признаться, никогда не понимал, чего ради всех вас тянет в небеса. Пройдут столетия, пока мы разберемся тут, в океанах, все нанесем на карты и разложим по полочкам.

Ян перевел дух. Хорошо, что Салливен начал первый, это облегчает задачу. Хоть ихтиолог и сострил насчет не той двери, между ними много общего. Не так уж трудно будет перекинуть мостик, заручиться сочувствием и помощью Салливена. Это человек с воображением, иначе он не дерзнул бы вторгнуться в подводное царство. Однако Ян знал, надо быть осторожнее, ведь просьба его прозвучит по меньшей мере необычно.

Одно придавало ему уверенности: даже если Салливен откажется помочь, он безусловно не выдаст тайну Яна. А здесь, в мирном кабинетике на дне Тихого океана, едва ли есть опасность, что Сверхправители, сколь ни велики их неведомые силы и возможности, сумеют подслушать этот разговор.

— Профессор Салливен,— начал Ян,— вот вы стремитесь изучать океан, а допустим, Сверхправители не дают вам даже подходить к нему,— что бы вы почувствовали?

— Уж конечно, был бы зол, как черт.

— Не сомневаюсь. Но предположим, в один прекрасный день вам подвернулась возможность без их ведома добиться своего — как вы поступите? Воспользуетесь случаем?

— Конечно! — без запинки ответил Салливен. — А рассуждать буду потом.

Клюет! — подумал Ян. Теперь ему обратного хода нет, разве что побоится Сверхправителей. Только вряд ли этот Салливен чего-нибудь боится. Ян наклонился к нему над заваленным всякой всячиной столом и приготовился изложить свою просьбу.

Профессор Салливен был отнюдь не дурак. Ян еще и рот не успел раскрыть, а на губах Салливена заиграла насмешливая улыбка.

— Так вот что вы затеяли? — медленно произнес он. — Очень, очень любопытно! Ну-с, теперь объясните, с чего вы взяли, что я вам помогу...

12 В былые времена профессор Салливен считался бы слишком дорогой роскошью. Его исследования обходились не дешевле небольшой войны; в сущности, он был словно генерал, ведущий нескончаемую войну с неведомым усталости врагом. Враг профессора — океан — воевал оружием холода, мрака, а главное — давления. Профессор отвечал противнику силой разума и искусством инженера. Он одержал немало побед, но океан терпелив, он может ждать своего часа. Салливен знал, рано или поздно он допустит ошибку. Что ж, есть хотя бы одно утешение: тонуть не придется. Конец будет мгновенный.

Выслушав просьбу Яна, он не сказал сразу ни да ни нет, но прекрасно знал, как в конце концов ответит. Вот случай провести интереснейший опыт. Жаль, он так и не узнает результата; но так нередко бывает в науке,

он и сам начал кое-какие исследования, которые завершены будут лишь через десятки лет.

Профессор Салливен был человек мужественный и умный, но, оглядываясь на пройденный путь, понимал, что не достиг той славы, какая делает имя ученого бессмертным. И вот — совершенно неожиданный и оттого, конечно, вдвойне соблазнительный случай — по-настоящему войти в историю. В этой честолюбивой мечте он бы никому не признался — и, надо отдать ему справедливость, все равно помог бы Яну, даже если б его участие в дерзком замысле навсегда осталось тайной.

А Ян все обдумывал и передумывал заново. До сих пор его словно подхватило и несло на гребне того первого открытия. Он узнавал, проверял, но ничего не делал для того, чтобы мечта его сбылась. Однако еще несколько дней — и надо будет выбирать. Если профессор Салливен согласится, отступить невозможно. Надо идти навстречу будущему, которое сам выбрал, и всему, чем оно чревато.

Окончательно решиться его заставила мысль, что, если упустить этот единственный, сказочный случай, он потом себе вовек не простит. А до самой смерти терзаться напрасными сожалениями — что может быть хуже?

Ответ Салливена он получил через несколько часов и понял, что жребий брошен. Не торопясь — времени в запасе достаточно, — он начал приводить свои дела в порядок.

. . . . .
Милая Майя, это письмо тебя, как бы сказать помягче, несколько удивит. Когда ты его получишь, меня уже не будет на Земле. Это не значит, что я, как многие, отправляюсь на Луну. Нет, я буду на пути к планете Сверхправителей. Первым из людей я покину нашу Солнечную систему.

Письмо я отдаю другу, который мне помогает; он не вручит его тебе, пока не убедится, что план мой — по крайней мере поначалу — удался и Сверхправителям уже поздно мне помешать. Я в это время буду лететь уже так далеко и с такой скоростью, что вряд ли эта весть меня догонит. А если и догонит, мало вероятно, чтобы корабль из-за меня повернул обратно к Земле. И вообще на их взгляд едва ли я того стою.

Первым делом дай объясню, откуда все пошло. Ты знаешь, меня всегда интересовали космические перелеты и всегда обидно было, что нам нельзя ни побывать на других планетах, ни узнать хоть что-то о цивилизации Сверхправителей. Не заявись они к нам, теперь мы бы уже, пожалуй, достигли Марса и Венеры. Правда, столь же возможно, что мы бы уже сами себя истребили кобальтовыми бомбами и прочими смертоносными изобретениями двадцатого века. А все-таки порой я жалею, что нам не дали самим попытаться счастья.

Наверно, у Сверхправителей есть причины быть при нас няньками, и, наверно, очень веские причины. Но даже знай я их, едва ли я чувствовал бы — и поступал — иначе.

Все началось с того вечера у Руперта. (Кстати, он этого не знает, хотя он-то и навел меня на след.) Помнишь, он тогда устроил дурацкий спиритический сеанс и под конец та девушка, забыл, как ее звали, упала в обморок? Я спросил, от какой звезды явились Сверхправители, и ответ был «НГС 549672». Никакого ответа я не ждал и до той минуты считал, что все это пустая забава. А тут понял, что это номер из звездного каталога, и решил в него заглянуть. И оказалось, это звезда в созвездии Карина, а как ни мало мы знаем о Сверхправителях, известно, что прилетели они именно с той стороны.

Не стану притворяться, будто понимаю, каким образом до нас дошло это сообщение и откуда оно взялось. Может, кто-нибудь прочел мысли Рашаверака?

Если бы и так, едва ли он знает, как обозначено их солнце в нашем земном каталоге. Все это загадочно и непонятно, пускай секрет раскроют люди вроде Руперта — если сумеют! С меня хватит и того, что я получил такие сведения — и действую.

Мы наблюдали, как уходят в полет корабли Сверхправителей, и уже многое знаем об их скорости. Они покидают Солнечную систему с громадным ускорением и меньше чем через час достигают почти скорости света. А это значит, что они располагают такой системой движителей, которая действует равномерно на любой атом в корабле, иначе все живое на борту мигом расплющило бы в лепешку. Любопытно, чего ради они прибегают к таким чудовищным ускорениям, ведь в космосе они как рыба в воде и времени у них вдоволь, могли бы набирать скорость безо всякой спешки. У меня есть на этот счет своя теория: думаю, они каким-то способом черпают энергию из полей, окружающих звезды, а потому должны стартовать и останавливаться очень близко от какого-нибудь солнца. Но это так, между прочим.

Важно то, что теперь я знаю, какое им надо пройти расстояние, а значит — сколько на это нужно времени. От Земли до звезды НГС 549672 сорок световых лет. Корабли Сверхправителей летят со скоростью больше девяноста девяти процентов световой, значит, перелет должен длиться сорок наших лет. Сорок наших земных лет, вот в чем вся соль.

Может быть, ты слышала — когда приближаешься к скорости света, начинаются разные странности. Само время течет по-иному, оно замедляет ход, и если на Земле пройдет месяц, то на корабле Сверхправителей только день. Отсюда важнейшее следствие, оно открыто великим Эйнштейном больше ста лет тому назад.

Пользуясь твердо установленными выводами теории относительности, я проделал кое-какие расчеты, осно-

ванные на том, что нам известно о звездных перелетах. Для пассажиров корабля Сверхправителей полет до их звезды длится не больше двух месяцев, хотя на Земле за это время пройдет сорок лет. Я знаю, в такое трудно поверить, разве только утешаться мыслью, что с тех пор, как Эйнштейн объявил об этом парадоксе, над его загадкой бьются лучшие умы человечества.

Вот пример, на котором, думаю, ты легче поймешь, что из этого получается, и ясней себе это представишь. Если Сверхправители тотчас же отошлют меня обратно на Землю, я вернусь, став старше только на четыре месяца. А на Земле пройдет уже восемьдесят лет. Так что, Майя, как бы дальше все ни сложилось, я с тобой прощаюсь навсегда...

Ты ведь знаешь, меня мало что привязывает к Земле, и я ее оставляю с чистой совестью. Маме я ничего не говорил, она бы закатила истерику, перед этим я, признаться, струсил. Так будет лучше. Хотя с тех пор, как умер отец, я пытался многое оправдать... ох, что толку опять ворошить прошлое!

Я покончил с ученьем и сказал университетскому начальству, что по семейным обстоятельствам уезжаю в Европу. Все мои дела улажены, тебе совсем ни о чем не придется беспокоиться.

Ты, пожалуй, уже вообразила, что я рехнулся, ведь, казалось бы, никому вовек не забраться в корабль Сверхправителей. Но я нашел способ. Такое не часто случается, и другого случая не будет: уж наверно, если Кареллен в кои веки ошибается, так не повторит ошибку. Помнишь легенду о деревянном коне, который провез греческих воинов в Трою? В Ветхом завете есть одна история, там сходства еще больше...».

— Вам будет гораздо удобнее, чем Ионе,— сказал Салливен.— Нигде не сказано, что к его услугам были электрическое освещение, водопровод и канализация.

Но вам понадобится много еды, и, я вижу, вы запаслись кислородом. Можете вы взять столько, чтобы хватило на два месяца в таком тесном помещении?

И он ткнул пальцем в аккуратные чертежи, разложенные Яном на столе. С одного конца бумагу вместо пресс-папье придавил микроскоп, с другого — череп какой-то невероятной рыбыны.

— Надеюсь, кислород не так уж необходим,— сказал Ян.— Мы знаем, они способны дышать нашим воздухом, хотя, похоже, он им не очень приятен, а их атмосфера для меня, может быть, и совсем не годится. А задача насчет запасов решается при помощи наркосамина. Средство верное и совершенно безопасное. Сразу после старта делаю себе укол и проваливаюсь в сон на полтора месяца плюс-минус несколько дней. К тому времени мы почти уже на месте. Право, меня больше тревожит не еда и не кислород, а скука.

Профессор Салливен задумчиво кивнул.

— Да, наркосамин надежен и можно точно рассчитать дозу. Но смотрите, у вас под рукой должно быть вдоволь еды — вы проснетесь голодный как волк и слабый, как новорожденный котенок. Вдруг вы помрете с голоду, оттого что у вас не хватит силенок открыть консервы?

— Это я обдумал,—немного обиделся Ян.— Налягу на сахар и шоколад, так всегда делается.

— Отлично. Рад видеть, что вы все предусмотрели и не воображаете, будто, если игра окажется вам не по вкусу, можно будет бросить ее посередине. Вы ставите на карту не чью-нибудь, а свою жизнь, но не хотел бы я думать, что помогаю вам покончить самоубийством.

Он взял со стола рыбий череп, рассеянно взвесил в ладонях. Ян схватился за край плана, не давая бумаге свернуться в трубку.

— По счастью,—продолжал Салливен,—все детали нужного вам снаряжения стандартные, собрать и

оборудовать что надо в нашей мастерской можно за считанные недели. А если вы передумаете...

— Не передумаю,— сказал Ян.

...
«...Я тщательно рассчитал, какие могу встретить опасности, и, пожалуй, в плане моем нет изъянов. Через полтора месяца я объявлюсь как обыкновенный безбилетник — пускай наказывают за то, что ехал зайцем. Тогда — по корабельному времени, не забудь, — путешествие почти уже закончится. Останется сесть на планету Сверхправителей.

Конечно, что будет дальше, зависит от них. Вероятно, на следующем же корабле меня отошлют домой... но, надо полагать, я хоть что-нибудь да увижу! Беру с собой четырехмиллиметровую камеру и тысячи метров пленки; если уж я ее не использую, так не по своей вине. Ну, а в самом худшем случае все-таки докажу, что нельзя вечно держать людей взаперти. Подам пример, который вынудит Кареллена что-то предпринять.

Вот и все, что я хотел сказать, милая Майя. Знаю, ты не станешь слишком обо мне скучать: будем честны и откровенны, нас никогда не соединяли прочные узы, а теперь ты замужем за Рупертом и вполне счастлива будешь в своем отдельном мире. По крайней мере я на это надеюсь.

Итак, прощай, всего наилучшего. Предвкушаю встречу с твоими внуками — пожалуйста, позаботься, чтобы они обо мне знали, ладно?

Твой любящий брат Ян

13 Сперва у Яна просто не укладывалось в сознании, что здесь собирают не фюзеляж небольшого воздушного лайнера: перед ним был металлический скелет двадцати метров в длину, идеально обтекаемой формы,

окруженный легкими фермами лесов, по которым карабкались рабочие с инструментами.

— Да,—сказал Салливен на вопрос Яна,—мы пользуемся стандартной авиационной техникой, и люди эти в большинстве авиастроители. Такая громадина — и вдруг живая, трудно поверить, правда? И даже способна выскочить из воды, я не раз видел такие прыжки.

Все это прелестно, но Яна занимает другое. Он внимательно оглядывает громадный скелет, отыскивая подходящее укрытие для своей кельи,—Салливен ее окрестил «гроб с кондиционированным воздухом». Сразу же ясно: об одном можно не беспокоиться, места хватит. Тут разместились бы добрая дюжина «зайцев».

— Похоже, каркас почти закончен,—сказал Ян.— А когда вы будете обтягивать его шкурой? Кита уже, наверно, изловили, раз вам известны размеры скелета?

Салливена это замечание явно позабавило.

— Мы вовсе не собирались ловить кита. Да у них и нет шкуры в обычном смысле слова. Едва ли удалось бы обернуть этот каркас пленкой вроде рыбьего пузыря, но толщиной в двадцать сантиметров. Нет, мы эту штуку заменим пластмассой и аккуратненько раскрасим. Когда закончим, никто не сможет распознать подделку.

В таком случае, подумал Ян, куда разумней было бы Сверхправителям сделать фотоснимки, а экспонаты в натуральную величину мастерить самим на своей планете. Но может быть, их грузовые корабли возвращаются домой порожняком и пустячок вроде двадцатиметрового спермацетового кита для них все равно что ничего. Когда располагаешь такими силами и возможностями, стоит ли экономить по мелочам... .

Профессор Салливен стоял подле одной из огромных статуй, которые оставались головоломной загадкой для археологов с тех самых пор, как открыли

остров Пасхи. Каменный король, бог или кто он там был, словно следил незрячими глазами за взглядом Салливена, когда тот осматривал свое творение. Салливен по праву гордился плодом своего труда; какая жалость, что его детище вскоре станет навсегда недоступно человеческому взору.

Могло показаться, будто некий безумный скульптор воплотил видение, которое примерещилось ему в пьяном бреде. И однако это было точное отражение жизни, а скульптор — сама природа. Пока не появились усовершенствованные подводные телевизоры, редким людям случалось видеть подобное, да и то лишь в краткие миги, когда великаны в пылу схватки вырывались на поверхность. Борьба разыгрывалась в нескончаемой ночи океанских глубин, где спермацетовые киты охотились за кормом. А корм решительно не желал быть съеденным заживо...

Громадная пасть кита с нижней челюстью, зубастой, как пила, широко распахнулась, готовая сомкнуться на теле жертвы. Голову почти не различить под сетью белых мясистых извивающихся щупалец — исполинский спрут отчаянно борется за свою жизнь. Там, где щупальца попадали на шкуру, ее пятнают мертвенно-бледные следы присосков двадцати сантиметров в поперечнике, если не больше. От одного щупальца уже остался только обрубок — и нетрудно предвидеть исход боя. В битве между двумя самыми большими тварями на Земле победитель всегда — кит. Сколь ни мощен лес щупалец, у спрута одна надежда — спастись бегством, прежде чем неумоимо работающая челюсть распилит его на куски. Огромные, полуметр в поперечнике, ничего не выражающие глаза спрута в упор уставились на палача, хотя скорее всего во тьме океанской пучины противники и не могут видеть друг друга.

Композицию эту, длиной больше тридцати метров,

окружает клетка из легких алюминиевых ферм, оплетенная канатами, остается лишь подхватить ее подъемным краном. Все готово, все к услугам Сверхправителей. Салливен надеялся, что они не замешкаются, ожидание становилось томительным.

Кто-то вышел из кабинета под яркое солнце, видно, ищет его. Салливен издали узнал своего старшего помощника и пошел ему навстречу.

— Я здесь, Билл. Что случилось?

Тот, явно довольный, протянул листок радиogramмы.

— Приятная новость, профессор. Нам оказывают высокую честь! Прибывает Попечитель, хочет самолично осмотреть наш экспонат перед отправкой. Представляете, какая о нас пойдет слава! Это нам очень пригодится, когда будем просить о новых ассигнованиях. Признаюсь, я давно надеялся на что-нибудь в этом духе.

Профессор Салливен проглотил застрявший в горле ком. Он всегда был не против славы, но на сей раз она может оказаться излишней.

. . . . .
Кареллен остановился у головы кита, посмотрел вверх, на громадное тупое рыло, на усеянную желтоватыми зубами челюсть. Что-то он сейчас думает, стараясь казаться спокойным, спрашивал себя Салливен. Держится естественно, ни признаков подозрительности, и приезд его можно объяснить очень просто. Но хоть бы он поскорей убрался восвояси!

— На нашей планете нет таких больших животных,— сказал Кареллен.— Это одна из причин, почему мы просили вас сделать такую композицию. Моим... э-э... соотечественникам она очень понравится.

— Я полагал, при том, что сила тяжести у вас невелика, там могут водиться очень большие звери. Ведь сами вы гораздо больше нас!

— Да, но у нас нет океанов. А когда речь о размерах, суше с морем не сравниться.

Совершенно верно, подумал Салливен. И, по моему, это новость, никто не знал, что на их планете нет морей. Яну, черт его дерит, будет очень интересно.

А Ян в эти минуты сидел в хижине за километр отсюда и в бинокль с тревогой следил за инспекторским обходом. И твердил себе, что бояться нечего. Даже при самом тщательном осмотре кит свой секрет не выдаст. Но вдруг Кареллен все-таки что-то заподозрил и теперь играет с ними, как кошка с мышкой?

И Салливена одолевало то же подозрение, потому что Кареллен как раз заглянул в разинутую пасть.

— В вашей Библии,— сказал он,— есть замечательный рассказ об иудейском пророке, некоем Ионе: его сбросили с корабля, но в море его проглотил кит и целым и невредимым вынес на берег. Как по-вашему, не могло быть источником этой легенды подлинное происшествие?

— Я полагаю,— осторожно отвечал Салливен,— это единственный письменно удостоверенный случай, когда китолов был проглочен и вновь извергнут без дурных для него последствий. Разумеется, если бы он пробыл внутри кита больше нескольких секунд, он бы задохнулся. И ему необычайно повезло, что он не угодил под зубы. История почти невероятная, но не скажу, что уж совсем невозможная.

— Очень любопытно,— заметил Кареллен.

Еще минуту он смотрел на громадную челюсть, потом пошел дальше и начал разглядывать спрута. Салливен невольно вздохнул с облегчением — оставалось надеяться, что Кареллен не услышал.

. . . . .
— Знай я, какое это будет испытание,— сказал профессор Салливен,— я вышвырнул бы вас за дверь, как

только вы попробовали заразить меня своим помешательством.

— Прощу извинить,— отозвался Ян.— Но все обошлось.

— Надеюсь. Что ж, счастливо. Если захотите на попятный, у вас есть еще по крайней мере шесть часов на размышление.

— Мне они ни к чему. Теперь один Кареллен может меня остановить. Большое вам спасибо за все. Если я когда-нибудь вернусь и напишу книгу о Сверхправителях, я посвящу ее вам.

— Много мне от этого будет радости,— пробурчал Салливен.— Я давно уже стану покойником.

Он был удивлен и даже немного испуган: никогда не отличался чувствительностью, а тут оказалось — ему это прощанье отнюдь не безразлично. За те недели, пока они вдвоем готовили заговор, он привязался к Яну. А теперь страшно — быть может, он стал пособником усложненного самоубийства.

Он придерживал лестницу, Ян взобрался по ней и, осторожно минуя ряды зубов, перелез на громадную челюсть. При свете электрического фонарика видно было — он обернулся, помахал рукой и скрылся в пасти, как в глубокой пещере. Щелчок, потом другой: открылся и снова закрылся воздушный шлюз — и наступила тишина.

Под луной, чей свет обратил навек застывшую битву в обрывок страшного сна, профессор Салливен медленно побрел к себе. Что же я сделал, думал он, и к чему это приведет? Ему-то, разумеется, этого не узнать. Быть может, Ян опять пройдет здесь, потратив на дорогу к планете Сверхправителей и возвращение на Землю всего лишь несколько месяцев жизни. Но если он и вернется, их разделит неодолимая преграда — Время, ибо это будет через восемьдесят лет.

Как только Ян закрыл внутреннюю дверь воздуш-

ного шлюза, в маленьком металлическом цилиндре вспыхнул свет. Не мешкая ни секунды, чтобы не напали сомнения, Ян тотчас принялся за обычную, продуманную заранее проверку. Еда и прочие припасы погружены еще несколько дней назад. Но проверить лишний раз полезно для душевного равновесия, убеждаешься: все как надо, ничего не упущено.

Час спустя он в этом удостоверился. Откинулся на поролоновом матрасе и заново перебрал в памяти свой план. Слышалось только слабое жужжание электронных часов-календаря — они предупредят его, когда путешествие подойдет к концу.

Он знал, в этой келье он ничего не ощутит, — какими чудовищными силами ни движим корабль Сверхправителей, они наверняка безукоризненно уравниваются. Салливен это проверил, указав, что изготовленный им экспонат рухнет, если сила тяжести превысит дватри g . И «заказчики» заверили его, что на этот счет опасаться нечего.

Однако предстоит значительный перепад атмосферного давления.

Это неважно, ведь полые чучела могут «дышать» несколькими отверстиями. Перед выходом из кабины Яну придется выравнять давление, и скорее всего дышать атмосферой внутри корабля он не сможет. Не беда, достаточно обычного противогаза да баллона с кислородом, ничего более сложного не потребуется. А если воздух окажется пригодным для дыхания, тем лучше.

Медлить больше незачем, только лишняя трепка нервов. Ян достал небольшой шприц, уже наполненный тщательно приготовленным раствором. Наркосамин открыли когда-то, изучая зимнюю спячку животных; оказалось неверным, как думали прежде, что в эту пору жизнедеятельность приостанавливается. Просто все процессы в организме неизмеримо замедленны, но обмен веществ, крайне ослабленный, все равно продол-

жается. Как будто костер жизни спрятан в глубокой яме, укрыт валежником, и жар только тлеет, запасенный впрок. А через какие-то недели или месяцы действие лекарства кончается, огонь вспыхивает сызнова и спящий оживает. Наркосамин вполне надежен. Природа им пользовалась миллионы лет, оберегая многих своих детей от голодной зимы.

И Ян уснул. Он не почувствовал, как натянулись канаты и огромную металлическую клетку подняли в трюм грузовика Сверхправителей. Не слышал, как закрылись люки, чтобы открыться вновь только через триста триллионов километров. Не услышал, как вдалеке, приглушенный толщею мощных стен, раздался протестующий вопль земной атмосферы, когда корабль прорывался сквозь нее, возвращаясь в родную стихию.

И не почувствовал межзвездного полета.

14 На еженедельных пресс-конференциях зал всегда бывал полон, но сегодня народу набилось битком, в такой тесноте репортеры насилу ухитрились записывать. В сотый раз они ворчали и жаловались друг другу на Кареллена — у него отсталые вкусы и никакого уважения к прессе! В любое другое место на свете они явились бы с телекамерами, магнитофонами и прочими орудиями своего отлично механизированного ремесла. А тут изволь полагаться на такую древность, как бумага, карандаш — и, подумать только, на стенографию!

Конечно, раньше кое-кто пытался контрабандой протащить в зал магнитофон. Этим немногим смельчакам удалось вынести запретное орудие обратно, но, заглянув в дымящееся нутро аппарата, они тотчас поняли: попытки тщетны. И всем тогда стало ясно, почему им всегда предлагали в их же собственных интересах оставлять часы и прочие металлические предметы за пределами зала...

И, что еще несправедливей и обиднее, сам-то Кареллен записывал пресс-конференцию с начала и до конца. Журналистов, виновных в небрежности или в прямом извращении сказанного (такое, правда, случалось очень редко), вызывали для краткой малоприятной встречи с подчиненными Кареллена и предлагали им внимательно прослушать запись того, что на самом деле сказал Попечитель. Урок был не из тех, какие приходится повторять.

Поразительно, как быстро разносятся слухи. Заранее ничего не объявляется, но каждый раз, когда Кареллен хочет сообщить что-то важное, — а это бывает раза два-три в год — в зале яблоку упасть некуда.

Высокие двери распахнулись, и приглушенный ропот мгновенно утих: на эстраду вышел Кареллен. Освещение здесь было тусклое — несомненно, так слабо светило неведомое далекое солнце Сверхправителей — и Попечитель Земли сейчас был без темных очков, в которых обычно появлялся под открытым небом.

Он отозвался на нестройный хор приветствий официальным «Доброе утро всем» и повернулся к высокой, почтенного вида особе, стоявшей впереди. Мистер Голд, старейшина газетного цеха, своим видом вполне мог бы вдохновить знаменитого дворецкого, героя знаменитых старинных романов, доложить хозяину: «Три газетчика, милорд, и джентльмен из „Таймса“». Одеждой и всеми повадками он напоминал дипломата старой школы: всякий без колебаний доверялся ему — и никому потом не приходилось об этом жалеть.

— Сегодня полно народу, мистер Голд. Должно быть, вам не хватает материала.

Джентльмен из «Таймса» улыбнулся, откашлялся:

— Надеюсь, вы восполните этот пробел, господин Попечитель.

И замер, не сводя глаз с Кареллена, пока тот обдумывал ответ. До чего обидно, что лица Сверхправите-

лей — застывшие маски и не выдают никаких чувств. Большие, широко раскрытые глаза (зрачки даже при этом слабом свете сузились и едва заметны) непроницаемым взглядом в упор встречают откровенно любопытный взгляд человека. На щеках — если эти точно из гранита высеченные рифленные изгибы можно назвать щеками — по дыхательной щели, из щелей с еле слышным свистом выходит воздух: это предполагаемые легкие Кареллена трудно работают в непривычно разреженной земной атмосфере. Голд разглядел бахрому белых волосков, колеблющихся то внутрь, то наружу в перемежающемся ритме двухтактного быстрого Карелленова дыхания. Предполагалось, что они как фильтры предохраняют от пыли, и на этой шаткой основе строились сложные теории об атмосфере планеты Сверхправителей.

— Да, у меня есть для вас кое-какие новости. Как вам, без сомнения, известно, один из моих грузовых кораблей недавно отправился отсюда на базу. Сейчас мы обнаружили, что на борту имеется «заяц».

Сотня карандашей замерла в воздухе; сто пар глаз вперились в Кареллена.

— Вы сказали «заяц», господин Попечитель? — переспросил Голд. — Нельзя ли узнать, кто он такой? И как попал на корабль?

— Его зовут Ян Родрикс, он учился в Кейптаунском университете, студент механико-математического факультета. Прочие подробности вы, несомненно, узнаете сами из ваших надежных источников.

Кареллен улыбнулся. Странная это была улыбка. Она выражалась больше в глазах, жесткий безгубый рот почти не дрогнул. Может быть, Попечитель с неизменным своим искусством и этот обычай перенял у людей? — подумалось Голду. Ибо впечатление такое, что Кареллен и вправду улыбается, и воспринимаешь это именно как улыбку.

— Ну, а каким образом он улетел с Земли, не столь важно,— продолжал Попечитель.— Могу заверить вас и любого охотника до космических полетов, что повторить это никому не удастся.

— Но что будет с этим молодым человеком?— настаивал Голд.— Вернут ли его на Землю?

— Это зависит не от меня, но, думаю, он вернется со следующим рейсом. Там, куда он отправился, ему будет неуютно, слишком... э-э... чуждая обстановка. И с этим связано главное, из-за чего я сегодня устроил нашу встречу.

Кареллен чуть помолчал, и в зале затаили дыхание.

— Кое-кто из более молодых и романтически настроенных жителей вашей планеты иногда высказывал недовольство тем, что вам не разрешено выходить в космос. У нас были на то причины, мы ничего не запрещаем ради собственного удовольствия. Но задумались ли вы хоть раз—извините за не совсем лестное сравнение,—как бы почувствовал себя человек из вашего каменного века, если бы вдруг очутился в современном большом городе?

— Но это ведь совершенно разные вещи!— запротестовал корреспондент «Геральд трибюн».— Мы привыкли к Науке, Науке с большой буквы. Без сомнения, в вашем мире нам многого не понять, но мы не вообразим, будто это колдовство.

— Вы уверены?— очень тихо, чуть слышно спросил Кареллен.— Только столетие лежит между веком пара и веком электричества, но что понял бы инженер викторианской эпохи в телевизоре или в электронной вычислительной машине? Долго бы он прожил, если бы попробовал разобраться в этой механике? Пропасть, разделяющая два вида технологии, может стать чересчур огромна... и смертельна.

(— Эге,— шепнул корреспондент агентства Рейтер представителю Би-би-си,— нам повезло. Сейчас он

сделает важное политическое заявление. Узнаю приметы.)

— Есть и еще причины, по которым мы удерживаем человечество на Земле. Смотрите.

Свет медленно померк. И посреди зала возникло бледное сияние. И сгустилось в звездный водоворот — спиральную туманность, видимую откуда-то со стороны, словно наблюдатель находился очень далеко от самого крайнего из составляющих ее солнц.

— Ни один человек никогда еще этого не видел, — раздался в темноте голос Кареллена. — Вы смотрите на свою Вселенную, галактический островок, куда входит и ваше Солнце, с расстояния в полмиллиона световых лет.

Долгое молчание. Опять заговорил Кареллен, и теперь в голосе его звучало нечто новое — не то чтобы настоящая жалость и не совсем презрение.

— Ваше племя проявило редкую неспособность справляться с задачами, возникающими на собственной небольшой планете. Когда мы прибыли сюда, вы готовы были истребить сами себя при помощи сил, которые опрометчиво вручила вам наука. Не вмешайся мы, сегодня Земля была бы радиоактивной пустыней.

Теперь у вас тут мир, человечество едино. Вскоре вы достигнете такого уровня развития, что сумеете управлять своей планетой без нашей помощи. Быть может, в конце концов станете даже справляться со всей Солнечной системой — примерно на пятидесяти лунах и планетах. Но неужели вы воображаете, что вам будет когда-нибудь под силу вот это?

Звездная туманность ширилась. Звезды неслись мимо, вспыхивали, пропадали из глаз мгновенно, точно искры в кузнице. И каждая мимолетная искра была солнцем, вокруг которого обращалось бог весть сколько миров...

— В одной только нашей Галактике восемьдесят

тысяч миллионов звезд,— негромко продолжал Кареллен.— И эта цифра дает лишь слабое понятие о необъятности космоса. Выйдя в космос, вы были бы как муравьи, которые пытаются перебраться и обозначить ярлыком каждую песчинку во всех пустынях вашей планеты.

Вы, человечество, на нынешнем уровне вашего развития просто не выдержите такого столкновения. Одной из моих обязанностей с самого начала было оберегать вас от могучих сил, властвующих среди звезд,— от сил, недоступных самому пылкому вашему воображению.

Взвихренные огневые туманы Галактики померкли; в просторном зале снова зажегся свет, настала гробовая тишина.

Кареллен повернулся, готовый уйти,— пресс-конференция кончилась. У дверей он помедлил, оглянулся на безмолвную толпу журналистов.

— Это горькая мысль, но вы должны с ней примириться. Планетами вы, возможно, когда-нибудь овладаете. Но звезды — не для человека.

· · · · ·
«ЗВЕЗДЫ НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА». Да, конечно же, им обидно, что небесные врата захлопнулись у них перед носом. Но пусть научатся смотреть правде в глаза — хотя бы той доле правды, которую, щадя их, можно им открыть.

Из пустынных высей стратосферы Кареллен смотрел на планету и ее жителей, вверенных его попечению,— обязанность нерадостная. Он думал о том, что еще предстоит, о том, чем станет этот мир всего лишь через двенадцать лет.

Никогда они не узнают, как им повезло. Немалый срок, отпущенный людям от колыбели до могилы, человечество было счастливей, чем любое другое разум-

ное племя. То был Золотой век. Но ведь золото еще и цвет заката, цвет осени... и слух одного лишь Кареллена улавливал первые стечения надвигающихся зимних выюг.

И один лишь Кареллен знал, с какой страшной быстротой Золотой век близится к неотвратимому концу.

III. Последнее поколение

15 — Нет, ты только посмотри! — взорвался Джордж Грегсон и швырнул газету через стол. Джин не успела ее перехватить, и газетный лист распластался на завтраке. Джин терпеливо счистила с бумаги варенье и прочитала столь возмутительный абзац, силясь изобразить на лице неодобрение. Ей это плохо удавалось, слишком часто она бывала согласна с критиками. Обычно она умалчивала о своих еретических взглядах — и не только ради мира и спокойствия в доме. Джордж охотно принимает от нее (и от кого угодно) похвалы, но осмелюсь она хоть в чем-то упрекнуть его работу, и придется выслушать убийственный разнос: она полнейшая невежда и ничего не смыслит в искусстве!

Джин дважды перечитала рецензию и сдалась. Рецензент как будто вполне доброжелателен, так она и сказала Джорджу:

— Видно, спектакль ему понравился. Чем ты, собственно, недоволен?

— Вот чем, — огрызнулся Джордж и ткнул пальцем в середину столбца. — Перечитай-ка еще раз.

— «Особенно радовали глаз нежно-зеленые пасельные тона задника в балетной сцене». Ну и что?

— Никакой он не зеленый! Я сколько времени потратил, пока добился этого голубого оттенка! А что получилось? То ли какой-то болван-осветитель перепутал

цветовую настройку, то ли у этого осла-рецензента телевизор — дальтоник. Слушай, а у нас на экране какого цвета был фон?

— Э-э... не помню, — призналась Джин. — Тогда как раз запищала Пупса и мне пришлось пойти посмотреть, что с ней.

— А, — только и уронил Джордж. Ясно было, втихомолку он все еще кипит, того и гляди опять взорвется. Так оно и случилось, но взрыв оказался довольно безобидным. — Я нашел новое определение для телевизора, — пробормотал Джордж. — Это аппарат, который мешает взаимопониманию художника и зрителя.

— Ну, и что ты будешь с этим делать? — спросила Джин. — Вернешься к обычному театру?

— А почему бы и нет? Именно об этом я и думаю. Помнишь, какое письмо я получил из Новых Афин? Так вот, они опять мне написали. И на этот раз я хочу ответить.

— Вот как? — Джин немножко встревожилась. — По-моему, они там все чокнутые.

— Ну, выяснить это можно только одним способом. В ближайшие две недели съезжу и посмотрю, что там за народ. Имей в виду, то, что они печатают в стихах и в прозе, никаким помешательством не пахнет. И там есть несколько человек по-настоящему талантливых.

— Если ты воображаешь, что я стану стряпать на костре и одеваться в звериные шкуры, ты сильно...

— Не говори глупостей! Все это басни. В Колонии есть все необходимое, чтобы жить по-человечески. Просто они отказались от излишней роскоши. И потом, я уже года два не бывал на Тихом океане. Чем плохо съездить туда вдвоем?

— Это пожалуйста, — сказала Джин. — Но я не согласна, чтобы наш сын и Пупса росли дикими полинезийцами.

— Дикими они не вырастут,— сказал Джордж.— Это я тебе обещаю.

И он был прав, хотя и не в том смысле, как думал.

— Как вы видели при полете, наша Колония расположена на двух островах, их соединяет дамба,— сказал малорослый человечек с другого конца веранды.— Этот—Афины, а второй остров мы окрестили Спартой. Он довольно дикий, скалистый, отличное место для спорта и тренировки.— Он мельком глянул на брюшко гостя, и Джордж смущенно поежился в плетеном кресле.— Кстати, Спарта—это потухший вулкан. По крайней мере геологи уверяют, что он потух, ха-ха!

Но вернемся к Афинам. Как вы догадываетесь, Колония была задумана, чтобы создать независимый прочный очаг культуры, сохраняющий традиции искусства. Надо сказать, прежде чем взяться за это дело, мы провели серьезнейшие исследования. По сути, у нас тут образчик построения общества, основанного на весьма сложных математических расчетах, не стану притворяться, будто я в них разбираюсь. Знаю только, что математики-социологи в точности вычислили, как велико должно быть население Колонии, сколько в ней должно быть людей разного склада, а главное, на каких законах она должна строиться, чтобы оставаться долговременной и устойчивой.

Нами управляет Совет из восьми директоров, они представляют Производство, Энергетику, Общественное устройство, Искусство, Экономику, Науку, Спорт и Философию. Постоянного президента или председателя у нас нет. Эти обязанности несет по очереди каждый из директоров в течение года.

Сейчас в Колонии чуть больше пятидесяти тысяч человек, совсем немного не достаёт до идеальной численности. Вот почему мы присматриваем новых добро-

вольтцев. И, понятно, есть кое-какие пробелы: нам не хватает некоторых талантливых специалистов.

Здесь, на острове, мы пытаемся сохранить независимость человечества хотя бы в искусстве. Мы не питаем вражды к Сверхправителям, мы просто хотим, чтобы нас предоставили самим себе. Когда Сверхправители уничтожили старые государства и тот образ жизни, к которому люди привыкли за всю свою историю, вместе с плохим уничтожено было и немало хорошего. Наша жизнь стала безмятежной, но притом безликой, пресной, наша культура мертва: за все время при Сверхправителях не создано ничего нового. И очень ясно почему. Не к чему больше стремиться, нечего добиваться, и слишком много стало всяческих развлечений. Ведь каждый день радио и телевидение по разным каналам выдают программы общей сложностью на пятьсот часов — вы об этом задумывались? Если вовсе не спать и ничем другим не заниматься, все равно уследишь едва ли за двадцатой долей всего, чем можно развлечься, стоит только щелкнуть переключателем! Вот человек и становится какой-то губкой — все поглощает, но ничего не создает. Известно ли вам, что сейчас в среднем каждый просиживает перед экраном по три часа в день? Скоро люди вовсе перестанут жить своей жизнью. Будут тратить полный рабочий день, лишь бы не прозевать многосерийную историю какого-нибудь выдуманного семейства!

Здесь, в Афинах, на развлечения тратится не больше времени, чем следует. Больше того, это не записи и не пленки, выступают живые артисты. В общине таких размеров спектакли и концерты всегда проходят при почти полном зале, а это так важно для исполнителей и художников. Кстати, у нас превосходный симфонический оркестр, вероятно, один из шести лучших во всем мире.

Но я совсем не хочу, чтобы вы верили мне на слово.

Обычно те, кто хочет вступить в Колонию, сначала состоят у нас несколько дней, присматриваются. И если почувствуют, что хотели бы к нам присоединиться, мы им предлагаем ряд психологических тестов, это, в сущности, главная линия нашей обороны. Примерно треть желающих мы отвергаем, обычно по причинам, которые не бросают на них ни малейшей тени и не имеют никакого значения вне Колонии. Те же, кто выдержал испытание, уезжают домой, чтобы уладить все свои дела, а потом возвращаются к нам. Бывает, и не возвращаются, передумывают, но это большая редкость, и почти всегда их удерживают какие-нибудь личные обстоятельства, от них не зависящие. Наши тесты сейчас безошибочны: их неизменно выдерживают люди, которые по-настоящему хотят быть с нами.

— А если кто-нибудь у вас поселится, а потом вдруг передумает? — с тревогой спросила Джин.

— Тогда можно уехать. Никто не помешает. Так бывало раза два.

Наступило долгое молчание. Джин посмотрела на Джорджа, он задумчиво поглаживал бакенбарды — новейшая мода среди людей искусства. Что ж, пока отступление не отрезано, ей незачем чересчур беспокоиться. Похоже, эта Колония — занятное место, и уж конечно, не такая это сумасбродная затея, как она опасалась. А детям тут наверняка понравится. В конце концов только это и важно.

Через полтора месяца они переехали в Колонию. Одноэтажный дом невелик, но для семьи из четырех человек, где пятого заводить не собираются, места вполне достаточно. А вот и все приборы, облегчающие стряпню, уборку и прочее, — по крайней мере, как признала Джин, возврат к средневековому рабству домашней хозяйки ей не грозит. Впрочем, ее несколько беспокоило открытие, что тут есть кухня. Обычно в местах,

где живет столько народу, работает Линия доставки — набираешь номер Центральной и через пять минут получаешь какое угодно блюдо. Независимость — это прекрасно, со страхом подумала Джин, но тут, кажется, хватило через край. Уж не предстоит ли ей самой не только стряпать, но и одевать всю семью? Однако до этого все-таки не дошло: между автоматической мойкой и радарной плитой прятки не оказались...

Всюду, кроме кухни, в доме, понятно, было очень голо и пусто. Они здесь поселились первыми, и не сразу эта аптечной чистоты новизна обратится в теплое человеческое жилье. Дети наверняка, словно закваска, ускорят это превращение. Уже сейчас (Джин пока об этом не подозревает) в ванне гибнет злосчастная жертва Джеффри, ибо сей молодой человек не ведает коренной разницы между пресной водой и соленой.

Джин подошла к еще не завешенному окну и поглядела на Колонию. Что и говорить, красивые места. Дом стоит на западном склоне невысокого холма — единственного, что поднимается над островом Афины. За два километра к северу видна узкая дамба, она, точно лезвие ножа, рассекает воды океана, по ней можно перейти на Спарту. Этот скалистый остров, увенчанный хмурым конусом вулкана, подчас пугает Джин, слишком он непохож на мирные Афины. Разве могут ученые знать наверняка, что вулкан никогда больше не проснется и не погубит все вокруг?

Но вот вдали замаячил явно неумелый велосипедист, устало поднимается в гору, едет не по дороге, как положено, а в тени пальм. Это Джордж возвращается с первого своего совещания. Хватит предаваться мечтам, в доме работы по горло.

Металлический звон и лязг возвестил о прибытии мужнина велосипеда. Скоро ли они оба научатся ездить как следует, подумала Джин. Вот еще неожиданная особенность островной жизни. Колонистам не разрешено

обзаводиться автомобилями, да, строго говоря, и нужды нет — самый длинный путь по прямой здесь меньше пятнадцати километров. Есть разный общественный транспорт — грузовики, санитарные и пожарные машины, их скорость, кроме случаев крайней необходимости, ограничена: не больше пятидесяти километров в час. А потому жители Афин не страдают от сидячего образа жизни, от заторов на улицах — и от аварий и смерти под колесами.

Джордж наскоро чмокнул жену в щеку и со вздохом облегчения рухнул в ближайшее кресло.

— Уф! — выдохнул он, утирая пот со лба. — На подъеме меня все обгоняли, так что, видно, привыкнуть все-таки можно. Пожалуй, я уже похудел килограммов на десять.

— А день был удачный? — спросила Джин, как подбирает внимательной жене. Она надеялась, что Джордж не слишком вымотался и поможет распаковать вещи.

— Все идет отлично. Познакомился с кучей народу, конечно, и половины не запомнил, но, похоже, все очень славные. И театр хорош, лучше нечего и желать. На той неделе начинаем работать над пьесой Шоу «Назад к Мафусаилу». На мне декорации и все оформление. Буду сам себе хозяин, не то что прежде, когда десять человек командуют — не делай того, не делай этого. Да, я думаю, нам тут будет хорошо.

— Несмотря на велосипеды?

У Джорджа хватило сил улыбнуться.

— Да, — сказал он, — недели через две мне этот холмик будет нипочем.

Он не совсем в это верил, но оказался прав. Однако прошел еще целый месяц, прежде чем Джин перестала горевать о машине и ей открылось, какие чудеса можно творить у себя на кухне.

Новые Афины возникли и развивались не так есте-

ственно, сами собой, как античный город, чье имя они переняли. Устройство Колонии, продуманное и рассчитанное до мелочей, стало плодом многолетних исследований, тут поработали в содружестве поистине замечательные люди. Поначалу это был прямой заговор против Сверхправителей, в котором крылся вызов если не их могуществу, то их политике. И на первых порах зачинатели Колонии почти не сомневались, что Кареллен сокрушит их планы, однако Попечитель пальцем не шевельнул, будто ничего и не заметил. Но это и не так уж успокаивало, как можно бы предполагать. Кареллену спешить некуда, быть может, он только еще готовит ответный удар. А может быть, он убежден, что их затея все равно обречена на провал и ему незачем вмешиваться.

Что Колонию ждет провал, предсказывали почти все. Но ведь и в далеком прошлом, когда люди еще понятия не имели о закономерностях общественного развития, немало зарождалось общин, вдохновляемых религиозными или философскими целями. Правда, в большинстве они оказывались недолговечными, но были и жизнеспособные. А Новые Афины опираются на самые прочные устои, какие только способна выработать современная наука.

На острове Колонию основали по многим причинам. Немаловажны были соображения чисто психологические. Конечно, в век общедоступных воздушных сообщений перемахнуть через океан ничего не стоит, а все же чувствуешь себя отгороженным. Притом, поскольку размеры острова ограничены, Колония не станет чересчур многолюдной. Население не должно превышать ста тысяч человек, иначе утрачены будут преимущества небольшой сплоченной общины. Среди прочего основатели ее стремились к тому, чтобы в Новых Афинах каждый мог познакомиться со всеми, кто разделяет его

склонности и интересы, — и еще с двумя-тремя процентами остальных колонистов.

Начало Колонии положил некий новый Моисей. И подобно Моисею, он не дожил до вступления в землю обетованную — Колония основана была через три года после его смерти.

Он родился в стране, которая одной из последних обрела самостоятельность, а потому и век этого государства оказался самым коротким. Быть может, потому-то конец национальной независимости здесь переживали тяжелей, чем где-либо еще: горько утратить мечту, едва она сбылась, когда стремились к ней столетиями.

Бен Саломон не был фанатиком, но, должно быть, воспоминания детства в значительной мере определили философию, которую ему суждено было претворить в действие. Он еще помнил, каков был мир до прибытия Сверхправителей, и вовсе не желал вернуть его. Как многие разумные люди доброй воли, он вполне способен был оценить все, что сделал Кареллен для человечества, однако с тревогой гадал, какова же конечная цель Попечителя. Быть может, думалось ему порой, при всем своем всеобъемлющем уме, при всех познаниях Сверхправители по сути не понимают людей и из лучших побуждений совершают жестокую ошибку? А вдруг, самоотверженно преданные порядку и справедливости, решив преобразить наш мир, они не поняли, что при этом разрушают человеческую душу?

Упадок едва наметился, однако нетрудно было уловить первые признаки вырождения. Саломон, сам не художник, но тонкий знаток и ценитель искусства, понимал, что его современники ни в одной области не могут тягаться с великими мастерами прошлого. Быть может, в дальнейшем, когда забудется потрясение от встречи с цивилизацией Сверхправителей, все уладится само со-

бой. А может быть, и нет — и человеку предусмотрительному на всякий случай следует застраховаться.

Такой страховкой и стали Новые Афины. На их создание потребовались двадцать лет и несколько миллиардов фунтов — не так уж много при том, как богат стал мир. За первые пятнадцать лет ничего не изменилось; за последние пять произошло очень многое.

Саломон ровным счетом ничего не достиг бы, не сумей он убедить горсточку всемирно знаменитых людей искусства, что замысел его разумен и осуществим. Они откликнулись не потому, что задуманное важно для всего человечества, откликалось скорее некоторое честолюбие, творческое «я» каждого. Но, когда они прониклись этой мыслью, к ним прислушался весь мир и поддержал их сочувствием и деньгами. Так возведен был блистательный фасад таланта и страсти, а за ним осуществляли свой план подлинные строители Колонии.

Всякое общество состоит из отдельных людей, и поведение каждого в отдельности непредсказуемо. Но, если взять достаточно человек из основных категорий, начинают проявляться какие-то общие законы — это давным-давно открыли общества по страхованию жизни. Нет никакой возможности предсказать, кто именно умрет за такой-то срок, но общее число смертей можно предвидеть довольно точно.

Есть и другие, менее очевидные закономерности, впервые их уловили в начале XX века математики — Винер, Рашавески. Они утверждали, что такие явления, как экономические кризисы, последствия гонки вооружений, устойчивость общественных групп, результаты парламентских выборов и прочее, поддаются чисто математическому анализу. Серьезную трудность тут представляет огромное количество переменных величин, причем многие из них весьма сложно выразить в числовых понятиях. Нельзя просто начертить серию

кривых и заявить безоговорочно: «Когда будет достигнута эта линия, начнется война». И нельзя начисто сбрасывать со счетов полнейшие неожиданности — к примеру, убийство важнейшего политического деятеля или следствия какого-нибудь научного открытия, а тем более — стихийных бедствий вроде землетрясений или наводнений, а между тем такие события могут решающим образом повлиять на большие массы людей и целые пласты общества.

И все же знания, терпеливо собранные за последнее столетие, позволяют достичь многого. Задача была бы невыполнимой, если бы не помощь громадных вычислительных машин, способных за несколько секунд сделать расчеты, на которые иначе пришлось бы затратить труд тысяч людей. Их-то помощью всемерно и пользовались те, кто создавал план Колонии.

Но и при этом основатели Новых Афин только подготовили почву и климат для растения, которое они жаждали взлелеять, — быть может, оно расцветет, а может быть, и нет. Как сказал однажды сам Саломон: «Мы можем быть уверены в таланте, но о гении остается только молиться». Были, однако, все основания надеяться, что в столь насыщенном растворе начнутся любопытные химические реакции. Мало кто из художников процветает в одиночестве, зато какие живые искры высекает столкновение умов, объединенных сходными интересами.

Такие столкновения уже породили кое-что достойное внимания в области скульптуры, музыки, литературной критики и кино. Еще рано было судить, оправдают ли историки надежды своих вдохновителей, которые откровенно стремились вновь пробудить в человечестве гордость за былые свои свершения. Живопись пока что прозябала, подтверждая этим взгляды теоре-

тиков, которые полагали, что у статичных, плоскостных форм искусства нет будущего.

Стали замечать, хотя убедительного объяснения пока не находилось, что в самых выдающихся произведениях искусства, созданных колонистами, важнейшую роль играет время. Даже скульптура редко оставалась неподвижной. Загадочные изгибы и извивы творений Эндрю Карсона медленно изменялись на глазах зрителя, согласно сложному замыслу, быть может, не совсем понятному и все же увлекающему. А сам Карсон утверждал, и в этом есть доля истины, что довел до логического завершения абстрактные композиции прошлого века и тем самым сочетал скульптуру с балетом.

В музыкальной жизни Колонии велись тщательные исследования того, что можно назвать «протяженностью времени». Каков самый краткий звук, доступный нашему восприятию,— и каков самый долгий, который не успевает наскучить? Можно ли менять эти величины, варьируя силу звука или преобразуя оркестровку? Подобные вопросы обсуждались бесконечно, и доводы тут были не просто теоретические. Из этих споров родилось несколько на редкость интересных произведений.

Но всего удачней оказались опыты Новых Афин по части мультфильма с его поистине неограниченными возможностями. Сто лет минуло со времен Диснея, а чудеса этого самого гибкого и выразительного из искусств все еще не исчерпаны. Оно может оставаться и чисто реалистическим, и тогда плоды его неотличимы от обыкновенной фотографии, к величайшему презрению поборников абстрактной мультипликации.

Больше всего привлекала, но и пугала группа художников и ученых, которая пока что создала меньше всего. Эти люди добивались «полного слияния». Ключ к их работе дала история кино. Сначала звук, затем цвет, затем стереоскопия и наконец синерама шаг за

шагом приближали старинные «движущиеся картинки» к подлинной жизни. Чем же это кончится? Без сомнения, можно достичь большего: зрители забудут, что они только зрители, и сами станут участниками фильма. Для этого пришлось бы воздействовать решительно на все чувства, а пожалуй, подключить и гипноз, но многие считали, что это вполне осуществимо. Если цель эта будет достигнута, невообразимо богаче станет жизненный опыт человека. Каждый сможет стать хотя бы на время кем угодно другим и пережить все мыслимые и немыслимые события и приключения, подлинные или воображаемые. Можно даже превратиться в растение или животное, лишь бы удалось уловить и записать чувственные восприятия не только человека, но любого живого существа. И когда «программа» кончится, у зрителя останется воспоминание столь же яркое, как о любом событии, пережитом на самом деле,— попросту неотличимое от действительности.

Ослепительное будущее. Многих оно страшило, и они надеялись, что затея не удастся. Но в глубине души и они понимали: раз наука считает что-то осуществимым, в конце концов это неизбежно сбудется...

Таковы были Новые Афины и таковы иные их мечты. Они надеялись стать тем, чем были бы Афины античных времен, обладай они вместо рабов машинами и вместо суеверий наукой. Но еще слишком рано было судить, увенчается ли опыт успехом.

16 Джеффри Грегсон был единственным островитянином, кого пока ничуть не интересовали ни эстетика, ни наука — два главных предмета, которые поглощали его родителей. Но по сугубо личным причинам он всей душой одобрял Колонию. Его околдовало море, до которого, в какую сторону ни пойдешь, всего-то считан-

ные километры. Почти всю свою короткую жизнь Джеффри провел далеко от любых берегов и еще не освоился с новым, удивительным ощущением, когда вокруг — вода. Он хорошо плавал и нередко, захватив ласты и маску, в компании сверстников отправлялся на велосипеде исследовать ближнюю мелководную лагуну. Сперва Джин беспокоилась, а потом несколько раз ныряла и сама, после чего перестала бояться моря и его странных обитателей и позволила сыну развлекаться, как угодно, при одном условии: никогда не плавать в одиночку.

Весьма одобрял новое место жительства другой домочадец Грегсонов — золотистая красавица собака породы ретривер по кличке Фэй; хозяином ее считался Джордж, но ее редко удавалось отозвать от Джеффри. Эти двое не разлучались целыми днями, не разлучались бы и ночью, но тут Джин была непреклонна. Лишь когда Джеффри уезжал из дому на велосипеде, Фэй оставалась дома — лежала у порога, ко всему равнодушная, уронив морду на передние лапы, и неотрывно смотрела на дорогу влажными скорбными глазами. Джордж бывал этим несколько уязвлен, Фэй и ее родословная обошлись ему в кругленькую сумму. Видно, надо дожидаться следующего поколения — оно ожидается через три месяца, и лишь тогда у него появится своя собственная собака. У Джин на этот счет были другие взгляды. Фэй очень мила, но, право же, в доме можно обойтись и без второй собаки.

Одна только Дженнифер Энн пока не решила, нравится ли ей в Колонии. Да и неудивительно: до сих пор она во всем мире только и видела пластиковые стенки своей кровати и еще даже не подозревала, что за этими стенками существует какая-то Колония.

. . . . .

Джордж Грегсон не часто задумывался о прошлом, он слишком поглощен был планами на будущее, сли-

шком занят своей работой и детьми. Очень редко возвращался он мыслями к тому вечеру в Африке, много лет назад, и никогда не говорил о нем с Джин. Они словно согласились обходить тот случай молчанием, и ни разу больше не навещали Бойсов, которые опять и опять их приглашали. По несколько раз в год они звонили Руперту и под разными предлогами уклонялись от визитов, и под конец он оставил их в покое. Брак его с Майей, ко всеобщему удивлению, все еще оставался прочным и счастливым.

После того вечера у Джин пропала всякая охота соваться в догадки, таящиеся за пределами науки. От простодушного, доверчивого удивления, что влекло ее к Руперту и его опытам, не осталось и следа. Быть может, тот случай ее убедил, и она не нуждалась в дальнейших доказательствах — об этом Джордж предпочитал не спрашивать. Столь же вероятно, что забота о детях вытеснила из ее мыслей прежние увлечения.

Джордж понимал, нет никакого толку биться над загадкой, которую все равно не решить, и все же иногда в ночной тишине просыпался и снова спрашивал себя о том же. Он вспоминал встречу с Яном Родриком на крыше Рупертова дома и немногие слова, которыми обменялся он с единственным человеком, кому удалось преступить запрет Сверхправителей. В царстве сверхъестественного, думалось Джорджу, не сыщешь ничего настолько до жути поразительного, как вот эта простая, научно установленная истина: почти десять лет прошло после того разговора с Яном, а меж тем этот ныне невообразимо далекий странник с тех пор стал старше всего на несколько дней.

Вселенная необъятна, но это не так страшит, как ее таинственность. Джордж не из тех, кто глубоко задумывается над подобными вопросами, а все же ему порой кажется, что люди Земли — всего лишь дети, резвящиеся на какой-то площадке для игр, надежно отгоро-

женной от грозного внешнего мира. Ян Родрикс взбунтовался против этой защищенности и ускользнул — бежал в неведомое. Но в этих делах он, Джордж, на стороне Сверхправителей. У него нет ни малейшего желания столкнуться с тем, что скрывается там, во тьме неизведанного, вне тесного кружка света, отброшенного светильником Науки.

. . . . .

— Как так получается, — пожаловался Джордж, — когда уж я попадаю домой, Джеф непременно где-то гоняет. Куда он сегодня девался?

Джин подняла глаза от вязанья — это старинное занятие недавно возродилось с большим успехом. Подобные моды сменялись на острове довольно быстро. Благодаря упомянутому новому увлечению всех мужчин одарили многоцветными свитерами — в дневную жару надевать их было невозможно, а после захода солнца в самый раз.

— Джеф отправился с приятелями на Спарту, — ответила Джин мужу. — Обещал вернуться к обеду.

— Вообще-то я пришел домой поработать, — в раздумье сказал Джордж, — но уж очень славный денек, пожалуй, пойду и сам искупаюсь. Какую рыбу тебе принести?

Джордж еще ни разу не вернулся домой с уловом, да и не ловилась рыба в лагуне, чересчур была хитра. Джин уже собралась было ему об этом напомнить, но внезапно послеполуденную тишину потряс звук, который даже в нынешние мирные времена леденил кровь и сжимал сердце тисками недоброго предчувствия. То взвыла сирена — нарастая, замирая и вновь нарастая, кругами разлеталась все шире над морем весть об опасности.

. . . . .

Почти столетие медленно накапливалось давление в раскаленной тьме глубоко под дном океана. С тех пор

как здесь образовался подводный каньон, минули геологические эпохи, но истерзанные скалы так и не примирились с новым своим положением. Множество раз несчетные глубинные пласты трескались и колебались под невообразимой тяжестью вод, нарушающей их непрочное равновесие. И сейчас они вновь готовы были сместиться.

Джеф обследовал каменистые ложбинки вдоль узкого берега Спарты — что может быть увлекательней? Никогда не угадать заранее, какие чудо-существа укрылись тут от могучих валов, которые неустанно накатывают с Тихого океана и разбиваются о рифы. Это волшебная страна для каждого мальчишки, и сейчас Джеф владеет ею один: друзья ушли в горы.

День тихий, спокойный, ни ветерка, и даже вечный ропот волн за рифами сегодня как-то задумчиво приглушен. Палящее солнце еще только на полпути к закату, но Джефу, высмугленному загаром до цвета красного дерева, уже не страшны самые жгучие лучи.

Берег здесь — узкая песчаная полоска, он круто спускается к лагуне. Вода прозрачна как стекло, в ней ясно видны камни, знакомые Джефу не хуже любого валуна и пригорка на суше. На глубине около десяти метров покрытый водорослями остов старой-престарой шхуны выгнулся навстречу миру, откуда он канул на дно добрых двести лет назад. Джеф с друзьями не раз обследовали эти древние останки, но надежда найти неведомые сокровища так и не сбылась. Только и добыли сплошь обросший ракушками компас.

И вдруг нечто взялось за берег уверенной хваткой и встряхнуло — один только раз. Дрожь мигом прошла, и Джеф подумал, может, ему просто почудилось. Пожалуй, просто на миг закружилась голова, ведь кругом ничего не изменилось. Воды лагуны по-прежнему как зеркало, в небесах ни облачка, ничего угрожающего. А потом начало твориться что-то очень странное.

Вода отступала от берега, да так быстро, как никогда еще не бывало при отливе. Очень удивленный, но ничуть не испуганный, Джеф смотрел, как обнажается и сверкает на солнце мокрый песок. И пошел вслед за откатывающимся океаном — нельзя ничего упустить, мало ли какие чудеса подводного мира могут сейчас открыться. А лагуна стала совсем мелкой, мачта затонувшей шхуны уже торчала над водой и поднималась все выше, и водоросли на ней, лишенные привычной опоры, бессильно поникли. Джеф заторопился — скорей, скорей, впереди ждут неведомые открытия.

И тут до его сознания дошел странный звук, доносящийся от рифа. Джеф никогда еще такого не слышал и приостановился, пытаясь понять, что это, босые ноги медленно погружались в мокрый песок. За несколько шагов от него билась в предсмертных судорогах большая рыбина, но Джеф лишь мельком глянул на нее. Он застыл, настороженно прислушиваясь, а шум, идущий от рифа, все нарастал.

То были странные звуки, и журчащие и сосущие, словно река устремила в узкое ущелье. То был гневный голос океана, что нехотя отступал, теряя, пусть ненадолго, пространства, которыми владел по праву. Сквозь прихотливо изогнутые ветви кораллов, сквозь потаенные подводные пещеры ускользали из лагуны в необъятность Тихого океана миллионы тонн воды.

Очень скоро и очень быстро они возвратятся.

. . . . .

Несколько часов спустя одна из спасательных партий нашла Джефа на громадной глыбе коралла, брошенной на высоту двадцати метров над обычным уровнем воды. Казалось, он не так уж испуган, только огорчен тем, что пропал его велосипед. Да еще порядком проголодался, ведь часть дамбы рухнула и он оказался отрезан от дома. Когда его нашли, он уже подумывал добраться до Афин вплавь и доплыл бы, наверно, без

особого труда, разве что обычные течения круто повернули бы прочь от берега.

С первой минуты, когда удар цунами обрушился на остров, и до самого конца все происходило на глазах у Джин и Джорджа. Те части Афин, что расположены были невысоко над уровнем моря, сильно пострадали, но ни один человек не погиб. Сейсмографы предупредили об опасности всего за пятнадцать минут до катастрофы, но этих считанных минут хватило — все успели уйти на высоту, где волна им уже не грозила. Теперь Колония зализывала раны и собирала воедино легенды, которые год от году станут внушать все больший трепет.

Когда спасатели вернули Джефа матери, Джин заплакалась, она успела уверить себя, что его унесло волной. Ведь она сама, застыв от ужаса, видела, как с грохотом надвигалась из дальней дали черная, увенчанная белым гребнем водяная стена и, рухнув, всей брызжащей вспененной громадой придавила подножье Спарты. Невозможно было представить, как успел бы Джеф достичь безопасного места.

Неудивительно, что он не сумел толком объяснить, как же это вышло. Когда он поел и улегся в постель, Джин с Джорджем уселись подле него.

— Спи, милый, и забудь, что было,— сказала Джин.— Все страшное позади.

— Но я не так уж испугался,— запротестовал Джеф.— Было очень занятно.

— Вот и хорошо,— сказал Джордж.— Ты храбрый паренек, и молодец, что сообразил вовремя убежать. Мне и раньше случалось слышать про такие вот цунами. Когда вода отступает, многие идут за ней по открытому дну поглядеть, что такое творится, и их захлестывает.

— Я тоже пошел,— признался Джеф.— Интересно, кто это меня выручил?

— Как выручил? Ты же там был один. Остальные ребята ушли в гору.

На лице у Джефа выразилось недоумение.

— Так ведь кто-то мне велел бежать.

Джин и Джордж озабоченно переглянулись.

— То есть... тебе что-то послышалось?

— Ах, оставь его сейчас в покое,— с тревогой и, пожалуй, чересчур поспешно перебила Джин.

Но Джордж упорствовал:

— Я хочу в этом разобраться. Объясни по порядку, Джеф, как было дело.

— Ну, я дошел по песку до той разбитой шхуны и тут услышал голос.

— Что же он сказал?

— Я не очень помню, вроде: «Джефффри, беги в гору. Здесь оставаться нельзя, ты утонешь». Но он меня назвал Джефффри, а не Джеф, это точно. Значит, кто-то незнакомый.

— А говорил мужчина? И откуда слышался голос?

— У меня за спиной, совсем близко. И вроде говорил мужчина...

Джеф запнулся, но отец требовал ответа:

— Ну же, продолжай. Представь, что ты опять там, на берегу, и расскажи нам подробно все как было.

— Ну, какой-то не такой был голос, я раньше такого не слышал. Наверно, этот человек очень большой.

— А что еще он говорил?

— Ничего... пока я не полез в гору. А тогда опять получилось чудно. Знаешь, там на скале такая тропинка вверх?

— Знаю.

— Я побежал по ней, это самый быстрый путь. Тогда я уже понял, что делается, уже увидел, идет та высокая волна. И она ужасно шумела. И вдруг поперек дороги лежит большущий камень. Раньше его там не было, и смотрю, мне его никак не обойти.

— Наверно, он обрушился при землетрясении,— сказал Джордж.

— Тс-с! Рассказывай дальше, Джеф.

— Я не знал, как быть, и слышу, уже волна близко. И тут голос говорит: «Закрой глаза, Джеффри, и заслони лицо рукой». Мне показалось, чудно это, но я зажмурился и ладонью закрылся. И вдруг что-то вспыхнуло, я почувствовал — жарко, открываю глаза, а тот камень пропал.

— Пропал?

— Ну да... просто его уже не было. И я опять побежал, и чуть не сжег себе подошвы, тропинка была ужасно горячая. Вода когда плеснула на нее, даже зашипела, но меня не достала, я уже высоко поднялся. Вот и все. Потом волны ушли, и я опять спустился. Смотрю, моего велика нету, и дорога домой обвалилась.

— Не огорчайся из-за велосипеда, милый,— сказала Джин, благодарно сжав сына в объятиях.— Мы тебе подарим другой. Главное, ты остался цел. Не будем гадать, как это получилось.

Это, конечно, была неправда, совещание началось, едва родители вышли из детской. Ни до чего они не додумались, однако предприняты были два шага. На завтра же, ничего не сказав мужу, Джин повела сынишку к детскому психологу. Врач внимательно слушал Джефа, а тот, нимало не смущенный незнакомой обстановкой, снова рассказал о своем приключении. Затем, пока ничего не подозревающий пациент перебирал и отвергал одну за другой игрушки в соседней комнате, врач успокаивал Джин:

— Нет ни малейших признаков каких-либо психических отклонений. Не забывайте, он испытал жестокую встряску и перенес ее на редкость безболезненно. У мальчика богатое воображение, и он, надо полагать, сам верит в то, что рассказал. И вы тоже примите эту сказку

и не волнуйтесь, разве что появятся какие-либо новые симптомы. Тогда сразу дайте мне знать.

Вечером Джин пересказала слова врача Джорджу. Похоже, он вовсе не воспрянул духом, как она надеялась, и Джин решила, что он озабочен ущербом, который потерпело его любимое детище — театр. Джордж только и пробурчал: «Вот и хорошо» — и углубился в очередной номер журнала «Сцена и студия». Казалось, он утратил всякий интерес к происшествию с Джефом, и Джин ощутила даже смутную досаду.

Но три недели спустя, в первый же день, когда починили дамбу, Джордж со своим велосипедом помчался в Спарту. Берег все еще засыпан был обломками коралла, а в одном месте, похоже в самом рифе, образовалась пробоина. Любопытно, сколько времени понадобится мириадам терпеливых полипов, чтобы заделать щель, подумалось Джорджу.

По склону утеса, обращенному к морю, вела лишь одна тропинка; Джордж немного отдышался и начал взбираться по ней. Между камнями застряли высохшие обрывки водорослей, словно отметка уровня, до которого поднималась вода.

Долго стоял Джордж Грегсон на этой пустынной тропе и не сводил глаз с проплешины оплавленного камня под ногами. Попробовал внушить себе, что это случайный каприз давно заглохшего вулкана, но быстро отказался от жалкой попытки себя обмануть. Мысль метнулась вспять, к тому вечеру, много лет назад, когда они с Джин участвовали в дурацком опыте у Руперта Бойса. Никто так и не понял толком, что же тогда произошло, но Джордж знал: каким-то непостижимым образом эти два странных случая связаны между собой. Сначала Джин, а вот теперь ее сынишка. Джордж не знал, радоваться ли ему или бояться, и в глубине души молча взмолился:

«Спасибо, Кареллен, за то, что твои собраты помо-

гли Джефу. Только хотел бы я знать, почему они ему помогли».

Он медленно спустился на берег, а большие белые чайки обиженно вились вокруг него, ведь он не принес им никакого лакомства, ни крошки не бросил, пока они кружили над ним в воздухе.

17 Хотя подобной просьбы можно было ждать от Кареллена в любую минуту со дня основания Колонии, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Совершенно ясно, наступает какой-то поворот в судьбе Афин, но, как знать, к добру это или к худу?

До сих пор Колония жила по-своему и Сверхправители никак не вмешивались в ее дела. Ее просто оставляли без внимания, как, впрочем, почти всякую деятельность людей, лишь бы она не подрывала порядок и не оскорбляла нравственные понятия Сверхправителей. Можно ли сказать, что Колония стремится подорвать существующий порядок? Колонисты — не политики, но они олицетворяют стремление разума и искусства к независимости. А кто знает, к чему приведет такая независимость? Сверхправители вполне способны предвидеть будущее Афин яснее, чем сами основатели Колонии, — и, возможно, это будущее им не по вкусу.

Разумеется, если Кареллен хочет прислать наблюдателя, инспектора, как бы там его ни назвать, ничего не поделаешь. Двадцать лет назад Сверхправители объявили, что перестают пользоваться следащими устройствами и человечеству больше незачем опасаться какого-либо подсматриванья. Но ведь такие устройства существуют — и уж если Сверхправители пожелают за чем-то проследить, от них ничто и не укроется.

Кое-кто на острове радовался предстоящему посещению, видя в нем случай разрешить одну из загадок психологии Сверхправителей, хоть и второстепенную:

как они относятся к Искусству? Не считают ли его ребячеством, заблуждением человечества? Есть ли у них самих какие-либо формы искусства? И если есть, вызван ли этот визит чисто эстетическим интересом или на уме у Кареллена что-то не столь безобидное?

Все это обсуждали без конца, покуда готовились к встрече. О Сверхправителе, который будет гостем Колонии, ничего не знали, но предполагалось, что его способность воспринимать явления культуры безгранична. По крайней мере можно поставить опыт, и каждую ответную реакцию подопытного кролика будет с интересом наблюдать целый отряд весьма проницательных умов.

Очередным президентом Совета Колонии был в это время Чарлз Ян Сен, философ, человек, от природы склонный к иронии, но отнюдь не к унынию, притом в расцвете лет — ему еще не перевалило за шестьдесят. Платон одобрил бы в нем образцовое сочетание философа и государственного мужа, Сен же не во всем одобрял Платона, ибо подозревал, что тот совершенно неправильно истолковал Сократа. Сен принадлежал к числу островитян, исполненных решимости извлечь как можно больше пользы из предстоящего визита, хотя бы для того, чтобы показать Сверхправителям, что в людях еще жива жажда деятельности и их не удалось, как он выражался, «окончательно приручить».

Для любого дела в Афинах создавался какой-нибудь комитет, ведь это отличительный признак демократии. Кто-то даже когда-то определил саму Колонию как систему взаимосвязанных комитетов. Но система эта работала успешно, недаром подлинные основатели Афин терпеливо изучали законы общественной психологии. И, поскольку общину создали не слишком большую, каждый так или иначе участвовал в управлении, а значит, был гражданином в самом истинном значении этого слова.

Джордж, один из театральных руководителей, почти неминуемо вошел бы в комитет по приему гостя. Но для большей надежности он еще и нажал кое-какие пружины. Сверхправители хотят изучать Колонию, ну а Джордж в той же мере хочет изучать их, Сверхправителей. Джин это его желание совсем не радовало. После памятного вечера у Бойсов она всегда ощущала смутную враждебность к Сверхправителям, хотя никак не умела это объяснить. Ей только хотелось возможно меньше с ними сталкиваться, и жизнь на острове, пожалуй, больше всего тем и привлекала ее, что здесь была желанная независимость. И теперь она боялась, что независимость эта под угрозой.

Гость прибыл безо всякой пышности, на обыкновенном флаере человеческого производства, к разочарованию тех, кто ожидал какого-нибудь необычайного зрелища. Возможно, это был Кареллен собственной персоной — люди так и не научились сколько-нибудь уверенно отличать одного Сверхправителя от другого. Казалось, все они — точная копия одного и того же образца. Быть может, вследствие какого-то неведомого биологического процесса так оно и было.

После первого дня колонисты уже почти не замечали негромко рокочущую парадную машину, в которой разъезжал гость, осматривая остров. Имя гостя — Тхантхалтереско — выговорить было нелегко, и его быстро окрестили Инспектором. Имя вполне подходящее, так как он был очень любопытен и ненасытно жаден до статистических данных.

Чарлз Ян Сен совсем изнемог, когда далеко за полночь проводил Инспектора к флаеру — его временному жилищу на острове. Несомненно, здесь Инспектор будет работать и ночью, пока хозяева предаются человеческой слабости — сну.

Миссис Сен насилу дождалась возвращения мужа. Они были любящей парой, хотя, когда в доме собира-

лись друзья, Чарлз шутливо именовал супругу Ксантипой. Она давно уже пригрозила, как полагается, в отместку поднести ему чашу отвара цикуты, но, по счастью, сей напиток в Новых Афинах был не столь распространен, как в Афинах древности.

— Сошло удачно?—спросила она, когда муж уселся наконец за поздний ужин.

— Кажется, да... хотя невозможно разобрать, что творится в этих мудрых головах. Он, безусловно, многим заинтересовался, даже хвалил. Кстати, я извинился, что не приглашаю его к нам. Он сказал, что это вполне понятно и что у него нет охоты стукаться головой о наши потолки.

— Что ты ему сегодня показывал?

— Откуда в Колонии хлеб насущный, и ему, похоже, это показалось не такой скучной материей, как мне. Он без конца расспрашивал о производстве, о том, как мы поддерживаем наш бюджет в равновесии, какие у нас минеральные ресурсы, какая рождаемость, откуда берутся продукты питания и прочее. Спасибо, со мной был секретарь Харрисон, уж он-то подготовился, изучил ежегодные отчеты за все время, что существует Колония. Слышала бы ты, как они перебрасывались цифрами. Инспектор выпросил у Харрисона всю эту статистику — и голову даю на отсечение, завтра он сможет сам наизусть назвать нам любую цифру. Такие чудоспособности меня просто угнетают.

Он зевнул и нехотя принялся за еду.

— Завтра будет поинтереснее. Мы побываем в школах и в Академии. Тут уж для разнообразия я сам намерен кое о чем поспрашивать. Хотел бы я знать, как Сверхправители воспитывают своих детей... если у них вообще есть дети.

На этот вопрос Чарлзу Сену так и не довелось получить ответ, но в других отношениях Инспектор оказался на диво словоохотлив. Любо-дорого было смо-

треть, как искусно уклоняется он от нескромных попыток что-то выведать, а затем, когда и не ждешь, переходит на самый доверительный тон.

Первый подлинно задушевный разговор завязался, когда они ехали из школы, которая была в Колонии одним из главных предметов гордости.

— Готовить юные умы к будущему — огромная ответственность, — заметил доктор Сен. — По счастью, человек существо на редкость выносливое: непоправимый вред может нанести разве что уж очень скверное воспитание. Даже если мы ошибаемся в выборе цели, мало вероятно, чтобы малыши стали жертвами наших ошибок, скорее всего они их преодолеют. А сейчас, как вы видели, они выглядят вполне счастливыми.

Сен чуть помолчал, лукаво глянул снизу вверх на своего огромного пассажира. Инспектора с головы до пят окутывала ткань с серебристым отливом, защищая все тело от жгучих солнечных лучей. Но доктор Сен знал, большие глаза, скрытые темными очками, следят за ним бесстрастным взглядом... а может быть, этот взгляд и выражает какие-то чувства, но их все равно не разгадать.

— Мне кажется, задача, которую мы решаем, воспитывая наших детей, очень сходна с той, которая встала перед вами при встрече с человечеством. Вы не согласны?

— В некоторых отношениях согласен, — серьезно сказал Сверхправитель. — А в других, пожалуй, больше сходства с историей ваших колониальных держав. Именно поэтому нас всегда интересовали Римская и Британская империи. Особенно поучителен случай с Индией. Главное различие между нами и англичанами — что у них не было серьезных оснований идти в Индию, то есть не было осознанных целей, кроме таких мелких и преходящих, как торговля или вражда с другими европейскими государствами. Они оказались вла-

дельцами империи, еще не понимая, что с ней делать, и тяготились ею, пока снова от нее не избавились.

Доктор Сен не устоял перед искушением, слишком удобный представился случай.

— А вы тоже избавитесь от своей империи, когда настанет срок? — спросил он.

— Без малейшего промедления, — ответил Инспектор.

Доктор Сен больше не расспрашивал. Ответ был двусмысленный и не очень-то лестный; притом они как раз подъехали к Академии, где уже собрались педагоги и готовились испытать все силы ума на живом настоящем Сверхправителе.

. . . . .
— Как уже говорил вам наш уважаемый коллега, — сказал декан новоафинского университета профессор Чанс, — превыше всего мы стараемся поддержать в колонистах живость ума, помочь им развить и применить все их способности. Боюсь, что за пределами этого острова (взмахом руки он обвел и отстранил всю остальную планету) человечество утратило волю к действию. Есть мир, есть изобилие... но ему некуда стремиться.

— Тогда как здесь, разумеется...? — учтиво вставил Сверхправитель.

Профессору Чансу не хватало чувства юмора, он и сам это смутно сознавал — и подозрительно глянул на гостя.

— Здесь мы не страдаем от древнего предрассудка, будто праздность — порок. Но мы думаем, что быть просто созерцателями, потребителями развлечений — этого мало. Здесь, на острове, каждый стремится к одной цели, определить ее очень просто. Каждый хочет делать хоть что-то, пусть самую малость, лучше всех. Конечно, это идеал, которого не всем нам удастся достичь. Но по нынешним временам главное, чтобы идеал

у человека был. Удастся ли его достичь — не столь важно.

Инспектор, видимо, не собирался высказаться по этому поводу. Он сбросил защитный плащ, но темные очки не снял, хотя свет в профессорской пригасили. И декан спрашивал себя, нужны ли очки из-за особенностей зрения гостя или это просто маскировка. Из-за них, конечно, уж вовсе невозможно прочесть мысли Сверхправителя — задача и без того нелегкая. Однако гость как будто не против, что его забрасывают замечаниями, в которых звучит вызов и чувствуется — оратору совсем не нравится политика Сверхправителей по отношению к Земле.

Декан готов был продолжать атаку, но тут в борьбу вмешался директор Управления по делам науки профессор Сперлинг:

— Как вам, без сомнения, известно, сэр, одним из сложнейших противоречий нашей культуры была разобщенность искусства и науки. Я очень хотел бы узнать ваше мнение по этому вопросу. Согласны ли вы, что все люди искусства не вполне нормальны? Что их творчество — или, во всяком случае, сила, побуждающая их творить, — проистекает из какой-то глубоко скрытой психологической неудовлетворенности?

Профессор Чанс многозначительно откашлялся, но Инспектор его опередил:

— Мне когда-то говорили, что все люди в какой-то мере художники и каждый человек способен что-то создать, хотя бы и на примитивном уровне. Вот, например, вчера я заметил, что в ваших школах особое внимание уделяют тому, как ребенок выражает себя в рисунке, в красках, в лепке. Видимо, стремление к творчеству присуще всем без исключения, даже тем, кто наверняка посвятит себя науке. Стало быть, если все художники не вполне нормальны, а все люди — художники, мы получаем любопытный логический вывод...

Все ждали завершения. Но Сверхправители, когда им это кстати, умеют быть безукоризненно тактичными.

Симфонический концерт Инспектор выдержал с достоинством, чего нельзя сказать о многих слушателях-людях. Единственной уступкой привычным вкусам была «Симфония псалмов» Стравинского, остальная программа — воинствующее сверхноваторство. Но как бы ни оценивать программу, исполнялась она блистательно, Новые Афины гордились тем, что в числе колонистов есть несколько лучших музыкантов мира, и это была не пустая похвальба. Между композиторами-соперниками разгорелся ожесточенный спор за честь участвовать в программе, хотя иные циники сомневались, честь ли это. Возможно, Сверхправители начисто лишены музыкального слуха, еще никто ни разу не убеждался в обратном.

Но после концерта Тхантхалтереско отыскал среди присутствующих трех композиторов и похвалил, как он выразился, их «великую изобретательность». Услыхав такой комплимент, они удалились, судя по их лицам, польщенные, но и несколько растерянные.

Джорджу Грегсону удалось встретиться с Инспектором только на третий день. В театре посетителя решили угостить не единственным блюдом, но своего рода ви-негретом: две одноактные пьесы, выступление всемирно известного мастера «мгновенного перевоплощения», балетная сюита. Все это опять-таки исполнено было с блеском, и предсказание некоего критика «Теперь мы по крайней мере узнаем, умеют ли Сверхправители зевать» не оправдалось. Инспектор даже несколько раз засмеялся — и именно там, где надо.

И все же... почему знать? Вдруг он и сам превосходный актер и следил только за логикой представления, а неведомых его чувств оно никак не затронуло, ведь

и антрополог, оставаясь равнодушным, мог бы участвовать в каком-нибудь обряде варварского племени. Да, он издавал подходящие звуки и откликался на все, как от него ждали, но это ровным счетом ничего не доказывает.

Джордж заранее твердо решил поговорить с Инспектором — и потерпел неудачу. После спектакля они только и успели познакомиться, и гостя сразу увлекли прочь. Невозможно было хоть на минуту отделаться от его *entourage* *, и Джордж ушел домой жестоко разочарованный. Он сам толком не знал, что скажет Сверхправителю, если и сумеет остаться с ним наедине, но был уверен, что уж как-нибудь да сумеет завести речь о Джефе. И вот случай упущен.

Два дня Джордж хандрил и злился. Инспектор отбыл среди несчетных заверений во взаимном уважении, следствие визита обнаружилось позже. Никому и в голову не пришло спрашивать о чем-то Джефа, и мальчик, должно быть, долго все обдумывал, прежде чем обратиться к отцу. Вечером, уже перед сном, он спросил:

— Пап, а ты знаешь Сверхправителя, который к нам сюда приезжал?

— Знаю,— хмуро ответил Джордж.

— Ну вот, он приходил к нам в школу, и я слышал, он разговаривал с учителями. Я не понял по-настоящему, что он сказал, а только мне кажется, голос знакомый. Это он мне велел бежать от той большой волны.

— Ты уверен?

Джеф чуть замялся:

— Ну, не совсем... только если это был не он, значит, другой Сверхправитель. Я подумал, может,

---

* Окружение (франц.).

надо сказать ему спасибо. Но ведь он уже уехал, да?

— Да,— сказал Джордж.— Боюсь, уже поздно. Но, может быть, мы сумеем его поблагодарить в другой раз. А теперь больше не беспокойся об этом, будь умницей и ложись спать.

Наконец Джефа благополучно отправили в детскую, Джин уложила дочку, вернулась и села на ковер возле мужнина кресла, прислонилась к ногам Джорджа. Эта ее привычка Джорджу казалась нелепо сентиментальной. Но не поднимать же шум из-за пустяка. Он только старался, чтобы коленки его торчали как можно угловатей и неуютней.

— Ну, что ты теперь скажешь?— глухо, устало спросила Джин.— По-твоему, так было на самом деле?

— Было,— сказал Джордж,— но, пожалуй, зря мы беспокоимся. В конце концов, любые родители были бы только благодарны... ну и я, конечно, благодарен. Наверно, объясняется это проще простого. Мы знаем, что Сверхправители заинтересовались Колонией, так, уж конечно, они наблюдают за ней, хоть и обещали больше не пользоваться своими инструментами. Допустим, кто-то из них как раз шарил по нашим местам своим глазастым аппаратиком и увидел, что идет цунами. Вполне естественно предупредить всякого, кому грозит опасность.

— Не забывай, он знал, как зовут Джефа. Нет, за нами следят. Чем-то мы выделяемся, почему-то мы им интересны. Я это давно чувствую, с той самой вечеринки у Руперта. Странно, как она все переменила и в твоей жизни, и в моей.

Джордж посмотрел на нее сверху вниз сочувственно, но не более того. Удивительно, как человек меняется за такой короткий срок. Он очень к ней привязан, она — мать его детей и прочно вошла в его жизнь. Но много ли сохранилось от той любви, какую некто полузабы-

тый, кого звали Джордж Грегсон, питал к выпцветающей мечте по имени Джин Моррел? Теперь он делит свою любовь между Джефом и Дженнифер с одной стороны — и Кэрол с другой. Навряд ли Джин знает про Кэрол, и непременно надо ей сказать, пока не сказал кто-нибудь посторонний. Но почему-то все не удается об этом заговорить.

— Ну, ладно... за Джефом следят... в сущности, его охраняют. А не кажется тебе, что нам бы надо этим гордиться? Может быть, Сверхправители готовят ему большое будущее. Хотел бы я знать какое?

Он понимал, что старается всего лишь успокоить Джин. Сам он не слишком встревожен, просто сбит с толку да любопытство задето. И вдруг новая мысль поразила его, об этом следовало подумать раньше. Джордж невольно посмотрел в сторону детской.

— А может быть, им нужен не только Джеф,— сказал он.

. . . . .
Как положено, Инспектор представил отчет о поездке на остров. Дорого бы дали колонисты, чтобы узнать, что там, в отчете. Все цифры и сведения поглотила ненасытная память мощных вычислительных машин, представляющих собою часть — но только часть — незримых сил, которыми распоряжался Кареллен. Но еще прежде, чем сделали какие-то выводы бесстрастные электронные умы, Инспектор высказал свои соображения. В переводе на человеческую мысль и человеческий язык они прозвучали бы примерно так:

— В отношении Колонии нам незачем принимать какие-либо меры. Эксперимент любопытный, но он никак не может повлиять на будущее. Их увлечение искусством нас не касается, а никаких научных исследований в опасных направлениях там, видимо, не ведут.

В соответствии с нашим планом я сумел узнать, как учится и ведет себя Номер Один, не привлекая чьего-

либо внимания. Соответствующие данные приложены, и по ним можно убедиться, что пока нет никаких признаков чего-то необычного. Но, как нам известно, Прорыв редко дает о себе знать заранее.

Я встретился также с отцом Номера Первого, и у меня создалось впечатление, что он хочет со мной поговорить. К счастью, мне удалось этого избежать. Несомненно, он что-то подозревает, хотя, разумеется, не может ни угадать истину, ни как-либо повлиять на исход дела.

Чем дальше, тем больше я жалею этих людей.

. . . . .

Джордж Грегсон согласился бы с выводом Инспектора, что в Джефе нет ничего необычного. Был только тот непонятный случай, пугающий, как единственный удар грома среди долгого ясного дня. И потом — тишина.

Как всякий семилетний мальчишка, Джеф — сгусток энергии и пытливости. Он умен — когда дает себе труд быть умным, — но ему не грозит опасность обернуться гением. Иногда кажется, чуть устало думала Джин, будто ее сын в точности сделан по классическому рецепту: что такое мальчик? — много шума и крика в оболочке из грязи. Впрочем, насчет грязи не сразу скажешь с уверенностью — немало ее должно накопиться, пока она станет заметна на дочерна загорелой коже.

Джеф то ласков, то угрюм, то замкнут, то весь нараспашку. Незаметно, чтобы он больше любил мать, чем отца, или наоборот, и появление младшей сестренки не вызвало у него ни малейшей ревности. Он безупречно здоров, за всю жизнь ни дня не болел. Но по нынешним временам и при здешнем климате ничего необычного тут нет.

В отличие от некоторых мальчишек Джеф не скушает в обществе отца и не спешит удрать от него к сверстникам. Он явно унаследовал художнический талант

Джорджа и чуть ли не сразу, как научился ходить без спутников, стал завсегдатаем кулис в театре Колонии. А театр его признал словно бы живым талисманом, приносящим счастье, и он уже наловчился подносить букеты заезжим звездам сцены и экрана.

Да, Джеф самый обыкновенный мальчишка. В этом опять и опять уверял себя Джордж, когда они вдвоем бродили или катались на велосипедах по не слишком просторному в общем-то острову. Они разговаривали, как спокон веку разговаривают сыновья и отцы, только время иное, и теперь куда больше есть о чем поговорить. Хотя Джеф никогда не уезжал с острова, вездесущее око — экран телевизора — помогало ему всласть наглядеться на окружающий мир. Как и все в Колонии, он немножко презирал остальное человечество. Колонисты — избранники, передовой отряд прогресса. Они приведут род людской к высотам, которых достигли Сверхправители, а быть может, и выше. Конечно, еще не завтра, но настанет день...

Они и не подозревали, что день этот настанет слишком быстро...

18 Спустя полтора месяца начались сны.

Во тьме субтропической ночи Джордж Грегсон медленно всплыл из глубины сна. Он не понял, что его разбудило, и минуту-другую лежал в тупом недоумении. Потом сообразил — он один. Джин встала, неслышно ушла в детскую. И тихо разговаривает с Джефом, слишком тихо, слов на разобрать.

Джордж тяжело поднялся и пошел следом за женой. Из-за Пупсы такие ночные путешествия не редкость, но она-то поднимает такой шум и рев, поневоле проснешься. А тут ничего похожего, и непонятно, что разбудило Джин.

В детской полумрак, только слабо лучатся светя-

щиеся узоры на стенах. И при этом приглушенном свете Джордж увидел — Джин сидит подле кровати Джефа. Она обернулась, шепнула:

— Смотри, не разбуди Пупсу.

— Что случилось?

— Я поняла, что нужна Джефу, и проснулась.

Сказано так просто, будто все само собой понимается... — у Джорджа засосало под ложечкой от недоброго предчувствия. «Я поняла, что нужна Джефу». А как ты это поняла, спрашивается? Но вслух он спросил только:

— Разве прежде у него бывали кошмары?

— Не думаю, — сказала Джин. — Сейчас, как будто, все прошло. Но сперва я увидела, он испугался.

— И совсем я не испугался, мамочка, — с досадой перебил тихий голосок. — Просто там было очень странно.

— Где это «там»? — спросил Джордж. — Расскажи-ка толком.

— Стояли горы, — словно сквозь сон сказал Джеф. — Высокие-высокие, а снега на них нет, а раньше сколько я видел гор, на них всегда снег. И некоторые горели.

— Значит, это были вулканы?

— Не настоящие вулканы. Они все горели, сверху донизу, такие на них чудные синие огоньки. Я смотрел, и тут взойшло солнце.

— А дальше что? Почему ты замолчал?

Джеф растерянно посмотрел на отца.

— Вот это тоже непонятное, папа. Солнце поднялось быстро-быстро, и оно было слишком большое. И... и какого-то не такого цвета. Голубое, очень красивое.

Настало долгое, ледящее душу молчание. Потом Джордж спросил негромко:

— Это все?

— Да. Как-то мне стало тоскливо, и тогда пришла мама и меня разбудила.

Джордж взъерошил растрепанные волосы сына, другой рукой поплотнее запахнул халат. Вдруг пробрало холодом, и он почувствовал себя маленьким и слабым. Но, когда он опять заговорил с Джефом, голос его ничего такого не выдал.

— Просто тебе приснился глупый сон, надо поменьше есть за ужином. Выкинь все это из головы и спи, будь умницей.

— Хорошо, папа,— отозвался Джеф. Минуту помолчал и прибавил задумчиво: — Надо бы еще разок там побывать.

. . . . .

— Голубое солнце? — всего лишь несколько часов спустя переспросил Кареллен. — Тогда совсем несложно определить, где это.

— Да,— сказал Рашаверак. — Несомненно, Альфанидон-два. И Серные горы это подтверждают. Любопытно отметить, как исказились масштабы времени. Планета вращается довольно медленно, так что он, видимо, за считанные минуты наблюдал многие часы.

— Больше ты ничего не мог узнать?

— Нет, если не расспрашивать ребенка в открытую.

— Этого мы не смеем. Все должно идти своим чередом, нам нельзя вмешиваться. Вот когда к нам обратятся родители... тогда, пожалуй, можно будет его спросить.

— Может быть, они к нам и не придут. Или придут слишком поздно.

— Боюсь, тут ничего не поделаешь. Надо всегда помнить, при этих событиях наше любопытство не имеет значения. Оно значит не больше, чем счастье человечества.

Кареллен протянул руку, готовясь отключить связь.

— Разумеется, продолжай наблюдать и обо всем докладывай мне. Но никакого вмешательства.

Между тем когда Джеф не спал, он как будто оставался прежним мальчишкой. И на том спасибо, думал Джордж. Но в душе его нарастал страх.

Для Джефа это была просто игра, он пока ничуть не боялся. Сон — это сон, только и всего, какой бы он ни был странный. Джефу больше не становилось тоскливо в мирах, которые открывались ему во сне. Только в ту первую ночь он мысленно позвал Джин через неведомые, разделившие их бездны. А теперь один бесстрашно странствовал во Вселенной, которая перед ним раскрывалась.

По утрам родители расспрашивали его, и он рассказывал, сколько мог припомнить. И порой сбивался, не хватало слов описать увиденное — такое, чего не только сам не встречал наяву, но что бессильно было себе представить человеческое воображение. Отец и мать подсказывали ему новые слова, показывали картинки и краски, пытаясь подхлестнуть его память, и из его ответов составляли, как могли, связные образы. Зачастую получалось нечто совершенно непонятное, хотя, видимо, самому Джефу миры его снов представлялись ярко и отчетливо. Просто он не мог передать эти образы родителям. Впрочем, иные оказывались довольно ясными...

Пустое пространство — никакой планеты, ни гор, ни равнин вокруг, никакой почвы под ногами. Только звезды в бархатной тьме, и среди них громадное красное солнце, оно пульсирует, бьется, точно сердце. Вот оно огромное, но бледное, а потом понемногу съеживается и в то же время разгорается ярче, словно внутреннему его пламени подбавилось горючего. И окраска его меняется, вот оно уже не красное, а оранжевое, потом поч-

ти желтое, медлит на грани желтизны — и все поворачивает вспять, звезда расширяется, остывает, сызнава становится косматым кроваво-красным облаком...

(— Классический образчик пульсирующей переменной,— обрадовался Рашаверак.— И к тому же увиденный при неимоверном ускорении времени. Не могу определить точно, но, судя по описанию, ближайшая такая звезда — Рамсандрон-девять. А может быть, это Фаранидон-двенадцать.

— Та ли, эта ли звезда, но он уходит все дальше,— заметил Кареллен.

— Много дальше,— сказал Рашаверак...)

Тут было совсем как на Земле. Ярко-белое солнце повисло на синем небе в крапинках несущихся по ветру облаков. У подножья некрутой горы пенился исхлестанный бешеным ветром океан. И при этом ничто не шелохнется: все застыло — недвижимо, будто высветилось на миг при вспышке молнии. А далеко-далеко на горизонте виднелось такое, чего на Земле не увидишь,— вереница туманных, чуть сужающихся кверху колонн, они вырастали из воды и тонули вершинами в облаках. Они шли на равном расстоянии друг от друга по краю всей планеты, такие громадные, что никто не мог бы их построить,— и все же такие одинаковые, что не могли появиться сами собой.

(— Сиденеус-четыре и Рассветные столпы,— голос Рашаверака дрогнул.— Он достиг центра Вселенной.

— А ведь его путешествие только начинается,— сказал Кареллен.)

Планета была совершенно плоская. Непомерное тяготение давным-давно придавило и сровняло с поверхностью бывшие горы ее огненной юности — горы, чьи самые могучие вершины и тогда не превышали нескольких метров. И однако здесь была жизнь: всё по-

крывали мириады словно бы с помощью линейки и циркуля вычерченных узоров, они двигались, переползали с места на место, меняли окраску. Это был мир двух измерений, и населяли его существа толщиной в малую долю сантиметра.

А в небе этого мира пылало солнце, какое не привиделось бы и курильщику опиума в самых безумных грезах. Раскаленное уже не добела, а еще того больше, паллящий, почти ультрафиолетовый призрак этот обдавал свои планеты смертоносным излучением, которое вмиг уничтожило бы все живое на Земле. На миллионы километров вокруг простирались завесы газа и пыли и, прорежаемые вспышками ультрафиолета, лучились неисчислимыми переливами красок. Рядом с этой звездой бледное светило Земли показалось бы слабеньким, точно светлячок в полдень.

(— Гексанеракс-два, такого больше нет нигде в изученной Вселенной,— сказал Рашаверак.— Очень немногие наши корабли там бывали, и никто не решился на высадку, ведь никому и в мысль не приходило, что на таких планетах возможна жизнь.

— По-видимому, вы, ученые, оказались не такими дотошными исследователями, какими себя считали,— заметил Кареллен.— Если эти... эти узоры... разумны, любопытно было бы установить с ними контакт. Хотел бы я знать, известно ли им что-нибудь о третьем измерении?)

. . . . .
Этот мир не ведал, что значат день и ночь, годы и времена года. Его небо делили между собою шесть разноцветных солнц, и темноты здесь не бывало, только менялось освещение. Спорили друг с другом, сталкивались или тянули каждое к себе различные поля тяготения, и планета странствовала по изгибам и петлям невообразимо сложной орбиты, никогда не возвращаясь на однажды пройденный путь. Каждый миг—

единственный и неповторимый: рисунок, который образуют сейчас в небе шесть солнц, уже не возобновится до конца времен.

Но даже и здесь существует жизнь. Быть может, в какую-то эпоху планета обугливалась от близости к своим светилам, а в другую — леденела, удаляясь от них едва ли не за пределы досягаемости, и однако, наперекор всему, на ней обитает разум. Громадные многогранные кристаллы стоят группами, образуя сложные геометрические узоры, в эру холода они недвижимы, а когда планета снова прогревается, медленно растут вдоль минеральных жил, что их породили. Пусть на то, чтобы додумать мысль, они потратят тысячелетие, — что за важность. Вселенная еще молода, и впереди у них — Время, а ему нет конца...

. . . . .
(— Я пересмотрел все наши отчеты, — сказал Рашаверак. — Нам неизвестна ни такая планета, ни такое сочетание солнц. Если бы они существовали в пределах нашей Вселенной, астрономы обнаружили бы такую систему, будь она даже недосыгаема для наших кораблей.

— Значит, он уже вышел за пределы Галактики.

— Да. Конечно, теперь ждать уже недолго.

— Кто знает? Он только видит сны. А когда просыпается, он все еще такой, как был. Это лишь первая фаза. Когда начнется перемена, мы очень быстро об этом узнаем.)

. . . . .
— Мы уже знакомы, мистер Грегсон, — серьезно сказал Сверхправитель. — Меня зовут Рашаверак. Несомненно, вы помните нашу встречу.

— Да, — сказал Джордж. — На вечере у Руперта Бойса. Вряд ли я мог бы забыть. И я подумал, что надо бы увидаться еще раз.

— Скажите, а почему вы просили, чтобы я с вами встретился?

— Я думаю, вы уже сами знаете.

— Возможно. И все-таки нам обоим будет легче разобраться, если вы сами мне скажете. Пожалуй, вас это очень удивит, но я тоже стараюсь понять, что происходит, и в некоторых отношениях знаю так же мало, как и вы.

Изумленный Джордж во все глаза смотрел на Сверхправителя. Этого он никак не ожидал. В подсознании его жила уверенность: Сверхправители всеведущи и всемогущи, им совершенно ясно, что делается с Джефом, и скорее всего они сами же в этом повинны.

— Как я понимаю,— сказал он,— вы видели записи, которые я передал психологу Колонии, а стало быть, знаете, какие нашему сыну снятся сны.

— Да, о снах мы знаем.

— Я никогда не верил, что это просто детские фантазии. Они настолько неправдоподобны, что... конечно, звучит нелепо, но у них наверняка есть какая-то реальная основа, иначе им неоткуда взяться.

Он впился взглядом в Рашаверака, сам не зная, чего ждет — подтверждения или отрицания. Сверхправитель промолчал, большие глаза его спокойно смотрели на Джорджа. Собеседники сидели почти лицом к лицу, потому что в комнате, явно предназначенной для таких вот свиданий, пол был на двух разных уровнях, и массивный стул Сверхправителя стоял на добрый метр ниже, чем стул Джорджа. Этот знак дружелюбного внимания подбадривал, ведь у людей, которые просили о подобных встречах, чаще всего было не очень-то легко на душе.

— Мы беспокоились, но сначала всерьез не испугались. Когда Джеф просыпался, в нем ничего необычного не было заметно, и эти сны его как будто не тревожили. А потом раз ночью... — Джордж запнулся, поглядел на Сверхправителя, словно оправдываясь. — Я никогда не верил в какие-то сверхъестественные силы. Я не уче-

ный, но, думаю, всему на свете существует какое-то разумное объяснение.

— Правильно,— сказал Рашаверак.— Я знаю, что вы тогда видели, я наблюдал.

— Так я и думал. А ведь Кареллен обещал, что ваши аппараты больше не будут за нами шпионить. Почему вы нарушили обещание?

— Я его не нарушал. Попечитель сказал, что за людьми мы больше следить не будем. Мы сдержали слово. Я наблюдал не за вами, а за вашими детьми.

Не сразу до Джорджа дошел смысл услышанного. Потом он понял, и лицо его залила мертвенная бледность.

— То есть...— он задохнулся. Голос изменил ему, пришлось начать сызнава.— Тогда кто же они, мои дети?

— Вот это мы и стараемся узнать,— очень серьезно сказал Рашаверак.

. . . . .
Дженнифер Энн Грегсон, в последнее время известная под именем Пупсы, лежала на спине, крепко зажмурясь. Она давно уже не открывала глаз, и никогда больше не откроет: зрение для нее теперь так же излишне, как для наделенных многими иными чувствами тварей, населяющих непроглядную пучину океана. Она и так разбиралась в окружающем мире и еще во многом сверх того.

По непостижимой прихоти развития у нее с мимолетной поры младенчества сохранилась лишь одна привычка. Погремушка, что приводила ее когда-то в восторг, теперь не умолкала, отбивая в кроватке сложный, поминутно меняющийся ритм. Эти странные синкопы разбудили Джин среди ночи, и она кинулась в детскую. Но не только необычные звуки заставили ее отчаянным криком звать Джорджа, а еще и то, что она увидела.

Самая обыкновенная ярко раскрашенная погремушка висела в воздухе, в полуметре от какой-либо опоры, и знай отстукивала свое, а Дженнифер Энн лежала в кровати, туго сплетя пухлые пальчики, и мирно, счастливо улыбалась.

Она начала позже, но продвигалась быстро. Скоро она опередит брата, ведь ей гораздо меньше надо разучиваться.

— Вы очень разумно поступили, что не тронули игрушку,— сказал Рашаверак.— Едва ли вы сумели бы ее сдвинуть. Но если б вам это удалось, девочка, пожалуй, была бы недовольна. И право не знаю, что бы тогда случилось.

— Так что же, вы, значит, ничего не можете сделать?— тупо спросил Джордж.

— Не хочу вас обманывать. Мы можем изучать и наблюдать, этим мы и занимаемся. Но вмешаться мы не можем, потому что не можем понять.

— Да как же нам быть? И почему такое случилось именно с нами?

— С кем-то это должно было случиться. Вас ничто не отличает от других, как ничто не отличает первый нейтрон, с которого начинается цепная реакция в атомной бомбе. Просто он оказался первым. Ту же роль сыграл бы любой другой нейтрон... вот и на месте Джеффри мог оказаться кто угодно другой. Мы называем это Всеобъемлющим Прорывом. Больше ничего не надо скрывать, и меня это только радует. Мы ждали Прорыва с тех самых пор, как пришли на Землю. Невозможно было предсказать, когда и где он начнется... но потом, по чистой случайности, мы встретились на вечере у Руперта Бойса. Вот тогда я понял, что почти наверняка первыми станут дети вашей жены.

— Но... но мы тогда еще не поженились. Мы даже не...

— Да, знаю. Но мысль мисс Морелл оказалась каналом, по которому, пусть на один миг, проникло знание, никому на Земле в ту пору не доступное. Оно могло прийти только через другой ум, теснейшим образом с нею связанный. Что ум этот еще не родился, не имело значения, ибо Время — нечто гораздо более странное, чем вы думаете.

— Начинаю понимать. Джеф знает то, чего не знает никто... Он видит другие миры и может сказать, откуда вы. И Джин как-то уловила его мысли, хотя он еще даже не родился.

— Все много сложнее... но сильно сомневаюсь, чтобы вы сумели когда-нибудь ближе подойти к истине. История человечества во все времена знала людей, которым необъяснимые силы словно бы помогали преодолевать пространство и время. Что это за силы, никто не понимал, попытки их объяснить, за редчайшими исключениями, суший вздор. Я-то знаю, я их вдоволь перечитал!

Но есть одно сравнение, которое... ну, как бы что-то подсказывает и помогает понять. Оно не раз возникает в вашей литературе. Представьте себе ум каждого человека островком среди океана. Кажется, будто эти островки разобщены, а на самом деле их связывает одна и та же основа — дно, с которого они поднимаются. Исчезни все океаны, не станет и островов. Все они составят единый континент, но перестанут существовать каждый в отдельности.

Примерно так и с тем, что у вас называется телепатией. При подходящих условиях отдельные умы сливаются, то, что знает один, становится достоянием другого, а потом, разъединясь вновь, каждый сохраняет память об испытанном. Способность эту в высшем ее проявлении не стесняют обычные рамки места и времени. Вот почему Джин почерпнула кое-что из познаний своего еще не рожденного сына.

Наступило долгое молчание, Джордж силился совладать с этими ошеломляющими открытиями. В мыслях стали прорисовываться черты происходящего. Навероятно, поразительно, но в этом есть своя внутренняя логика. И это объясняет (если такое слово применимо к чему-то совершенно непонятному) все, что случилось после вечера в доме Руперта Бойса. И еще теперь ясно, почему Джин так увлекалась всем таинственным, сверхъестественным.

— А с чего все началось? — спросил Джордж. — И к чему это приведет?

— Вот на этот вопрос мы ответить не можем. Но во Вселенной много видов разумных существ, и некоторые открыли эти силы и способности задолго до того, как появилось ваше племя, да и мое тоже. Они давно ждали, чтобы вы к ним присоединились, теперь час настал.

— А как же в этом участвуете вы?

— Вероятно, как большинство людей, вы всегда считали, что мы над вами хозяева. Это неверно. Мы всегда были только опекунами, исполняли долг, порученный нам... чем-то, что выше нас. Трудно определить, в чем заключается наш долг; пожалуй, самое правильное считать, что мы — акушеры при трудных родах. Мы помогаем появиться на свет чему-то новому, поразительному.

Рашаверак замялся; с минуту казалось, он не находит нужных слов.

— Да, мы акушеры. Но сами мы — бесплодны.

В этот миг Джордж понял, перед ним трагедия еще тяжелее той, что постигла его самого. Казалось бы, невероятно, и все же это так. Да, Сверхправители поражают могуществом, блистают умом, и, однако, эволюция загнала их в капкан, в какой-то *cul-de-sac* *. Этот великий, благородный народ едва ли не во всех отноше-

---

* Тупик (*франц.*).

ниях выше земного человечества, но будущего у них нет, и они это знают. Рядом с такой судьбой заботы Джорджа ему и самому вдруг показались мелкими.

— Теперь я понимаю, почему вы все время следите за Джеффри,— сказал он.— Мой мальчик для вас — подопытный кролик.

— Вот именно... только над опытом мы не властны. Не мы его начали... Мы только пытались наблюдать. И вмешивались, только когда нельзя было не вмешаться.

Да, подумал Джордж, как тогда с цунами... Не дать же погибнуть ценному экземпляру. И тотчас устыдился этой неуместной, недостойной горечи.

— Еще только один вопрос,— сказал он,— как нам быть дальше с нашими детьми?

— Радуйтесь им, пока можете,— мягко ответил Рашаверак.— Они не надолго останутся вашими.

Такой совет можно было бы дать любым родителям в любую эпоху, но никогда еще он не таил в себе столь страшной угрозы.

19 Пришло время, когда мир снов Джефа стал мало отличаться от его существования наяву. В школу он больше не ходил, и привычный порядок жизни Джорджа и Джин разрушился, как вскоре должен был разрушиться во всем мире.

Они стали избегать друзей, будто уже сознавали, что вскоре ни у кого не хватит сил им сочувствовать. Изредка по ночам, когда остров затихал и почти все уже спали, они подолгу бродили где-нибудь вдвоем. Никогда еще не были они так близки, кроме разве первых дней супружества,— теперь их соединяла еще неведомая, но готовая вот-вот разразиться трагедия.

Поначалу обоим совестно было оставлять спящих детей в доме одних, но теперь они уже понимали, что

Джеф и Дженни непостижимыми для родителей способами умеют и сами о себе позаботиться. Да и Сверхправители, конечно, за ними присмотрят. Эта мысль успокаивала: не вовсе уж они одиноки перед мучительной загадкой, заодно с ними настороже зоркий и сочувственный взгляд.

Дженнифер спала; никаким другим словом не определить ее нынешнее состояние. С виду она оставалась младенцем, но чувствовалось — от нее исходит устрашающая тайная сила, и Джин уже не могла заставить себя войти в детскую.

Да и незачем было входить. То, что называлось когда-то Дженнифер Энн Грегсон, еще не вполне созрело, в куколке только еще зарождались крылья, но и у этой спящей куколки довольно было власти над окружающим, чтобы ни в чем не нуждаться. Джин лишь однажды попробовала накормить то, что было прежде ее дочкой, но безуспешно. Оно предпочитало кормиться, когда пожелает и как пожелает.

Ибо всякая еда неспешным, но неумолимым ручейком ускользала из холодильника, а меж тем Дженнифер Энн ни разу не вылезла из кровати.

Погремушка давно утихла и валялась в детской на полу, никто не смел ее коснуться: вдруг она опять понадобится хозяйке. Иногда Дженнифер Энн заставляла мебель прихотливо передвигаться по комнате, и Джорджу казалось, что светящиеся краски на стене горят ярче, чем когда-либо раньше.

Она не доставляла никаких хлопот; она была недосыгаема ни для их помощи, ни для их любви. Конечно же, развязка близка, и в недолгое время, что им еще оставалось, Джин и Джордж в отчаянии льнули к сыну.

Джеф тоже менялся, но еще признавал родителей. Раньше они следили, как он вырастал из туманного младенчества и становился мальчиком, личностью, а теперь час от часу черты его стираются, будто истай-

вают у них на глазах. Изредка он все же заговаривает с ними как прежде, говорит об игрушках, о друзьях, словно не сознавая, что ждет впереди. Но гораздо чаще он просто не видит их, словно и не подозревает, что они тут, рядом. И никогда больше не спит, а они вынуждены тратить время на сон, как ни жаль упускать хоть малую долю этих последних еще оставшихся им часов.

В отличие от сестры Джеф как будто не обладает сверхъестественной властью над неодушевленными предметами — возможно, потому, что уже не так мал и меньше в них нуждается. Странной и чуждой стала лишь его духовная жизнь, и сны теперь занимают в ней совсем немного места. Часами он застывает неподвижно, крепко зажмурясь, будто прислушивается к звукам, которых никто больше не может услышать. Ум его вбирает поток знаний, льющийся из неведомых далей или времен, и уже скоро поток этот окончательно затопит и разрушит лишь наполовину сложившееся создание, что было прежде Джеффри Энгусом Грегсоном.

А Фэй сидит и смотрит на него снизу вверх печально, озадаченно, и недоумевает — куда девался ее хозяин и когда он к ней вернется.

Джеф и Дженни оказались первыми во всем мире, но недолго они оставались в одиночестве. Словно эпидемия стремительно перекидывалась с материка на материк, превращением поражен был весь род людской. Никого старше десяти лет оно не коснулось, и ни один ребенок, не достигший десяти лет, его не избежал.

Это означало конец цивилизации, конец всему, к чему стремились люди испокон веков. В несколько дней человечество лишилось будущего, ибо сердце всякого народа разбито и воля к жизни погибла безвозвратно, если у народа отняли детей.

Столетием раньше разразилась бы паника, теперь этого не случилось. Мир оцепенел, большие города за-

стыли в безмолвии. Продолжали работать только предприятия, без чьей продукции вовсе невозможно существовать. Было так, словно сама планета в трауре оплакивала все, чему уже не суждено сбыться.

И вот тут, как когда-то в давние, позабытые времена, Кареллен снова, в последний раз заговорил с человечеством.

20 — Моя работа почти закончена,— раздался голос Кареллена в миллионах радиоприемников.— Наконец, после целого столетия, я могу сказать вам, в чем она заключалась.

Мы вынуждены были многое скрывать от вас, как скрывались сами половину времени, которое пробыли на Земле. Я знаю, некоторые из вас считали эту скрытность излишней. Вы привыкли к нашему присутствию, вы уже и вообразить не можете, как отнеслись бы к нам ваши предки. Но теперь вы наконец поймете, чем вызывалась наша скрытность, и узнаете, что мы поступали так не без причины.

Главное, что мы хранили от вас в тайне,— это цель нашего прибытия на Землю, вот о чем вы без конца строили догадки. До сих пор мы ничего не могли вам объяснять, ибо тайна эта не наша и мы были не вправе ее раскрыть.

Сто лет назад мы пришли на вашу планету и помешали вам самим себя уничтожить. Это, думаю, никто отрицать не станет, но вы и не догадываетесь, что за самоубийство вам грозило.

Поскольку мы запретили ядерное оружие и все другие смертоносные игрушки, которые вы копили в своих арсеналах, опасность физического уничтожения отпала. В этом вы видели единственную опасность. Нам и нужно было, чтобы вы в это верили, но правда заключалась в другом. Вас ждала опасность более грозная, со-

всем иная по природе своей — и она касалась не вас одних.

Многие миры, чьи пути сходились на открытии ядерной мощи, сумели избежать катастрофы, шли дальше, создавали мирную, счастливую культуру — и затем разрушены были силами, о которых не имели ни малейшего понятия. В двадцатом веке вы впервые по-настоящему принялись играть этими силами. Вот почему пришлось вмешаться.

На протяжении всего XX века человечество постепенно приближалось к пропасти, о которой даже и не подозревало. Лишь один-единственный мост перекинут через эту пропасть. Обитатели очень немногих планет находили его без посторонней помощи. Иные повернули вспять, пока было еще не поздно, и тем самым избегли опасности, но и не достигли вершины. Миры эти стали райскими островками легко обретенного довольства и уже не играют никакой роли в истории Вселенной. Но вам не суждена была такая участь — или такое счастье. Для этого ваше племя слишком деятельно. Оно ринулось бы навстречу гибели и увлекло за собой других, ибо вам никогда бы не найти моста через пропасть.

Боюсь, почти все, что я должен вам сказать, нужно передавать такими вот сравнениями. У вас нет ни слов, ни понятий для многого, что я хочу вам объяснить, да и ваши познания в этой области, увы, еще очень скудны.

Чтобы понять меня, вам надо вернуться к прошлому и вспомнить то, что вашим предкам показалось бы хорошо знакомым, но о чем вы забыли — и мы намеренно помогали вам забыть. Ибо весь смысл нашего пребывания здесь был в величайшем обмане, в том, чтобы скрыть от вас правду, к которой вы были не готовы.

В столетия, что предшествовали нашему появлению, ваши ученые раскрыли тайны физического мира и привели вас от энергии пара к энергии атома. Вы пре-

доставили суеверия прошлому, истинной религией человечества сделалась Наука. Она была даром западного меньшинства остальным народам и разрушила все другие верования. Те, которые мы еще застали у вас, уже отмирали. Чувствовалось, что наука может объяснить все на свете — нет таких сил, которыми она не овладеет, нет явлений, которых она в конце концов не постигнет. Секрет возникновения Вселенной, быть может, так и останется нераскрытым, но все, что происходило позднее, подчинялось законам физики.

Однако ваши мистики, хоть и путались в заблуждениях, разглядели долю истины. Существуют силы разума — и существуют силы выше разума, силы, которые ваша наука не могла бы втиснуть в свои рамки, не сокрушив их. От всех веков сохранились бесчисленные рассказы о непонятных явлениях — о призраках, о передаче мыслей, о предсказании будущего, вы давали всему этому названия, но объяснить не умели. На первых порах Наука не замечала этих явлений, потом, наперекор свидетельствам, накопленным за пять тысячелетий, стала начисто их отрицать. Но они существуют, и любая теория Вселенной останется неполной, если не будет с ними считаться.

В первой половине двадцатого века некоторые ваши ученые начали исследовать эти явления. Сами того не зная, они легкомысленно пытались открыть ящик Пандоры. Они едва не выпустили на свободу силы, несравнимо более разрушительные, чем вся мощь атома. Ибо физики погубили бы только Землю, хаос же, развязанный парафизиками, захлестнул бы и звезды.

Этого нельзя было допустить. Я не могу объяснить до конца природу воплощенной в вас опасности. Она грозила не нам и потому нам непонятна. Скажем так: вы могли обратиться в некий телепатический рак, в злокачественную опухоль мысли, и она неизбежным разло-

жением отравила бы другие, превосходящие вас величием виды разума.

И тогда мы пришли — мы посланы были — на Землю. Мы прервали ваше развитие во всех областях, но тщательней всего следили за любыми сколько-нибудь серьезными опытами в области сверхъестественного. Я прекрасно понимаю, что само сравнение наших цивилизаций, слишком разных по уровню, помешало развиваться и всем другим видам творчества. Но это просто побочный эффект и никакого значения не имеет.

А теперь я должен сказать вам то, что вас поразит и даже покажется невероятным. Самим нам все эти скрытые внутренние силы и возможности не даны, более того, непонятны. Разум наш гораздо могущественней, но вашему уму присуще нечто такое, чего мы не можем уловить. С тех пор как мы пришли на Землю, мы непрестанно вас изучали; мы очень многое узнали и еще узнаем, но сомневаюсь, чтобы нам когда-либо удалось постичь все до конца.

Между нашими племенами немало общего, потому-то нам и поручена эта работа. Но в других отношениях мы завершаем две разные ветви эволюции. Наш разум достиг предела своего развития. Ваш, в теперешнем его виде, — тоже. Однако вы можете рывком достичь новой ступени, этим вы и отличаетесь от нас. Наши внутренние возможности исчерпаны, ваши еще и не тронуты. Каким-то образом, для нас непонятным, они связаны с теми силами, о которых я упоминал, — силы эти сейчас пробуждаются на вашей планете.

Мы задержали ход времени, мы заставляли вас топтаться на месте, пока не разовьются скрытые силы и не хлынут по каналам, которые для них готовятся. Да, мы сделали вашу планету лучше, подняли благосостояние, принесли вам справедливость и мир — все это мы бы сделали при любых условиях, раз уж нам пришлось вмешаться в вашу жизнь. Но столь внушительные пере-

мены заслоняли от вас правду и тем самым помогли нам выполнить свою задачу.

Мы — ваши опекуны, не больше. Должно быть, вы нередко спрашивали себя, насколько высокое место занимает мой народ во Вселенной. Так же как мы стоим выше вас, нечто иное стоит выше нас и пользуется нами в своих целях. Мы и до сих пор не открыли, что это такое, хотя уже многие века служим ему орудием и не смеем его послушаться. Опять и опять мы получали приказ, отправлялись в какой-нибудь далекий мир, чья культура только еще расцветала, и вели его по пути, по которому сами пойти не можем,— по пути, на который вступили вы.

Опять и опять мы изучали ход развития, которое посланы были оберегать, в надежде узнать, как нам и самим вырваться из тесных пределов. Но лишь мельком уловили смутные очертания истины. Вы называли нас Сверхправителями, не ведая, какой насмешкой это звучит. Скажем так: над нами стоит Сверхразум, и он пользуется нами, как пользуется гончарным кругом гончар.

А вы, человечество,— глина, которая формуется на этом круге.

Мы думаем — это всего лишь теория,— что Сверхразум старается расти, расширять свою мощь и свои познания о Вселенной. Теперь он, должно быть, соединил в себе великое множество племен и давно освободился от тиранической власти материи. Где бы ни появилась разумная жизнь, он это ощущает. И когда он узнал, что вы почти уже готовы к этому, он послал нас сюда исполнить его волю, подготовить вас к преобразению, которое теперь совсем близко.

Все перемены, какие раньше пережило человечество, совершались веками. Однако сейчас преобразается не тело, но дух. По меркам эволюции перемена будет мгновенной, как взрыв. Она уже началась. Придется

вам понять и примириться с этим: вы — последнее поколение *Homo sapiens*.

Мы почти ничего не можем сказать о том, какова природа наступающей перемены. Мы не знаем, как она возникает, каким образом Сверхразум вызывает ее, когда решит, что для нее настало время... Мы только выяснили: это начинается в какой-то одной личности — всегда в ребенке — и сразу охватывает всё вокруг, подобно тому как вокруг первого ядра образуются кристаллы в насыщенном растворе. Взрослых перемена не затрагивает, их ум уже утратил гибкость и прочно закрепился в определенной форме.

Через несколько лет все закончится, человечество разделится надвое. Возврата нет, и у того мира, который вам знаком, нет будущего. Со всеми надеждами и мечтами людей Земли покончено. Вы породили своих преемников, и трагедия ваша в том, что вам их не понять, их разум навсегда останется закрыт для вас. Да они и не обладают разумом в вашем понимании. Все они сольются в единое целое, как любой из вас — единый организм, состоящий из мириадом клеток. Вы не станете считать их людьми — и не ошибетесь.

Я сказал вам все это, чтобы вы знали, что вам предстоит. Считанные часы отделяют нас от крутого перелома. Моя задача и мой долг — защитить тех, кого меня прислали оберегать. Как ни велики пробуждающиеся в них силы, вокруг — людские толпы, способные их раздавить... Пожалуй, их захотят уничтожить даже отцы и матери, когда осознают истину. Я должен забрать детей, отделить от родителей — ради их безопасности и ради вашей тоже. Завтра за ними придут мои корабли. Не стану осуждать вас, если вы попытаетесь воспротивиться разлуке, но это будет бесполезно. Сейчас пробуждаются силы, намного превосходящие мою; я — всего лишь одно из их орудий.

А потом... что должен я делать с вами, кто еще жив, хотя роль свою вы уже сыграли?

Всего проще, а пожалуй, и всего милосердней было бы — уничтожить вас, как вы бы уничтожили любимого ручного зверька, если он смертельно ранен. Но этого я сделать не могу. Вы сами выберете, как провести оставшиеся вам годы. Я только надеюсь, что человечество кончит свой век мирно, в сознании, что жизнь его не была напрасной.

Ибо вы принесли в мир нечто, пусть вам совершенно чуждое, пусть оно не разделяет ни ваших желаний, ни ваших надежд, пусть величайшие ваши свершения в его глазах лишь детские игрушки, но само оно — великое чудо, и это вы его создали.

Настанет срок, и наше племя забудется, а частица вашего будет жить. Так не осуждайте же нас за то, как мы вынуждены были поступить. И помните — мы всегда будем вам завидовать.

21 Джин плакала раньше, теперь она уже не плачет.

Жестокий, равнодушный солнечный свет позолотил Новые Афины, и над близнецами-вершинами Спарты снижается корабль. На том скалистом острове не так давно ее сын избежал смерти — избежал чудом, которое теперь ей слишком понятно. Порой она думала — пожалуй, было бы лучше, если бы Сверхправители не вмешались и оставили его на произвол судьбы. Со смертью она примирилась бы, как мирилась и прежде, смерть — естественна, она в природе вещей. А то, что сейчас, непостижимей смерти — и непоправимей. Доныне хоть люди и умирали, но человечество продолжало жить.

Среди детей ни звука, ни движения. Они стоят по несколько человек там и сям на песчаном берегу и, видно,

не замечают друг друга, не помнят о доме, который покидают навсегда. Многие держат на руках малышей — таких, что еще и не ходят, а может быть, не хотят проявить способности, обладая которыми ходить незачем. Ведь если они могут передвигать неодушевленные предметы, думал Джордж, уж наверно, они могли бы двигаться и сами. И зачем, в сущности, корабли Сверхправителей их забирают?

Все это неважно. Они уходят — и решили уйти так, а не иначе. Будто какая-то заноза в памяти все не давала покоя Джорджу, и наконец он понял. Где-то когда-то он видел столетней давности фильм о таком вот великом исходе. Наверно, фильм относился к началу первой мировой войны... а может быть, и второй. Длинные поезда, переполненные детьми, медленно тянулись прочь от городов, которым угрожал враг, а родители оставались позади, и многим детям не суждено было снова их увидеть. Лишь редкие дети плакали; иные смотрели растерянно, боязливо сжимали в руках свои узелки или чемоданчики, а большинство, похоже, нетерпеливо предвкушало какие-то увлекательные приключения.

Но нет... сравнение неверно. История не повторяется. Те, что уходят теперь, кто бы они ни были, уже не дети. И на этот раз ни одна семья не соединится вновь.

Корабль опустился у самой воды, днищем глубоко погрузился в мягкий песок. словно по взмаху дирижерской палочки, разом скользнули вверх громадные выгнутые пластины, и на берег металлическими языками протянулись трапы. Рассеянные по берегу невообразимо одинокие фигурки стали сближаться, сошлись в толпу, она двигалась совсем так же, как движутся людские толпы.

Одинокие? Откуда взялась такая мысль, спросил себя Джордж. Что-что, а одинокими они уже никогда не будут. Одинока может быть только отдельная лич-

ность... только человек. Когда преграды между людьми наконец рушатся, исчезает индивидуальность, а с нею не станет и одиночества. Несчетные капли дождя растворяются в океане.

И тут Джин судорожно, крепче прежнего сжала его руку.

— Смотри,—прошептала она,—вон там Джеф. У второй двери.

Очень далеко, трудно сказать наверняка, да еще глаза Джорджу будто застлало туманом. И все же—конечно, это Джеф... Теперь он узнает сына, тот уже ступил одной ногой на металлический трап.

И Джеф оглянулся, посмотрел в их сторону. Лица не различить, просто бледное пятно; из такой дали не разобрать, есть ли в этом лице хоть намек на то, что он узнал их, хоть тень воспоминания обо всем, что он покидает. И уже не узнать Джорджу, обернулся ли Джеф случайно—или знал в те последние секунды, пока он был еще их сыном, что они стоят и смотрят, как он переходит в неведомую страну, куда им нет доступа.

Громадные люки начали закрываться. И тогда Фэй вскинула мохнатую мордочку и негромко, протяжно завывала. Потом подняла чудесные влажные глаза на Джорджа, и он понял—она потеряла хозяина. У него больше нет соперника.

... ..
Перед теми, кто остался, лежало много дорог, но в конце все придут к одному и тому же. Кое-кто говорил: мир все еще прекрасен; когда-нибудь придется его покинуть, но с какой стати торопиться?

Но другие, те, кто больше дорожил будущим, чем прошлым, и утратил все, ради чего стоило жить, не захотели ждать. Они уходили—иные в одиночку, иные вместе с друзьями, смотря кто к чему склонен от природы.

Так было и в Афинах. Некогда остров этот родился

в пламени — и в пламени решил умереть. Кто захотел уехать, уехали, но большинство осталось и готовилось встретить конец среди обломков всего, о чем прежде мечтали.

Предполагалось, что часа никто заранее знать не будет. Но глубокой ночью Джин проснулась и минуту лежала, глядя в потолок, где мерцали призрачные отсветы. Потом потянулась, схватила Джорджа за руку. Всегда он спал как убитый, а тут сразу проснулся. Они не заговорили, не было на свете нужных слов.

Ей больше не страшно, даже не грустно. Она прошла через все это к некоей тихой заводи, и уже ничто ее не волнует. Только одно еще остается сделать, и Джин знает — времени в обрез.

Все так же молча Джордж пошел за нею по безмолвному дому. Они пересекли полосу лунного света, вливающегося через стеклянную крышу студии, прошли неслышно, как отброшенные луною тени, и вот они в опустелой детской.

Тут ничего не изменилось. По-прежнему лучатся на стенах светящиеся узоры, которые так усердно рисовал когда-то Джордж. И погремушка — давняя дочкина забава — еще лежит там, где уронила ее Дженнифер Энн, когда разумом унеслась в непостижимую даль, что стала ей домом.

Она бросила свои игрушки, подумал Джордж, а наши уйдут отсюда вместе с нами. Вспомнились царственные дети фараонов — пять тысячелетий тому назад их бусы и куклы похоронены были вместе с хозяевами. Так будет снова. Никому больше не полюбятся наши сокровища, думал Джордж, мы возьмем их с собой, мы с ними не расстанемся.

Джин медленно обернулась к нему, припала головой к его плечу. Он обнял ее, и давняя любовь вернулась, будто слабое, но явственное эхо, отраженное грядой да-

леких гор. Теперь поздно говорить все, что он должен бы сказать ей, и жалеет он не столько об изменах, сколько о прежнем своем равнодушии.

А потом Джин тихо сказала: «Прощай, милый»,— и крепче обхватила его руками. Джордж не успел ответить, но даже в этот последний краткий миг изумился—откуда она знает, что пора?

В каменных недрах острова ринулись друг к другу пластины урана, стремясь к недостижимому для них единению.

И остров вознесся навстречу рассвету.

22 Корабль Сверхправителей скользил по светящемуся, точно от метеорита, следу из самого сердца созвездия Карины. Еще у внешних планет он начал неистово гасить скорость, но даже возле Марса она составляла значительную часть световой. Исполинские поля, окружающие земное Солнце, медленно поглощали его инерцию, а позади, на миллионы километров, проводила в небесах огненную черту избыточная энергия звездолета.

Став старше на полгода, Ян Родрикс возвращался домой, в мир, покинутый им восемьдесят лет назад.

Теперь он уже не прятался зайцем в тайнике. Он стоял позади трех пилотов (недоумевая про себя, зачем нужны сразу трое) и смотрел, как вспыхивают и гаснут знаки на громадном экране, что главенствовал в рубке. На экране сменялись краски и очертания, ему непонятные,—надо думать, они означали данные, какие на корабле, построенном людьми, передавались бы циферблатами и стрелками. Но порой экран показывал расположение окрестных звезд, и, надо надеяться, уже скоро на нем появится Земля.

Хорошо вернуться домой, хоть он и положил нема-

ло усилий на бегство. За минувшие месяцы он стал взрослее. Столько он видел, в такой дали побывал — и стосковался по родному, привычному миру. Теперь он понимает, почему Сверхправители отгородили Землю от звезд. Немалый путь должно еще пройти человечество, прежде чем оно сумеет стать хотя бы малой частью цивилизации, которую он мимолетно увидел.

Быть может, хотя все в Яне восстает против этой мысли, человечество навсегда останется лишь какой-то низшей породой в подобии зоологического сада на далекой окраине, под надзором Сверхправителей. Не это ли крылось в двусмысленном предостережении Виндартена перед самым отлетом? «За то время, которое прошло на вашей планете, многое могло случиться, — сказал Сверхправитель. — Возможно, когда ты опять увидишь свой мир, ты его не узнаешь».

Может, и не узнаю, думал Ян: восемьдесят лет — большой срок, и хоть он молод и способен освоиться в новых условиях, пожалуй, нелегко будет понять все происшедшие за это время перемены. Но в одном сомнений нет, люди непременно захотят выслушать его и узнать, что успел он заметить в мире Сверхправителей.

Как Ян и ожидал, с ним обошлись снисходительно. О полете от Земли он ничего не знал: когда действие снотворного кончилось и он очнулся, корабль уже входил в солнечную систему Сверхправителей. Он выбрался из своего фантастического тайника и с облегчением убедился, что кислородная маска не нужна. Душновато, воздух тяжелый, но дышать можно. Он оказался в тусклом красном сумраке громадного трюма, вокруг — многое множество других ящиков с грузом и еще всякой всячины, какую естественно встретить на океанском или воздушном лайнере. Почти час он плутал в этом лабиринте, прежде чем добрался до рубки и предстал перед командой.

К его недоумению, они ничуть не удивились; Ян знал, что Сверхправители редко обнаруживают какие-либо чувства, но ждал хоть чего-то, хоть искорки. А они просто продолжали делать свое дело, следили за экраном, перебирали несчетные клавиши пультов управления. Тут он понял, что корабль идет на посадку: на экране опять и опять, с каждым разом вырастая, вспыхивало изображение планеты. Но совсем не ощущалось ни движения, ни ускорения, и ничуть не колебалась сила тяжести, как определил Ян, примерно впятеро меньше земной. Очевидно, могучие силы, движущие кораблем, уравнивались с поразительной точностью.

А потом пилоты встали со своих мест, все трое как один, и стало ясно — путешествие окончено. Они еще не заговорили ни с пассажиром, ни друг с другом, и когда один знаком поманил землянина за собой, Ян понял то, о чем следовало подумать раньше. Вполне возможно, что здесь, на другом конце бесконечно длинного пути, по которому доставляются Кареллену грузы, никто не поймет ни единого человеческого слова.

Трое серьезно следили за ним, когда перед его нетерпеливым взглядом распахнулись громадные створы люка. Вот она, великая минута его жизни, он — первый из людей, кому дано увидеть мир, освещенный иным солнцем. В корабль хлынул свет звезды НГС 549672, и Яну открылась планета Сверхправителей.

Чего он ждал? Он и сам толком не знает. Громадные здания, города с башнями, чьи вершины теряются в облаках, невообразимые машины — все это его бы не удивило. Но увидел он безликую плоскую равнину, уходящую к неестественно близкому горизонту, однообразие только и нарушали еще три корабля Сверхправителей, высаящиеся в нескольких километрах отсюда.

На минуту в Яне поднялось горькое разочарование. Потом он пожал плечами — все очень просто, где же

и находится космическому порту, если не в таком вот пустынном, необжитом месте.

Было холодно, но не слишком. Большое красное солнце висело низко над горизонтом, света его вполне хватало человеческому глазу, но Ян подумал, что, пожалуй, быстро затоскует по зеленым и голубым краскам. А потом увидел: в небе выгнулся огромный тонкий полумесяц, как будто возле солнца натянули гигантский лук. Ян долго разглядывал его, потом сообразил, что путешествие не совсем еще закончилось. Этот полумесяц и есть планета Сверхправителей. А здесь, должно быть, ее спутник, всего лишь база, откуда уходят в плавание звездолеты.

Его повели к другому кораблю, небольшому, не крупней земного пассажирского самолета. Чувствуя себя каким-то пигмеем, он вскарабкался на одно из высоких сидений, пытался в иллюминатор хоть что-то разглядеть на приближающейся планете.

Перелет был стремительный, не удалось различить отдельные черты ширящегося внизу небесного тела. Похоже, даже здесь, так близко от дома, Сверхправителям служила разнovidность того же межзвездного двигателя; уже через несколько минут корабль погрузился в плотную, пестрящую облаками атмосферу. Двери открылись, и все вышли в подобие ангара, своды его, должно быть, тотчас сомкнулись — над головой Ян не заметил никаких следов входного отверстия.

Из этого здания он вышел только через два дня. Никто не ждал такого груза и его некуда было пристроить. Да еще, на беду, ни один Сверхправитель не понимал его языка. Объясняться было невозможно, и Ян с горечью осознал, что войти в контакт с инопланетянами совсем не так просто, как это зачастую изображали в романах. Язык жестов оказался совершенно бесполезен, он основан главным образом на вырази-

тельности движений, позы, лица, а тут у людей нет ничего общего со Сверхправителями.

Неужели язык людей знают лишь те Сверхправители, которые остались на Земле, думал Ян, тогда все напрасно! Оставалось ждать и надеяться. Уж наверно, какой-нибудь здешний ученый, специалист по чужим обитаемым мирам, придет и займется им! Или он такое ничтожество, что никого не станут из-за него беспокоить?

Сам выбраться из здания он не мог, у огромных дверей не видно было ни ручек, ни кнопок. Когда к ним подходил Сверхправитель, они открывались сами собой. Ян тоже пытался на них подействовать, махал чем попало высоко над головой, рассчитывая прервать какой-нибудь следящий луч, перепробовал все способы, до каких мог додуматься,—но безуспешно. Наверно, вот таким беспомощным оказался бы пещерный житель доисторических времен, заброшенный в здание современного города. Ян как-то попытался выйти вместе с одним из Сверхправителей, но его мягко отогнали. И он отступил, он вовсе не желал рассердить хозяев.

Виндартен явился прежде, чем Ян успел прийти в отчаяние. Этот Сверхправитель говорил по-английски прескверно и притом чересчур быстро, но, что поразительно, чуть не с каждой минутой все лучше. Через несколько дней они уже довольно легко беседовали на любую тему, лишь бы она не требовала специальной терминологии.

Как только Ян очутился под опекой Виндартена, ему не о чем стало тревожиться. Но он отнюдь не волен был заняться, чем хочется,—почти все его время уходило на встречи с учеными. Сверхправители жаждали исследовать его непонятными способами, при помощи сложных инструментов. Яна эти машины порядком пугали, а после опыта с каким-то гипнотическим устройством у него несколько часов кряду от боли раскалывалась голова. Он готов был всячески помогать исследо-

вателям, но сомневался, ясны ли им пределы его душевных и физических сил. Очень нескоро удалось убедить Сверхправителей, что через определенные промежутки времени ему необходим сон.

В короткие передышки между исследованиями Ян мельком видел город и понял, как трудно — да и опасно — было бы по нему передвигаться. В сущности, улиц вовсе нет, не видно и какого-либо транспорта. Ведь обитатели этого мира умеют летать, и им не страшна сила тяжести. А потому вдруг оказываешься на краю пропасти глубиной в сотни метров, и от одного взгляда кружится голова, либо выясняется, что единственный вход в комнату — отверстие высоко в стене. Самыми разными способами Ян поминутно убеждался, что психология крылатого племени не может не отличаться коренным образом от психологии тех, кто прикован к поверхности своей планеты.

Странно было видеть Сверхправителей, пролетающих среди городских башен, точно огромные птицы; поражали мощью неспешные взмахи крыльев. Тут таилась какая-то загадка для науки. Планета велика, больше Земли. Однако сила тяжести здесь ничтожная, и непонятно, откуда взялась такая плотная атмосфера. Ян стал расспрашивать Виндартена, и выяснилось, как он отчасти и ожидал, что это не родная планета Сверхправителей. Племя их возникло на другой, гораздо меньшей планете, а этот мир они освоили, изменив не только его атмосферу, но и тяготение.

Архитектура у них унылая, роль ее чисто подсобная. Ян не видал никаких украшений, каждая мелочь для чего-нибудь да предназначена, хотя ее назначение чаще всего непонятно. Если бы этот город в неярком красном свете и его крылатых обитателей увидал человек средневековья, он наверняка решил бы, что очутился в аду. Даже Ян, при всей своей пытливости и присущем ученому бесстрастии, порой ощущал: вот-вот нахлынет

ужас, неподвластный рассудку. Даже самый ясный и трезвый ум может утратить равновесие, когда нет кругом ни единой знакомой приметы и не на что опереться.

А тут было очень много непонятного, такого, чего Виндартен даже не пытался ему объяснить,— то ли не мог, то ли не хотел. Что за мгновенные вспышки и переменчивые тени мелькают в воздухе, стремительные, неуловимые, можно даже подумать, будто они лишь мерещатся? Быть может, это что-то грозное, величественное,— а может быть, просто бьющая в глаза чепуха вроде неоновых реклам в старину на Бродвее.

И еще Ян чувствовал, что мир Сверхправителей полон звуков, его слуху недоступных. Порой какие-то сложные летучие ритмы уносятся выше, выше или, напротив, все ниже — и исчезают за пределами восприятия. Виндартен словно не понимает, что имеет в виду Ян, когда заговаривает о музыке, а потому никак нельзя разобраться в этой загадке.

Город не так уж велик, безусловно, гораздо меньше, чем были в пору своего расцвета Лондон или Нью-Йорк. По планете, объяснил Виндартен, разбросано несколько тысяч таких городов, и у каждого свое особое назначение. Это скорее всего можно сравнить с каким-нибудь университетским городом на Земле, только специализация здесь зашла много дальше. Ян быстро понял, что весь этот город занят изучением инопланетных цивилизаций.

Во время одного из первых выходов Яна за пределы четырех голых стен, где его поселили, Виндартен повел его в музей чужой культуры. Это дало позарез необходимый заряд бодрости, наконец-то он попал в такое место, смысл и назначение которого вполне понятны! Если не думать о масштабах, этот музей можно бы принять за земной. Путь туда был долог, они размеренно опускались на громадной платформе, которая двига-

лась, точно поршень, в вертикальном цилиндре неведомо какой длины. Не видно никаких кнопок, рукояток или клавиш, но в начале и в конце спуска ясно чувствуется ускорение. Должно быть, у себя дома Сверхправители не тратят энергию поля, уравнивающего тяготение. Ян спрашивал себя, не изрыта ли вся планета внутренними помещениями и переходами? И почему, ограничив размеры города, Сверхправители уводят его вглубь, а не растят в вышину? Еще одна загадка, он так ее и не решил.

Целой жизни не хватило бы на осмотр громадных залов музея. Здесь была собрана добыча, вывезенная со множества планет, достижения неведомых скольких цивилизаций. Но Яну мало что удалось увидеть. Виндартен осторожно поставил его на полосу, которую Ян принял сперва за часть узора на полу. Потом вспомнил, что в городе нет никаких украшений,—и тотчас какая-то невидимая сила мягко охватила его и помчала вперед. Его несло мимо громадных витрин, мимо видений невообразимых миров со скоростью двадцати или, может быть, тридцати километров в час.

Посетитель музея всегда устает, а вот Сверхправители избавили его от усталости. У них тут незачем ходить пешком.

Потом провожатый опять подхватил Яна и взмахом могучих крыльев поднял над неведомой силой, которая пронесла их, наверно, несколько километров. Впереди открылся огромный, наполовину пустой зал, залитый знакомым светом, такого Ян не видел с тех пор, как покинул Землю. Смягченный, чтобы не пострадали чувствительные глаза Сверхправителей, то несомненно был свет земного Солнца. Никогда бы Ян не подумал, что от чего-то столь простого, столь обычного сердце его стиснет такая тоска.

Итак, здесь выставка экспонатов с Земли. Прошли несколько шагов, миновали прекрасную модель Пари-

жа, потом нелепую смесь произведений искусства, представляющих добрый десяток разных столетий, потом новейшие вычислительные машины в соседстве с топорами каменного века, телевизоры — и рядом паровую турбину Герона Александрийского. Перед ними открылась высоченная дверь, и они вошли в кабинет главы Отдела Земли.

Может быть, он видит человека впервые? — подумал Ян. Побывал он хоть раз на Земле, или для него она — лишь одна из многих планет, которыми он ведаёт, даже не зная толком, где они находятся? На земном языке он, во всяком случае, не говорил и не понимал ни слова, пришлось Виндартену стать переводчиком.

Ян пробыл здесь несколько часов, хозяева показывали ему разные земные предметы, а он старался объяснить записывающему аппарату их назначение. Со стыдом он убедился, что многие вещи ему совершенно незнакомы. Каким же он оказался невеждой в делах и достижениях собственного племени! И сколь ни велики разум и способности Сверхправителей, сумеют ли они разобраться во всех сложностях человеческой культуры?

Из музея Виндартен повел его другой дорогой. Опять они без малейшего усилия плыли по огромным сводчатым коридорам, но теперь уже не мимо искусственных плодов разумной мысли, а мимо того, что создано природой. Салливен жизни не пожалел бы, лишь бы попасть сюда и увидеть, какие чудеса сотворила эволюция на сотне разных миров, подумалось Яну. Но ведь Салливен, скорее всего, уже умер...

Неожиданно они очутились на галерее, высоко над круглым помещением, наверно, около ста метров в поперечнике. По обыкновению, никаких перил; Ян чуть замешкался, прежде чем подойти к краю. Но Виндар-

тен, стоя на самом обресе галереи, спокойно смотрел вниз, и Ян осторожно придвинулся.

Дно этого вместилища оказалось всего лишь в двадцати метрах под ним... так близко, слишком близко! Позже, поразмыслив, Ян понял, что Виндартен вовсе не хотел его поразить, напротив, сам был ошеломлен. Потому что Ян с отчаянным воплем отскочил назад, безотчетно пытаясь укрыться от того, что лежало там, внизу. Лишь когда в плотном воздухе замерло приглушенное эхо его крика, он собрался с духом и опять подошел к краю.

Конечно, *он* был безжизненный, а не уставился на посетителя осмысленным взглядом, как сперва вообразил перепуганный Ян. Он занимал почти весь этот круглый бассейн, и в прозрачной глубине его мерцали, вздрагивали рубиновые отсветы.

Это был единственный исполинский глаз.

— Почему ты так шумел? — спросил Виндартен.

— Мне стало страшно, — смущенно признался Ян.

— Почему? Не думал же ты, что тут может быть какая-то опасность?

Можно ли ему объяснить, что такое рефлекс? Ян решил не пытаться.

— Всякая неожиданность пугает. Пока не разберешься в том, что совсем ново и незнакомо, безопасней предположить худшее.

Ян опять посмотрел вниз, на чудовищный глаз, сердце его все еще неистово колотилось. Впрочем, возможно, это лишь непомерно увеличенная модель, наподобие микробов и насекомых в земных музеях. Но, задавая себе этот вопрос, Ян уже холодел от уверенности, что глаз самый настоящий, в натуральную величину.

Виндартен мало что мог объяснить: он занимается другой областью науки, а в остальном не слишком любопытен. Из его слов в воображении Яна вырисовалась огромная одноглазая тварь, обитающая среди мелких

астероидов подле какого-то далекого солнца; не стесненный силами тяготения, циклоп вырастает до невероятных размеров, а его пропитание и самая жизнь зависят от того, как далеко и ясно видит его единственное око.

Похоже, для Природы, когда ей это понадобится, невозможного нет, и Ян бездумно обрадовался открытию, что и Сверхправителям не все на свете доступно. Они привезли с Земли целого кита, но за *такой* экспонат не взялись и они.

. . . . .

А в другой раз он поднимался все выше, выше, и стенки лифта стали матовыми, а потом прозрачными, как хрусталь. Он стоял, словно бы ни на что не опираясь, среди высочайших вершин города, и ничто не отгораживало его от бездны. Но голова не кружилась, как не кружится в самолете, потому что вовсе не ощущалась поверхность планеты далеко внизу.

Ян стоял над облаками, наравне с ним в небе только и виднелись несколько металлических или каменных шпилей. Ниже лениво плескалось алое море сплошных облаков. Невдалеке от тусклого солнца чуть светились две крохотные луны. Почти посередине этого расплывшегося красного диска темнел маленький аккуратный кружок. Быть может, солнечное пятно, а может, проходила мимо еще одна луна.

Ян медленно обводил взглядом горизонт. Облачный покров тянулся до самого края огромной планеты, но в одном месте, неведь в какой дали, проступали какие-то пятнышки, возможно — башни еще одного города. Ян долго всматривался, потом перевел испытующий взгляд дальше.

Описав глазами полукруг, он увидел гору. Она поднималась не на горизонте, но позади него — одинокая зубчатая вершина вздымается над краем планеты, склоны уходят куда-то вниз, основания не разглядеть — так

скрыта под водой почти вся громада айсберга. Тщетно Ян пытался угадать размеры этой громадины. Просто не верилось, что даже на планете, где сила тяжести совсем мала, могут существовать такие горы. Любопытно, может быть, Сверхправители поднимаются на эти откосы и парят, подобно орлам, среди исполинских зубцов этой крепости?

А потом, у него на глазах, гора стала медленно менять свой облик. Когда Ян впервые заметил ее, она была темно-багровая, почти зловещего оттенка, с немногими неясными отметинами у самой вершины. Он все старался рассмотреть их и вдруг понял, что они движутся...

Сперва Ян не поверил своим глазам. Потом старательно напомнил себе, что все привычные понятия здесь бесполезны — нельзя позволить рассудку отбросить хотя бы малость из того, что воспринимают чувства и передают в тайники мозга. Нельзя и пытаться понять, надо только наблюдать. Понимание придет после — или не придет совсем.

Гора — Ян все еще считал, что это гора, никакое другое слово тут не подходило — казалась живой. Ему вспомнился чудовищный глаз там, в склепе, в недрах планеты... но нет, немыслимо. Сейчас перед ним не органическая жизнь, быть может, даже и не материя в знакомом, привычном понимании.

Тусклый багрянец разгорался, гневно пламенел. Его рассекли яркие желтые полосы, и Ян подумал было, что это вулкан извергает потоки лавы вниз, на равнину. Но приметил движение каких-то пятен и крапинок и понял — потоки эти устремляются вверх!

И вот что-то новое поднимается из алых облаков, опоясывающих основание горы. Громадное кольцо, безупречно ровное по горизонтали, безупречно круглое — и того цвета, что Ян оставил далеко позади: так ясно голубеет только небо над Землею. Еще ни разу

в мире Сверхправителей он не видал такой лазурной синевы, и ему перехватило горло тоской и одиночеством.

А голубое кольцо поднималось, ширилось. Вот оно уже взмыло над вершиной горы, а ближний край его мчится сюда, к Яну. Конечно же, это какой-то вихрь, кольцо газа или дыма, разросшееся уже до нескольких километров в поперечнике. Однако никакого вращения не заметно и, разрастаясь вширь, кольцо как будто не становится менее плотным.

Тень его пронеслась мимо задолго до того, как само кольцо, поднимаясь все выше, величаво проплыло над головой Яна. Ян следил за ним, пока оно не обратилось в тонкую голубую ниточку, которую он едва различал в багряном небе. Когда оно совсем скрылось из виду, ширина его, должно быть, измерялась уже тысячами километров. И оно продолжало расти.

Ян опять посмотрел на гору. Теперь она была вся золотая, без единого пятнышка. Может быть, Яну только почудилось — теперь он готов был поверить чему угодно, — но она словно бы сузилась, стала выше и вращалась вокруг своей оси, точно смерч. Только теперь, оцепенелый, ошеломленный чуть не до потери сознания, вспомнил Ян о своем фотоаппарате. Поднес его к глазам и начал наводить на эту невозможную, уму непостижимую загадку.

Виндартен поспешно шагнул к нему и все заслонил. Решительно, неумолимо огромные ладони закрыли объектив и пригнули аппарат книзу. Ян и не пробовал воспротивиться; конечно, это и не удалось бы, но он вдруг ощутил смертельный ужас перед тем, неведомым, на краю чужого мира... нет, с него довольно.

До этого, где он ни побывал, ему никто не мешал фотографировать, и сейчас Виндартен никак не объяснил запрета. Зато долго и подробно, до мелочей, расспрашивал Яна, как и что он видел.

Тогда-то Ян понял, что глазам Виндартена предста-

вилось нечто совсем другое, и тогда же впервые догадался, что Сверхправители тоже кому-то подчиняются.

И вот он возвращается домой, все чудеса, все страхи и тайны позади. Корабль, наверно, тот же самый, но команда наверняка другая. Как ни долог век Сверхправителей, трудно поверить, чтобы они охотно отрывались от дома на десятилетия, которые отнимает межзвездный перелет.

Разумеется, относительность времени при околосветовой скорости — медаль о двух сторонах. Сверхправители в полете до Земли станут старше всего лишь на четыре месяца, но к их возвращению друзья их постареют на восемьдесят лет.

Если бы Ян захотел, он, несомненно, мог бы остаться здесь до конца жизни. Но Виндартен предупредил его, что следующий корабль отправится на Землю только через несколько лет, и посоветовал не упускать случая. Возможно, Сверхправители поняли, что раскусок человека, пожалуй, не выдержит наплыва впечатлений. А может быть, просто он стал помехой и уже недосуг было им заниматься.

Теперь все это неважно, впереди Земля. Сто раз он видел ее вот так, с высоты, но всегда — холодным, искусственным глазом телекамеры. А теперь наконец он и сам смотрит из космоса, разыгрывается заключительный акт его осуществленной мечты, и Земля кружит под ним на вечной своей орбите.

Огромный сине-зеленый серп виден в первой четверти, остальной диск еще скрывает ночная тьма. Облаков почти нет, лишь кое-где протянулись полосы вдоль направления пассатов. Сверкает ледяная шапка полюса, но еще ярче, ослепительней отражение солнечных лучей в водах Тихого океана.

В этом полушарии так мало суши. Можно подумать, будто вся планета покрыта водой. Из материков

виднеется только Австралия — здесь чуть гуще дымка атмосферы, обволакивающая планету.

Корабль входил в огромный темный конус — тень Земли; блестящий серп сузился в тонкую огненную полосу, в пылающий изогнутый лук, прощально мигнул и исчез. Внизу темнота и ночь. Мир, погруженный в сон.

И тогда Ян понял, что же тут неладно. Под ним суша, но где мерцающие ожерелья огней, блистательный фейерверк — примета возведенных людьми городов? Все полушарие во мраке, ни единая искорка не разгоняет ночную тьму. Ни следа миллионов киловатт, чей свет когда-то щедро изливался в небеса. Казалось, перед глазами Яна Земля, какою она была до человека.

Не таким представлял себе Ян возвращение домой. Оставалось только ждать, а в душе нарастал страх перед неведомым. Что-то случилось... что-то непостижимое. А меж тем корабль, уверенно снижаясь, описал широкую дугу и опять вышел на освещенную солнцем сторону планеты.

Ян не видел посадки — изображение Земли на экране внезапно сменилось непонятными узорами линий и огней. А когда экран опять прояснился, путешествие кончилось. Теперь вдали виднелись высокие здания, вокруг двигались какие-то машины, за ними следили несколько Сверхправителей.

Где-то приглушенно загудела воздушная струя — давление воздуха в корабле уравнивалось с наружным, потом Ян услышал, как раскрываются огромные створы. Он не мог больше ждать; молчаливые великаны то ли снисходительно, то ли равнодушно смотрели, как он бегом кинулся вон из рубки.

Он дома, опять он видит сияние знакомого солнца, вдыхает тот же воздух, который впервые омыл его легкие, едва он родился на свет. Трап уже спустили, но Яну

пришлось чуть помедлить, освоиться со слепящим сиянием дня.

Кареллен стоял поодаль от остальных, возле огромной платформы, груженной ящиками. Ян и не задумался, каким образом он узнал Попечителя, не удивился, что тот совсем такой же, как был. Кажется, лишь к этому он был готов — что не встретит в Кареллене перемены.

— Я тебя ждал,— сказал Кареллен.

23 — Поначалу нам не опасно было появляться среди них,— сказал Кареллен.— Но они в нас больше не нуждались: наша работа была закончена, когда мы собрали их всех вместе и поселили на отдельном материке. Смотри.

Стена перед Яном исчезла. Теперь с высоты в несколько сот метров он смотрел на приветливую лесистую местность. Казалось, между ним и землей нет никакой преграды, и на миг у Яна закружилась голова.

— Так было пять лет спустя, когда началась вторая фаза.

Внизу двигались какие-то фигуры, и кинокамера стремглав спускалась на них, словно хищная птица.

— Тебе горько будет на них смотреть,— сказал Кареллен.— Но помни, прежние мерки тут неприменимы. Эти дети — не люди.

Однако Ян в них увидел детей, и никакая логика не могла рассеять это впечатление. Казалось, это дикари, исполняющие какой-то сложный обрядовый танец. Все они голые, грязные, за всклокоченными волосами не видно глаз. Насколько мог разобрать Ян, они были разного возраста, от пяти до пятнадцати, однако все двигались одинаково быстро, уверенно, не обращая ни малейшего внимания на окружающее.

А потом Ян разглядел их лица. Он насилу прогло-

тил ком в горле, немало труда ему стоило не отвернуться. Совершенно пустые лица, хуже, чем мертвые, потому что и черты мертвеца сохраняют какой-то отпечаток, наложенный Временем, говорящий даже тогда, когда уже немы уста. А в этих лицах волнения, чувства не больше, чем у змеи или у насекомого. Сверхправители — и те с виду человечнее.

— Ты ищешь то, чего здесь больше нет,— сказал Кареллен.— Запомни, в них нет ничего от личности, как не обладает личностью отдельная клетка человеческого тела. Но в единстве они составляют нечто несравнимо более великое, чем человек.

— Почему они все время так двигаются?

— Мы это называем Долгим танцем,— отвечал Кареллен.— Они никогда не спят, и это длится уже почти год. Их триста миллионов, и они образуют строго определенный движущийся рисунок от края до края материка. Мы без конца пытаемся найти в этом рисунке смысл — и не находим, быть может, потому, что нам видна только физическая сторона, только небольшая часть — то, что здесь, на Земле. Вероятно, то, что мы называем Сверхразумом, еще обучает их, лепит из них некое единство, а уже потом вберет его в себя без остатка.

— Но как же они обходятся без еды? И что, если они наткнутся на какое-нибудь препятствие — на дерево, скалу, реку?

— Река не имеет значения, утонуть они не могут. О препятствия иногда ушибаются, но даже не замечают ушибов. А что до еды... ну, тут вдоволь и плодов, и дичи. Но в еде они больше не нуждаются, как и во многом другом. Ведь пища — это прежде всего источник энергии, а они научились черпать из более мощных источников.

Перед глазами что-то мигнуло, будто все заволочло

знойной дымкой. А когда картина прояснилась, внизу уже не было движения.

— Смотри,—сказал Кареллен.— Это три года спутя.

Маленькие фигурки, совсем беспомощные и жалкие, если не знать правды, недвижимо застыли в лесу, на прогалине, на равнине. Кинокамера неустанно переходила от одного к другому, и Яну показалось, будто все они теперь на одно лицо. Когда-то ему случилось видеть странные фотографии, их печатали, накладывая один на другой десятки негативов, и получали некие «средние» черты. Те лица были так же пусты, безжизненны, неразличимы.

Казалось, стоящие спят или оцепенели. Веки у всех сомкнуты, и, похоже, существа эти сознают окружающее не больше, чем деревья, под которыми они застыли. Какие мысли отдаются в сложном переплетении, в котором разум каждого не больше—но и не меньше,—чем нить исполинской ткани, спросил себя Ян. И вдруг понял, что такнь эта окутывает множество миров и множество племен—и продолжает расти.

И вдруг... Ян не поверил глазам, ослепленный, ошарашенный. Секунду назад перед ним был приветливый, плодородный край, картина самая обыкновенная, только и странного, что разбросанные по нему из конца в конец (но не совсем беспорядочно) несчетные маленькие изваяния. И внезапно деревья и травы и все живые твари, которым они служили приютом, исчезли, сгинули без следа. Остались лишь тихие озера, извилистые реки, округлые холмы—бурые, разом утратившие свой зеленый покров,—и молчаливые равнодушные статуи. виновники этого внезапного разрушения.

— Зачем же они все уничтожили?—ахнул Ян.

— Возможно, им мешало присутствие чужого разума—даже самого примитивного, разума животных и растений. Нас не удивит, если наступит день, когда

они сочтут помехой весь материальный мир. И как знать, что тогда произойдет? Теперь ты понимаешь, почему, исполнив свой долг, мы устранились. Мы все еще пробуем изучать их, но никогда больше не бываем там у них и не посылаем туда наши приборы. Мы только и решаемся наблюдать за ними сверху.

— Это случилось много лет назад,— сказал Ян.— А что было дальше?

— Почти ничего. За все это время они не шевельнулись, не обращали внимания— день ли в их краю или ночь, лето или зима. Они все еще пробуют свои силы. Некоторые реки изменили русло, а одна теперь течет в гору. Но до сих пор все, что они делают, кажется бессмысленным.

— А вас они совсем не замечают?

— Да, но тут нет ничего удивительного. Тому... частью которого они стали, о нас все известно. Наши попытки его изучить ему, видимо, безразличны. Когда оно захочет, чтобы мы ушли отсюда, или пожелает поручить нам работу в другом месте, оно вполне ясно выразит свою волю. А до тех пор мы останемся здесь, пусть наши ученые узнают как можно больше.

— Так вот он, конец человечества,— подумал Ян с покорностью, превосходящей самую горькую скорбь. Конец, какого не предвидел ни один пророк... Тут равно не остается места ни надежде, ни отчаянию.

И однако есть в этом какая-то закономерность, высшая неизбежность, законченность, словно в великом произведении искусства. Хоть и мельком, но Ян видел Вселенную во всей ее грозной необъятности, и теперь он знал— человеку в ней не место. Теперь-то он понимал, какой напрасной в последнем счете была мечта, что заманила его к звездам.

Ибо дорога к звездам раздваивается— и в какую сторону ни пойдешь, в конце пути нет ничего, что хоть

в малой мере отвечает надеждам или страхам человечества.

В конце одного пути — Сверхправители. Каждый сохранил свою личность, свое независимое «я»; они обладают самосознанием, и местоимение «я» в их языке полно смысла. Они способны чувствовать, и хотя бы некоторые свойственные им чувства — те же, что и у людей. Но теперь ясно, они зашли в тупик, откуда нет и не будет выхода. Их разум в десять, а возможно, и в сто раз могущественней человеческого. Но в последнем счете это неважно. Они так же беспомощны, их так же подавляет невообразимая сложность Галактики, соединяющей в себе сто тысяч миллионов солнц, и космоса, в котором сто тысяч миллионов галактик.

А в конце другого пути? Там — Сверхразум, что бы ни означало это понятие, и человек перед ним — то же, что амеба перед человеком. По сути своей бесконечный, беспредельный, бессмертный, сколько времени вбирал он в себя одно разумное племя за другим, ширясь и ширясь среди звезд? Есть ли и у него желания, есть ли цели, которые он смутно осознает, но которых, быть может, никогда не достигнет? Теперь он вобрал в себя и все то, чего достигло за время своего бытия земное человечество. Это не трагедия, но свершение. Миллиарды мыслящих искр, из которых состояло человечество, мелькнули светлячками в ночи и угасли навсегда. Но жизнь их была не совсем уж напрасной.

Ян понимал, развязка еще впереди. Возможно, она наступит завтра, а быть может, через столетия. Даже Сверхправители не знают наверняка.

Теперь ясно, чего они добиваются, что сделали для человечества и почему все еще не уходят от Земли. Перед ними чувствуешь себя ничтожеством, и нельзя не восхищаться их непоколебимым терпением. Ведь они ждут так долго...

Яну не удалось узнать, каким образом возникли

странные узы, соединяющие Сверхразум с его слугами. По словам Рашаверака, Сверхразум присутствовал в истории его народа с самого начала, но распоряжаться Сверхправителями начал, лишь когда они создали высоконучную цивилизацию и смогли странствовать в космосе, исполняя его поручения.

— Но зачем вы ему нужны?— недоумевал Ян.— При такой невообразимой мощи для него уж наверно нет невозможного.

— Есть,— сказал Рашаверак.— Для него тоже есть пределы. Мы знаем, в прошлом он пытался воздействовать непосредственно на сознание других разумных существ и влиять на развитие их культуры. И всякий раз терпел неудачу—возможно, для тех напряжение оказывалось непосильным. Мы его переводчики... мы опекуны, или, если взять одно из ваших сравнений, мы возделываем почву и ждем, пока придет пора жатвы. Сверхразум собирает урожай, а мы переходим на новое поле. Вы—уже пятое разумное племя, на наших глазах достигшее вершины. И каждый раз к нашим знаниям что-то прибавляется.

— Неужели вас не возмущает, что Сверхразум пользуется вами как орудием?

— Это дает нам и некоторые преимущества; притом только тот, кто неразумен, возмущается неизбежным.

Вот с чем никогда не могло по-настоящему примириться человечество, хмуро подумал Ян. Есть вещи, которые не поддаются логике, и вот их-то Сверхправителям не понять.

— Странно, почему же Сверхразум выбрал именно вас своим орудием, если вы ни в малейшей мере не обладаете сверхчувственными силами, какие скрыты в людях. Как же он с вами общается, как дает вам знать, чего он хочет?

— На это я не могу ответить—и не могу объяс-

нить, почему должен некоторые обстоятельства от тебя скрывать. Возможно, настанет день, когда ты узнаешь долю истины.

Озадаченный, Ян призадумался было, но понял — дальше об этом расспрашивать бесполезно. Придется переменить тему в надежде, что после все же отыщется ключ к загадке.

— Тогда скажите вот о чем, этого вы тоже никогда не объясняли. Что стряслось, когда ваше племя явилось на Землю впервые, в далеком прошлом? Почему вы стали для нас воплощением ужаса и зла?

Рашаверак улыбнулся. Это ему не так удавалось, как Кареллену, но все-таки выходило похоже на улыбку.

— Никто не мог догадаться, и теперь ты понимаешь, отчего мы не могли вам объяснить. Только одно событие способно было до такой степени потрясти человечество. Но это случилось не на заре вашей истории, а в самом ее конце.

— То есть как? — не понял Ян.

— Когда наши корабли полтора ста лет назад появились на вашем небе, это была первая встреча наших народов, хотя, конечно, на расстоянии мы вас изучали. И все же вы боялись нас и узнали, и мы заранее знали, что так будет. Это, в сущности, не память. Ты сам убедился на опыте, время — нечто гораздо более сложное, чем представлялось вашей науке. То была память не о прошлом, но о будущем, об этих последних годах, когда — человечество знало — для него все кончится. Как мы ни старались, конец оказался нелегким. Но мы были при нем — и поэтому люди увидели в нас воплощение своей гибели. А ведь до конца оставалось еще десять тысячелетий! Это было словно искаженное эхо; отдаваясь в замкнутом кольце Времени, оно пронеслось из будущего в прошлое. Скорее не память, но предчувствие.

Не просто было в этом разобраться, и Ян помолчал, пытаясь осмыслить неожиданное открытие. А между тем не так уж это неожиданно — разве он не убедился на опыте, что причина и следствие подчас меняются местами?

Очевидно, существует некая племенная, родовая память, и память эта каким-то образом перестает зависеть от времени. Будущее и прошлое для нее — одно и то же. Вот почему тысячи лет назад затуманенные смертельным ужасом человеческие глаза уже уловили искаженный облик Сверхправителей.

— Теперь я понимаю, — сказал последний человек.

Последний человек на Земле! Нелегко это сознавать. Улетая в космос, Ян мирился с мыслью, что, быть может, навсегда отрывается от людей, но еще не чувствовал одиночества. Пожалуй, с годами появится и даже станет мучительным желание увидеть человеческое лицо, но до поры в обществе Сверхправителей ему не совсем уж одиноко.

Всего лишь за десять лет до его возвращения на Земле еще оставались люди, но то были последыши, выродки, и Яну не стоило жалеть, что он их не застал. Детей больше не было — Сверхправители не могли объяснить, почему осиротевшие отцы и матери не пытались восполнить утрату, но Ян подозревал, что причины тут прежде всего психологические. *Homo sapiens* вымер.

Возможно, где-то в одном из еще не тронутых разрушением городов сохранилась рукопись какого-нибудь запоздалого Гиббона, повествующая о последних днях рода людского. Но если и так, Ян не стремился ее прочесть; с него довольно было рассказа Рашаверака.

Кое-кто покончил с собой, другие в поисках забвения предавались лихорадочной деятельности или како-

му-нибудь безрассудному, самоубийственному спорту, подчас напоминающему небольшую войну. Численность населения быстро уменьшалась, остающиеся, старея, жались друг к другу — разбитая армия смыкала ряды в последнем своем отступлении.

Должно быть, перед тем как навеки опустился занавес, заключительный акт трагедии озаряли вспышки героизма и преданности, омрачали варварство и себялюбие. Кончилось ли все отчаянием или покорностью, Яну никогда уже не узнать.

Ему и без того было о чем подумать. Примерно в километре от базы Сверхправителей находилась заброшенная вилла, и Ян не один месяц потратил, приводя ее в порядок, перевез туда из ближнего города, километров за тридцать, всякие нужные в обиходе приборы и устройства. В город с ним летал Рашаверак, чья дружба, как подозревал Ян, была не совсем уж бескорыстной. Сверхправитель, специалист-психолог, все еще изучал последнего представителя *Homo sapiens*.

Видимо, жители покинули этот город раньше, чем настал конец; дома и даже почти все необходимое, например водопровод, еще оставались в целости и сохранности. Совсем не трудно было бы пустить в ход электростанцию, вернуть блеск широким улицам, видимость жизни. Ян недолго тешился этой мыслью — нет, не стоит, что-то тут есть болезненное. Ясно одно, предаваться сожалениям о прошлом он не желает.

Под рукой все необходимое, до самого конца он ни в чем не будет нуждаться, но непременно надо отыскать электронный рояль и кое-какие переложения Баха. Ему всегда хотелось всерьез заниматься музыкой, и вечно не хватало времени, теперь он это наверстает. И вот, если он не играет сам, так включает записи великих симфоний и концертов, музыка в его жилище не умолкает. Музыка — вот его талисман, защита от одиночества,

которое рано или поздно неминуемо станет для него непосильным гнетом.

Часто он подолгу бродил по холмам и думал обо всем, что случилось за немногие месяцы, с тех пор, как он в последний раз видел Землю. Не думал он, когда прощался с Салливером восемьдесят земных лет назад, что уже готово родиться последнее поколение людей.

Каким же он был тогда безмозглым щенком! Но вряд ли стоит раскаиваться, ведь, останься он на Земле, пришлось бы воочию видеть те последние годы, скрытые теперь завесой времени. А он миновал их, перескочил в будущее и узнал ответы на вопросы, на которые никто больше из людей ответа не получит. Его любопытство почти утолено, лишь порой он спрашивает себя, чего ждут Сверхправители, почему еще медлят здесь и чем же в конце концов будет вознаграждено их терпение? Но чаще всего, со спокойной покорностью, какая обычно приходит к человеку лишь в конце долгой хлопотливой жизни, он проводил время за роялем, упиваясь музыкой Баха. Возможно, он обманывал себя, возможно, то была благотворная прихоть рассудка, но теперь Яну казалось — только об этом он всегда и мечтал. Жажда, что скрывалась в тайниках души, осмелилась, наконец, выйти на свет сознания.

Ян всегда был неплохим пианистом, а теперь он — лучший в мире.

24 Новость ему сообщил Рашаверак, но он уже догадывался и сам. Перед рассветом он очнулся от какого-то страшного сна и уснуть больше не мог. И не удалось вспомнить, что же привиделось, а это очень странно, ведь он издавна убежден: любое сновидение можно вспомнить сразу, едва проснешься, надо лишь как следует постараться. Он только и вспомнил, что во сне он опять — маленький мальчик, стоит на огромной

пустой равнине и прислушивается, а неведомый властный голос зовет на незнакомом языке.

Сон все еще тревожил — может быть, это одиночество нанесло первый удар его рассудку? Яну не сиделось дома, и он вышел на заброшенную, заросшую лужайку.

Полная луна все заливала золотистым ярким светом, отчетливо видна была каждая мелочь. Исполинский цилиндр Карелленова корабля мерцал позади базы Сверхправителей, по сравнению с ним здания базы казались всего лишь делом рук человеческих. Ян смотрел на корабль, пытаясь вспомнить, какие чувства будил в нем когда-то вид этой громадины. Тогда казалось, это — недостижимая цель, символ всего, к чему стремишься понапрасну. А теперь вид его нисколько не волнует.

Как все здесь застыло в тишине! Конечно, Сверхправители, как всегда, чем-то заняты, но сейчас их не видно. Словно Ян совсем один на Земле... да, в сущности, так оно и есть. Он посмотрел на Луну, хоть бы глаза и мысли отдохнули на чем-то знакомом, привычном.

Вот они, древние, издавна памятные лунные моря. Ян побывал в глубине космоса, на расстоянии сорока световых лет, но ему так и не довелось пройти по этим пыльным безмолвным равнинам, до которых всего лишь две световые секунды. С минуту он для развлечения старался найти взглядом кратер Тихо. А когда нашел, удивился: светящееся пятнышко оказалось дальше от середины лунного диска, чем он думал. И вдруг он понял, что темный овал Моря кризисов куда-то исчез.

Спутник Земли обратился к ней совсем не то лицо, которое смотрело на нее с начала времен. Луна стала вращаться вокруг своей оси.

Это могло означать только одно. В другом полушарии Земли, на материке, с которого они так внезапно смели все живое, *те* очнулись от долгого оцепенения.

Как ребенок, просыпаясь, тянется навстречу свету дня, они, разминая мышцы, играли своими вновь обретенными силами.

— Да, ты угадал,— сказал Рашаверак.— Нам небезопасно дольше здесь оставаться. Может быть, пока они еще не обращают на нас внимания, но рисковать нельзя. Мы улетим, как только все погрузим,— часа через два, через три.

Он посмотрел на небо, словно боялся, что там вот-вот вспыхнет какое-нибудь новое чудо. Но нет, все спокойно; Луна зашла, лишь редкие облака плывут в вышине, подгоняемые западным ветром.

— Баловство с Луной еще не так опасно,— прибавил Рашаверак.— Ну, а если они вздумают повернуть и Солнце? Разумеется, мы оставим здесь приборы и от них узнаем, что будет дальше.

— Я остаюсь,— вдруг сказал Ян.— На Вселенную я посмотрелся. Теперь мне интересно только одно— судьба моей родной планеты.

Почва под ногами тихонько дрогнула.

— Я этого ждал,— продолжал Ян.— Раз они изменили вращение Луны, где-то должен измениться момент количества движения. И теперь замедляется вращение Земли. Даже не знаю, что меня больше поражает,— как они это делают или *зачем*.

— Они все еще играют,— сказал Рашаверак.— Много ли логики в поступках ребенка? А то целое, которое возникло из вашего племени, во многих отношениях еще ребенок. Оно еще не готово соединиться со Сверхразумом. Но очень скоро и это придет, и тогда вся Земля останется в твоём распоряжении.

Он не закончил мысль, Ян договорил за него:

— Если только сама Земля не перестанет существовать.

— Ты понимаешь, что есть и такая опасность, и все равно хочешь остаться?

— Да. Я провел дома пять лет... или уже шесть? Будь что будет, я ни о чем не пожалею.

— Мы и надеялись, что ты захочешь остаться,— медленно заговорил Рашаверак.— Если останешься, ты сможешь кое в чем нам помочь...

Огненный след звездолета истончился и угас где-то за орбитой Марса. Из миллиардов людей, что жили и умерли на Земле, только он, Ян, проделал однажды этот путь, думал он теперь. И уже никто никогда больше там не пройдет.

Вся Земля принадлежит ему. Ни в чем нет недостатка, доступны все материальные блага, каких только можно пожелать. Но его это больше не привлекает. И не страшат ни одиночество на безлюдной планете, ни присутствие того, что еще здесь, близко, но очень скоро пустится на поиски своей неведомой доли. И уж наверно, уносясь прочь, оставит за собой такой бурный, вспененный след, что Яну со всеми загадками, которые его еще занимают, не уцелеть.

Ну и пусть. Он добился всего, чего хотел, и после этого было бы нестерпимо скучно влачить бесцельное существование на опустелой планете. Можно бы улететь вместе со Сверхправителями, но какой смысл? Ведь он, как никто другой, знает, Кареллен сказал когда-то чистую правду: «Звезды — не для человека».

Ян оставил за собой ночную тьму и через широкие ворота вошел на базу Сверхправителей. Ее размеры ничуть не подавляют, огромность сама по себе для него давно уже ничего не значит. Тускло горят красноватые светильники — энергии, что их питает, хватило бы еще на века. По обе стороны дороги лежат брошенные Сверхправителями машины, никогда Ян не узнает тайны их устройства и назначения. Он миновал их, неловко

вскарабкался по громадным ступеням и наконец добрался до рубки.

Здесь еще живет дух Сверхправителей, еще работают их машины, выполняя волю теперь уже далеких своих владык. Что же может Ян прибавить к потоку сведений, который неумоимо извергают они в пространство?

Он забрался на высоченное сиденье пилота, постарался устроиться поудобнее. Его ждет уже включенный микрофон; наверно, за каждым его шагом следит какое-нибудь подобие телекамеры, но обнаружить его не удалось.

За панелью управления со множеством непонятных инструментов смотрят в звездную ночь широкие окна, видна долина, спящая под немного уже ущербной лунной, и далекий горный хребет. По долине вьется река, там и сям поблескивают в лунном свете то воронка, то плеснувшая волна. Везде такой покой. Быть может, и при рождении человечества было все вот так же, как в его последний час.

Где-то в пространстве, неведь за сколько миллионов километров, конечно, ждет Кареллен. Странно думать, что корабль Сверхправителей мчится от Земли почти с той же скоростью, как сигнал, который Ян пошлет вдогонку. Почти — и все же не так быстро. Долгая будет погоня, но слова его дойдут до Попечителя, и тем самым Ян отдаст ему свой долг.

Любопытно, многое ли из случившегося и раньше входило в планы Кареллена, и сколько — внезапное наитие, гениальная импровизация? Неужели почти столет назад Попечитель умышленно дал ему тайком бежать с Земли, чтобы, возвратясь, он мог сыграть нынешнюю свою роль? Нет, это уж слишком невероятно. Однако ясно одно: Кареллен заранее вынашивал какой-то грандиозный, сложный замысел. Он служил Сверхразуму — и в то же время изучал его всеми средствами.

Ян подозревал, что Попечитель движим не одной лишь пытливостью ученого; быть может, Сверхправители мечтают когда-нибудь узнать достаточно о могучих силах, которым служат, и освободиться от этого странно-го порабощения.

Только трудно поверить, будто Ян сейчас может хоть что-то прибавить к их познаниям. «Говори нам, что ты видишь,— сказал ему Рашаверак.— Картину, которая будет у тебя перед глазами, передадут и наши камеры. Но поймешь и осмыслишь ты ее, вероятно, совсем иначе, и это, возможно, многое нам объяснит». Что ж, он будет стараться изо всех сил.

— Все еще ничего нового,— начал он.— Несколько минут назад я видел, как исчез в небе след вашего корабля. Луна как раз начинает убывать, и та ее сторона, которой она всегда была обращена к Земле, теперь почти наполовину не видна... впрочем, вы, наверно, это уже знаете.

Ян примолк, чувствовал он себя довольно глупо. Что-то есть в его поведении неуместное, даже немножко нелепое. Завершается история целого мира, а он — будто радиоккомментатор на скачках или на состязаниях по боксу. Но тут же он пожал плечами и отмахнулся от этой мысли. В минуты величия поблизости во все времена ухмылялась пошлость... но здесь, кроме него самого, некому ее заметить.

— За последний час было три небольших землетрясения,— продолжал он.— *Они* замечательно управляют вращением Земли, но все-таки не в совершенстве... Право, Кареллен, я все больше убеждаюсь, как трудно сказать вам что-нибудь такое, чего вам уже не сообщили ваши приборы. Наверно, было бы легче, если б вы хоть намекнули, чего мне ждать, и предупредили, долго ли надо ждать. Если ничего не случится, выйду опять на связь через шесть часов, как мы условились...

Нет, слушайте! Наверно, они только и ждали вашего

отлета. Что-то начинается. Звезды тускнеют. Похоже, все небо страшно быстро заволакивает огромное облако. Только на самом деле это не облако. В нем есть какая-то система... Трудно различить, но что-то вроде туманной сетки из лент и полос, и они все время перемещаются. Будто звезды запутались в огромной призрачной паутине.

Вся эта сеть засветилась... светится и пульсирует, совсем как живая. Наверно, и правда живая... или это что-то выше, чем жизнь, как все живое выше неорганического мира?

Кажется, свечение сдвигается в один край неба... подождите минуту, я перейду к другому окну.

Ну да... я мог бы и раньше догадаться. На западе над горизонтом огромный пылающий столб, какое-то огненное дерево. Оно очень далеко, на той стороне Земли. Я знаю, откуда оно растет, это *они* наконец пустились в путь, чтобы соединиться со Сверхразумом. Ученичество закончено, они отбрасывают последние остатки материи.

Огненный столб поднимается выше, а та сетка становится отчетливей, она теперь не такая туманная. Местами как будто совсем плотная... хотя звезды еще немножко просвечивают сквозь нее.

А, понял. Кареллен, я видел, над вашей планетой выросло что-то очень похожее, хотя и не в точности такое же. Может, это была часть Сверхума? Наверно, вы скрывали от меня правду, чтобы у меня не возникли предвзятые идеи... чтоб я стал непредубежденным наблюдателем. Хотел бы я знать, что вы сейчас видите на своих экранах, и сравнить с тем, что мне сейчас представляется!

Наверно, вот так он с вами и говорит, Кареллен,— такими вот очертаниями и красками? Я помню, в рубке вашего корабля по экранам бежали какие-то узоры, это был зримый язык, внятный вашим глазам.

Теперь среди звезд мерцают и пляшут сполохи, точь-в-точь северное сияние. Ну, конечно, наверняка так оно и есть — сильнейшая магнитная буря. Долина, горы — все осветилось... ярче, чем днем... красные, золотые, зеленые полосы пробегают по небу... никакими словами не опишешь, просто несправедливо, что я один вижу такое... и не думал, что возможны такие цвета...

Буря утихает, но та огромная туманная сеть еще тут. Пожалуй, северное сияние только побочный продукт какой-то энергии, которая высвобождается там, в стратосфере...

Одну минуту, что-то новое. Какая-то легкость во всем теле. Что это значит? Роняю карандаш — он падает медленно, как перышко. Что-то происходит с силой тяжести... поднимается сильный ветер... на равнине ветви деревьев ходят ходуном.

Понятно... атмосфера улетучивается. Камни и палки несутся вверх, будто сама Земля хочет рвануться за теми в небо. Вихрем подняло тучу пыли. Ничего не разглядеть... может, скоро прояснится.

Да... теперь лучше. С поверхности все сметено... пыль рассеялась. Любопытно, долго ли продержится это здание? И становится трудно дышать... попробую говорить медленней.

Вижу опять хорошо. Тот огненный столб еще на месте, но сжимается, суживается... будто смерч, уходящий в облака. И... как это передать? — меня захлестнуло таким волнением! Это не радость и не скорбь... было чувство полноты, свершения. Может, почудилось? Или это нахлынуло извне? Не знаю.

А теперь... нет, это не просто чудится... мир стал пустой. Совсем пустой. Все равно как слушаешь радио — и вдруг все выключилось. И небо опять ясное... туманная сетка пропала. Куда *оно* теперь пойдет, Кареллен? И на той планете вы опять будете ему служить?

Странно, вокруг меня все по-прежнему. Не знаю, почему-то я думал...

Ян умолк. Минуту мучился, не находя слов, закрыл глаза, силясь овладеть собой. Сейчас не до страха, не до паники, надо исполнить свой долг... долг перед Человечеством — и перед Карелленом.

Сперва медленно, будто просыпаясь, он снова заговорил:

— Здания вокруг... долина... горы... все прозрачное, как стекло... я вижу сквозь них! Земля истаивает... я стал почти невесомый. Вы были правы... им больше не нужны игрушки.

Остались секунды. Горы взлетают клоками дыма. Прощайте, Кареллен, Рашаверак... мне вас жаль. Мне этого не понять, а все-таки я видел, чем стало мое племя. Все, чего мы достигли, поднялось к звездам. Может, это и хотели сказать все старые религии. Только они перепутали, они думали, человечество так много значит, а мы лишь одно племя из... знаете ли вы, сколько их? А теперь мы — уже *другое*, вам этого не дано.

Река исчезает. А небо пока прежнее. Трудно дышать. Странно, луна еще светит. Я рад, что они ее оставили, но ей теперь будет одиноко...

Свет! Подо мной... в недрах Земли... поднимается сквозь скалы, сквозь все... ярче, ярче, сплит...

В беззвучном взрыве света ядро Земли выпустило на волю потаенные запасы энергии. Недолгое время гравитационные волны пересекали во всех направлениях Солнечную систему, чуть колебля орбиты планет. И опять оставшиеся дети Солнца двинулись извечными своими путями, как по безмятежному озеру выплывают пробки из чуть заметной ряби от брошенного камня.

От Земли не осталось ничего. *Те* высосали всю ее плоть до последнего атома. Она питала их в час непостижимого, неистового преображения, как плоть пше-

ничного зерна кормит малый росток, когда он тянется к Солнцу.

В шести тысячах километров за орбитой Плутона перед внезапно погасшим экраном сидит Кареллен. Наблюдения закончены, задача выполнена; он возвращается домой, на планету, которую так давно покинул. Его гнетет тяжесть столетий и печаль, которую не разогнать никакими рассуждениями. Не человечество он оплакивает, его скорбь — о собственном народе, чей путь к величию навек пресекли неодолимые силы.

Да, его собратья многого достигли, думал Кареллен, им подвластна осязаемая Вселенная, и все же они — только бродяги, обреченные скитаться по однообразной пыльной равнине. Недостижимо далеки горные выси, где обитают мощь и красота, где по ледникам прокатываются громы, а воздух — сама чистота и свежесть. Там солнце на своем пути еще одаряет сиянием вершины гор, когда все внизу уже окутано тьмой. А они только и могут смотреть в изумлении, но никогда им не подняться на эти высоты.

Да, Кареллен знает, они будут держаться до конца; не поддаваясь отчаянию, станут ждать конца, что бы ни готовила им судьба. Будут служить Сверхразуму, ибо выбора у них нет, но и в этом служении не утратят душу свою.

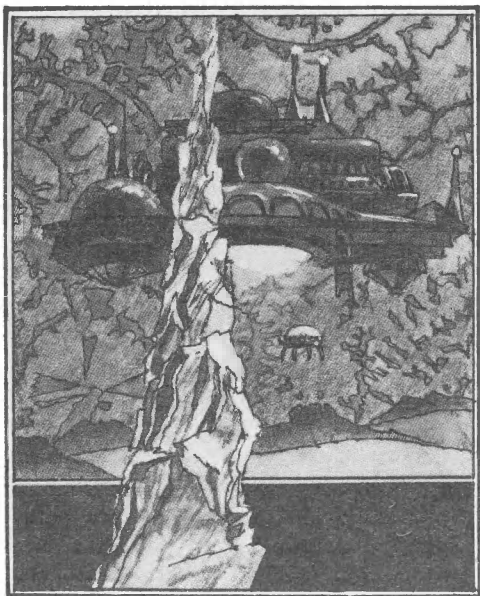
Громадный контрольный экран на мгновение вспыхнул мрачным алым светом; сосредоточенно, напряженно Кареллен вчитывался в смысл меняющихся узоров. Корабль выходил за пределы Солнечной системы; энергия, питающая межзвездный двигатель, на исходе, но свое дело она уже сделала.

Кареллен поднял руку, и картина перед ним опять изменилась. Посреди экрана пламенела одинокая яркая звезда; на таком расстоянии никто не мог бы сказать, что у этого солнца были когда-либо планеты и что одна

из них потеряна безвозвратно. Долго смотрел Кареллен назад, через быстро ширящуюся пропасть, множество воспоминаний проносилось в его могучем, сложном мозгу. И он безмолвно склонил голову перед всеми, кого знал,— и теми, кто мешал ему, и теми, кто помогал выполнить его задачу.

Никто не смел потревожить его, прервать его раздумье; а потом он отвернулся, и Солнце, исчезающе малая точка, осталось позади.

2061:Одиссея три

Перевод И. ПОЧИТАЛИНА

Arthur C. Clarke

2061: ODYSSEY THREE

A Del Rey Book
Ballantine Books

New York 1987

© 1987 by Serendib BV
© перевод на русский язык,
Почиталин И. Г., 1991

Памяти Джуди-Линн Дель Рей, замечательного редактора, которая с самого начала поверила в замысел этой книги, но так и не дождалась его осуществления

Подобно тому, как «2010: Одиссея два» не была продолжением «Космической Одиссеи 2001 года», настоящая повесть не является непосредственным продолжением «Одиссеи два». Все три произведения следует рассматривать как вариации на одну тему.

События, происшедшие после 1964 года, когда Стэнли Кубрик предложил мне (еще за пять лет до высадки людей на Луне!) снять «настоящий научно-фантастический фильм», делают прямую связь между этими тремя произведениями невозможной, поскольку более поздние повести включают в себя открытия, о которых тогда можно было только мечтать. В основу «Одиссеи два» был положен фантастически успешный пролет «Вояджера-1979» рядом с Юпитером, и я не собирался возвращаться к этой теме до тех пор, пока не станут известны результаты еще более грандиозной миссии «Галилея». Запуск «Галилея» планировалось осуществить с борта космического шаттла в мае 1986 года, и в декабре 1988 года «Галилей» должен был достигнуть Юпитера. Поэтому я надеялся воспользоваться потоком новой информации о Юпитере и его лунах где-то в 1990 году...

Увы, трагедия с «Челленджером» не позволила осуществиться этим намерениям; «Галилей» ждет своей ракеты-носителя. В лучшем случае он достигнет Юпитера лишь с семилетним опозданием.

Вот почему я решил больше не ждать.

Апрель 1987 года

*Артур Кларк,
Коломбо, Шри-Ланка*

I. Волшебная гора

1. Остановившееся время

— Для семидесятилетнего мужчины ты на удивление хорошо сохранился, — заметил доктор Глазунов, глядя на ленту, которая медленно выползала из медицинского компьютера. — Никогда не дал бы тебе больше шестидесяти пяти.

— Давай без лести, Олег. Тем более, что мне сто три, и тебе это отлично известно.

— Ну вот, опять! Можно подумать, что ты не знаком с книгой профессора Руденко.

— Милая Катерина! Мы собирались вместе отпраздновать день ее столетия. И вот ее больше нет — такова цена за жизнь на Земле.

— Ирония судьбы, особенно если учесть, что именно ей принадлежит знаменитая фраза «тяготение — источник старения».

Доктор Хейвуд Флойд задумчиво смотрел, как меняется панорама прекрасной планеты, находящейся всего в шести тысячах километров. Планеты, на которую уже никогда не ступит его нога. Иначе как насмешкой это не назовешь — нелепый несчастный случай позволил ему сохранить прекрасное здоровье, тогда как почти всех его друзей уже нет в живых.

Прошла всего лишь неделя после возвращения на Землю, когда, несмотря на все предосторожности и твердую уверенность, что уж теперь-то с ним ничего не

произойдет, Флойд свалился с балкона второго этажа. Правда, он тогда немного выпил, но с полным правом — ведь он был героем в том новом мире, куда вернулся «Космонавт Леонов». Множественные переломы, сопровождаемые осложнениями, можно было вылечить только в «Пастере» — космическом госпитале на околоземной орбите.

Это произошло в 2015 году. А сейчас — он бы ни за что не поверил, если бы не календарь на стене, — 2061.

Биологические часы Хейвуда Флойда не только шли гораздо медленнее благодаря тому, что сила тяготения на борту космического госпиталя была в шесть раз меньше земной, но и дважды в его жизни поворачивали вспять. В настоящее время большинство ученых считало — хотя были и такие, кто оспаривал это, — что глубокий сон во время длительных космических полетов не просто замедляет процесс старения, но и содействует омоложению организма. За время путешествия к Юпитеру и обратно Флойд стал моложе.

— Так ты и правда думаешь, что мне можно лететь? Никакой опасности?

— Во Вселенной отсутствует такое понятие, Хейвуд. Просто я считаю, что у тебя нет физиологических противопоказаний. В конце концов, на борту «Юниверс» ты будешь находиться примерно в тех же условиях, что и здесь. Разумеется, там нет такого великолепного медицинского обслуживания, как в «Пастере», но доктор Махиндран — прекрасный врач. А если возникнут осложнения, с которыми ему трудно будет справиться, он просто усыпит тебя и отправит обратно к нам наложенным платежом.

Именно на такой ответ и надеялся Флойд, однако к его радости примешивалась грусть. Ведь на долгие недели ему придется покинуть госпиталь, бывший для него домом в течение почти полувека, придется расстаться с друзьями. И хотя космический корабль «Юни-

верс» — роскошный лайнер в сравнении со стареньким «Космонавтом Леоновым» (теперь «Леонова» держат на околоземной орбите в качестве одного из главных экспонатов музея Лагранжа), элемент риска, как и в любом продолжительном космическом полете, не исключен. Особенно если корабль, на котором ты летишь, отправляется на решение столь необычных задач...

И все-таки он, видимо, стремился именно к такой цели, даже в свои сто три года (или, если исходить из сложных возрастных расчетов профессора Катерины Руденко, полным сил в шестьдесят пять). Последние десять лет Флойд ощущал какое-то смутное беспокойство, неудовлетворенность от чрезмерного комфорта и размеренной жизни.

Хотя в Солнечной системе осуществлялось множество увлекательных проектов — и освоение Марса, и создание базы на Меркурии, и озеленение Ганимеда, — Флойд не мог найти себе цели, достижению которой ему захотелось бы отдать свои знания, свой опыт и все еще немалую энергию. Двести лет назад один из первых поэтов эпохи научно-технического прогресса устами Одиссея—Улисса совершенно точно выразил чувства, владевшие сейчас Флойдом:

Наши жизни сплелись.

Нас и так было мало. Теперь

Не осталось совсем. Каждый час, отвоеванный нами

У пучины безмолвия, тает в холодном тумане,

За которым виднеется настежь открытая дверь.

Что-то большее, чем измерение времени. Час

Нашей смерти. Предвестник того, что начнется.

Это будет страшнее, чем жар беспощадного солнца —

Наше тело погибнет. Но разум, отдельно от нас

Будет жить в беспредельности, в вечной слепой пустоте

И стремиться за знанием, подобно летящей звезде.

Подумаешь, «беспощадного солнца»! Да их там не меньше сорока: Улиссу было бы стыдно за него. Но следующие строфы — такие знакомые — подходили еще больше:

Может быть, нас поглотит бездонный, невидимый
ров,

Эта страшная бездна, откуда не будет возврата,
Может быть, мы достигнем далекого Острова Снов
И увидим героев, которых не знали когда-то.

Уже много отнято, но еще большего ждут
И мы тронемся в путь, как когда-то, когда мы умели
Двигать небо и землю. И жили на самом пределе
Человеческой силы. Мы знаем, что нам не вернут
Нашу молодость.

Мы постарели.

И наши сердца

Ослабели от тяжести лет и ударов судьбы.

Только воля сильна. И мы снова уходим, забыв
Обо всем. И находим.

И ищем.

И будем идти до конца *.

«И находим. И ищем...» Ну что ж, сейчас он точно знал, что собирается искать и найти, так как точно знал где. Если не какая-то совершенно невероятная катастрофа, на этот раз встреча непременно состоится.

Флойд сознательно никогда не ставил перед собой этой цели и даже сейчас не совсем понимал, почему это стало столь необходимым для него. Ему казалось, что лихорадка, снова охватившая человечество — уже второй раз за его жизнь, — обойдет его стороной. Видимо,

---

* Перевод М. Глебовой.

он ошибался. Возможно, дело было в том, что неожиданное приглашение присоединиться к небольшой группе знаменитостей разожгло его воображение и пробудило энтузиазм, о котором сам он уже давно забыл.

Впрочем, причина могла быть и совсем иной. Хотя и миновали десятки лет, он все еще помнил разочарование, которое испытали жители Земли от этой встречи в 1985—1986 годах. И вот появилась возможность — последняя для него, первая для человечества — восполнить упущенное, даже более чем восполнить.

В двадцатом веке приходилось возлагать надежды только на автоматические зонды. А на этот раз будет осуществлена настоящая посадка — столь же замечательное событие, каким была лунная прогулка Армстронга и Олдрина.

И воображение доктора Хейвуда Флойда, ветерана экспедиции к Юпитеру 2010—2015 годов, обратилось к таинственной гостье, возвращающейся в Солнечную систему из неизведанных глубин Вселенной. По мере приближения к Солнцу она с каждой секундой увеличивала скорость, и где-то между орбитами Венеры и Земли этой самой знаменитой из комет предстоит встреча с космическим лайнером «Юниверс», который только еще готовится в свой первый полет.

Точное место этой встречи еще предстояло рассчитать, но он уже принял решение.

— До скорого свидания, комета Галлея... — прошептал Хейвуд Флойд.

2. Первое наблюдение

Неправы те, кто утверждает, будто надо покинуть пределы земной атмосферы, чтобы насладиться подлинным величием небес. Даже из космоса усыпанное звездами небо не выглядит величественнее, чем с горной вершины в безоблачную ночь, вдали от огней,

зажженных человеком. И хотя за пределами атмосферы звезды кажутся ярче, человеческий глаз не в силах как следует различать эту разницу; зато он может охватить единым взором все величие раскинувшейся перед ним небесной полусферы — то, чего нельзя увидеть из иллюминатора космического корабля.

Однако Хейвуда Флойда вполне удовлетворял тот вид Вселенной, который открывался из его окна, особенно в те часы, когда жилая часть медленно вращающегося космического госпиталя находилась в тени. Тогда в прямоугольнике иллюминатора были видны лишь планеты, звезды, туманности и безжалостно захлестывающий все своим горячим немигающим сиянием Люцифер — новый соперник Солнца.

Минут за десять до наступления искусственной ночи Флойд выключал все освещение в каюте, даже красный огонек аварийной лампочки, чтобы глаза адаптировались к темноте. Флойд слишком поздно для космического инженера познал всю радость наблюдения за звездами невооруженным глазом, однако быстро научился без труда распознавать практически любое созвездие, даже по небольшой его части.

На протяжении всего мая, почти каждую «ночь», он искал комету, которая, судя по звездным картам, проходила сейчас через орбиту Марса. И хотя комету легко было обнаружить с помощью хорошего бинокля, Флойд упрямо отказывался от него; это была игра, чтобы определить, справится ли с такой задачей его слабеющее зрение. Правда, два астронома из обсерватории Мауна Кеа уже объявили, будто визуально наблюдали движение кометы, однако им никто не поверил, как и аналогичным заявлениям некоторых обитателей космического госпиталя.

Но сегодня, согласно таблицам, яркость кометы достигнет шестой величины, и Флойд надеялся, что на этот раз ему повезет. Он мысленно провел линию

между Гаммой и Эпсилоном и устремил взгляд к вершине воображаемого равностороннего треугольника с основанием на этой линии. Казалось, одним волевым усилием он хочет заставить себя проникнуть взором в глубины Солнечной системы.

И — вот она! Такая же, какой Флойд увидел ее впервые семьдесят шесть лет назад, еле видная, но спутать ее нельзя. Если бы Флойд не знал, где ее искать, он наверняка не заметил бы комету или принял за отдаленную туманность.

Его невооруженному глазу комета виделась крошечным, идеально круглым туманным шариком; как Флойд ни напрягал зрение, он не мог разглядеть тянущегося за ней хвоста. Однако небольшой эскорт зондов, которые месяцами следовали за кометой, уже сообщил о появлении первых выбросов пыли и газа. Скоро они образуют сверкающий султан, направленный в сторону, противоположную той, где находится его создатель — Солнце!

Подобно многим, Хейвуд Флойд наблюдал за переменами, которые происходили с холодным, темным — нет, почти черным — ядром кометы, вошедшей во внутренние области Солнечной системы. После семидесяти лет пребывания в глубоком холоде космоса сложная смесь аммиака, воды и других замороженных веществ начинала оттаивать и бурлить. Летящая гора, очертаниями и размером похожая на Манхэттен, поворачивалась на космическом вертеле каждые пятьдесят три часа; и по мере того как солнечное тепло проникало сквозь внешнюю оболочку, образующиеся внутри кометы газы заставляли ее вести себя подобно прохудившемуся паровому котлу. Струи водяного пара в смеси с пылью и дьявольским варевом из органических молекул вырывались из полудюжины небольших кратеров, причем самый крупный из них — размером с футболь-

ное поле — просыпался каждые два часа, с рассветом, за что его нарекли Старым служакой.

Уже сейчас Флойд мечтал о том, как он встанет на краю этого кратера и будет ждать, пока Солнце поднимется над темным, искореженным ландшафтом, хорошо знакомым по многочисленным телевизионным передачам из космоса. Правда, в контракте не говорилось, будет ли разрешено пассажирам — в отличие от экипажа и ученых — выйти из корабля, после того как он пришвартуется к ядру кометы. Но в то же время в контракте ничего не было сказано и о том, что это запрещено.

Пусть попробуют не разрешить, подумал Флойд; уж с чем с чем, а с космическим скафандром я умею обращаться. А если разучился...

Где-то он читал, что один человек, мечтавший посетить Тадж-Махал, сказал: «Повидав такое, можно и умереть».

Хейвуд Флойд предпочел комету Галлея.

3. Возвращение

Даже не принимая во внимание того обескураживающего происшествия, возвращение на Землю прошло совсем не гладко.

Вскоре после того, как доктор Руденко вывела его из состояния глубокого сна, Флойда ожидало первое потрясение. От него не отходил Вальтер Курнов, и Флойд почувствовал что-то неладное; их радость при его пробуждении казалась преувеличенной, в ней ощущалась какая-то напряженность. И лишь когда он совсем пришел в себя, они сказали, что умер доктор Чандра.

Где-то за Марсом, настолько незаметно, что даже контрольные приборы не зафиксировали этого, он просто ушел из жизни. Его тело, похороненное в космосе,

еще долго следовало за «Леоновым», прежде чем, окончательно отстав, сгореть в языках солнечного пламени.

Причину смерти установить не удалось, но Макс Брайловский высказал предположение, которое при всей его ненаучности не решилась опровергнуть даже корабельный врач Катерина Руденко:

— Без Хэла жизнь стала для него бессмысленной.

И тут Вальтер Курнов — вот уж кто б мог подумывать! — добавил:

— А как воспримет это Хэл? Ведь за нашими передачами, должно быть, следят. Рано или поздно, он узнает.

И вот теперь нет и Курнова — не осталось никого, кроме маленькой Жени. Он не видел ее целых двадцать лет, но каждое Рождество получал от нее открытки. Последняя все еще приколотая у него над столом: среди русских снегов мчится нагруженная подарками тройка, и пара волков провожает ее голодными взглядами.

Сорок пять лет! Иногда казалось, только вчера «Леонов» вернулся на земную орбиту под овации всего человечества. Но овации какие-то странные: робкие аплодисменты, полные уважения, но лишенные искреннего энтузиазма. Полет к Юпитеру оказался слишком успешным: открылся ящик Пандоры, содержимое которого еще не все осознали до конца.

Когда на Луне обнаружили черный монолит, названный «Лунной магнитной аномалией» — ЛМА-1, лишь немногим стало известно о его существовании. Только после злополучной экспедиции «Дискавери» к Юпитеру люди узнали, что четыре миллиона лет назад другая цивилизация коснулась планет Солнечной системы и оставила там свою визитную карточку. Для них эта новость была откровением, но отнюдь не неожиданностью: подобного ожидали уже не одно десятилетие.

Но все это произошло задолго до возникновения

земной цивилизации. Хотя недалеко от Юпитера с «Дискавери» произошла необъяснимая трагедия, доказательства того, что ее причиной было вовсе не нарушение работы бортовой аппаратуры, отсутствовали. Философские последствия открытия ЛМА-1 трудно было преувеличить, однако человеческая цивилизация все еще оставалась единственной во Вселенной.

Теперь же положение изменилось. В нескольких световых минутах от Земли — крошечное расстояние по космическим масштабам — существовала цивилизация, способная создать звезду, и по причинам, известным ей одной, уничтожить планету, в тысячу раз превосходящую размерами Землю. Но еще более зловещим было то, что эта цивилизация дала понять, что знает о существовании человечества: в последнем сообщении, переданном с борта «Дискавери» из окрестностей Юпитера за мгновение до огненного рождения Люцифера, уничтожившего космический корабль, говорилось:

ВСЕ ЭТИ МИРЫ ВАШИ — КРОМЕ ЕВРОПЫ НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ

Блisterающая новая звезда, изгнавшая ночь с земного неба (за исключением нескольких месяцев в году, когда она находилась позади Солнца), наполнила человеческие сердца надеждой и страхом. Страхом — потому что неизвестное, особенно если оно кажется всемогущим, не может не пробудить этого первобытного чувства. Надеждой — из-за тех изменений в политической жизни Земли, которые вызвало ее появление.

Часто говорилось, что только угроза из космического пространства способна объединить людей. Никто не знал, является ли угрозой Люцифер, но не было сомнений в том, что он бросил вызов человеческому разуму. Оказалось, этого было достаточно.

Хейвуд Флойд следил за политическими переменами

ми на Земле с высоты орбиты «Пастера»; иногда ему казалось, что он всего лишь сторонний наблюдатель. Сначала он не собирался оставаться в космосе и ждал, когда поправится. К удивлению и досаде врачей, на это ушло слишком много времени.

После долгих лет безмятежной жизни в космическом госпитале Флойду стало ясно, почему отказывались срастаться его кости. Просто ему не хотелось возвращаться на Землю: ничто не связывало его с этим сверкающим бело-голубым шаром, заслонившим половину неба. Бывали минуты, когда он понимал, почему Чандра утратил желание жить.

Флойд не полетел с первой женой в Европу по чистой случайности. И вот Марион больше нет, память о ней, казалось, сделалась частью чьей-то чужой жизни, а обе их дочери, обзаведясь собственными семьями, стали для него пусть и вполне милыми, но совершенно посторонними людьми.

А вот Кэролайн он потерял по собственной вине, хотя, если быть справедливым, у него не было выбора. Она никак не могла понять (а понял ли он сам?), почему он решил променять дом и семью, созданные ими, на многие годы в ледяной пустоте космоса, вдали от Солнца.

И хотя Флойд знал—еще до того как экспедиция достигла середины пути,—что Кэролайн не станет ждать его, он отчаянно надеялся, что Крис поймет и простит. Но и этого утешения не осталось: слишком долго его сын жил без отца, и когда Флойд вернулся, у Криса уже был новый отец, а у Кэролайн—новый муж. Разрыв был окончательным. Флойд боялся, что рана в его душе никогда не заживет, но, разумеется, с течением времени боль немного утихла.

И вот тело Флойда, похоже, вступило в сговор с его неосознанными желаниями. Когда он наконец после длительного лечения вернулся на Землю, в его организ-

ме тут же появились столь тревожные симптомы — в том числе подозрительно напоминающие некроз костей, — что его немедленно отправили обратно в орбитальный госпиталь. С тех пор Флойд не покидал его (если не считать нескольких полетов на Луну), полностью адаптировавшись к силе тяготения на борту медленно вращавшегося космического госпиталя, которая была в шесть раз меньше земной.

Флойд отнюдь не был отшельником. Даже в период лечения он диктовал отчеты, принимал участие в бесконечных комиссиях, прилетавших на «Пастер», соглашался давать интервью. Слава импонировала ему, и он пользовался ее плодами — пока о нем помнили. Это позволяло отвлечься от душевных страданий.

Первые десять лет, с 2020 по 2030 год, пролетели так быстро, что Флойд просто не заметил течения времени. В мире происходили кризисы, скандалы, преступления, катастрофы — в том числе Великое калифорнийское землетрясение, за которым он наблюдал с ужасом, не в силах оторваться от стационарных мониторов. При максимальном увеличении и благоприятных метеорологических условиях на экране можно было разглядеть отдельные человеческие фигурки, но, созерцая их с высоты небесного владыки, невозможно было отождествить себя с крошечными точками, в панике покидающими горящие города. Только камеры, расположенные на Земле, могли передать весь кошмар происходящего.

На протяжении этого десятилетия тектонические сдвиги в политике происходили так же неумолимо, как и в земной коре, хотя результаты этого обнаружились позднее. Разница была лишь в том, что политические события развивались в обратном направлении, будто время начало отступать назад. В доисторические времена на Земле существовал единый громадный континент, Пангея, который позднее распался на части, а человечество, разделенное было на бесчисленное множество на-

ций и народностей, теперь сближалось, утрачивая старые языковые и культурные различия.

Хотя ослепительная вспышка Люцифера ускорила этот процесс, начался он много лет назад, с наступлением века ракетной техники, которая способствовала расцвету мирового туризма. Почти одновременно — что, конечно, не было простым совпадением — появление спутников и световодов произвело подлинную революцию в области связи. 31 декабря 2000 года произошло историческое событие — отмена платы за международные переговоры, так что всякий телефон стал вроде местного и человечество вступило в новое тысячелетие, будто громадная судачащая семья.

Подобно большинству семей, она не обходилась без неурядиц, но теперь они уже не угрожали безопасности всей планеты. Во второй — и последней — ядерной войне были сброшены две атомные бомбы, как и в первой. И хотя их мощность была намного больше, число пострадавших оказалось незначительным, так как бомбы были сброшены на нефтедобывающие районы. И тут же три великие державы, Китай, США и СССР, проявив похвальную оперативность и мудрость, изолировали зоны военных действий, пока воюющие стороны не пришли в чувства.

К десятилетию 2020—2030 годов война между великими державами стала так же немыслима, как и между Канадой и США столетием раньше. Это не объяснялось резкими изменениями в человеческой природе или каким-нибудь определенным фактором, кроме того, что народы предпочитали смерти жизнь. Часто шаг, направленный на сохранение мира, вообще совершался спонтанно: политические деятели еще не успевали понять, что случилось, как мероприятие по укреплению мира уже осуществлялось и действовало весьма успешно...

Движение «Заложников мира» не было изобре-

нием ни государственных деятелей, ни идеалистов; само название появилось значительно позднее, когда вдруг заметили, что в любой момент в Соединенных Штатах находятся сотни тысяч советских туристов, а в СССР — полмиллиона американцев, причем и те и другие с увлечением занимались одним и тем же — жалобами на плохие туалеты. И что еще более важно, среди туристов всякий раз находилось непропорционально много совершенно незаменимых людей — отпрысков видных промышленников, бизнесменов и политических деятелей.

Наконец, если бы даже кому-то и пришло в голову приступить к подготовке большой войны, это было уже неосуществимо. В 1990-х годах наступил Век прозрачности, когда предприимчивые средства массовой информации начали запускать фотоспутники, начиненные аппаратурой, разрешающая способность которой не уступала аппаратуре на разведывательных и военных спутниках. Военные пришли в ярость; но и они были бессильны против агентств Рейтер, Ассошиэйтед Пресс и постоянно бодрствующих объективов Орбитальной службы новостей, которые неустанно обшаривали поверхность Земли.

К 2060 году, хотя разоружение еще и не завершилось, на Земле царил прочный мир, и последние пятьдесят ядерных бомб находились под надежным международным контролем. Когда широко известный монарх Эдуард VIII был избран президентом Совета Всемирного Сообщества, всего дюжина стран выступила против или воздержалась от голосования. Эту на удивление малочисленную оппозицию составляли весьма различные по значимости страны — от традиционно нейтральной, упрямой и независимой Швейцарии (что не мешало ее ресторанам и отелям распахнуть объятия новой федерации) до фанатически независимых Мальвинских островов, упорно сопротивляющихся всем по-

пыткам раздраженных англичан и аргентинцев спихнуть их друг другу.

Демонтаж гигантской, не приносящей никакой пользы военной промышленности дал мощный — порой слишком мощный — толчок развитию мировой экономики. Прошло время, когда огромные сырьевые ресурсы и блестящие научные умы поглощала бездонная черная дыра гонки вооружений, создавая все более разрушительные средства массового уничтожения. Теперь же их можно было использовать на благо мира, для удовлетворения интересов человечества, которыми пренебрегали на протяжении столетий, для создания нового мирового сообщества.

Наконец-то человеческая раса нашла «моральный эквивалент войне», способный поглотить энергию земель на протяжении такого числа тысячелетий, о котором никто не осмеливался мечтать.

4. Магнат

Уильяма Тсунга сразу после рождения называли самым дорогим ребенком в мире; это почетное звание он удерживал в течение двух лет, уступив его собственной сестре. Она по-прежнему сохраняла его, тем более что после отмены Законов о семье у нее не было соперников.

Их отец, легендарный сэра Лоуренс, родился в то время, когда в Китае было восстановлено строгое правило — «один ребенок, одна семья». Его поколение предоставило психологам и социологам неисчерпаемый материал для исследований. Отсутствие братьев и сестер — а иногда дядей и тетей — было уникальным явлением в человеческой истории. Теперь, по-видимому, уже никогда не удастся решить, является ли это результатом стойкости человеческой расы или достоинством разветвленной китайской семьи, но факт

остаётся фактом — дети, родившиеся в это необычное время, были практически свободны от душевных недостатков. Однако последствия этого периода несомненно оказали влияние на их психику, и сэру Лоуренсу удалось компенсировать свое детское одиночество самым эффективным образом. Когда в 2020 году у него родился второй ребенок, правило уже превратилось в закон. У вас могло быть столько детей в семье, сколько пожелаете, при условии, если вы платите соответствующий сбор. (Среди тех, кто выступал против этого закона, считая его непомерно жестоким, были не только коммунисты «старой гвардии», однако при голосовании в Собрании народных представителей победило прагматически настроенное большинство.)

Закон гласил, что за первого и второго ребенка плата не взимается. При рождении третьего нужно было уплатить миллион солей. Четвертый стоил уже два миллиона, пятый — четыре, и так далее. То обстоятельство, что теоретически в Народной Республике не было капиталистов, осталось незамеченным.

Молодой мистер Тсунг (разумеется, прошло еще немало лет, прежде чем король Эдуард сделал его командором Рыцарского ордена Британской империи) никому не говорил о своих намерениях; когда в его семье родился пятый ребенок, мистер Тсунг по-прежнему был относительно бедным миллионером. Но ему было всего лишь сорок лет, и после того как на покупку Гонконга пошло меньше денег, чем он рассчитывал, выяснилось, что у него в кармане осталась кое-какая мелочь.

Такова легенда — но подобно множеству других рассказов о сэре Лоуренсе, трудно отличить, где кончается сказка и начинается правда. И уж, конечно, совершенно не соответствуют истине упорные слухи о том, что основа его состояния была заложена знаменитым миниатюрным изданием Библиотеки Конгресса, когда он пренебрег всеми авторскими правами. Этот

разбой с публикацией модулей на молекулярной основе был осуществлен за пределами Земли и стал возможен лишь потому, что Соединенные Штаты отказались подписать Лунный договор.

Хотя сэр Лоуренс и не был мультимиллионером, гигантский комплекс принадлежащих ему корпораций сделал его самым крупным финансовым магнатом Земли — немалое достижение для сына мелкого торговца видеокассетами из района, все еще именуемого Новыми территориями. Он, наверно, даже не заметил тех восьми миллионов, которые пришлось заплатить за ребенка номер шесть, или даже тридцати двух миллионов, выплаченных за ребенка номер восемь. Шестьдесят четыре миллиона за девятого ребенка стали сенсацией мирового масштаба, а после рождения десятого общая сумма ставок на его матримониальные планы значительно превысила бы двести пятьдесят шесть миллионов, которые стоило бы дальнейшее увеличение семьи. Однако тут леди Джасмин, в характере которой сочетались лучшие качества стали и шелка, пришла к выводу, что династия Тсунгов достаточно многочисленна.

То, что сэр Лоуренс оказался вовлеченным в космический бизнес, было вызвано чистой случайностью (если это вообще можно назвать случайностью). Разумеется, его деловые интересы охватывали морской транспорт и авионавтику, но этим занимались пять сыновей и их помощники. По-настоящему сэра Лоуренса интересовали средства массовой информации — газеты (те немногие, которые еще выходили), книги, журналы (как те, что печатались на бумаге, так и электронные) и прежде всего глобальная сеть телевизионных станций, охватывающая весь мир.

И тут сэр Лоуренс приобрел великолепный старый отель «Пенинсюлар», расположенный на полуострове. Когда-то ему, нищему китайскому подростку, отель казался воплощением богатства и могущества; сэр Лоу-

ренс купил его и превратил в центральную кочтору своей финансовой империи, сам поселившись там же. Вокруг отеля он разбил прекрасный парк, разместив под землей огромные торговые центры. При этом недавно созданная «Лэйзер экскэвейшн компани» получила колоссальные прибыли и стала примером для других городов.

Однажды, любуясь поразительной красоты панорамой, открывавшейся по другую сторону залива, сэр Лоуренс пришел к выводу, что ее следует улучшить. Вид с нижних этажей отеля десятилетиями портило какое-то большое здание, похожее на раздавленный мяч для гольфа. Сэр Лоуренс заключил, что здание следует снести.

Директор планетария Гонконга — одного из пяти лучших планетариев мира — придерживался иной точки зрения, и очень скоро сэр Лоуренс с восторгом понял, что в мире еще осталось что-то, что не продается ни за какие деньги. Они стали друзьями, но когда доктор Хессенштейн организовал в планетарии специальный сеанс по случаю шестидесятилетия сэра Лоуренса, он и не предполагал, что тем самым меняет всю историю Солнечной системы.

5. Из-под льда

И через сто лет после того, как Цейс собрал в Йене в 1924 году первый прототип, оптические проекторы все еще использовались в планетариях, величественно возвышаясь над головами зрителей. Но гонконгский планетарий уже давно заменил свой проектор третьего поколения куда более совершенной электронной системой. Вся внутренняя поверхность его огромного купола представляла собой гигантский телевизионный экран, составленный из тысяч отдельных панелей, способных воспроизводить любое изображение.

Сеанс, как обычно, начался с упоминания о неизвестном китайском изобретателе ракеты, жившем где-то в тринадцатом веке. Первые пять минут были посвящены краткому историческому обзору, в котором русским, немецким и американским ученым, посвятившим свою жизнь исследованию космоса, отводилось — скорее всего незаслуженно — весьма скромное место. Основное внимание уделялось карьере доктора Хью Шен Цина. Можно простить его соотечественникам, — принимая во внимание время и место происходящего, — что его вклад в развитие ракетостроения они считают не менее значительным, чем работы Годдарда, фон Брауна или Королева. И разумеется, у них были все основания негодовать по поводу его ареста по сфабрикованным американскими службами обвинениям, когда он, приняв активное участие в создании знаменитой Лаборатории реактивного движения и став первым профессором Годдардского фонда в Калифорнийском технологическом институте, решил вернуться на родину.

О запуске первого китайского спутника ракетой-носителем «Долгий марш-1» в 1970 году упоминалось лишь мельком, возможно, потому, что в это время американцы уже ходили по Луне. Да и вообще концу двадцатого века было уделено всего несколько минут, а затем действие переносилось в 2007 год, когда на виду у всего мира на околоземной орбите происходила тайная сборка космического корабля «Цин».

Рассказчик не слишком злорадствовал по поводу оцепенения, охватившего остальные космические державы, когда то, что все принимали за китайскую космическую станцию, внезапно сорвалось с орбиты и устремилось к Юпитеру, опережая русско-американскую экспедицию на борту корабля «Космонавт Алексей Леонов». Эта история настолько увлекательна и трагична, что нет нужды ее приукрашивать.

К сожалению, для иллюстрации повествования почти не было подлинных визуальных материалов и в основном пришлось прибегнуть к эффектам и превосходной реконструкции событий, основанной на более поздних фотоснимках, сделанных с большого расстояния. Во время своего кратковременного пребывания на закованной в лед поверхности Европы экипаж «Цина» был слишком занят, чтобы снимать документальные фильмы или хотя бы установить автоматическую телекамеру.

Однако рассказ очевидца прекрасно отражает весь драматизм первой высадки человека на луны Юпитера. Комментарий Флойда с приближающегося «Алексея Леонова» как нельзя лучше передал атмосферу происходившего, а многочисленные фотоснимки Европы, собранные в архивах, наглядно иллюстрировали рассказ:

«Я смотрю на Европу через самый мощный из корабельных телескопов: при этом увеличении она в десять раз больше Луны, когда вы смотрите на нее невооруженным глазом. Зрелище поистине фантастическое.

Почти вся поверхность этой луны имеет розовую окраску и лишь кое-где проглядывают небольшие коричневые пятна. Она покрыта замысловатой сеткой узких изгибающихся линий и очень напоминает сеть пересекающихся артерий и вен на схеме в медицинском учебнике. Длина некоторых линий составляет сотни — даже тысячи — километров, они весьма напоминают воображаемые каналы, которые якобы видели на Марсе Персиваль Лоуэлл и другие астрономы начала двадцатого века.

Но каналы Европы — не игра воображения, хотя они, разумеется, не искусственного происхождения. Более того, они действительно содержат воду — или по меньшей мере лед. Ведь этот спутник Юпитера почти полностью покрыт океаном, средняя глубина которого около пятидесяти километров.

Температура на поверхности Европы, столь удаленной от Солнца, исключительно низка — около ста пятидесяти градусов ниже нуля. Поэтому легко предположить, что единый океан промерз насквозь, образовав сплошную ледяную кору.

Однако, как ни странно, это не так. Дело в том, что приливные силы вырабатывают внутри этой луны огромное количество тепла, это те же силы, которые приводят в действие громадные вулканы на соседней Ио. Поэтому лед все время тает, трескается, снова замерзает, образуя трещины и полыньи подобно тому, как это происходит на ледяных полях в полярных областях нашей планеты. И сейчас я вижу эти замысловатые переплетения трещин; в большинстве своем они темные и очень старые — возможно, они насчитывают миллионы лет. Но есть и новые — они кажутся снежно-белыми; это каналы, которые образовались недавно и покрыты слоем льда всего лишь в несколько сантиметров.

«Цин» совершил посадку рядом с одной из таких белых извилин длиной в полторы тысячи километров, названной Большим каналом. Судя по всему, китайцы намерены наполнить водой свои топливные баки: тогда они смогут исследовать систему спутников Юпитера и затем вернуться на Землю. Это не простая задача, но они, несомненно, потратили немало усилий на выбор посадочной площадки и знают, что им нужно.

Теперь ясно, почему они решились на такой риск — и почему предъявляют свои права на Европу. Это место заправки. Европа может стать ключом ко всей Солнечной системе...»

Но так не получилось, подумал сэр Лоуренс, откидываясь на спинку своего роскошного кресла под изображением испещренного извилинами и пятнами диска, заполнившего искусственное небо над его головой. Океаны Европы по-прежнему недоступны людям, и причина этого остается неизвестной. Причем не толь-

ко недоступны, но и невидимы; после того как Юпитер превратился в солнце, оба его спутника исчезли в облаках пара, извергаемых изнутри. Он видел сейчас Европу, какой она была в 2010 году — не такую, какая она сегодня.

В то время он был еще мальчиком, но не забыл чувства гордости за своих соотечественников — как бы он ни относился к их политической системе, — которые намерены были первыми высадиться на поверхность неизведанного мира.

Разумеется, никто не вел съемку посадки космического корабля, но реконструкция была произведена с фантастической выразительностью. Казалось, на экране действительно обреченный корабль — он беззвучно выскользнул из иссиня-черного неба, опустился к закованной в вечные льды Европе и совершил посадку возле светлой полосы недавно замерзшей воды, окрещенной Большим каналом.

Каждый знал, что произошло дальше; то, что не делалось попытки осуществить визуальную реконструкцию происшедшего, было, по-видимому, правильно. Вместо этого изображение Европы угасло и появился портрет человека, знакомого каждому китайцу, как каждому русскому знаком портрет Юрия Гагарина.

На первой фотографии был изображен Руперт Чанг в день его выпуска из университета в 1989 году — серьезный молодой ученый, такой же, как миллион других, вовсе не подозревающий о том, какое место уготовано ему историей спустя двадцать лет.

В нескольких словах, на фоне приглушенной музыки, рассказчик изложил основные, наиболее интересные эпизоды в карьере доктора Чанга до его назначения на космический корабль «Цин». Лицо на фотографиях — срезы во времени — становилось все старше, вплоть до последней, сделанной накануне полета.

Сэр Лоуренс был рад, что в планетарии царил по-

лумрак: и друзья, и враги были бы немало удивлены, заметив слезы на его глазах, когда в зале раздались слова доктора Чанга, обращенные к приближающемуся «Леонову». Он не был уверен, слышат ли его на корабле:

«... знаю, что вы на борту «Леопова»... может не хватить времени... направляю антенну своего передатчика туда, где может находиться...»

Голос исчез на несколько мучительных секунд, затем зазвучал снова, гораздо четче, хотя также негромко:

«...передать эти сведения на Землю». «Цин» погиб три часа назад. Уцелел лишь я один. Пользуюсь передатчиком космического скафандра — не знаю, какова дальность его действия, но это мой единственный шанс. Слушайте меня внимательно. НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ. Повторяю: НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ...»

Голос снова исчез... и вновь:

«... вскоре после местной полуночи. Мы продолжали качать воду, и баки наполнились почти наполовину. Мы с доктором Ли вышли из корабля, чтобы проверить термоизоляцию трубопровода. «Цин» стоит — стоял — в тридцати метрах от Большого канала. Трубопровод был протянут от корабля к каналу и уходил под лед. Лед очень тонкий — ходить по нему опасно. Поднимающаяся снизу теплая вода...»

Снова длительная тишина.

«... решили проблему — электрические лампочки общей мощностью в пять киловатт протянулись по наружной поверхности корпуса. «Цин» стал походить на новогоднюю елку — яркие огни, видные даже сквозь лед. Первым *это* заметил Ли — огромную темную массу, поднимавшуюся из глубины. Сначала мы решили, что это стая рыб — слишком велики размеры для одного организма, затем оно начало пробиваться сквозь лед».

«... подобно гигантским пучкам мокрых водорослей,

ползущим по поверхности. Ли побежал на корабль за видеокамерой, а я остался на месте, рассказывая о происходящем по радио. Существо двигалось так медленно, что я мог без труда определить его. Я был слишком взволнован, чтобы испытывать страх. Мне показалось, я понял, что это за существо,— мне приходилось видеть фотографии бурых водорослей у берегов Калифорнии,— но я ошибся».

«... я видел, как ему трудно. Оно не могло существовать при температуре ниже температуры привычной для него среды на полтора-два градуса. По мере движения оно замерзало прямо на глазах — от него отваливались куски, похожие на куски стекла, однако оно продолжало ползти вперед, к кораблю,— черная приливная волна,двигающаяся все медленнее и медленнее».

«Я был по-прежнему настолько изумлен, что не мог собраться с мыслями и разгадать его намерения...»

«... поднимается вверх по корпусу корабля, внутри ледяного туннеля, образующегося по мере его продвижения. Возможно, туннель предохраняет его от холода — так защищаются от солнца термиты в крошечных туннелях из глины».

«...тонны льда на корпусе. Первыми отломались радиоантенны, затем я увидел, как начали подгибаться посадочные ноги — как при замедленном показе или во сне...»

«И лишь когда корабль накренился перед падением, я понял, чем вызвано столь упорное стремление вперед этого странного существа, но было уже слишком поздно. Мы легко могли спастись — стоило только выключить лампы наружного освещения».

«Возможно, оно было фототропом — солнечный свет, пробивающийся через лед, давал сигнал к началу его биологического цикла. А может быть, свет притягивал его, как притягивает мотылька огонек свечи; по-

видимому, свет корабельных прожекторов создавал освещение, какого не бывает на поверхности Европы...»

«И тут корабль рухнул. Я увидел, как треснул корпус, снежное облако образовалось от конденсации вытекшей воды. Огни погасли — все, кроме одной лампы, которая раскачивалась на кабеле в двух метрах от поверхности...»

«Не помню, что было дальше. Когда я пришел в себя, я стоял прямо под все еще ярко горевшей лампой и все вокруг было покрыто свежевывпавшим снегом. На нем виднелись мои следы. Должно быть, я подбежал сюда; прошла одна минута или две...»

«... растение — мне все еще казалось, что это растение, — было неподвижно. Я подумал, что оно, должно быть, пострадало при падении корабля; большие куски, толщиной в руку, отломились подобно сломанным веткам».

«... и затем главный ствол снова начал двигаться. Он пополз прочь от разбитого корпуса «Цина» по направлению ко мне. Именно в этот момент я убедился, что оно реагирует на свет: я стоял в пучке света от тысячеваттной лампы, висевшей над головой».

«Представьте себе дуб — а еще лучше баньян, огромный баньян с многочисленными стволами и корнями, — прижатый к поверхности силой тяжести и старающийся ползти. Существо подползло на расстояние пяти метров, затем начало обтекать меня, образуя идеальной формы круг. Возможно, это был предел его толерантности — далее положительный фототропизм превращался в отрицательный. На несколько минут все замерло. Я решил, что оно погибло — промерзло насквозь... И тут я заметил, что на многих ветках начали появляться точки. Это походило на эффект ускоренной съемки раскрывающегося цветка. Мне эти почки и на самом деле показались бутонами — каждый размером с человеческую голову».

«Тончайшие, удивительной окраски лепестки начали разворачиваться. Я еще подумал, что никто — или ничто — не видел такие цвета; их просто не существовало, пока мы не осветили этот мир нашими прожекторами — нашими роковыми прожекторами...»

«... слабо двигающиеся усики, тычинки... Я приблизился к окружающей меня живой стене, чтобы как можно лучше видеть происходящее. Я не испытывал ни малейшего страха. Я знал, что существо не желало мне зла — если у него вообще было сознание...»

«Появились десятки цветков, в различных стадиях формирования. Теперь они напомнили мне бабочек, едва появившихся из кокона, — с прижатыми крылышками, еще очень слабых. Я все лучше понимал происходящее... Но они замерзали — замерзали и умирали, едва появившись на свет. Затем один за другим отваливались. Несколько мгновений они бились на снегу подобно рыбе, выброшенной на сушу, — и я наконец понял. Это у них были не лепестки, а плавники или что-то вроде них. То, что я принял за бутоны, на самом деле было личинками, свободно плавающими существами на личиночной стадии развития. Скорее всего, основную часть жизни существо проводит, лежа на дне, а своих подвижных отпрысков рассылает на поиски новых территорий. Как это происходит с кораллами на Земле...»

«Я опустился на колени, чтобы получше рассмотреть одного малыша. Яркие краски быстро тускнели, обретая тускло-коричневый оттенок. Некоторые лепестки-плавники отвалились, превратившись в хрупкие осколки. Но маленькое существо еще двигалось, и когда я приблизился, сделало слабую попытку отползти. Не знаю, как почувствовало оно мое приближение».

«Затем я заметил, что тычинки — я называю их тычинками — по краям сплошь покрыты яркими синими точечками. Они походили на крошечные звездчатые сапфиры (или на синие глазки на мантии раковины-

гребешка), чувствительные к свету, но не способные создавать изображение. На моих глазах ярко-синие точки тускнели и сапфиры превращались в самые обычные серые камешки...»

«Доктор Флloyd — или любой, кто слушает меня, — осталось мало времени; Юпитер вот-вот блокирует мою передачу. Но я сейчас заканчиваю».

«Я понял, что нужно сделать. Кабель, питающий тысячеваттную лампу у меня над головой, свисал почти до поверхности. Я схватил его, несколько раз дернул, полетели искры, и лампа погасла.

Мне казалось, уже слишком поздно. Прошло несколько минут, а все оставалось по-прежнему. Тогда я подошел к стене переплетенных веток вокруг меня и пнул ее. Медленно, очень медленно существо начало расплетать ветви и поползло обратно к каналу. Вокруг было достаточно светло — я все прекрасно видел. В небе висели Ганимед и Каллисто — Юпитер был огромным, тонким серпом, — а на Ночной стороне, там, где электрический канал, ведущий от Ио, касается Юпитера, виднелось яркое полярное сияние. Свет фонарика на шлеме мне не требовался.

Я шел вслед за существом, ползущим к каналу, то и дело подгоняя его пинками, как только движение замедлялось, и у меня под ногами похрустывали осколки льда... Приблизившись к каналу, существо, казалось, обрело новую силу и энергию, как будто поняло, что возвращается домой. Мне хотелось, чтобы оно выжило и продолжало пускать ростки.

Существо скользнуло под поверхность, оставив на враждебном для него берегу несколько мертвых личинок. Открытая вода бурлила несколько минут, и затем слой льда снова отделил ее от безвоздушного пространства. Я вернулся к месту гибели корабля и попытался спасти что-нибудь — нет, мне трудно говорить об этом...»

«У меня всего две просьбы, доктор Флойд.

Когда зоологи систематизируют это существо, пусть назовут его моим именем.

И еще — когда на Европу опустится следующий корабль, попросите их отправить наши останки домой, в Китай.

Через несколько минут Юпитер отрежет меня от «Леонова». Жаль, что я так и не узнаю, слышит ли меня кто-нибудь. На всякий случай я повторю все еще раз, когда мы снова окажемся в прямой видимости, — если выдержит система жизнеобеспечения скафандра».

«Внимание, говорит профессор Чанг со спутника Юпитера — Европы. Космический корабль «Цин» погиб. Мы совершили посадку возле Большого канала и установили насосы на его краю...»

Внезапно голос исчез, вернулся на миг и угас, поглощенный шумами, на этот раз окончательно. Никто больше не услышит профессора Чанга; однако теперь устремления Лоуренса Тсунга были окончательно направлены в космос.

6. Озеленение Ганимеда

Рольф Ван-дер-Берг был именно тем человеком, который оказался в нужный момент в нужном месте.

Именно тем человеком он был потому, что как африкаанер, сын беженцев из Южно-Африканской Республики, и прекрасный геолог удовлетворял всем необходимым требованиям. Он находился в том месте Солнечной системы, где больше всего нуждались в его талантах; этим местом была самая большая из юпитерианских лун — третья по удаленности от планеты. Самой ближней была Ио, далее следовали Европа, Ганимед и Каллисто.

Время тоже имело значение, хотя и не столь большое. Дело в том, что интересующая информация была

получена более десятилетия назад и хранилась в памяти компьютера, подобно бомбе замедленного действия. Ван-дер-Берг впервые столкнулся с ней лишь в 2057, ему потребовался целый год, дабы убедиться, что он не сумасшедший, и только в 2059 он незаметно изъясил эти данные из электронной памяти, опасаясь, что подобное открытие придет в голову кому-нибудь еще. Только после этого он смог целиком отдаться решению главной проблемы: что делать дальше?

Как часто бывает, началось все с самого тривиального случая, не имеющего никакого отношения к работе Ван-дер-Берга. Его задача, задача сотрудника Планетной группы инженеров, заключалась в изучении и регистрации природных ресурсов Ганимеда; никакого отношения к наблюдению за соседней луной, высадка на которую к тому же была запрещена, он не имел.

Однако Европа оставалась загадкой, которую никто — не говоря уже о ее ближайших соседях — не мог выбросить из головы. Каждые семь дней Европа проходила между Ганимедом и сверкающим мини-солнцем, которое раньше было Юпитером. При этом возникали затмения, продолжавшиеся до двенадцати минут. В точке, ближайшей к Ганимеду, Европа казалась чуть меньше Луны, наблюдаемой с Земли, но на противоположной стороне орбиты, на максимальном удалении, уменьшалась вчетверо.

Затмения нередко являли собой впечатляющее зрелище. За несколько мгновений до того, как Европа пересекала воображаемую линию, соединяющую Ганимед с Люцифером, она становилась зловещим черным диском в кольце малинового огня — это свет нового солнца преломлялся в атмосфере, созданной его теплом.

Менее чем за половину человеческой жизни Европа преобразилась. Ледяной панцирь на полушарии, постоянно обращенном в сторону Люцифера, растаял

и образовал второй океан в Солнечной системе. В течение десяти лет он пенился и кипел, испаряясь в пустоту космического пространства, пока не было достигнуто равновесие. Теперь у Европы появилась атмосфера — тонкая, но ощутимая, хотя и не пригодная для жизни людей. Она состояла из водяных паров, сернистого водорода, двуокиси углерода, а также содержала серу, азот и различные редкие газы. И хотя не совсем правильно окрещенную Ночную сторону по-прежнему покрывал толстый слой вечного льда, территория, равная по размерам Африке, могла похвастать умеренным климатом, жидкой водой и несколькими далеко разбросанными островами.

Вот примерно и все, что удалось разглядеть с помощью телескопов, находящихся на земной орбите. Когда первая крупная экспедиция в 2028 году отправилась к юпитерианским лунам, Европа была уже затянута плотной мантией облаков. Осторожное радиолокационное зондирование лишь продемонстрировало, что одна ее сторона покрыта сплошным океаном, тогда как другая — не менее сплошным льдом. Европа продолжала сохранять репутацию обладательницы самой плоской поверхности в недвижимости, принадлежащей Солнечной системе.

Однако через десять лет положение изменилось: на поверхности Европы произошли коренные перемены. Там появилась одиноко стоящая гора, почти равная по высоте Эвересту, которая выпирала сквозь льды сумеречной зоны. По-видимому, вулканическая деятельность — подобно той, что непрерывно происходила на соседней Ио, — вытолкнула вверх эту гигантскую массу. Катализатором мог стать усилившийся тепловой поток, выпускаемый Люцифером.

Но это простое и очевидное объяснение вызвало ряд вопросов. Гора Зевс представляла собой не обычный вулканический конус, а неправильную пирамиду; ра-

диолокационное сканирование не смогло обнаружить ничего похожего на потоки лавы, характерные для вулкана. Судя по невыразительным фотографиям, которые удалось получить с Ганимеда во время секундных прояснений, когда на Европе расходились облака, можно было предположить, что гора сложена из льда, подобно окружающему ее ледяному ландшафту. Как бы то ни было, возникновение горы Зевс сопровождалось мучительными страданиями для небесного тела, поскольку весь рисунок разбитых льдин на Ночной стороне Европы резко изменился.

Один смелый ученый выдвинул теорию, согласно которой гора Зевс представляет собой «космический айсберг» — космический обломок, упавший на Европу из окружающего пространства; исковерканная поверхность Каллисто свидетельствовала о том, что подобное случалось в отдаленном прошлом. На Ганимеде эта теория не вызвала особого восторга — у будущих колонистов проблем и так было предостаточно. Они с облегчением вздохнули, когда Ван-дер-Берг убедительно опроверг эту теорию: ледяная масса такого размера обязательно раскололась бы при столкновении, а не случись этого, сила тяжести на Европе, пусть и небольшая, быстро привела бы к ее разрушению. Измерения, произведенные с помощью радиолокационных наблюдений, показали, что, хотя действительно происходило медленное погружение горы, форма ее ничуть не изменилась, а значит, гора не могла быть сложена из льда.

Разумеется, было бы просто разрешить сомнения — стоило только послать всего лишь один зонд через облачную мантию Европы. Но, к сожалению, что бы ни скрывалось под сплошным серым покрывалом, оно не поощряло любопытства.

**ВСЕ ЭТИ МИРЫ ВАШИ — КРОМЕ ЕВРОПЫ
НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ**

Последнее сообщение с космического корабля «Дискавери», переданное перед самой его гибелью, не было забыто, но бесконечные споры о его толковании продолжались. Относилось ли слово «высадиться» к автоматическим станциям или только пилотируемым кораблям? А как квалифицировать пролет вблизи Европы пилотируемого корабля или автоматической станции? Или запуск зондов, плавающих в верхних слоях ее атмосферы, подобно воздушному шару?

Ученым не терпелось узнать как можно больше, но широкая общественность явно колебалась. Стоит ли связываться с силой, запросто взорвавшей самую большую планету Солнечной системы? Кроме того, на исследование и освоение Ио, Ганимеда, Каллисто и десятков небесных тел поменьше потребуются столетия; Европа может и подождать.

Вот почему Ван-дер-Бергу неоднократно рекомендовали не тратить драгоценное время на исследования, не имеющие практического значения, в то время как на Ганимеде был непочатый край дел. Где найти углерод — фосфор — нитраты для гидропонных ферм? Устойчив ли откос Барнарда? Насколько велика опасность грязевых оползней во Фригии? (Подобные вопросы задавались без конца...) Но Ван-дер-Берг заслуженно унаследовал от своих предков-буров репутацию упряма: даже занимаясь бесчисленными вопросами жизни на Ганимеде, он не переставал поглядывать через плечо на Европу.

И вот однажды мощный шторм, сорвавшийся с Ночной стороны, на несколько часов разорвал пелену облаков над горой Зевс.

7. Перелет

«И я оставляю все, что еще у меня оставалось...»

Из каких глубин памяти всплыла именно эта строка? Хейвуд Флойд закрыл глаза и попытался сосредоточить мысли на прошлом. Да, конечно, это был отрывок из стихотворения — но после колледжа он не прочел ни единой поэтической строфы. Да и в колледже не увлекался поэзией и не читал стихов, разве что на кратковременном семинаре по английской литературе.

Поскольку об этой строчке больше ничего не известно, бортовому компьютеру понадобится немало времени, чтобы отыскать стихотворение среди массы произведений английской литературы, — не меньше десяти минут. Но прибегать к помощи компьютера нечестно (да и недешево), и Флойд решил принять вызов.

Стихотворение, конечно, о войне — но о какой? В двадцатом веке их было так много...

Он все еще копался в тумане воспоминаний, когда пришли гости. Они двигались с медленной, грациозной легкостью людей, длительное время живущих в мире, где сила тяжести вшестеро меньше земной. Население «Пастера» делилось на группы в зависимости от так называемой «центробежной стратификации»: некоторые из обитателей госпиталя никогда не покидали центральную часть станции, где господствовала невесомость, тогда как другие, кто все еще надеялся вернуться на Землю, предпочитали внешнюю часть гигантского, медленно вращающегося диска, где сила тяжести почти равнялась земной.

Джордж и Джерри были самыми старыми и близкими друзьями Флойда, хотя между ними было весьма мало общего. Оглядываясь на свое бурное прошлое — две женитьбы, три официальные и две неофициальные связи, троих детей, — он не раз завидовал прочным узам дружбы, связавшим Джорджа и Джерри, на кото-

рую по-видимому, никак не влияли посещения «племянников», время от времени прилетавших с Земли или Луны.

— Неужели вам никогда не приходила мысль разойтись? — шутя спросил он однажды.

Джордж, прославленный дирижер, известный своим эмоциональным, но весьма серьезным мастерством, что сыграло немалую роль в возрождении интереса к симфонической музыке, ничуть не растерялся.

— Разойтись — никогда, — последовал мгновенный ответ, — а вот убить — неотступно.

— Чепуха, он никогда не осмелится, — огрызнулся Джерри. — Себастьян тут же проболтается.

Себастьян — красивый и разговорчивый попугай, которого им удалось провезти на станцию после длительной борьбы с госпитальным начальством, — умел не только разговаривать, но и воспроизводить вступительные звуки скрипичного концерта Сибелиуса, исполнение которого — не без помощи Антонио Страдивари — сделало Джерри знаменитым полвека тому назад.

И вот настало время расстаться с Джорджем, Джерри и Себастьяном — может быть, всего на несколько недель, а может — навсегда. С остальными друзьями Флойд уже попрощался, и организованные им вечеринки нанесли немалый урон винному погребку станции. Вечер, который он собирался провести с Джорджем и Джерри, был последним.

Арчи — робот-секретарь старинной, но все еще безупречно действующей модели — был уже запрограммирован давать на все сообщения в адрес Флойда соответствующий ответ или, если сообщения окажутся срочными или будут носить личный характер, пересылать их на борт «Юниверс». После многих лет грустно лишиться возможности говорить с милыми сердцу людьми, зато он будет избавлен от нежелательных собеседников. После нескольких дней полета прямой разговор

станет невозможным, и все сообщения будут передаваться либо в записи, либо телетекстом.

— Мы думали, ты друг,— посетовал Джордж.— А ты взял и подложил нам свинью — назначил своими душеприказчиками, к тому же не оставив ничего, чем можно распорядиться.

— Не беспокойтесь, будут и сюрпризы,— улыбнулся Флойд.— А Арчи позаботится о мелочах. Вам лишь придется следить за приходящей в мой адрес почтой, и то если ему что-нибудь окажется непонятным.

— Если будет непонятно ему, то уж нам тем более. Что мы знаем о твоих научных обществах и подобной чепухе?

— Они сами о себе позаботятся. Вы только присмотрите, чтобы в мое отсутствие при уборке здесь не переворачивали все вверх дном, а если я не вернусь, перешлите личные вещи — в основном это реликвии семьи.

Семьи! Он прожил так долго, что она вызывала у него и чувство боли, и приятные воспоминания.

Прошло шестьдесят три года — шестьдесят три! — как погибла в авиакатастрофе Марион. Сейчас он чувствовал себя виноватым — ведь он совсем забыл о горе, которое испытал тогда. Теперь это было в лучшем случае отдаленным, смутным воспоминанием.

Если бы Марион не погибла, как сложились бы их отношения? Сейчас ей исполнилось бы сто лет...

И две маленькие девочки, которых он когда-то так любил, стали любезными седовласыми незнакомками лет семидесяти. У них были свои дети — и внуки! Флойд припомнил, что в этой семейной ветви сейчас девять человек: без помощи Арчи он не смог бы даже назвать их имена. Тем не менее на Рождество все вспоминали о нем — если не из родственных чувств, то из чувства долга.

Его вторая семья помнилась, конечно, гораздо от-

четливее — подобно новому тексту на листе средневекового палимпсеста. Она тоже распалась около пятидесяти лет назад, где-то между Землей и Юпитером. Хотя он рассчитывал на примирение с женой и сыном, из-за торжественных церемоний, связанных с возвращением на Землю, времени хватило всего лишь на короткую встречу, а потом, после несчастного случая, Флойд оказался на «Пастере».

Встреча оказалась неудачной; то же можно сказать и о втором свидании, на которое пришлось потратить немало средств и усилий, — оно состоялось на борту космического госпиталя, в этой самой каюте. Крису было тогда двадцать лет, и он только женился; единственное, что объединяло Флойда и Кэролайн, — это недовольство его выбором.

Тем не менее Елена оказалась хорошей матерью маленькому Крису, родившемуся всего через месяц после свадьбы. Даже после катастрофы на Копернике, когда появилось так много молодых вдов, она не потеряла голову.

Была какая-то жестокая ирония в том, что космос отнял отцов у обоих — и у Криса-старшего, и у Криса-младшего, — хотя и при совершенно разных обстоятельствах. Флойд ненадолго вернулся к своему восьмилетнему сыну совершенным незнакомцем. Крису-младшему повезло больше — свои первые десять лет он провел с отцом, и только потом утратил его навсегда.

А где Крис сейчас? Ни Кэролайн, ни Елена, тесно привязавшиеся теперь друг к другу, не знали, на Земле он или в космосе. Но это было в порядке вещей; лишь почтовые открытки со штемпелем «База Клавия» напоминали семье о первом полете Криса на Луну.

Открытка, присланная Флойду, все еще висела, прикрепленная к переборке, над его столом. Крису-младшему нельзя было отказать в чувстве юмора — и ощущении истории. Он прислал деду открытку со зна-

менитой фотографией монолита, возвышающегося над фигурками в космических скафандрах, обступившими его в глубине разрытого котлована. Снимок был сделан в кратере Тихо более полувека назад. Из тех, кто был изображен на фотографии, кроме Флойда, уже никого не осталось в живых, да и сам монолит теперь находился не на Луне. В 2006 году, после ожесточенных споров, его перевезли на Землю и установили перед зданием Организации Объединенных Наций; сходство между ними казалось сверхъестественным. Монолит должен был напоминать людям, что они не одиноки в безбрежном космосе; через пять лет, когда в небе засиял Люцифер, напоминание стало излишним.

Пальцы Флойда дрожали — иногда ему казалось, что правая рука отказывается повиноваться, — когда он бережно снял открытку и сунул ее в карман. Эта открытка будет, пожалуй, единственным напоминанием о семье, когда он поднимается на борт «Юниверс».

— Двадцать пять дней — мы и глазом не успеем моргнуть, как ты вернешься, — заметил Джерри. — А правда, что с вами летит Дмитрий?

— Этот казак! — фыркнул Джордж. — Я дирижировал его Второй симфонией еще в 2022 году.

— Это когда первую скрипку стошнило при исполнении ларго?

— Нет, тогда исполняли Малера, а не Михайловича. К тому же, вступили духовые инструменты, так что никто не заметил — если не считать беднягу, игравшего на тубе, — ему пришлось на другой же день продать свой инструмент.

— Ведь сочиняешь!

— Конечно. Ладно, передай старому прохвосту мои лучшие пожелания и спроси, не забыл ли он того вечера в Вене. А кто еще летит с вами?

— Ходят разные слухи о несчастных, которых за-

вербовали против их воли,— заметил Джерри задумчиво.

— Уверяю вас, это немыслимое преувеличение. Каждый член экипажа отобран сэром Лоуренсом; определяющими были интеллект, обаяние, красота, искра божия или другое достоинство.

— А хоть одно из этих прекрасных качеств свидетельствует о твоей незаменимости?

— Коль скоро заговорили на эту тему — нам всем пришлось подписать невеселое обязательство, снимающее с Космических линий Тсунга всякую ответственность. В пакете документов, между прочим, содержится и оно.

— А нам удастся что-нибудь по нему получить? — поинтересовался Джордж с надеждой в голосе.

— Ничего — мои адвокаты утверждают, что в нем предусмотрено абсолютно все. Тсунг обязуется доставить меня к комете Галлея и обратно, обеспечить питанием, водой, воздухом и каютой с прекрасным обзором.

— А что требуется от тебя?

— После возвращения я должен всячески рекламировать подобные полеты, выступить по телевидению, написать несколько статей — это очень немного за столь редкостную возможность. Ах да, во время путешествия я обязан развлекать остальных пассажиров. Впрочем, как и они меня.

— И каким же образом? Петь и танцевать?

— Постараюсь увлечь избранное общество отрывками из своих воспоминаний. Хотя вряд ли сумею составить конкуренцию профессионалам. Ведь среди пассажиров будет Эва Мерлин.

— Неужели? Как это они сумели выманить ее из кельи на Парк-авеню?

— Трудно поверить! Ведь ей уже за сто... о-о, извини меня, Хейвуд.

— Бросьте, ей семьдесят лет, ну, плюс-минус пять.

— Какой там минус! Когда «Наполеон» вышел на экраны, я был еще ребенком.

Все замолчали, охваченные воспоминаниями об этом знаменитом фильме. Хотя некоторые критики считали верхом ее артистической карьеры роль Скарлетт О'Хары, зрители все-таки отождествляли Эву Мерлин (или Эвелин Майлз, родившуюся в Кардиффе, Южный Уэльс) с Джозефиной. Противоречивая эпопея Дэвида Гриффина, около полувека назад захватившая весь мир, привела в восторг французов и вызвала ярость англичан—хотя сейчас и те и другие не отрицали, что артистическое воображение Гриффина временами выходило за пределы исторической достоверности, особенно роскошно поставленная заключительная сцена— коронация императора в Вестминстерском аббатстве.

— В таком случае сэру Лоуренсу здорово повезло,— задумчиво произнес Джордж.

— Пожалуй, здесь и моя заслуга. Ее отец был астрономом и одно время работал у меня, а она всегда проявляла интерес к науке. Так что видеопереговоры вел я.

Хейвуд Флойд умолчал о том, что, подобно значительной части населения планеты, он влюбился в Эву в тот же миг, как только ее лицо появилось на экране.

— Разумеется,— продолжал он,— сэр Лоуренс с радостью согласился, но сначала мне пришлось убедить его, что Эва действительно проявляет интерес к астрономии. В противном случае, по мнению сэра Лоуренса, у пассажиров отсутствует общность интересов, а это не способствует атмосфере дружбы и доверия.

— Чуть не забыл,— произнес Джордж, извлекая из-за спины небольшой пакет, который он не слишком удачно пытался спрятать от Флойда.— Тут маленький подарок.

— Можно посмотреть что внутри?

— Как ты считаешь, разрешим? — Джерри озабоченно глянул на Джорджа.

— В таком случае, у меня просто нет выбора, — заявил Флойд, развязал яркую зеленую ленту и развернул бумагу.

Там оказалась картина в красивой рамке. И хотя Флойд был не очень искушен в живописи, он узнал ее; действительно, кто, увидев однажды, мог забыть такое?

Самодельный плот, вздыбившийся на крутых волнах, был переполнен полуодетыми жертвами кораблекрушения; одни сидели, уже смирившись с гибелью, другие отчаянно размахивали руками, стараясь привлечь внимание судна на горизонте. Внизу имелась надпись:

ПЛОТ «МЕДУЗЫ»

(Теодор Жерико, 1791-1824)

А еще ниже Джордж и Джерри приписали от себя: «Быть там — уже приятно».

— Вы — неисправимые негодяи, но я люблю вас обоих, — сказал Флойд, обнимая друзей.

«ВНИМАНИЕ!» засветился экран на грудной панели у Арчи; настало время отправляться в дорогу.

Друзья Флойда вышли из каюты. Их молчание было красноречивее любых слов.

В последний раз Хейвуд Флойд обвел взглядом маленькое помещение, где он провел почти половину жизни. И тут он вспомнил заключительную строфу:

«Я был счастлив: ухожу счастливым».

9. Звездный флот

Сэр Лоуренс Тсунг не был сентиментален; будучи космополитом, он относился к патриотизму не слишком серьезно — правда, когда-то давно, еще студентом, он носил косичку из искусственных волос, модную

в годы Третей культурной революции. Однако гибель космического корабля, свидетелем которой он стал в планетарии, глубоко тронула его. Он решил сосредоточить все свое колоссальное влияние и недюжинную энергию на одолении космического пространства.

Вскоре сэр Лоуренс совершил несколько воскресных полетов на Луну и назначил своего предпоследнего сына Чарльза (который обошелся ему в тридцать два миллиона солей) вице-президентом компании «Тсунг астрофракт». У новой корпорации было всего лишь два космических корабля на ракетной тяге, работавшей на водороде. Эти небольшие корабли запускались с катапульты; их масса без груза составляла менее тысячи тонн. Еще немного — и они безнадежно устареют, а пока позволят Чарльзу накопить опыт, который, по мнению сэра Лоуренса, окажется бесценным в будущем. Он не сомневался в этом, ибо мир стоял на пороге истинно Космической эры.

Чуть больше полувека отделяло первый полет братьев Райт от распространения дешевого массового воздушного транспорта; чтобы бросить вызов несравненно более сложным полетам в глубины Солнечной системы, времени потребовалось вдвое больше.

И все-таки когда Луис Альварец со своими коллегами еще в 50-е годы прошлого века открыл термоядерную реакцию, где катализаторами служили мюоны, она казалась дразнящим лабораторным фокусом, представляющим чисто теоретический интерес. Подобно тому как великий лорд Резерфорд с пренебрежением отверг перспективы атомной энергии, так и сам Альварец сомневался, найдет ли когда-нибудь «холодный термояд» практическое применение. И действительно, лишь после того, как в 2040 году удалось неожиданно и случайно создать устойчивые мюонно-водородные «соединения», в истории человечества началась новая

глава — подобно тому как открытие нейтрона стало преддверием Атомного века.

Теперь приступили к постройке небольших ядерных силовых установок, почти не требующих радиационной защиты. В создание наземных термоядерных электростанций, использующих энергию ядерного синтеза, были вложены столь громадные средства, что глобальные энергосистемы остались — первое время — без изменений, но воздействие на космические полеты сказалось немедленно; его можно было сравнить с революцией, которую произвело столетие назад на воздушном транспорте изобретение реактивного двигателя.

Космические корабли, получив в свое распоряжение неограниченный запас энергии, развивали несравненно более высокие скорости. Время, затрачиваемое на космические перелеты в пределах Солнечной системы, стало измеряться не месяцами или даже годами, а неделями. Однако по принципу действия мюоновый двигатель оставался реактивным; это была весьма усовершенствованная ракета, но все-таки ракета, подобная ее предшественницам, работавшим на химическом топливе. Мюоновому двигателю тоже требовалось рабочее вещество для развития тяги. А самым дешевым, экологически чистым и наиболее безопасным рабочим веществом для реактивных двигателей была обычная вода.

Космопорт, расположенный на Тихом океане, не испытывал недостатка в этом ценном сырье. Однако уже в соседней космической гавани, на Луне, положение было иным. Исследования, проведенные здесь «Сэвейерами», «Лунниками» и экспедициями «Аполло», не сумели обнаружить даже следов воды. Если на Луне когда-нибудь она и была, то за миллионы лет бомбардировки поверхности метеоритами полностью исчезла, рассеявшись в космическом пространстве.

Таково было, по крайней мере, мнение селенологов; и тем не менее, несмотря на все научные доказатель-

ства, следы воды удавалось наблюдать с того самого момента, когда Галилей впервые направил свой телескоп на Луну. На протяжении нескольких часов после наступления рассвета некоторые лунные вершины блистали настолько ярко, будто были покрыты снегом. Наиболее известный пример — великолепный кратер Аристарх. Уильям Гершель, отец звездной астрономии, наблюдавший его, заметил однажды, что в лунной ночи он светится так ярко, словно там происходит извержение вулкана. Но Гершель ошибался — он наблюдал земной свет, отраженный тонким слоем инея, образовавшегося в результате конденсации водяных паров за триста часов ледящей тьмы и исчезающего с наступлением лунного дня.

Когда под поверхностью долины Шротера — извилистого каньона, отходящего от Аристарха, — были обнаружены гигантские запасы льда, экономические аспекты космических полетов изменились самым радикальным образом. Луна превратилась теперь в заправочную станцию, расположенную именно там, где больше всего требовалось, — на самом краю гравитационного поля Земли, в начале длительного пути к планетам Солнечной системы.

«Космос», первый корабль космического флота Тсунга, был предназначен для перевозки грузов и пассажиров по трассе Земля — Луна — Марс. В результате сложных переговоров с десятком правительств и международных организаций он стал первым испытательным космолетом на экспериментальной мюоновой энергетической установке. Построенный на космических верфях Ибриума, он обладал достаточной тягой, чтобы выйти на окололунную орбиту без полезной нагрузки; передвигаясь от орбиты одной планеты к орбите другой, «Космос» не мог опуститься на поверхность ни одной из них. Сэр Лоуренс, придававший большое значение рекламе, добился того, что космический корабль

взлетел с поверхности Луны 4 октября 2057 года — ровно через сто лет после запуска первого спутника Земли.

Еще через два года в строй вступил новый космический корабль звездного флота Тсунга — «Гэлакси», предназначенный для полетов по маршруту Земля — Юпитер. Его двигатели были уже значительно более мощными, и развиваемая ими тяга позволяла совершать посадку на любую из юпитерианских лун, жертвуя, правда, значительной долей полезной нагрузки. Более того, при необходимости «Гэлакси» мог даже вернуться на поверхность Луны для ремонта и переоборудования. «Гэлакси» был самым скоростным кораблем, созданным руками человека: сжигая весь запас ракетного топлива в одном длительном всплеске ускорения, он мог развить скорость до тысячи километров в секунду — при этом на путь от Земли до Юпитера потребовалась бы всего неделя, а ближайшей звезды он достиг бы за десять тысяч немногим больше.

Третий корабль звездного флота Тсунга, предмет особой гордости сэра Лоуренса, был построен на основании всего опыта, полученного при эксплуатации двух предыдущих космолетов. Однако «Юниверс» не был грузовым кораблем. С самого начала он строился как космический лайнер и предназначался для обслуживания космических трасс, которые заканчивались у Сатурна — жемчужины Солнечной системы.

Для первого полета «Юниверс» сэр Лоуренс приготовил нечто еще более впечатляющее, однако задержка, вызванная разногласиями с Лунной ассоциацией профсоюза строительных и транспортных рабочих, нарушила эти сроки. Времени едва хватило для полетных испытаний и регистрации в компании Ллойда в конце 2060 года, а также окончательной подготовки лайнера для вылета с околоземной орбиты к цели своего путешествия. На счету был каждый день: комета Галлея не

собиралась откладывать свое прибытие к Земле, даже ради сэра Лоуренса Тсунга.

9. Гора Зевс

Исследовательский спутник «Европа-6» находился на орбите уже почти пятнадцать лет, намного превзойдя первоначально отведенный срок; вопрос о том, стоит ли заменять его, был предметом жарких споров в небольшом научном сообществе Ганимеда.

На борту спутника находились обычные приборы, предназначенные для сбора информации, а также практически бесполезная теперь система визуального наблюдения. Она продолжала исправно функционировать, но неизменно передавала картину сплошных облаков, окутавших Европу. Ученые на Ганимеде, до предела загруженные работой, бегло просматривали полученную информацию и пересылали сырые, необработанные данные на Землю. Откровенно говоря, многие из них надеялись вздохнуть с облегчением, когда «Европа-6» испустит дух и бесконечный поток гигабайтов наконец иссякнет.

Но вдруг, впервые за много лет, спутник передал нечто крайне интересное.

— 71934 орбита,— сообщил Ван-дер-Бергу заместитель главного астронома, пригласивший геолога на станцию сразу после предварительной оценки полученных данных.— Спутник приближается с Ночной стороны и движется прямо на гору Зевс. Осталось еще десять секунд.

Экран был совершенно черный, но Ван-дер-Берг почти физически ощущал, как на расстоянии тысячи километров от спутника, под сплошным покровом облаков, скрывающим поверхность Европы, проносятся ледяные поля. Через несколько часов ее коснутся лучи далекого Солнца: Европа совершала один оборот вокруг

собственной оси за семь земных дней. В общем-то Ночную сторону следовало именовать сумеречной, потому что половину времени она была освещена достаточно ярко, но лучи Солнца не согревали ее. Тем не менее к неточному названию привыкли, оно казалось более приемлемым с эмоциональной точки зрения: на Европе наблюдался восход Солнца, но там никогда не было восхода Люцифера.

И вот восход Солнца близился, тысячекратно ускоренный мчащимся навстречу ему космическим зондом. На экране появилась едва видная светлая полоса — из тьмы проступила линия горизонта.

Взрыв света был настолько неожиданным, что Ван-дер-Бергу почудилось, будто он наблюдает ослепительный блеск ядерного взрыва. За доли секунды свет пробежал через все оттенки спектра, стал ослепляюще белым, когда Солнце вынырнуло из-за горы, и тут же исчез — автоматические фильтры перекрыли цепь визуального наблюдения.

— Вот и все; жаль, что в этот момент на станции не оказалось оператора — он мог бы включить длиннофокусный объектив и сделать отличные снимки горы. Я знал, что это будет тебе интересно, хотя и опровергает твою теорию.

— Каким образом? — спросил Ван-дер-Берг, скорее озадаченный чем расстроенный.

— Когда прокрутишь запись снова, очень замедленно, поймешь, что я имею в виду. Эти поразительно красивые цвета радуги вызваны преломлением света не в атмосфере, а в самой горе. На это способен только лед — или стекло. Впрочем, последнее мало вероятно.

— Ну почему же, при извержениях вулканов образуется стекло, правда, обычно черное... Ну конечно!

— Что ты сказал?

— Э-э... пока ничего определенного. Нужно тщательно изучить полученную информацию. Мне кажется,

однако, что это горный кварц — прозрачный кварц. Из него делают великолепные линзы. Как ты думаешь, а еще представится такая возможность?

— Боюсь, что нет. Это было редкое совпадение. Солнце, гора и камера на спутнике оказались на одной прямой. Такое не повторится и в тысячу лет.

— Ну что ж, спасибо. Ты пришлешь мне копию? Можешь не торопиться — я отправляюсь с экспедицией в Перрин и займусь записью лишь по возвращении, — виновато улыбнулся Ван-дер-Берг. — Знаешь, если гора действительно из горного кварца, это целое состояние. Хватит для решения проблемы нашего платежного баланса.

Но последнее было совершенно беспочвенной фантазией. Какие бы чудеса — или сокровища — ни скрывались на Европе, человечеству было запрещено ступить на ее поверхность. Запрет содержался в последней передаче с «Дискавери», и непохоже, чтобы за последние пятьдесят лет ситуация изменилась.

10. Корабль дураков

На протяжении первых сорока восьми часов полета Хейвуд Флойд не переставал удивляться комфорту, всеохватности, даже экстравагантности средств жизнеобеспечения на «Юниверс». А вот его спутники в большинстве своем ничему не удивлялись, считая все это само собой разумеющимся; те, кто никогда и прежде не покидал Землю, полагали, что все космические корабли подобны «Юниверс».

Чтобы по достоинству оценить достигнутый прогресс, ему пришлось обратиться к истории авиации. На протяжении собственной жизни он был свидетелем — нет, активным участником — революции, происшедшей в небесах планеты, исчезающей сейчас далеко позади. Между старым неуклюжим «Леоновым» и по-

следним словом техники, лайнером «Юниверс», пролегли ровно пятьдесят лет (он все еще не мог по настоящему осознать это, но бесполезно спорить с цифрами).

А ведь те же пятьдесят лет отделяли братьев Райт от первых реактивных авиалайнеров. В начале этого полувека бесстрашные авиаторы с трудом перелетали с одного аэродрома на другой; одетые в шлемы и защитные очки, они сидели, обдуваемые пронизывающим ветром. А в конце этого же полувека бабушки уже мирно дремали в комфортабельных авиалайнерах, переносивших их с континента на континент со скоростью тысячи километров в час.

Так что, может быть, не стоит и ему изумляться роскоши и элегантности своей каюты или даже тому, что за порядком в ней присматривает стюард. Флойда поразило огромное окно. Время от времени он с беспокойством поглядывал на стекло, выдерживающее многотонное давление и отделяющее теплоту и уют каюты от безжалостного, не ослабевающего ни на мгновение холодного вакуума открытого космоса.

Однако наибольшим сюрпризом, хотя он и читал об этом, оказалась сила тяжести на борту. «Юниверс» был первым в мире космическим кораблем, совершающим полет в условиях постоянного ускорения (если не считать нескольких часов разворота в середине рейса). С пятью тысячами тонн воды в своих гигантских топливных баках он поддерживал силу тяжести в одну десятую g на протяжении всего полета — не так уж много, конечно, но достаточно, чтобы незакрепленные предметы оставались на своих местах, а не летали вокруг. Это было особенно удобно при приеме пищи, хотя и потребовалось несколько дней, чтобы привыкнуть и не слишком энергично пользоваться ложкой.

Прошло сорок восемь часов с тех пор, как «Юни-

верс» покинул околоземную орбиту, а население корабля уже разделилось на четыре основные категории.

Капитан Смит и корабельные офицеры составляли аристократию. Далее следовали пассажиры, за ними — экипаж корабля: механики и стюарды. И еще ниже — четвертый класс...

Так окрестили себя пять молодых ученых-космологов, сначала в шутку, но потом к ней стала примешиваться определенная горечь. Сравнив роскошь своей каюты с тесными, наспех оборудованными помещениями, в которых разместили ученых, Флloyd понял их чувства и взял на себя функцию посредника между ними и капитаном.

Впрочем, у них, если задуматься, не было оснований для недовольства. Подготовка корабля к полету велась в такой спешке, что до самого конца не было ясно, найдется ли вообще на борту место для ученых с их приборами. А теперь они предвкушали, как будут размещать инструменты вокруг кометы и на ней самой в те исторические дни, прежде чем она обогнет наше светило и снова отправится к окраине Солнечной системы. Члены научной группы знали, что исследования кометы Галлея создадут им солидную репутацию в ученом мире. Поэтому только в минуты крайней усталости или неполадок с приборами они начинали сетовать на шумную вентиляцию, тесноту кают, в которых негде повернуться, и появляющиеся порой запахи сомнительного происхождения.

Но никто не жаловался на качество пищи. По всеобщему признанию, она была отменной.

— Мы питаемся куда лучше, — заверил пассажиров капитан Смит, — чем Дарвин на борту «Бигля».

Тут же отозвался Виктор Уиллис:

— Откуда он это знает? Между прочим, капитан «Бигля» после возвращения в Англию перерезал себе горло...

Подобное заявление было типичным для Виктора, который был непревзойденным популяризатором науки (как отзывались о нем поклонники) или поп-ученым (как именовали его враги; впрочем, называть их врагами не совсем справедливо: в его таланте никто не сомневался, хотя это признание и звучало иногда как бы сквозь зубы). Его мягкий акцент жителя Тихоокеанского побережья и экспансивные жесты перед камерой давали неистощимую пищу пародистам; вдобавок ему ставили в заслугу (или в вину) возрождение моды на длинные бороды. «Человек с таким количеством волос,— любил говорить один из его критиков,— непременно старается что-то за ними спрятать».

Виктор Уиллис был, без сомнения, самым легко узнаваемым из шести знаменитостей на борту «Юниверс» — Флloyd, отказывавшийся признать себя в их числе, иронически именовал остальных «знаменитой пятеркой». Эва Мерлин даже по Нью-Йорку гуляла неузнанной в тех редких случаях, когда покидала свою квартиру на Парк-авеню. Дмитрий Михайлович, к своему немалому огорчению, был ниже среднего роста на добрых десять сантиметров; возможно, именно этим объяснялось его пристрастие к оркестрам с тысячько исполнителей — живых или синтезированных,— что, однако, не делало его облик особенно известным широкой публике.

Клиффорд Гринберг и Маргарет М'Бала тоже принадлежали к категории «знаменитых неизвестных», что, впрочем, несомненно изменится после их возвращения на Землю. Первый в мире человек, ступивший на поверхность Меркурия, оказался самым обычным мужчиной с приятным, незапоминающимся лицом; к тому же прошло больше тридцати лет после этой всемирной сенсации, когда его лицо не сходило с телевизионных экранов. А мисс М'Бала, подобно большинству авторов, уделявших мало внимания публичным выступле-

ниям и раздаче автографов, вряд ли узнал бы кто-нибудь из бесчисленных миллионов ее поклонников.

Пришедшая к ней литературная слава была одной из сенсаций сороковых годов. Научное исследование греческого Пантеона вряд ли могло претендовать на место в списке бестселлеров, однако воображение писательницы перенесло неистощимый запас вечных мифов Древней Греции в современный космический век. Именно, столетия назад известные лишь астронавтам и тем, кто занимался изучением классической истории, были теперь в обиходе каждого образованного человека; почти ежедневно поступали новости с Ганимеда, Каллисто, Ио, Титана, Япета или даже менее заметных, затерянных в глубинах космоса миров вроде Карме, Пасифеи, Гипериона, Фебы...

И все-таки ее книга стала бы всего лишь популярной, не более, если бы писательница не занялась изучением сложной и запутанной семейной жизни Юпитера—Зевса, отца богов. И тут на редактора нашло гениальное озарение: он изменил первоначальное название книги «Вид с Олимпа», данное автором, на «Страсти богов». Ученые авторитеты, пожираемые черной завистью, обычно называли книгу «Похотливые олимпийцы», но все они, без исключения, жалели, что не являются ее авторами.

Неудивительно, что именно Мэгги М.—так сразу окрестили писательницу ее спутники—впервые упомянула выражение «Корабль дураков». Виктор Уиллис тут же подхватил его, мгновенно оценив остроумную связь с прошлым. Почти сто лет назад сама Катерина Энн Портер, автор знаменитого романа, вместе с группой ученых и писателей поднялась на борт океанского лайнера, чтобы наблюдать запуск «Аполло-17», ознаменовавший завершение первого этапа исследования Луны.

— В этом что-то есть,—многозначительно замети-

ла мисс М'Бала, когда ей передали слова Уиллиса.— Может быть, стоит задуматься о третьем варианте. Разумеется, окончательное решение я приму после возвращения на Землю...

11. Обман

Прошло много месяцев, прежде чем Рольф Ван-дер-Берг снова получил возможность сосредоточить свои мысли и энергию на горе Зевс. Укрощение Ганимеда отнимало у него все силы и время, и он часто покидал свой кабинет на базе Дарданус на несколько недель, занимаясь изысканиями на трассе проектируемой монорельсовой дороги от Гильгамеша до Осириса.

Географическая обстановка на третьей и самой большой из юпитерианских лун после вспышки Юпитера резко изменилась и продолжала меняться. Новое солнце, растопившее лед на Европе, не было здесь, на расстоянии в четыреста тысяч километров, таким жарким, но его лучи несли достаточно тепла, чтобы в центре той стороны, что была постоянно обращена к Люциферу, установился умеренный климат. Там находились мелкие небольшие моря — размером со Средиземное на Земле,— простирающиеся до сорокаградусной широты к северу и югу. Мало что уцелело от поверхности Ганимеда, которую отражали карты, созданные в двадцатом веке по снимкам с «Вояджеров». Таяние вечной мерзлоты и происходящие время от времени тектонические конвульсии, вызванные к жизни теми же приливными силами, что действовали и на двух внутренних лунах, превращали Ганимед в кошмар для картографов.

Но именно эти факторы делали его раем для планетарных инженеров. Новый Ганимед был единственным миром, за исключением безводного и куда менее гостеприимного Марса, где люди когда-нибудь смогут хо-

дить под открытым небом без скафандров или других средств защиты. Здесь было сколько угодно воды, все химические вещества, необходимые для жизни, и климат — по крайней мере пока над головой сиял Люцифер — теплее, чем на значительной части Земли.

Самым важным явилось то, что на Ганимеде больше не нужно было носить скафандры, закрывающие все тело. Хотя атмосфера еще не была пригодной для дыхания, она стала достаточно плотной и приходилось пользоваться лишь масками и кислородными баллонами. А через несколько десятилетий, по предсказаниям микробиологов, которые, однако, избегали указывать более конкретные сроки, не понадобится даже и этого. По всей поверхности Ганимеда рассеяли множество штаммов бактерий, вырабатывающих кислород; большинство из них погибло, но уцелевшие чувствовали себя как дома, начали стремительно размножаться, и регулярно проводящийся анализ состава атмосферы указывал на медленный, но неуклонный рост содержания кислорода. Эти графики были первым экспонатом, который демонстрировали — с понятной гордостью — посетителям базы на Дарданусе.

Длительное время Ван-дер-Берг следил за данными, поступающими с «Европы-6», надеясь, что когда-нибудь в момент пролета спутника над горой Зевс облака снова рассеются. Он понимал, что вероятность подобного совпадения ничтожна, но пока был хотя бы малейший шанс, ему не хотелось прибегать к иным методам изучения загадочного явления. Ван-дер-Берг не торопился, дел у него и так было выше головы, к тому же разгадка могла оказаться самой тривиальной и не представляющей интереса.

И вдруг «Европа-6» прекратила свое существование (почти несомненно) в результате случайного столкновения с метеоритом! На Земле Виктор Уиллис, по мнению многих, поставил себя в дурацкое положение, взяв

интервью у людей, пытавшихся разгадать тайну Европы,— «европсихов», занявших сейчас место распространенных в прошлом фанатиков НЛО. Некоторые из них утверждали, что «Европу-6» вывели из строя козни существ, населявших мир, вокруг которого она обращалась: то обстоятельство, что спутнику позволили беспрепятственно функционировать целых пятнадцать лет — почти вдвое больше запланированного срока,— ничуть их не смущало. Нужно отдать должное Виктору — он весьма аргументированно отстаивал свою позицию и опроверг большинство доводов, выдвинутых оппонентами; и все-таки все сошлось на том, что не следовало вообще предоставлять обитателям Европы такую возможность.

Для Ван-дер-Берга, которому необыкновенно импонировало прозвище «упрямый голландец», данное ему коллегами, и который всячески старался оправдать такую характеристику, гибель «Европы-6» была вызовом, и он не мог его не принять. Он знал, что спутник никто не собирается заменять, ибо кончина необычайно говорливого космического долгожителя была воспринята с глубоким вздохом облегчения.

Что же делать теперь? Поскольку Ван-дер-Берг был геологом, а не астрофизиком, прошло несколько дней, прежде чем он неожиданно понял, что разгадка в буквальном смысле смотрела ему в лицо с момента высадки на Ганимед.

Африкаанс — один из лучших языков в мире, когда хочется выругаться; его звуки могут привести в замешательство слушателей даже при вежливом разговоре. Ван-дер-Берг выпускал лишний пар в течение нескольких минут; затем связался с обсерваторией в Тиамате, расположенной точно на экваторе, где прямо в зените висел крошечный сверкающий диск Люцифера.

Астрофизики, занимающиеся самыми эффектными

объектами во Вселенной, снисходительно относятся к рядовым геологам, посвятившим жизнь таким маленьким грязным объектам, как планеты. Но здесь, на далекой окраине, люди охотно помогали друг другу, и доктор Уилкинс не только проявил живой интерес, но и изъявил готовность оказать всяческое содействие.

Тиаматскую обсерваторию построили с единственной целью, которая была одной из главных причин создания базы на Ганимеде. Исследование Люцифера было делом исключительной важности не только для ученых-теоретиков, но и для инженеров-ядерщиков, метеорологов, океанографов и, не в последнюю очередь, для государственных деятелей и философов. Потрясала мысль о том, что во Вселенной нашлись существа, способные превратить планету в раскаленное солнце; мысль об этом не давала спать многим. Для человечества было крайне важно узнать об этом как можно больше; мог наступить день, когда понадобится повторить нечто подобное — или предотвратить...

Так что на протяжении более десяти лет Тиамат вел наблюдения за Люцифером с помощью самых разнообразных приборов, непрерывно регистрируя весь спектр его электромагнитного излучения, а также активно зондировал новое светило радиолокационным излучением с помощью скромной параболической антенны, расположенной в небольшом метеоритном кратере диаметром в сто метров.

— Да,— согласился доктор Уилкинс,— мы часто наблюдаем Европу и Ио. Однако наш луч направлен на Люцифер, поэтому мы видим их лишь в течение нескольких минут, когда они проходят через его диск. А ваша гора расположена на дневной половине Европы и в эти минуты всегда скрыта от наблюдения.

— Да понимаю я это,— произнес Ван-дер-Берг с долей нетерпения.— А разве вы не можете чуть-чуть повернуть луч, чтобы увидеть Европу до ее прохождения

через створ с Люцифером? Поворот всего лишь на десять или двадцать градусов позволит увидеть дневную сторону.

— И одного градуса будет достаточно, чтобы миновать Люцифер и взглянуть на Европу, находящуюся на противоположной части ее орбиты. Но тогда она будет более чем втрое дальше, так что мы зарегистрируем лишь одну сотую отраженной мощности излучения. Не исключено, впрочем, что удастся увидеть нечто интересное. Стоит попробовать. Сообщите мне данные о частотах, длине волн, поляризации и всем остальном, что может оказаться полезным. Вряд ли потребуется много времени, чтобы разработать сетку фазового смещения и сдвинуть луч на пару градусов. Точнее сказать не могу — такая мысль никогда не приходила нам в голову. Хотя об этом следовало бы подумать. Кстати, что вы надеетесь обнаружить на Европе, за исключением воды и льда?

— Если бы я знал, — с улыбкой ответил Ван-дер-Берг, — то не обратился бы к вам за помощью, верно?

— А я не спрашивал бы насчет того, как будет отмечен мой вклад в вашей будущей публикации. Жаль, что моя фамилия начинается с буквы в конце алфавита, тогда как ваша — в начале.

Этот разговор состоялся год назад; качество дальнего сканирования было высоким, а операция, связанная со смещением луча незадолго до прохождения створа, чтобы заглянуть на дневную сторону Европы, оказалась труднее, чем ожидали. Наконец результаты получены, обработаны и Ван-дер-Берг стал первым человеком, увидевшим минералогическую карту Европы в период после возгорания Люцифера.

Как и предсказывал доктор Уилкинс, ее поверхность была покрыта главным образом водой и льдом с выступающими то тут, то там обнажениями базальта,

перемежающимися с залежами серы. Но на карте обнаружили две аномалии. Одна, похоже, была дефектом процесса формирования изображения: на карте виднелась совершенно прямая линия в два километра, практически не отражавшая радиолокационного сигнала. Ван-дер-Берг решил, что с этой аномалией разберется доктор Уилкинс; самого же Ван-дер-Берга интересовала только гора Зевс.

Ему понадобилось немало времени, чтобы определить ее происхождение; лишь безумец — или отчаявшийся ученый — способен вообразить, что такое действительно существует. Даже теперь, после того как каждый параметр был определен с предельной точностью, он все еще не мог в такое поверить. И Ван-дер-Берг не представлял себе, что предпринять дальше.

Когда на связь вышел доктор Уилкинс, с нетерпением ожидавший, когда же настанет момент славы и его имя попадет в банки памяти всех компьютеров, Ван-дер-Берг невнятно пробормотал, что еще не закончил анализ. Наконец пришло время, когда медлить с ответом было уже невозможно.

— Ничего примечательного, — сообщил он своему ничего не подозревающему коллеге. — Всего лишь редкая разновидность кварца — я все еще стараюсь отыскать земной аналог.

Ван-дер-Берг впервые соврал своему ученому коллеге, и на душе у него было гадко.

Но что ему оставалось делать?

12. Оом Пауль

Рольф Ван-дер-Берг не видел своего дядю Пауля лет десять, и казалось маловероятным, что они когда-нибудь встретятся лицом к лицу. И все-таки он испытывал теплое чувство к старому ученому, последнему представителю своего поколения, единственному, кто

еще мог вспомнить (когда ему хотелось, что бывало нечасто), как жили их предки.

Доктор Пауль Крюгер — Оом Пауль для всей его семьи и большинства друзей — всегда был готов прийти на помощь, когда она требовалась, сообщить о чем-то или посоветовать либо при личной встрече, либо на одном из концов радиоканала длиной в полмиллиарда километров. По слухам, только мощное давление со стороны политических деятелей заставило Нобелевский комитет не заметить его огромный вклад в физику элементарных частиц, вновь оказавшуюся в отчаянном беспорядке после очередного пересмотра основ в конце двадцатого века.

Если это соответствовало действительности, доктор Крюгер не испытывал обиды. У него, скромного и неприязнательного, не было личных врагов, даже среди таких, как он, старых и неуживчивых эмигрантов. Более того, уважение к нему было столь велико, что его неоднократно приглашали навестить Соединенные Штаты Южной Африки, но он всякий раз вежливо отказывался — не потому, спешил объяснить доктор Крюгер, что опасался за свою жизнь, а по той причине, что его ностальгия станет еще сильнее.

Даже прибегнув из осторожности к языку, который понимало теперь меньше миллиона человек, Вандер-Берг говорил очень осторожно и пользовался иносказаниями и сравнениями, понятными лишь близкому родственнику. Несмотря на это, Пауль без труда понял, что хочет его племянник, хотя и не принял его всерьез. Он опасался, что молодой Рольф сваял дурака, и решил смягчить его неизбежное разочарование. По крайней мере, подумал он, у Рольфа хватило ума не спешить с публикацией и сохранить дело в тайне...

Но предположим — всего лишь предположим, — что он прав? Редкие волосы на затылке Пауля встали дыбом. Внезапно перед его взором открылся гигантский

диапазон возможностей — научных, финансовых, политических, — внушающий благоговейный ужас.

В отличие от своих набожных предков доктор Крюгер в моменты смятения или замешательства не мог обратиться к Богу. Теперь он едва не пожалел об этом; но даже если б и мог, вряд ли приходилось ждать помощи оттуда. Опустившись в кресло перед своим компьютером и подключившись к банкам данных, он не знал, на что надеяться: сделал ли его племянник колоссальное открытие или все это совершенная глупость? Неужели Отец рода человеческого действительно решил сыграть такую невероятную шутку со своей паствой? Пауль вспомнил знаменитое высказывание Эйнштейна, заметившего, что хотя Его пути неисповедимы, Он никогда не делает зла.

Хватит мечтать, напомнил себе доктор Крюгер. Твои симпатии и антипатии, надежды и страхи не имеют никакого отношения к этому делу...

Через половину Солнечной системы ему брошен вызов; он не успокоится, пока не доберется до истины...

13. «Никто не предупредил нас, что понадобятся купальники...»

Капитан Смит хранил в тайне свой маленький сюрприз до Пятого дня и сообщил о нем всего за несколько часов перед Разворотом. Как он и предполагал, его слова ошеломили всех и вызвали недоверие.

Виктор Уиллис первым обрел дар речи:

— Плавательный бассейн! На космическом корабле! Вы шутите!

Капитан откинулся на спинку кресла, испытывая немалое удовольствие. Он подмигнул Хейвуду Флойду, узнавшему этот секрет раньше других.

— В самом деле, Колумб был бы удивлен, знай он

о некоторых удобствах на кораблях, построенных несколько позже.

— А нет ли там и вышки для прыжков? — мечтательно спросил Гринберг. — В колледже я был чемпионом.

— Представьте себе — есть. Только высотой в пять метров, но при ускорении в одну десятую на борту продолжительность свободного падения составит три секунды. А если захочется лететь подольше, я уверен, мистер Кертис пойдет навстречу и уменьшит тягу.

— Неужели? — сухо поинтересовался старший механик. — Чтобы спутать мне все орбитальные расчеты? А если вода поползет вверх по стенкам? Поверхностное натяжение, знаете ли...

— Помнится, я где-то слышал о космической станции со сферическим плавательным бассейном, — заметил кто-то.

— Действительно, такой бассейн пробовали устроить в центральной части «Пастера», еще до начала вращения, — ответил Флойд. — Оказалось весьма непрактично. В состоянии невесомости воду пришлось заключить в сферическую оболочку. А внутри огромной водяной капли недолго и утонуть, особенно если впадешь в панику.

— Зато сразу окажешься в книге рекордов — первый человек, утонувший в космосе...

— Никто не предупредил нас, что понадобятся купальники... — подсадовала Мэгги М'Бала.

— Тот, кто не может обойтись без купальника, по видимому, в нем остро нуждается, — шепнул Михайлович на ухо Флойду.

Капитан Смит постучал по столу, призывая к порядку.

— Прошу не отвлекаться, у меня есть важное сообщение. Вы уже знаете, что в полночь мы достигнем максимальной скорости и начнем торможение. Поэтому

в 23.00 двигатель будет выключен, тяга прекратится и корабль развернется на 180 градусов. Тяга снова будет включена в 01.00, так что два часа придется провести в невесомости.

Как вы хорошо понимаете, команда будет очень занята в этот период — воспользуемся этой возможностью для проверки двигателя и осмотра наружной поверхности корпуса корабля, чего нельзя осуществить при постоянном ускорении. Настоятельно рекомендую провести это время в койках, пристегнув ремни. Стюарды проверят, чтобы в помещениях не оказалось незакрепленных предметов, которые могут стать опасными, после того как на корабле будет восстановлена сила тяжести. Имеются ли вопросы?

Наступила полная тишина; ошеломленные новостями пассажиры не знали, о чем спрашивать.

— Я надеялся, что вы заинтересуетесь экономической стороной подобной роскоши, и хотя вы не проявили интереса, я все-таки скажу. Дело в том, что это совсем не роскошь, к тому же не стоит ни цента, но мы сочли, что бассейн окажется совсем не лишним во время будущих перелетов.

Видите ли, в наших топливных баках пять тысяч тонн воды, необходимой для двигателей корабля в качестве рабочего вещества. И этой водой вполне можно воспользоваться. Бак номер один сейчас на три четверти пуст, и мы не будем трогать его до конца путешествия. Значит, завтра встретимся на пляже...

Учитывая спешку, с которой готовили корабль к полету, приходится лишь удивляться, с какой тщательностью отнеслись к такому откровенно второстепенному делу.

«Пляжем» служила металлическая платформа пятиметровой ширины, протянувшаяся на треть окружности гигантского бака. И хотя противоположная сторо-

на бака находилась всего лишь в двадцати метрах, остроумно проецируемое на нее изображение создавало иллюзию бесконечности. Волны несли любителей серфинга к недостижимому берегу. За ними, на горизонте, распустив паруса, мчался пассажирский клипер, в котором любой служащий бюро путешествий сразу бы узнал «Тай-пан», принадлежащий космо-морской корпорации Тсунга.

Полноту иллюзии завершали песок под ногами (он был слегка намагничен, что удерживало его на отведенном месте) и пальмовая роща на краю маленького пляжа, которая выглядела очень убедительно, пока к ней не подходили вплотную. Жаркое тропическое солнце венчало идиллическую картину; трудно было поверить, что за обшивкой корабля сияло настоящее Солнце, причем вдвое ярче, чем на любом земном пляже.

Проектировщик в самом деле для столь ограниченного пространства потрудился на славу, и замечание Гринберга: «Жаль, что нет морского прибоя»,— было все-таки несправедливым.

14. Поиск

Верным принципом в науке является недоверие к любому факту, каким бы обоснованным он ни казался, пока ему не будет найдено объяснение. Время от времени, однако, наблюдение может разрушить установившееся представление и создать новое, но такое случается крайне редко. Гиганты, подобные Галилею или Эйнштейну, рождаются не чаще раза в столетие, что, впрочем, оказывает весьма благоприятное воздействие на спокойствие человечества.

Доктор Крюгер во всем следовал этому доброму принципу: он не поверит в открытие своего племянника, пока не сумеет объяснить его. Крюгеру все еще казалось, что для логичного объяснения открытия потре-

буется божественное вмешательство. Вода по щекам старой, но все еще отличной бритвой, ученый думал, что Рольф, вероятнее всего, где-то напутал; если это так, обнаружить ошибку не составит большого труда.

К невероятному изумлению дяди Пауля, это оказалось на удивление трудным. Анализ данных радиолокационного зондирования уже стал разработанной в деталях и освященной годами методикой, и все эксперты, с которыми консультировался Пауль, после длительной задержки давали один и тот же ответ. Причем неизменно спрашивали: «Откуда у вас эти данные?»

— Извините,— отвечал он.— Обсуждать этот вопрос не имею права.

Теперь оставалось предположить, что невозможное оказалось проверенным фактом, и наступила пора браться за изучение научной литературы. Предстояла колоссальная работа, так как доктор Крюгер не знал даже, с чего начать. Несомненным было одно: прямая атака обречена на полную неудачу, как если бы Рентген на другой день после открытия лучей, названных в его честь, принялся за поиски их объяснения в физических журналах своей эпохи. Сведения, в которых он нуждался, были получены лишь через несколько лет.

И все-таки оставалась надежда, что информация, необходимая доктору Крюгеру, таится где-то в недрах необъятной сокровищницы уже накопленных научных знаний. Медленно, не спеша, он разработал программу автоматического поиска, в задачу которого входило найти одно из тех вероятных объяснений, которое соответствовало бы всем условиям поставленной задачи. Программа должна была исключить объяснения, основанные на земных факторах,— их количество исчислялось, несомненно, миллионами — и сконцентрировать внимание лишь на внеземных.

Выдающиеся научные заслуги доктора Крюгера влекли за собой определенные преимущества, одним из

которых было неограниченное компьютерное время — это составляло часть гонорара, которую он всегда требовал от организаций, прибегавших к его помощи. Поэтому, хотя поиск мог оказаться очень дорогостоящим, ему не приходилось думать о плате.

Но все обернулось на удивление просто. Доктору Крюгеру повезло: поиск завершился уже через два часа тридцать семь минут после начала, когда компьютер наткнулся на ссылку номер 21456.

Заглавия оказалось достаточно. Пауль так разволновался, что его собственный робот-секретарь не узнал голос хозяина, и тому пришлось еще раз повторить команду о полной распечатке.

Выпуск журнала «Нейчур» был опубликован в 1981 году — за пять лет до рождения доктора Крюгера! — и когда глаза ученого пробежали по его странице, он понял не только то, что его племянник совершенно прав, но и — что не менее важно — как могло произойти подобное чудо.

Должно быть, у редактора журнала, изданного восемьдесят лет назад, было врожденное чувство юмора. Статья посвященная составу ядер отдаленных планет, вряд ли могла привлечь внимание непосвященного читателя, но у этой статьи был поразительный заголовок. Робот-секретарь мог бы объяснить Крюгеру, что когда-то эти слова составляли часть знаменитой песни — Впрочем, прямого отношения к делу это не имело.

К тому же Пауль Крюгер никогда не слышал про «Битлз» и их психоделические фантазии.

II. Долина черного снега

15. Рандеву

Теперь комета Галлея находилась так близко, что ее трудно было охватить взглядом; по иронии судьбы, ее хвост, вытянувшийся уже на пятьдесят миллионов километров под прямым углом к орбите кометы подобно вымпелу, развевающемуся под порывами невидимого солнечного ветра, было куда лучше наблюдать с Земли.

Утром того дня, когда предстояла встреча с кометой, Хейвуд Флойд проснулся рано, после тяжелого сна. Он редко видел сны — или, по меньшей мере, редко их помнил, — да и волнение нескольких захватывающих часов оказало, несомненно, свое влияние. К тому же его взволновало последнее сообщение от Кэролайн, в котором она спрашивала, известно ли ему что-нибудь о Крисе. Флойд ответил радиогаммой, где коротко извещал, что Крису даже не пришлось в голову сказать спасибо за помощь в назначении офицером на «Космос», — космический корабль, родственник «Юниверс»; не исключено, Крису уже надоело летать по маршруту Земля — Луна и он нашел где-то более увлекательную работу.

— Как всегда, — добавил Флойд, — мы узнаем обо всем, когда он сочтет нужным.

Сразу после завтрака пассажиры и научная группа собрались, чтобы выслушать окончательный инструктаж капитана Смита. Ученым, разумеется, никакого инструктажа не требовалось, но если они и испытывали неудовольствие, то ребячьи эмоции исчезали, стоило только взглянуть на фантастическое зрелище на главном видеозкране.

Казалось, «Юниверс» влетал не в комету, а в туманность. Весь горизонт впереди представлял собой облако туманной белой дымки — не сплошной, а испещренной темными сгустками, пересеченной светящимися полосами, ярко пылающими струями и потоками огня, исходящими из одной точки. При существовавшем увеличении ядро кометы едва виднелось вдали как крошечное черное пятнышко, и тем не менее было очевидно, что именно оно является источником всего, что происходило вокруг.

— Через три часа выключим двигатель,— объявил капитан Смит.— К этому моменту мы окажемся всего в тысяче километров от ядра и скорость сближения будет практически равна нулю. Произведем окончательные наблюдения и проверим место высадки.

Состояние невесомости наступит ровно в 12.00. Стюарды, обслуживающие ваши каюты, заранее проверят, все ли правильно закреплено и уложено. Короче говоря, это будет похоже на Разворот, с той лишь разницей, что теперь мы проведем в невесомости не два часа, а три дня.

Тяготение кометы Галлея? Оно ничтожно — меньше одного сантиметра в секунду за секунду — около одной тысячной земного. Если проявите чудеса терпения, вам удастся заметить его, но не больше. Потребуется пятнадцать секунд, чтобы опуститься на один метр.

Из соображений безопасности во время сближения и посадки прошу вас находиться здесь, в наблюдательной рубке, в креслах с пристегнутыми ремнями. В любом случае лучшее место для наблюдений именно тут, а на всю операцию уйдет не больше часа. Мы будем пользоваться очень малой корректирующей тягой, однако она может быть включена под любым углом, что способно повлиять на вестибулярный аппарат.

Капитан имел в виду космическую болезнь, эквивалент земной морской болезни, но это слово с общего согласия было табу на борту корабля. Однако несколько рук невольно потянулось под кресла, проверяя, на месте ли печально известные пластиковые пакеты — на случай срочной необходимости.

Увеличение возросло, и изображение на экране стало больше. На мгновение Флойд показалось, что он находится в самолете, пробивающемся сквозь легкую облачность, а не на борту космического корабля, приближающегося к самой знаменитой из комет. Ядро становится больше, очертания его четче; оно было уже не черной точкой, а эллипсом неправильной формы, потом стало маленьким, покрытым оспинами островком, затерянным в космическом океане, и вдруг, неожиданно, превратилось в настоящий мир.

Ощущение масштаба отсутствовало. Хотя Флойд знал, что открывшаяся перед ним панорама имеет меньше десяти километров в поперечнике, могло показаться, что он смотрит на небесное тело размером с Луну. Но у Луны не было расплывчатых очертаний, ее поверхность не выбрасывала струйки пара, среди которых выделялись две большие струи.

— Бог мой! — воскликнул Михайлович. — А это что?

Он указал на нижний край ядра, как раз рядом с терминатором. Перед ними совершенно четко — и невероятно — мигал огонек на ночной стороне кометы, мигал в идеально размеренном ритме — вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет — каждые две или три секунды.

Доктор Уиллис откашлялся и с явным намерением объяснить происходящее повернулся к Михайловичу, но его опередил капитан Смит:

— Мне жаль разочаровывать вас, мистер Михайлович. Это всего лишь световой маяк на зонде номер два,

который собирал образцы. Он уже месяц находится здесь. Мы должны забрать его.

— Какая жалость! Я думал, что кто-то — или что-то — приветствует нас.

— Ничего не поделаешь. Боюсь, что мы здесь в полном одиночестве. Зонд находится как раз там, где мы собираемся совершить посадку, рядом с Южным полюсом кометы, расположенным — пока — в постоянной темноте. Здесь наша система жизнеобеспечения будет функционировать с меньшей нагрузкой. На освещенной стороне температура достигает 120 градусов — намного выше температуры кипения воды.

— Немудрено, что внутри кометы что-то все время булькает, — заметил Дмитрий, ничуть не смутившись. — Эти струи, то и дело извергающие пар, кажутся мне опасными. Вы уверены, что нам ничто не угрожает?

— Вот поэтому-то мы и садимся на ночной стороне: там все тихо. А теперь прошу извинить — мне пора на мостик. Это моя первая посадка на поверхность неизведанного мира — боюсь, что впредь такой возможности может не представиться.

Окружавшие капитана Смита медленно разошлись, погруженные в непривычное молчание. Изображение на экране вновь уменьшилось, и ядро кометы превратилось в едва заметную точку. И все-таки даже на протяжении этих нескольких минут оно, казалось, стало чуть больше, и, судя по всему, это не было оптической иллюзией. До встречи оставалось менее четырех часов, и корабль продолжал мчаться со скоростью пятьдесят тысяч километров в час.

Если на этом этапе что-то произойдет с главным двигателем, комета Галлея сможет похвастать самым большим кратером за весь период своего существования.

16. Посадка

Сама посадка, как и надеялся капитан Смит, прошла без приключений. Касание было настолько легким, что никому не удалось определить, когда оно произошло; лишь через минуту пассажиры поняли, что находятся на поверхности кометы Галлея, и разразились запоздалыми аплодисментами.

Корабль лежал у края мелкой долины, окруженной холмами высотой не более ста метров. Тех, кто надеялся увидеть лунный пейзаж, ждало разочарование: формации, окружающие корабль, ничуть не походили на плавные, ровные склоны лунных гор, сглаженные миллиардами лет бомбардировки микрометеоритами.

Здесь же, на комете Галлея, не было ничего старшего тысячи лет; земные пирамиды были намного древнее этого ландшафта. Всякий раз, когда комета огибала Солнце, его гигантские факелы заново формовали — и уменьшали — ее ядро. Даже по сравнению с 1986 годом, когда комета Галлея проходила через перигелий и приближалась к Земле на самое близкое расстояние, очертания ее ядра несколько изменились. Виктор Уиллис очень метко заметил в одной из своих лекций: «Земляной орех превратился в осу!». Действительно, все указывало на то, что, совершив еще несколько оборотов вокруг Солнца, комета Галлея может расколоться на две примерно равные части — как это уже случилось, к изумлению астрономов 1846 года, с кометой Биэлы.

Необычность ландшафта еще более усиливалась из-за почти полного отсутствия гравитации. Повсюду виднелись тончайшие паутинообразные формации, напоминающие фантазии художника-сюрреалиста, и неправдоподобно наклонные груды скал, которым не удалось бы продержаться дольше нескольких минут даже на Луне.

Несмотря на то что капитан Смит решил посадить «Юниверс» в глубине полярной ночи — на расстоянии добрых пяти километров об обжигающего жара Солнца, вокруг было светло. Колоссальная оболочка из газа и пыли, окружающая комету, образовала на удивление хорошо гармонирующий с ней сияющий ореол, он напоминал полярное сияние, играющее над антарктическими льдами. А если этого света было недостаточно, Люцифер вносил свою долю, освещая все вокруг с яркостью нескольких сотен полных лун.

Разочаровывало полное отсутствие красок, хотя это и не было неожиданностью; казалось, «Юниверс» находится в угольном карьере, разрабатываемом открытым способом. Кстати, аналогия была тем более удачной, что окружающая корабль чернота во многом объяснялась присутствием углерода или его соединений, равномерно смешанных со снегом и льдом.

Как и полагалось, капитан Смит первым вышел из корабля, медленно выплыв из воздушного шлюза. Потребовалась, казалось, целая вечность, чтобы он опустился на два метра от люка до поверхности кометы; там он наклонился, зачерпнул рукой в перчатке скафандра горсть пыли и поднес ее к стеклу шлема.

Все замерли, ожидая слов, которым суждено войти в учебники истории.

— Похоже на смесь перца и соли,— произнес капитан.— Если растопить, можно вырастить неплохой урожай.

В соответствии с планом экспедиции корабль должен был пробыть у Южного полюса одни полные сутки кометы Галлея — пятьдесят три часа, затем предполагалось, если ничего не случится, передвинуться на десять километров к весьма неопределенной линии экватора и взяться за изучение одного из гейзеров на протя-

жении его полного суточного цикла, охватывающего один день и одну ночь.

Тем временем глава научной группы Пендрилл не терял времени. Вместе с одним из коллег он почти сразу отправился на двухместных ракетных санях в направлении мигающего маяка на ожидающем их зонде. Не прошло и часа, как они вернулись с заранее упакованными образцами вещества кометы и торжественно уложили их в специальный морозильник.

Одновременно группы техников протянули паутину кабелей по долине, подвесив их на шестах, вогнанных в рыхлый грунт. Кабели не только соединяли с кораблем многочисленные приборы, но и облегчали передвижение. Теперь появилась возможность обследовать эту часть кометы Галлея, не прибегая к помощи громоздких Устройств для Маневрирования в Космосе — УМК; достаточно было пристегнуть страховочный трос к кабелю и затем передвигаться, перехватывая его руками. Это было куда удобнее, чем пользоваться УМКАми, которые представляли собой нечто вроде одноместного космического корабля со всеми его недостатками.

Пассажиры наблюдали за этой деятельностью с огромным интересом, слушали радиопереговоры и пытались — насколько возможно — приобщиться к радости обследования нового мира. Наконец, когда прошло двенадцать часов — а для бывшего астронавта Клиффорда Гринберга значительно раньше, — им надоело оставаться зрителями. Начались разговоры о прогулке наружу — исключение составлял лишь Виктор Уиллис, который вел себя на редкость пассивно, что было совсем непохоже на него.

— Мне кажется, он струсил, — презрительно заметил Дмитрий. Он не любил Виктора с того момента, как выяснилось, что ученый совершенно не различает звуковых тонов. И хотя это было несправедливо по от-

ношению к Виктору (который с готовностью согласился на роль подопытного кролика при изучении этого редкого недостатка), Дмитрий не упускал случая многозначительно заметить: «Человек, лишенный всякого слуха, способен на измену, хитрости и закулисные махинации».

Сам Флойд принял решение еще прежде, чем покинул околоземную орбиту. Мэгги М. была непрочь испытать что угодно и не нуждалась в ободрении (ее знаменитый лозунг «писатель не должен отказываться от любой возможности расширить свой кругозор» оказал огромное воздействие на ее духовную жизнь).

Эва Мерлин, как всегда, держала всех в напряженном ожидании, однако Флойд был настроен решительно и собирался лично показать ей комету. Это нужно было ему хотя бы для поддержания собственной репутации: все знали, что он немало потрудился ради того, чтобы знаменитая отшельница оказалась среди пассажиров «Юниверс», и по кораблю пошли слухи, что у них роман. Самые невинные замечания Эвы и Хейвуда Флойда тут же с ликованием передергивались Дмитрием и судовым врачом, доктором Махиндраном, признававшимся, что отчаянно им завидует.

Поначалу подобные шутки вызывали у Флойда раздражение — поскольку слишком точно воспроизводили волнения его молодости, — но затем он перестал обижаться. К тому же он не знал, как относится к происходящему Эва, и никак не решался спросить ее. Даже здесь, в этом узком замкнутом мирке, где ни один секрет не оставался секретом дольше шести часов, ей удавалось держаться в отдалении от всех, сохраняя атмосферу тайны, зачаровывавшую три поколения поклонников.

Что касается Виктора, он только что узнал об одной крохотной, но крайней важной детали, способной расстроить планы всех — от мышей до космонавтов.

На борту «Юниверс» находились космические ска-

фандры последнего образца «Марк XX», снабженные прозрачными лицевыми щитками, которые не запотевали, не пропускали ослепительный свет и гарантировали небывалую видимость. И хотя шлемы в скафандрах были разных размеров, Виктор Уиллис не помещался ни в один из них без основательной операции.

Ему потребовалось пятнадцать лет, чтобы приучить мир к характерной лишь для него особенности («Подлинный шедевр фигурной стрижки растительности», — не без восхищения заметил один из критиков).

И вот теперь лишь борода служила препятствием между Виктором Уиллисом и кометой Галлея. Скоро ему придется сделать выбор.

17. Долина Черного снега

Ко всеобщему изумлению, капитан Смит почти не возражал против выхода пассажиров из корабля. Он согласился, что просто нелепо пролететь миллионы километров и не пройти по поверхности кометы.

— Если вы будете строго соблюдать правила, затруднений у вас не будет, — сказал он во время неизбежного инструктажа, — даже у тех, кто никогда не одевал космического скафандра, — насколько я помню, опыт работы в открытом космосе имеют лишь полковник Гринберг и доктор Флойд, — потому что наши скафандры удобны и полностью автоматизированы. Покинув шлюзовую камеру, вам не придется беспокоиться о регулировке и кнопках управления. Но я настаиваю на одном: лишь двое могут одновременно находиться в открытом космосе. Разумеется, я выделю вам спутника, пристегнутого пятиметровым тросом, — хотя длину страховочного троса можно в случае необходимости увеличить до двадцати метров. Кроме того, вы оба будете пристегнуты к двум кабелям, протянутым по всей длине ложины. Правило движения здесь такое же, как

на Земле,— держитесь правой стороны! Если понадобится обогнать кого-то, можете отстегнуть хомутик, но один из вас должен постоянно страховаться тросом. Тогда не будет опасности, что при неосторожном движении вас унесет в открытое пространство. Вопросы есть?

— Сколько времени можно находиться вне корабля?

— Сколько угодно, мисс М'Бала. Советую, однако, немедленно вернуться, если вдруг почувствуете недомогание. Может быть, для первой прогулки хватит одного часа — но не исключаю, что вам покажется, будго прошло десять минут...

Капитан Смит оказался совершенно прав. Когда Хейвуд Флойд посмотрел на дисплей, показывавший время, проведенное в космосе, он не поверил глазам — прошло уже сорок минут. Впрочем, удивляться не приходилось — корабль находился на расстоянии доброго километра.

Как старшему среди пассажиров — почти по всем меркам — ему выпала честь первому ступить на поверхность кометы Галлея. И не пришлось даже выбирать спутника.

— Прогулка с Эвой! — фыркнул Михайлович, захлебываясь от смеха. — Разве можно упустить такую возможность! Правда, — добавил он многозначительно, — проклятые скафандры будут мешать.

Эва согласилась сразу, хотя и без особого энтузиазма. Как это типично для нее, угрюмо подумал Флойд. Не то чтобы это разрушило его иллюзии — прошло уже столько лет, что иллюзий почти не осталось, — но он был разочарован. Причем разочарован собой, а не Эвой; подобно Моне Лизе, с которой ее часто сравнивали, Эва была выше похвал и критики.

Сравнение было нелепым, разумеется; Джоконда выглядела таинственной, но не пробуждала эротиче-

ских мыслей.. Притягательная сила Эвы заключалась в том, что в ней сочеталось и то и другое, причем сюда же следовало отнести и производимое ею впечатление святой невинности. Следы всех трех составляющих все еще были заметны и через половину столетия — во всяком случае, ее поклонникам.

Чего ей нехватало — вынужден был с грустью признать Флойд, — так это настоящей индивидуальности. Как он ни пытался сосредоточить на ней свои мысли, в голову приходили лишь роли, сыгранные Эвой. Флойду пришлось, скрепя сердце, согласиться с критиком, заявившим: «Эва Мерлин — это отражение желаний всех мужчин, но у зеркала нет собственного характера».

И теперь это удивительное и таинственное существо плыло рядом над поверхностью кометы Галлея; вместе с сопровождавшим их гидом они двигались вдоль двух кабелей, протянутых вдоль всей долины Черного снега. Именно он, Хейвуд Флойд, дал ей такое название, и теперь по-детски гордился этим, хотя понимал, что название не появится ни на одной из карт. Нельзя составить карту мира, география которого столь же эфемерна, как погода на Земле. Флойд наслаждался тем, что ни один человек до него не видел развертывающуюся перед ними панораму — и никогда не увидит.

На Марсе или, скажем, на Луне, иногда можно — напрягая воображение и стараясь не замечать чужого неба над головой — вообразить, что находишься на Земле. Здесь это было исключено: снежные скульптуры, возвышающиеся — а иногда и нависающие — над головой, почти не обращали внимания на силу тяжести. Приходилось очень внимательно разглядывать окружающий мир, чтобы понять, где верх, а где низ.

Долина Черного снега была необычной, потому что представляла собой достаточно прочную формацию — скалы среди наносов замерзшей воды и углеводородного снега, постоянно меняющих место. Среди геологов

не прекращались споры относительно происхождения этих скал; некоторые придерживались точки зрения, что на самом деле это обломки астероида, захваченного кометой в очень давние времена. Пробное бурение обнаружило сложные смеси органических соединений, напоминающих замерзшую каменноугольную смолу,—хотя никто не сомневался, что жизнь не играла никакой роли в их образовании.

Снежный ковер, устилавший дно маленькой долины, не был совершенно черным; когда Флойд провел по нему лучом фонарика, он заискрился и засверкал, будто в нем были рассыпаны мириады микроскопических алмазов. Флойд подумал, нет ли действительно алмазов в ядре кометы; обилие углерода делало такое предположение отнюдь не безосновательным. Не приходилось сомневаться, однако, что высокие температуры и гигантское давление — условия, необходимые для возникновения алмазов,—здесь отсутствовали.

Поддавшись внезапному импульсу, Флойд протянул вниз руки и сгреб две пригоршни снега; для этого ему пришлось оттолкнуться ногами от страховочного троса, и вдруг он подумал, как смешно выглядит со стороны — подобно циркачу, идущему по канату, только вверх ногами. Хрупкая корка не оказала почти никакого сопротивления, и он погрузил в нее голову и плечи; затем Флойд плавно потянул за трос и вынырнул с пригоршней кометного вещества.

Сжав кристаллический пух в шарик, помещающийся в ладони, он пожалел, что не может почувствовать его через изоляцию перчаток. Вот он лежит, черный как смоль, но испускающий неуловимые искры света, когда поворачиваешь его в руках.

И тут Флойд вообразил, что стоит зимой на площадке для игр в своей далекой юности, со снежком в руке, окруженный призраками детства. Ему казалось, буд-

то он слышит крики друзей, поддразнивающих его, угрожая снежками из девственно-белого снега...

Мимолетное воспоминание потрясло его; Флойда охватило чувство безграничной печали и невозвратимой утраты. Через сотню лет он не мог вспомнить и одного имени тех призрачных друзей, что были тогда рядом, а ведь он любил некоторых из них.

Его глаза наполнились слезами и пальцы сжали комки чужого снега. Затем видение исчезло: он снова стал самим собой. Наступил миг ликования, а не печали.

— Боже мой! — воскликнул Хейвуд Флойд, и звуки его голоса эхом отразились в крошечной вселенной его скафандра. — Я стою на комете Галлея — разве можно пожелать большего! Если сейчас меня поразит метеорит, я не стану сожалеть ни о чем!

Он поднял руки, размахнулся и швырнул черный снежок к звездам. Шарик был таким крошечным и темным, что исчез из поля зрения почти сразу, но Флойд продолжал смотреть в небо.

И вдруг неожиданно — совершенно внезапно — шарик возник в небе как мгновенная вспышка света, поднимаясь и отразив лучи Солнца, невидимого с поверхности кометы. И хотя снежок был черным как сажа, этого ослепительного сияния он отражал достаточно, чтобы его можно было различить на фоне едва светящегося неба.

Флойд не сводил с шарика глаз, пока он не исчез окончательно — может быть, испарившись, а может — уменьшаясь вдали. Снежок не может долго противостоять неистовому потоку радиации; но кто из людей может похвастать, что своими руками создал комету?

18. Старый служака

Осторожное исследование кометы началось еще в то время, когда «Юниверс» по-прежнему находился в по-

лярной тени. Сначала одиночные УМКи медленно облетели дневную и ночную стороны, отмечая все, что представляло интерес. После завершения предварительного обследования группы ученых, до пяти человек в каждой, принялись совершать полеты в корабельном челноке, устанавливая приборы в наиболее интересных, стратегически расположенных местах. «Леди Джасмин» резко отличалась от примитивных космических капсул эпохи «Дискавери», способных работать лишь в невесомости. По сути дела она представляла собой маленький корабль, предназначенный для перевозки пассажиров и грузов между «Юниверс», находящимся на орбите, и поверхностью Марса, Луны или спутников Юпитера. Ее старший пилот, относившийся к ней с подобающим уважением, как к полной достоинства светской даме, с притворной горечью сетовал, что для нее полеты вокруг какой-то жалкой крохотной кометы просто унизительны.

Убедившись, что комета Галлея не готовит для них никаких сюрпризов — по крайней мере на своей поверхности, — капитан Смит поднял корабль из полярной зоны. И хотя «Юниверс» переместился меньше чем на двенадцать километров, он оказался в другом мире и поменял мерцающие сумерки на область, где день сменяется ночью. С наступлением рассвета комета начала оживать.

По мере того как Солнце поднималось над зубчатой, до абсурда близкой линией горизонта, его лучи начали заглядывать в бесчисленные маленькие кратеры, рассыпавшиеся по поверхности кометы. Большинство кратеров бездействовало, их узкие жерла были забиты кристаллизовавшимися минеральными солями. Нигде на комете Галлея не встречалось таких ярких красок; они заставили биологов на время поверить, будто здесь происходит зарождение жизни, как на Земле в виде во-

дорослей. Кое-кто из биологов все еще не отказывался от такой надежды, хотя вряд ли признался бы в этом.

Из некоторых кратеров поднимались струйки пара, очерчивая в небе неестественно прямые линии: ветер, способный отклонить их, здесь отсутствовал. В течение одного-двух часов ничего заметного не происходило; затем, когда тепло солнечных лучей начинало проникать в замерзшие недра кометы Галлея, она принималась выбрасывать струи, как выразился Виктор Уиллис, «подобно стаду китов».

Несмотря на всю образность, эта метафора была не самой точной из придуманных Виктором. Фонтаны, извергавшиеся из дневной стороны кометы, не были пульсирующими — они играли часами. К тому же струи не изгибались в своей верхней части и не падали обратно на поверхность, а все поднимались в небо, пока не исчезали в святащемся тумане, образованию которого сами же и содействовали.

Поначалу научная группа относилась к гейзерам с такой же осторожностью, с какой вулканологи приближаются к Этне или Везувию в периоды их наиболее капризного поведения. Однако вскоре они поняли, что извержения гейзеров на комете Галлея, хотя и производят иногда устрашающее впечатление, на самом деле удивительно смирные. Вода вылетала со скоростью, обычной для пожарного шланга, и к тому же была чуть теплой, но через несколько секунд после того, как она покидала поверхность кометы, превращалась в смесь кристаллов льда и пара. Комета Галлея была окутана вечным снежным бураном, «падающим вверх». Несмотря на умеренную скорость извержения, выброшенная вода уже больше не возвращалась обратно. Всякий раз, когда комета Галлея огибала Солнце, еще какая-то толика ее массы терялась в ненасытном вакууме космического пространства.

В конце концов, поддавшись на уговоры, капитан

Смит согласился переместить «Юниверс» еще ближе к Старому служаке—самому большому гейзеру на дневной стороне кометы, и теперь корабль находился всего в сотне метров от него. Извержение Старого служаки было зрелищем, внушающим благоговейный ужас—беловато-серый столб тумана вырастал подобно гигантскому дереву из поразительно маленького отверстия в кратере шириной триста метров, казавшемся одним из самых старых образований на комете. Но прошло немного времени, и ученые облазили весь кратер, собирая образцы многоцветных минералов (увы, абсолютно стерильных), и с небрежной фамиллярностью засовывали свои термометры и трубки для отбора образцов прямо в столб воды, льда и тумана, рвущийся вверх.

— Смотрите,—предупредил капитан,—если гейзер выбросит кого-нибудь в космос, не рассчитывайте, что вас тут же подберут. Не исключено, мы просто подождем, когда вы сами вернетесь обратно.

— Что он имеет в виду?—озадаченно спросил Дмитрий Михайлович. У Виктора Уиллиса, как обычно, ответ был наготове:

— В небесной механике события развиваются не всегда так, как вы ожидаете. Любой предмет, выброшенный с кометы Галлея с умеренной скоростью, будет продолжать движение примерно по той же орбите—потребуется колоссальное изменение скорости, чтобы уйти с нее. Таким образом, во время следующего прохождения кометы вокруг Солнца обе орбиты снова пересекутся—и вы окажетесь точно на том же месте, откуда начали путешествие. Разумеется, вы будете старше на семьдесят шесть лет.

Недалеко от Старого служаки находился еще один феномен, встречи с которым никто не ожидал. Ученые, впервые увидевшие его, не поверили глазам: на нескольких гектарах поверхности раскинулось озеро, откры-

тое вакууму космического пространства. На первый взгляд оно казалось совершенно обычным и отличалось лишь своей исключительной чернотой.

Совершенно очевидно, это не могло быть водой: из жидкостей в таком окружении могли устойчиво существовать лишь тяжелые органические масла или смолы. И действительно, озеро Туонела было образовано чем-то вроде битума — совершенно твердого вещества, исключение составляла тонкая поверхностная пленка толщиной менее миллиметра, сохранившая некоторую вязкость. При почти полном отсутствии гравитации потребовалось, должно быть, много лет — возможно, несколько оборотов вокруг Солнца с его согревающими лучами, — чтобы сделать озеро таким зеркально гладким.

Озеро превратилось в один из главных туристских аттракционов на комете Галлея, пока капитан не положил этому конец. Кто-то (все отказывались признать за собой сомнительную честь этого открытия) обнаружил, что по озеру можно ходить совершенно нормально, почти как по Земле: вязкость поверхностной пленки позволяла удерживать ногу на месте при передвижении. Скоро почти у всей команды оказались видеокассеты, демонстрирующие, как они ходят по воде.

Затем капитан Смит, осмотрев шлюзовую камеру, увидел, что ее стены обильно вымазаны смолой, и пришел в состояние, близкое к бешенству.

— Вам мало того, — процедил он сквозь зубы, — что весь корабль покрыт снаружи этой сажей. Комета Галлея — самое грязное место во Вселенной.

Прогулки по озеру Туонела прекратились.

19. В конце туннеля

В небольшом, замкнутом, автономном мире, где все знают друг друга, неожиданная встреча с совершенно новым человеком просто потрясает.

Хейвуд Флойд не спеша плыл по коридору, направляясь в комнату отдыха, когда с ним произошло именно это. Полный изумления, он уставился на незнакомца, не понимая, как это удалось «зайцу» скрываться столь длительное время. Тот ответил ему взглядом, исполненным смущения и бравады, ожидая, по видимому, что Флойд заговорит первым.

— Ну, Виктор! — произнес наконец Флойд. — Извини, не сразу тебя узнал. Итак, ты принес высшую жертву на алтарь науки или, вернее сказать, — своим читателям?

— Увы, — сердито ответил Уиллис. — Мне кое-как удалось втиснуться в самый большой шлем, но проклятая щетина шуршала так, что никто не разобрал ни единого слова.

— Когда ты собираешься наружу?

— Да вот жду возвращения Клиффа — он пошел с Биллом Чантом исследовать пещеру.

Первые зонды, облетевшие комету в 1986 году, передали информацию, которая позволяла предположить, что плотность кометы заметно меньше плотности воды, — это могло значить, что комета либо сложена из очень пористого вещества, либо пронизана множеством пещер. И то и другое подтвердилось.

Сначала капитан Смит, как всегда осторожный, категорически запретил исследование пещер. Он сдался лишь после того, как доктор Пендрилл напомнил ему, что доктор Чант — его, Пендрилла, старший помощник — опытный спелеолог; мало того, это было одной

из причин, по которой его включили в состав исследовательской группы.

— Обвал при такой незначительной силе тяжести невозможен,— убеждал Пендрилл все еще сопротивляющегося капитана.— Опасности быть похороненным в пещере никакой.

— А как насчет опасности заблудиться?

— Чант воспримет такой вопрос как личное оскорбление. Он забирался на двадцать километров в глубь Мамонтовой пещеры. К тому же за ним будет тянуться страховочный трос.

— А как со связью?

— В тросе находится световод. Да и радиосвязь со скафандром будет действовать, наверно, почти все время.

— Хм. А какую пещеру он выбрал?

— Лучше всего спуститься в бездействующий гейзер у подножья Этны-младшей. Он не действует по крайней мере тысячу лет.

— Будем надеяться, что подождет и еще пару дней. Ну хорошо, кто пойдет с ним?

— Клифф Гринберг вызвался помочь — на Багамских островах он увлекался исследованием подводных пещер.

— Я тоже однажды попробовал — этого было достаточно. Передайте Клиффу, что я не имею права рисковать его жизнью — он слишком ценен. Не возражаю, чтобы он вошел в пещеру, но попросите его оставаться в пределах видимости от входа. И если контакт с Чантом будет утерян, запрещаю идти на помощь без особого разрешения.

Которое, добавил про себя капитан, он вряд ли получит.

Доктор Чант слышал все старые шутки относитель-

но материнского чрева, куда стремятся укрыться спелеологи, и был готов опровергнуть их.

— Это, знаете ли, чертовски шумное место. Разные там стуки, бурчание, бульканье,— утверждал он.— Но я люблю пещеры за то, что там покойно и не ощущается течение времени. Стоишь себе внутри и видишь, что за последние сто тысяч лет здесь ничего не изменилось, разве сталактиты стали чуть толще.

Но теперь, продвигаясь все глубже внутрь кометы Галлея и разматывая за собой тонкий, но невероятно прочный трос, соединяющий его с Клиффордом Гринбергом, он понял, что это больше не соответствует действительности. У него еще не было научного обоснования, но инстинкт геолога настойчиво подсказывал ему, что этот подземный мир по временным масштабам Вселенной появился на свет лишь вчера. Многие человеческие города были старше.

Туннель, по которому он скользил длинными, полными скачками, составлял примерно четыре метра в диаметре; ощущение невесомости оживляло в памяти яркие воспоминания о подводных пещерах на Земле. Незначительная сила тяжести еще больше усиливала эту иллюзию; казалось, он взял с собой чуть больше балласта, чем требовалось, и потому всякий раз медленно опускался вниз. И лишь отсутствие сопротивления напоминало, что он движется не в воде, а в пустоте космического пространства.

— Ты вот-вот исчезнешь из поля зрения,— донесся голос Гринберга, стоявшего в подземном коридоре метрах в пятидесяти от входа и соединенного с Чантом страховочным тросом.— Радиосвязь действует превосходно. Какой там у тебя пейзаж?

— Трудно сказать—не могу идентифицировать окружающие формации, нет подходящих слов для их описания. Это не скальные образования—они рассыпаются в пыль при малейшем прикосновении, такое

впечатление, будто я нахожусь внутри огромной головки швейцарского сыра...

— Ты считаешь, они органического происхождения?

— Да. Разумеется, к жизни они не имеют никакого отношения—просто это идеальное сырье для нее. Самые разнообразные углеводороды—химики будут в восторге от образцов. Ты еще видишь меня?

— Только свечение твоего фонарика; да и оно становится все слабее.

— Ага! Вот тут настоящий скальный грунт. Странно, как он здесь оказался,—наверно, интрузия. Наконец-то—я попал на золотую жилу!

— Шутишь!

— На Старом Западе многие попадались на эту приманку, между прочим—железный пирит. Конечно, это обычное явление на внешних спутниках, только не спрашивай меня, как он оказался на комете...

— Визуальный контакт утерян. Ты углубился в пещеру на двести метров.

— Прохожу через характерный слой—похоже на осколки метеорита. Когда-то здесь произошли потрясающие вещи—надеюсь, удастся определить возраст. Здорово!

— Не кричи так!

— Извини—у меня дух захватило. Впереди огромный зал—вот уж чего не ожидал. Подожди немного, я обведу его лучом... Итак, он почти сферической формы—тридцать или сорок метров в поперечнике. И—комета Галлея полна сюрпризов—кругом сталактиты и сталагмиты!

— Что ж тут удивительного?

— Здесь нет свободной воды—и конечно, нет известняковых пород; вдобавок такая малая сила тяжести. Кажется, это что-то похожее на воск. Минутку,

я сниму на видео пленку. Фантастические формы... Что-то вроде оплавленной свечи. Странно...

— Ну что там?

Голос доктора Чанта внезапно изменился, и Гринберг сразу заметил это.

— Часть сталактитов обломана... лежат на полу пещеры. Будто на них...

— Да продолжай, не томи!

— Будто на них что-то натолкнулось.

— Ты с ума сошел! Может быть, сильное сотрясение?

— Здесь не бывает мощных сотрясений — только микросейсмы от действия гейзеров. Возможно, когда-то случился большой прорыв. Но и то несколько веков назад. Упавшие сталактиты покрыты пленкой этого воскоподобного вещества — толщиной в несколько миллиметров.

Доктор Чант медленно приходил в себя. Он не был слишком впечатлительным — сам процесс обследования пещер быстро устраняет таких, — но охватившее его ощущение пробудило тревожные воспоминания. А эти упавшие сталактиты уж очень похожи на прутья клетки, сломанные каким-то чудовищем, пытавшимся вырваться на волю...

Разумеется, это было абсурдным, но доктор Чант знал, что нельзя игнорировать предчувствие опасности, пренебрегать даже самыми малозаметными признаками надвигающейся угрозы до тех пор, пока не будет выяснена их причина. Уже не раз подобная осторожность спасла ему жизнь; он не уйдет из этого зала, пока не узнает, чем вызван такой страх. Он честно признавал, что чувство, овладевшее им, — не что иное, как страх.

— Билл, у тебя все в порядке? Что происходит?

— Занимаюсь видеосъемкой. Некоторые формы на-

поминают индийские храмовые скульптуры. Почти эротические.

Он заставил себя не думать об угрожающей опасности — будь, что будет.

Чисто механические движения, связанные со сбором образцов и видеосъемкой, занимали почти все его внимание.

В здоровом страхе, напоминал он себе, нет ничего противоестественного, лишь когда страх перерастает в панику, он становится смертельно опасным. Чант впадал в панику дважды (однажды на горном склоне и однажды под водой) — и до сих пор не мог вспомнить без содрогания холодное и влажное прикосновение ужаса. Но теперь, к счастью, он был далек от такого состояния по причине, кажущейся ему — хотя он и не осознавал этого полностью — странно успокаивающей. Во всей ситуации было что-то комическое.

Наконец, он рассмеялся — нет, это был не истерический смех, он смеялся от облегчения.

— Ты когда-нибудь смотрел старые фильмы о звездных войнах? — спросил он Гринберга.

— Конечно, много раз.

— Я только сейчас понял, что меня так беспокоило. Помнишь то место, где космический корабль Люка ныряет на астероид и сталкивается с гигантским змееподобным существом, скрывающимся в его пещерах?

— Это был не корабль Люка, а «Тысячелетний сокол» Хэна Солоу. Меня всегда приводило в недоумение, чем питается несчастное чудовище. Наверно, оно ужасно голодало, поджидая, пока не свалится из космоса лакомый кусочек. Принцессы Лейи ему даже на зуб не хватит.

— Не согласен быть даже такой закуской, — ответил доктор Чант, совсем успокоившись. — Пусть на комете и существует жизнь — это было бы великолепно, — но цепь питания слишком уж коротка. Если здесь есть что-

то, по размерам превышающее мышь, я буду невероятно удивлен. Скорее что-нибудь похожее на грибы... Ладно, за дело — куда бы пойти дальше? На той стороне два туннеля. Тот, что справа, пошире. Попробую сначала туда...

— Сколько еще у тебя страховочного троса?

— Не меньше полукилометра. Ну, я пошел. Достиг середины зала... Черт, отскочил от стенки. Схватился руками... Буду двигаться головой вперед. Гладкие стены... Для разнообразия настоящая скала... Очень жаль...

— Что случилось?

— Масса сталактитов — слишком близко один к другому, чтобы протиснуться между ними... и они такие толстые, что расчистить дорогу можно только взрывами. Это было бы очень обидно... Поразительные краски — впервые здесь на комете вижу настоящие зеленые и синие цвета. Подожди, я сниму их на видеопленку...

Доктор Чант уперся спиной в стену туннеля и нацелил камеру. Пальцем в перчатке хотел нажать кнопку яркого освещения, но промахнулся и случайно выключил освещение совсем.

— Что за вшивая конструкция, — пробормотал он. — Уже третий раз...

Он не исправил свою ошибку сразу, так как всегда испытывал наслаждение от тишины и тьмы, какие могут быть только в самых глубоких пещерах. Лишь едва слышные звуки, которые издавала аппаратура жизнеобеспечения, нарушали полную тишину, по крайней мере...

Но что это? За частоколом сталактитов, преградивших путь, Чант увидел едва заметное свечение, похожее на приближающийся рассвет. По мере того как глаза привыкали к темноте, свечение становилось все ярче,

и он начал различать зеленые тона. Вот уже проступили очертания сталактитовой перегородки...

— Что же все-таки у тебя происходит? — в голосе Гринберга звучала тревога.

— Ничего — просто наблюдаю.

И размышляю, мог бы добавить он. Существует четыре возможных объяснения.

Через какой-нибудь естественный канал — ледяной, кристаллический, какой-нибудь еще — мог проникать солнечный свет. На такую глубину? Вряд ли...

Радиоактивность? Он не взял с собой счетчик Гейгера — на комете практически не было тяжелых элементов. Но все-таки можно вернуться и проверить.

Какой-нибудь фосфоресцирующий минерал — это казалось ему самым вероятным. Но нельзя было исключить и четвертой возможности — самой маловероятной и самой захватывающей из всех.

Доктор Чант навсегда запомнил ту безлунную — и безлюциферную — ночь на берегу Индийского океана, когда он прогуливался по песчаному пляжу под небосводом, усеянным сверкающими звездами. Море было спокойно, но время от времени ленивая волна разбивалась у его ног и взрывалась яркой вспышкой.

Он вошел в мелководе (до сих пор он помнит ласковое прикосновение воды к лодыжкам, как в теплой ванне) и при каждом шаге наблюдал взрыв света. Ему даже удавалось вызывать вспышку, хлопая в ладоши у поверхности воды.

Разве не могли такие люминесцентные организмы развиться в сердце кометы Галлея? Ему так хотелось этого. Жаль, конечно, по-варварски обращаться с таким изысканным шедевром естественного происхождения, как этот, — освещенная сзади, перегородка напоминала алтарь, виденный им однажды в каком-то соборе, — но все же придется сходить за взрывчаткой. А пока надо обследовать второй туннель...

— По этому коридору дальше идти нельзя,— сообщил он Гринбергу,— я решил заглянуть во второй. Возвращаясь к развилке— ставлю барабан на сматывание троса.— Он ничего не сказал о таинственном свечении, исчезнувшем, как только он снова включил освещение.

Гринберг не сразу ответил — странно; возможно, он говорит с кораблем. Это не встревожило Чанта — он решил повторить вызов, как только отправится в путь.

Повторять не потребовалось — Гринберг отозвался.

— Отлично, Клифф, на мгновение мне показалось, что я потерял связь с тобой. Возвращаясь в зал — пройду оттуда во второй туннель. Надеюсь, там не будет никаких препятствий.

На этот раз Гринберг ответил немедленно:

— Извини, Билл. Возвращаемся на корабль. Срочный вызов — нет-нет, с «Юниверс» все в порядке. Возможно, придется немедленно лететь на Землю.

Только через несколько недель доктор Чант нашел вполне правдоподобное объяснение сломанным сталактитам. По мере того как при каждом прохождении через перигелий из ядра кометы выбрасывалось ее вещество, постоянно менялось и распределение массы. Таким образом, через каждые несколько тысяч лет вращение кометного ядра становилось неравномерным и направление оси резко менялось — подобно волчку, готовящемуся упасть, когда он теряет энергию. При этом возникало кометотрясение, достигавшее значительной мощности — до пяти баллов по шкале Рихтера.

Но Чант так и не сумел разгадать тайну фосфоресцирующего свечения. И хотя драматические события, которые уже начали разворачиваться, быстро отодвинули эту проблему на задний план, ощущение упущенной возможности так и не покидало его до самой смерти.

Несмотря на то, что временами искушение рассказать о случившемся коллегам было очень сильным, он не обмолвился ни единым словом. Однако записал все, что видел, и оставил запечатанный пакет для следующей экспедиции, с припиской: «Вскрыть в 2133 году».

20. Приказ вернуться

— Вы уже видели Виктора? — радостно спросил Михайлович, повстречав Флойда в коридоре, когда тот спешил на вызов капитана. — Конченный человек.

— Обрастет на обратном пути, — огрызнулся Флойд, у которого не было времени для обмена банальностями. — Извините, хочу узнать, что произошло.

Когда он вошел в капитанскую каюту, Смит все еще сидел, потрясенный случившимся. Коснись чрезвычайные обстоятельства его корабля, это был бы уже сгусток энергии и приказы сыпались бы направо и налево. Сейчас, однако, от него ничего не зависело — оставалось лишь ждать очередного сообщения с Земли.

Капитан Лаплас был его старым другом; как он мог так напортачить? Это не было несчастным случаем или навигационной ошибкой, да и оборудование на корабле функционировало нормально. И капитан Смит не видел, чем он сможет помочь. Центр Космических операций был в замешательстве — там совсем потеряли голову; происшедшее походило на одну из тех ситуаций, которые нет-нет да и случаются в космосе, когда остается лишь одно: выразить соболезнования и записать последние пожелания. Передавая Флойду содержание приказа, полученного с Земли, Смит ничем, однако, не выдал своих сомнений и колебаний.

— Произошла катастрофа, — сказал он. — Нам приказано немедленно вернуться на Землю, где «Юниверс» подготовят для спасательной экспедиции.

— Что за катастрофа?

— «Гэлакси», корабль нашей компании, вел разведку спутников Юпитера. Он совершил вынужденную посадку.

Капитан Смит увидел изумленное недоверие на лице Флойда.

— Да, знаю, это неправдоподобно. Но и это не все. Он совершил посадку на Европе.

— Европе?!

— Боюсь, именно так. Корабль поврежден, но погибших, видимо, нет. Подробности еще не сообщили.

— Когда это случилось?

— Двенадцать часов назад. Им не удалось сразу связаться с Ганимедом.

— Какую помощь ждут от нас? Ведь мы в другом конце Солнечной системы. Вернуться на лунную орбиту для заправки, потом кратчайшим путем к Юпитеру — на это потребуется, ну... не меньше двух месяцев! (А во времена «Леонова», подумал Флойд, понадобилось бы два года...)

— Да, я знаю; но другого корабля, способного оказать помощь, нет.

— А межспутниковые шаттлы Ганимеда?

— Они рассчитаны всего лишь на орбитальные полеты.

— Но им уже приходилось садиться на Каллисто.

— Для этого требуется куда меньше энергии. Они могут совершить посадку на Европе, но способны взлететь лишь с ничтожным полезным грузом. Впрочем, этот вопрос тоже изучается.

Слова капитана едва проникали в сознание Флойда; он все еще пытался осмыслить поразительное известие. Впервые за последние пятьдесят лет — и всего лишь второй раз за всю историю! — на запретную луну опустился корабль. Все это наводило на мрачные мысли.

— Полагаешь, — спросил он, — кто-то или что-то на Европе заставило «Гэлакси» совершить посадку?

— Я думал об этом,— хмуро произнес капитан.— Но мы рыскали вокруг нее и за много лет так ничего и не заметили.

— К тому же — что произойдет с нами, если мы попытаемся их спасти?

— Это первое, что пришло мне в голову. Но чтобы пойти дальше умозрительных рассуждений, нам нужны дополнительные факты. Дело в том, однако,— я пригласил тебя именно поэтому — мне только что передали список экипажа, и я подумал...

Капитан нерешительно пододвинул через стол распечатку. Но Флойд понял, о чем речь, еще до того, как пробежал глазами имена.

— Мой внук,— произнес он упавшим голосом.

Единственный человек, подумал он, который может сохранить мое имя после того, как я умру.

III. Европейская рулетка

21. Политика изгнания

Вопреки всем мрачным предсказаниям, южноафриканская революция прошла относительно бескровно — по меркам революций, разумеется. Телевидению, которое прежде обвиняли во всех смертных грехах, принадлежала здесь немалая роль. Поколением ранее аналогичный прецедент произошел на Филиппинах: понимая, что за ними наблюдают глаза всего мира, подавляющее большинство мужчин и женщин старались вести себя достойно. Хотя и не обошлось без постыдных исключений, всевидящий глаз телекамеры зарегистрировал всего несколько расправ.

Большинство африкандеров, увидев надпись на стене,

уехали задолго до захвата власти. И уехали они — по горьким жалобам нового правительства — отнюдь не с пустыми руками. Миллиарды рэндов были переведены в голландские и швейцарские банки; незадолго до конца почти ежечасно совершались таинственные рейсы из Кейптауна и Йоганнесбурга в Цюрих и Амстердам. Утверждают, что когда наступил День Независимости, в бывшей Южно-Африканской Республике нельзя было отыскать ни единой тройской унции золота или карата алмазов, а шахтное оборудование умелые руки вывели из строя. Один видный эмигрант хвастал, сидя в своей роскошной гаагской квартире: «Пройдет пять лет, прежде чем кафрам удастся пустить алмазные копи в Кимберли — если удастся вообще». К его полному изумлению, прииск Де-Бирс снова начал действовать — под иным именем и с другой администрацией — через пять недель, и алмазы стали самой важной составляющей в экономике молодого государства.

Уже через одно поколение молодые эмигранты были поглощены — несмотря на отчаянное сопротивление их консервативных старейшин — внерасовой культурой XXI века. Они помнили — с гордостью, но без хвастовства — о бесстрашии и решимости своих предков, но в то же время осуждали совершенные ими глупости. Практически никто из них не говорил на африкаанс, даже у себя дома.

И все-таки, как это произошло с революцией в России сто лет назад, нашлось немало и тех, кто мечтал повернуть вспять часы истории — или, по крайней мере, саботировать усилия врагов, лишивших их власти и привилегий. Как правило, они направляли свою горечь и разочарование в русло пропаганды, демонстраций, бойкотов, петиций в адрес Всемирного Совета или — иногда — выражали свои чувства в произведениях искусства. Роман Вильхелма Смутса «Фортреккерс» был признан шедевром английской (какая ирония

судьбы!) литературы даже теми, кто категорически не соглашался с автором.

Но были и такие группы, которые считали бесполезными все политические акции; по их мнению, восстановить прежний порядок можно лишь путем насилия. И хотя искренне веривших, что им удастся заново переписать историю, было немного, находились и такие, кто считал, что, если уж нельзя одержать верх, можно найти удовлетворение в мести.

Между двумя крайностями — теми, кто полностью ассимилировался, и теми, кто отказывался идти на всякие компромиссы, — располагалось множество политических — и аполитичных — партий. Бурская лига не была самой крупной, зато оставалась самой влиятельной и, уж несомненно, самой богатой, поскольку ей принадлежал контроль над основной частью вывезенных тайком богатств исчезнувшей республики, осуществляемый через разветвленную сеть корпораций и компаний — держателей акций. Большинство последних было теперь вполне респектабельным и действовало совершенно открыто.

В корпорацию «Тсунг азроспейс» Бурская лига вложила полмиллиарда, что должным образом отразилось в ежегодном балансовом отчете. В 2059 году в корпорацию было вложено еще полмиллиарда; это весьма обрадовало сэра Лоуренса, который теперь мог ускорить строительство кораблей своего маленького флота.

Но даже великолепно организованная разведка сэра Лоуренса не обнаружила никакой связи между Бурской лигой и чартерной экспедицией «Гэлакси», одного из кораблей компании «Тсунг азроспейс». К тому же в этот момент комета Галлея приближалась к Марсу, и сэр Лоуренс был настолько озабочен своевременной подготовкой «Юниверс» к полету, который должен был начаться точно по расписанию, что не обращал особого

внимания на каждодневную эксплуатацию остальных кораблей.

Правда, «Ллойдз оф Лондон» выразил сомнения относительно маршрута, выбранного для «Гэлакси», но эта проблема была легко решена. У Бурской лиги повсюду были свои люди, занимавшие ключевые посты; это не предвещало ничего хорошего для страховых компаний, зато было очень удачным для специалистов по космическому праву.

22. Опасный груз

Не так просто управлять коммерческой грузопассажирской линией между пунктами, которые не только перемещаются на миллион километров каждые несколько дней, но и делают это со скоростями, то и дело меняющимися на десятки километров в секунду. В таких условиях и речи не было о регулярном сообщении; иногда вообще приходилось отказываться от вылета и оставаться в порту — или, по крайней мере, на орбите, — ожидая, пока Солнечная система перестроится для лучшего удовлетворения потребностей Человечества.

К счастью, такие периоды известны за много лет, поэтому ими пользовались для осуществления ремонтных работ, проверки бортовых систем и увольнения команды на поверхность планеты. А иногда при элементарном везении и настойчивых усилиях удавалось найти местные чартерные рейсы, хотя бы сугубо развлекательного характера.

Капитан Эрик Лаплас был счастлив, что его трехмесячное пребывание на орбите Ганимеда не будет совершенно убыточным. В Планетный научный фонд неожиданно поступило анонимное пожертвование, предназначенное для финансирования разведки юпитерианских (даже теперь никто не называл их люциферскими)

спутников, причем особое внимание обращалось на исследование малых лун, ранее не привлекавших внимание ученых. Некоторые из этих лун не были достаточно изучены, а о высадке на них и говорить не приходилось.

Услышав про экспедицию, Рольф Ван-дер-Берг тут же связался с транспортным агентом корпорации Тсунга и осторожно навел справки.

— Да, сначала корабль направится к Ио, затем совершит пролет рядом с Европой...

— Всего лишь пролет? На каком расстоянии?

— Одну минутку — странно, в полетном плане ничего не говорится об этом. Разумеется, корабль пролетит вне пределов Запретной зоны.

— Которая уменьшилась в соответствии с последними решениями, принятыми пятнадцать лет назад, ...до десяти тысяч километров. Впрочем, это не имеет значения. Обращаюсь с просьбой о включении меня в состав экспедиции в качестве планетолога. Я вышлю свои...

— Не нужно, доктор Ван-дер-Берг. Вас уже включили в ее состав.

Человек крепок задним умом, и глядя в прошлое (позднее у него оказалась для этого масса времени), капитан Лаплас вспомнил немало странностей, связанных с этим чартерным рейсом. Внезапно заболели два члена команды, и пришлось заменить их в последнюю минуту; он был так доволен, что быстро удалось найти замену, что с должной тщательностью не проверил документы вновь прибывших. (А если бы и проверил, то узнал бы лишь, что они в полном порядке.)

Затем начались неприятности с грузом. Будучи капитаном корабля, он имел право досмотра любого груза, поступающего на борт «Гэлакси». Разумеется, проверить все подряд невозможно, но если возникали подозрения, он не колебался никогда. Экипажи космиче-

ских кораблей состоят в общем-то из людей с высоким чувством ответственности; но продолжительные перелеты могут быть скучными и однообразными, и существуют химические препараты, помогающие забыть о скуке, которые — хотя они и не запрещены на Земле — не следовало допускать на корабль.

Когда второй помощник Крис Флойд явился к нему и сообщил о своих подозрениях, капитан решил, что корабельный хроматографический нюхач обнаружил очередной тайник с припрятанным там опиумом, которым иногда увлекалась его команда, состоявшая в основном из китайцев. Однако на этот раз вопрос был серьезным — слишком серьезным.

— Грузовой трюм номер три, контейнер 2/456, капитан. В грузовой декларации помечено — «научные приборы». Но там находятся взрывчатые вещества.

— Что?!

— Совершенно точно, сэр. Вот электрограмма.

— Верю вам на слово, мистер Флойд. Вы осмотрели контейнер?

— Нет, сэр. Он опечатан; его размеры — полметра на метр и на пять метров. Один из самых крупных контейнеров, доставленных на борт научной группы. На нем надпись: *«Хрупкие приборы — обращаться осторожно»*. Но так помечены и остальные контейнеры, разумеется.

Капитан Лаплас задумчиво побарабанил пальцами по пластиковой, «под дерево», поверхности своего стола. (Ему не нравился рисунок, и он собирался при случае заменить стол.) Даже столь незначительные движения тут же приподняли его над креслом, и он автоматически принял меры, заведя ногу за ножку кресла.

Хотя он ничуть не сомневался в достоверности информации, принесенной Флойдом, — его новый второй помощник оказался весьма компетентным офицером,

и капитану нравилось, что он ни разу не упомянул о своем знаменитом деде,—объяснение могло оказаться вполне невинным. Нюхач мог ошибиться, приняв за взрывчатку химическое вещество с похожими молекулярными связями.

Он имел право спуститься в трюм и вскрыть контейнер. Нет—это могло оказаться опасным, и к тому же могло привести к массе юридических осложнений. Лучше поговорить с руководителем группы; так придется поступить в любом случае, рано или поздно.

— Будьте любезны, пригласите сюда доктора Андерсона—и никому пока ничего не говорите.

— Слушаюсь, сэр!—Крис Флloyd с уважением, но безо всякой необходимости взял под козырек и плавно выскользнул из каюты.

Руководитель научной группы не привык к невесомости, и его появление было весьма неуклюжим. Искреннее негодование, написанное на его лице, также изрядно мешало, и ученому пришлось то и дело хвататься за край стола, что отнюдь не прибавляло ему достоинства.

— Взрывчатые вещества? Нет, разумеется! Дайте-ка взглянуть на грузовую декларацию... место 2/456...

Доктор Андерсон ввел цифровое обозначение в свой карманный компьютер и прочитал вслух:

— Пенетрометры, «Марк V», количество—три. Разумеется, все в порядке.

— Простите меня,—начал капитан,—но что такое «пенетромтр»?—Несмотря на тревогу, он с трудом скрывал улыбку—название прибора звучало не вполне прилично.

— Обычный прибор для взятия проб минералов, составляющих кору небесного тела. Вы сбрасываете его, и он выдает керн длиной до десяти метров—даже в твердой скале. Затем сообщает результаты полного химического анализа. Это единственный безопасный

способ исследования дневной стороны Меркурия — или поверхности Ио, куда мы собираемся сбросить первый из них.

— Доктор Андерсон, — начал капитан, пытаясь сохранить самообладание, — возможно, вы блестящий геолог, но слабо разбираетесь в небесной механике. С орбиты нельзя что-нибудь просто *сбросить*...

Обвинение в невежестве, конечно, было необоснованным, что стало ясно по реакции ученого.

— Идиоты! — воскликнул он. — Конечно, вас нужно было предупредить!

— Совершенно верно. Ракеты на твердом топливе относятся к разряду опасных грузов. Мне требуется разрешение страховой компании и ваша личная гарантия, что предохранительные системы достаточно надежны; в противном случае ракеты будут выгружены. А теперь, какие у вас еще приготовлены сюрпризы? Помоему, вы собирались заниматься сейсмической разведкой? А ведь при ней обычно применяются взрывчатые вещества...

Вернувшись через несколько часов, пристыженный ученый признался, что обнаружил две бутылки элементарного фтора, используемого при работе лазеров, лучи которых, касаясь пролетающих небесных тел на расстоянии тысячи километров, позволяют брать спектрографические пробы состава их коры. Поскольку чистый фтор является самым едким веществом в природе, он включен в список запрещенных материалов — но как и ракеты, направляющие пенетрометры к цели, для работы экспедиции он был необходим.

После того как капитан Лаплас убедился, что приняты все меры предосторожности, он отпустил ученого, который извинился за происшедшее и заверил, что виною всему спешка при подготовке экспедиции.

Капитан не сомневался, что доктор Андерсон гово-

рит правду, но тем не менее ему показалось, что экспедиция какая-то странная.

Он даже не представлял себе, *насколько* она странная.

23. Ад

До взрыва Юпитера в соревновании за наиболее яркое воплощение ада в Солнечной системе Ио уступала лишь Венере. Теперь, когда Люцифер повысил температуру на ее поверхности еще на пару сотен градусов, даже Венере пришлось уступить.

Серные вулканы и гейзеры резко увеличили свою активность и за несколько лет полностью изменили облик страдающего спутника, тогда как прежде на это потребовались бы десятилетия. Планетологи отказались от попыток картографирования Ио, довольствуясь орбитальными съемками, которые проводили каждые несколько дней. Используя материал съемок и ускоренную смену кадров, они создавали внушающие ужас фильмы о неизменно активном, вечно меняющемся аде.

«Ллойдз оф Лондон» потребовал повышенный страховой взнос за этот участок полета, но Ио не представляла серьезной опасности для корабля: он пролетал на расстоянии десяти тысяч километров — и к тому же над относительно спокойной ночной стороной.

Наблюдая за приближающимся желто-оранжевым шаром — самым неправдоподобно красочным небесным телом во всей Солнечной системе, второй помощник Крис Флойд не мог не вспомнить о том, что полвека назад здесь пролетал его дед. Именно здесь произошла встреча «Леонова» с покинутым «Дискавери» и доктор Чандра оживил дремлющий компьютер ЭАЛ. Затем оба корабля полетели дальше, для осмотра и изучения гигантского черного монолита, парящего возле

Л-1, Внутренней точки Лагранжа между Ио и Юпитером.

Теперь монолит исчез — и Юпитер тоже. Минисолнце, подобно сказочной птице Феникс возникшее в результате имплозии гигантской планеты, превратило свои спутники в некое подобие планет, создав своего рода новую Солнечную систему, хотя лишь на Ганимезде и Европе образовались области, где температура приближалась к земной. Никто не знал, сколько времени это будет продолжаться. По различным оценкам, жизнь Люцифера могла продлиться от тысячи до миллиона лет.

Научная группа «Гэлакси» с сожалением смотрела на точку Л-1, но теперь приближаться к ней было слишком опасно. Здесь всегда протекала река электрической энергии — «электрический канал» Ио — между Юпитером и его внутренним спутником, но после возникновения Люцифера мощность этого потока увеличилась в сотни раз. Иногда электрическую реку было видно даже невооруженным глазом — по характерному желтому свечению ионизированного натрия. Кое-кто из инженеров на Ганимезде поговаривал о полезном использовании бесчисленных гигаватт, бессмысленно расточаемых совсем рядом, но ни один из них так и не придумал, как подключиться к этому неистощимому источнику энергии.

Сопровождаемый солеными шутками, был запущен первый пенетрометр, и через два часа он словно игла шприца вонзился в спутник, покрытый нарывами кратеров. Приборы на пенетрометре действовали почти пять секунд — в десять раз дольше расчетного времени — и успели передать на корабль тысячи химических, физических и реологических измерений, прежде чем Ио заставила их замолчать.

Восторгу ученых не было пределов; Ван-дер-Берг

остался всего лишь довольным. Он и не сомневался, что запуск будет успешным — Ио была до абсурда легкой целью. Но если его предположения относительно Европы оправдаются, второй пенетrometer потерпит неудачу.

Это, впрочем, еще ничего не докажет; неудачу можно объяснить десятком разумных причин. А когда пенетrometer не работает, не останется иного выхода, кроме посадки.

Что, разумеется, было категорически запрещено — и не только законами человека.

24. Чака Великий

АСТРОПОЛ, который, несмотря на столь претенциозное название, играл разочаровывающе малую роль за пределами Земли, отказывался признать существование Чаки. Соединенные Штаты Южной Африки придерживались аналогичной точки зрения, и дипломаты этой страны либо смущенно улыбались, либо приходили в негодование, когда кто-либо бестактно упоминал это имя.

Однако третий закон Ньютона применим не только к политике. У Бурской лиги были свои экстремисты — хотя она и пыталась, иногда и не слишком рьяно, отречься от них, — которые постоянно оказывались вовлеченными в заговоры против СШЮА. Как правило, дело ограничивалось экономическим саботажем, хотя время от времени происходили взрывы, исчезновения и даже убийства.

Вряд ли нужно говорить, что Соединенные Штаты Южной Африки всерьез принимали подобного рода деятельность. Они реагировали на нее созданием контрразведывательных служб, прибегающих к самым разнообразным средствам, но и там утверждали, что им ничего не известно о Чаке. Возможно, они пользова-

лись удачным изобретением ЦРУ — тактикой «правдоподобного отрицания». Впрочем, не исключено, что они действительно говорили правду.

Кое-кто утверждал, что само имя «Чака» впервые возникло как зашифрованное название и лишь затем, подобно «поручику Кижэ» у Прокофьева, превратилось в нечто реальное, ожило, поскольку приносило пользу некоторым секретным службам.

Но существовало и другое, возможно притянутое за уши, объяснение, принадлежащее тем, кто искренне верил в существование Чаки. Оно сводилось к тому, что агенты Чаки в случае опасности захвата в плен и последующего допроса кончали с собой.

Как бы то ни было, никто не ожидал, что два века спустя легенда о великом вожде зулусских племен оживет и бросит тень на совершенно неведомый ему мир.

25. Скрытый мир

На протяжении десяти лет после вспышки Юпитера и начала Эры Великого Таяния на всех его спутниках Европу не трогали. Затем китайцы осуществили быстрый пролет, зондируя радиолокатором ее поверхность, затянутую пеленой облаков, в надежде отыскать обломки своего космического корабля «Цин». Они потерпели неудачу, однако составленные ими карты Дневной стороны впервые фиксировали появление новых континентов, возникающих по мере таяния ледяного покрова.

Кроме того, они обнаружили какую-то идеально прямую двухкилометровую плиту, которая выглядела настолько ненатурально, что ее окрестили Великой Стеной. Ее форма и размеры позволили предположить, что это тот самый монолит — или один из монолитов, поскольку миллионы таких монолитов возникли за несколько часов до рождения Люцифера.

Несмотря на это, Европа не подавала никаких признаков разумной жизни; окутанная пеленой все более сгущающихся облаков, она хранила молчание. Вот почему спустя несколько лет на постоянные орбиты вокруг Европы были выведены исследовательские спутники, а в атмосферу сброшены высотные шары-зонды с целью изучения направления и силы ветров. Это оказалось исключительно интересным для земных метеорологов, потому что Европа — с ее центральным океаном и никогда не заходящим солнцем — представляла собой идеально упрощенную модель для их исследований.

Так началась игра в «европейскую рулетку», как называли ее чиновники всякий раз, когда ученые предлагали спуститься поближе к поверхности спутника. По истечении пятидесяти лет — во время которых ничего не случилось — это стало даже скучным. Капитан Лаплас надеялся, что так будет продолжаться и дальше, и доктору Андерсону пришлось долго его уговаривать.

— Лично мне, — сказал капитан ученому, — представляется не слишком дружелюбным акт, когда на меня сбрасывают тысячекилограммовую бронебойную ракету, устремляющуюся вниз со скоростью тысячи километров в час. Удивляюсь, как вам удалось получить разрешение Всемирного совета.

Доктор Андерсон был удивлен не меньше, хотя изменил бы свою точку зрения, зная, что этот вопрос стоял последним в длинной повестке дня Подкомитета по вопросам науки и обсуждение закончилось поздно вечером в пятницу. Порой такие пустяки делают Историю.

— Я с вами согласен, капитан. Но мы действуем в весьма ограниченных координатах и никак не можем нанести вред этим... европейцам, кем бы они ни были. Наша цель — в пяти километрах над уровнем моря.

— Да, я знаю. А почему вас так интересует гора Зевс?

— Видите ли, она представляет собой совершеннейшую тайну. Всего несколько лет назад ее вообще не было! Эта загадка сводит геологов с ума.

— Значит, прибор, запущенный вами, проникнет в ее толщу и передаст сведения, которые помогут разгадать эту тайну.

— Совершенно верно. И еще—вообще-то я не имею права говорить об этом—мне поручено сохранить в секрете полученные сведения и передать их на Землю в зашифрованном виде. Судя по всему, кто-то находится на пороге важного открытия и не хочет, чтобы его опередили. Представляете, насколько мелочны-ми бывают ученые?

Капитан Лаплас отлично представлял это, но ему не хотелось разочаровывать доктора Андерсона. Ученый был так трогательно наивен; как бы ни развивались события—а капитан был теперь совершенно уверен, что экспедиция вовсе не та, какой кажется с первого взгляда,—Андерсон оставался в полном неведении.

— Надеюсь, доктор, европейцы не занимаются альпинизмом. Представляете, что произойдет, если именно в этот момент они попытаются водрузить флаг на своем местном Эвересте?

При запуске пенетрометра на борту «Гэлакси» царило необычное волнение—даже неизбежные шутки звучали вполголоса. За те два часа, что зонд летел к поверхности Европы, чуть ли не каждый, кто был на корабле, сумел побывать на мостике и поинтересоваться, как проходит наведение зонда,—и всякий раз объяснение такого любопытства звучало вполне правдоподобно. Когда оставалось пятнадцать минут, капитан Лаплас запретил вход на мостик всем посторонним, исключение составляла новая стюардесса Роза: без множества пластмассовых шариков с великолепно приготовленным кофе, который проходило—в условиях невесо-

мости — выжимать прямо в рот, операция просто не могла продолжаться.

Все шло как нельзя лучше. Вскоре после вхождения в атмосферу привели в действие воздушные тормоза, которые снизили скорость полета зонда до нужной величины. На экране радиолокатора непрерывно росла цель — совершенно невыразительная, без осязаемого масштаба. За секунду до удара все записывающие устройства автоматически переключились на моментальную регистрацию...

Однако записывать было нечего.

— Теперь мне понятно, — печально пробормотал доктор Андерсон, — какие чувства испытывали в Лаборатории реактивного движения, когда первые «Рейнджеры» врезались в поверхность Луны... с неработающими камерами.

26. Ночная вахта

Всеобщим является только время; день и ночь — это всего лишь забавные местные обычаи, существующие на тех планетах, где приливные силы еще окончательно не покончили с их вращением. Но как далеко от родного мира ни залетали бы люди, они не могли освободиться от суточного ритма жизни, возникшего много веков назад в результате поочередного наступления света и темноты.

Поэтому в 0105 всеобщего времени второй помощник Чанг находился на мостике совсем один, охраняя спокойствие мирно спящего корабля. Строго говоря, его бдение было тоже излишним — электронные датчики «Гэлакси» сумеют обнаружить любую неисправность намного быстрее. Однако сто лет исследований в области кибернетики показали, что человеческие существа все еще несколько лучше машин реагируют на

неожиданности, а они, рано или поздно, обязательно случаются.

Где мой кофе? — раздраженно думал Чанг. Розы запзывает — это на нее непохоже. Уж не испытывает ли она то же недомогание, что охватило ученых и команду после неудач последних двадцати четырех часов?

После катастрофы с первым пенетрометром началось поспешное обсуждение дальнейших шагов. Остался еще один аппарат; он был предназначен для Каллисто, но его вполне можно было использовать и здесь.

— К тому же, — доказывал доктор Андерсон, — мы уже совершали посадки на Каллисто — ничего, кроме всякого рода битого льда, там нет.

Возражений не было. После двенадцати часов, необходимых для проверки пенетрометра и приведения его в готовность, аппарат номер три был запущен в затянутую облаками атмосферу Европы по невидимой траектории его предшественника.

На этот раз записывающие устройства корабля включились — на половину миллисекунды. Акселерометр, установленный на зонде и рассчитанный на перегрузки до 20 тысяч *g*, зашкалило сразу после этого. Все приборы, установленные на пенетрометре, вышли из строя в сотую долю мгновения.

После нового, еще более грустного анализа ситуации было решено сообщить о происшедшем на Землю и ждать указаний на высокой орбите вокруг Европы, задержав пока полет к Каллисто и внешним лунам.

— Извините за опоздание, сэр, — раздался голос Розы Мак-Магон (по ее имени никогда не догадаться, что девушка темнее того кофе, что в пластмассовых шариках). — Я, наверно, забыла поставить будильник.

— Нам здорово повезло, — засмеялся вахтенный офицер, — что тебе не приходится управлять кораблем.

— Я вообще не понимаю, как можно им управлять,— ответила Роза.— Все так сложно.

— О, это кажется лишь с первого взгляда,— заметил Чанг.— Разве при обучении у вас не было курса по основам астронавтики?

— Не помню — вроде был. Но для меня все это так непонятно — разные там орбиты и все остальное.

Второму помощнику Чангу было скучно. Он решил, что, просветив свою невежественную посетительницу, совершит акт добродетели. И хотя Роза не принадлежала к тем девушкам, которые ему нравились, она была, без сомнения, привлекательна; немного усилий, потраченных сегодня, могут окупиться в будущем. Ему и в голову не пришло, что девушка, исполнив свой долг и снабдив его кофе, хочет снова отправиться спать.

Заканчивая свой двадцатиминутный монолог, второй помощник Чанг указал на панель управления и заключил с широкой улыбкой:

— Как видишь, все делается почти автоматически. Стоит ввести несколько цифр в бортовой компьютер, и корабль сделает остальное.

Казалось, Роза устала — она то и дело поглядывала на часы.

— Извини, Роза,— с искренним раскаянием произнес Чанг.— Тебе, наверно, хочется спать.

— Нет-нет, все так интересно. Продолжайте, пожалуйста.

— Ни в коем случае. В следующий раз. Спокойной ночи, Роза,— и спасибо за кофе.

— Спокойной ночи, сэр.

Стюардесса третьего класса Роза Мак-Магон скользнула (не очень искусно) по направлению ко все еще открытой двери. Когда дверь захлопнулась, Чанг даже не обернулся.

Поэтому, когда через несколько секунд на мостике

раздался совершенно незнакомый женский голос, он был потрясен.

— Мистер Чанг, не нажимайте на кнопку тревоги — она выключена. Вот посадочные координаты. Сажайте корабль.

Медленно, не веря своим ушам — не иначе задремал, и приснился страшный сон, — Чанг повернулся в кресле.

Девушка, называвшая себя Розой Мак-Магон, висела в пространстве рядом с овальным люком, держась за рукоятку затвора. Все в ней, казалось, переменялось; в одно мгновение они поменялись ролями. Застенчивая стюардесса, которая никогда раньше не осмеливалась посмотреть ему в лицо, теперь уставилась на Чанга холодным, безжалостным взглядом; он понял, как чувствует себя кролик, на которого смотрит змея, не отрываясь, гипнотизирующим взглядом. В свободной руке она сжимала небольшой, смертоносного вида пистолет; впрочем, оружие казалось излишним — Чанг не сомневался, что ей ничего не стоит прикончить его голыми руками.

Тем не менее чувство собственного достоинства и профессиональная гордость не позволяли Чангу сдаться без борьбы. И уж по крайней мере, нужно было выиграть время.

— Роза, — произнес он, и губы едва выговорили имя, которое звучало сейчас так неуместно, — это просто глупо. Неужели ты поверила тому, что я тебе говорил? Это неправда. Я не могу посадить корабль в одиночку. Нужно несколько часов, чтобы рассчитать параметры орбиты, и мне понадобится помощь при посадке. По крайней мере, второй пилот.

Дуло пистолета не шелохнулось.

— Не морочьте мне голову, мистер Чанг. Этот корабль не ограничен энергией, как старые ракеты на химическом топливе. Космическая скорость на Европе

всего три километра в секунду. Ваша подготовка включает аварийную посадку при неисправном бортовом компьютере. А теперь постарайтесь применить это на практике: окно для оптимальной посадки в указанных мной координатах открывается через пять минут.

— При аварийной посадке такого типа,— сказал Чанг, мокрый от пота,— процент риска равен двадцати пяти.— Вообще-то истинный процент риска был десять, но Чанг решил, что сейчас можно и преувеличить угрожающую опасность.— К тому же прошло уже несколько лет, и я изрядно подзабыл, как это делается.

— В этом случае,— ответила Роза Магон,— мне придется устранить вас и потребовать, чтобы капитан прислал более надежного офицера. Но тогда мы упустим это окно, а следующего придется ждать пару часов. У вас еще четыре минуты.

Второй помощник Чанг понял, что проиграл; во всяком случае, он сделал все от него зависящее.

— Давай свои координаты,— сказал он.

27. Роза

Как только раздались первые негромкие хлопки включенных двигателей контроля ориентации, напоминающие отдаленный стук дятла, капитан Лаплас мгновенно проснулся. Сначала ему показалось, что это сон; нет, корабль действительно разворачивался в пространстве.

Может быть, один борт перегрелся и система термического контроля слегка развернула корабль. Такое иногда случалось, и всегда по недосмотру вахтенного офицера, не заметившего повышения температуры.

Он протянул руку, чтобы нажать на кнопку интеркома, связывающего капитанскую каюту с мостиком, и вызвать—кто там сейчас на вахте?—да, мистера Чанга, но рука остановилась на полпути.

После многих дней в невесомости даже одна десятая силы тяжести застает врасплох. Капитану показалось, что понадобились минуты — хотя прошло, должно быть, всего несколько секунд, — чтобы расстегнуть привязные ремни и выбраться из койки. На этот раз он нажал на кнопку изо всех сил. Никто не отвечал.

Капитан старался не обращать внимания на стук падающих вокруг незакрепленных предметов, которые срывало с мест появление силы тяжести. Все падало и стучало, казалось, довольно долго; наконец единственным звуком, нарушающим тишину, стал отдаленный приглушенный рев двигателя, включенного на полную мощность.

Он рванул занавеску на иллюминаторе и взглянул на звезды. Капитан примерно представлял, куда должна быть направлена продольная ось корабля; здесь не требовалась точность; даже если ему удастся установить направление с ошибкой в тридцать или сорок градусов, это позволит сделать выбор между двумя возможностями.

«Гэлакси» можно направить так, что он будет либо терять, либо увеличивать орбитальную скорость. Корабль терял скорость — значит, он готовился спускаться к Европе.

Кто-то настойчиво стучал в дверь, и капитан понял, что прошло всего лишь чуть больше минуты. В дверном проеме стояли второй помощник Флойд и еще два члена экипажа.

— Дверь на мостик заперта, сэр, — произнес Флойд, тяжело дыша. — Мы не можем войти — и Чанг не отвечает на вызов. Нам непонятно, что случилось.

— Боюсь, мне это вполне понятно, — ответил капитан Лаплас, натягивая брюки. — Рано или поздно какой-нибудь сумасшедший должен был додуматься до этого. Мостик захвачен, и я догадываюсь, куда мы летим. Вот только не могу понять — почему.

Он взглянул на часы и произвел в уме быстрый расчет.

— При таком уровне тяги мы сойдем с орбиты через пятнадцать минут — ну, скажем, через десять — скинем пять минут на всякий случай. Как отключить двигатель, не подвергая опасности корабль?

Второй механик Ю уныло покачал головой и ответил довольно неохотно:

— Можно отключить на щите сеть питания насосов, и прекратится подача топлива.

— К нему можно добраться?

— Да, он на третьей палубе.

— Пошли.

— Э-э... тогда автоматически включится резервная система питания. В целях безопасности она размещена за бронированной переборкой на пятой палубе — придется действовать лазерным резаком — нет, не успеем.

Капитан Лаплас именно этого и боялся. Гениальные инженеры, проектируя «Гэлакси», постарались защитить корабль от любых случайностей. Но они оказались бессильны против человеческой злобы.

— Еще есть варианты?

— Боюсь, за это время — никаких.

— Тогда идем на мостик и попытаемся поговорить с Чангом — или с тем, кто там с ним.

Кто это может быть? — думал капитан. Ему не хотелось верить, что негодяем оказался кто-то из его постоянной команды. Значит... — ну конечно! Маньяк — это ученый, старающийся подтвердить справедливость своей теории; эксперименты терпят неудачу, и он решает, что интересы науки и стремление к знаниям прежде всего...

Все это неприятно походило на дешевую мелодраму о безумном ученом, но факты, факты... Неужели доктор

Андерсон решил, что это единственный путь к Нобелевской премии?

Теория рухнула, когда растрепанный и запыхавшийся геолог подбежал к капитану.

— Боже мой, что происходит? Включена максимальная тяга! Мы опускаемся или поднимаемся?

— Опускаемся,— ответил капитан Лаплас.— Минут через десять выйдем на орбиту сближения с Европой. Будем надеяться, что человек, управляющий полетом корабля, знает что делает.

Они стояли перед закрытой дверью на мостик. Изнутри не доносилось ни единого звука.

Лаплас изо всех сил постучал в дверь, едва не разбив в кровь костяшки пальцев.

— С вами говорит капитан! Откройте!

Глупо, подумал он, давать команду, которую никто не собирается исполнять. Он надеялся, однако, что последует какая-то реакция. К его изумлению, так и произошло.

В динамике над головой что-то зашипело и раздался голос:

— Не делайте глупостей, капитан. У меня пистолет, и мистер Чанг исполняет мои приказы.

— Кто это? — удивленно прошептал один из офицеров.— Похоже на женщину!

— Совершенно верно,— мрачно согласился капитан. Число версий резко сократилось, но легче от этого не стало.

— На что вы надеетесь? Вы знаете, что не сможете избежать наказания! — закричал он как можно более властным голосом.

— Мы садимся на Европу. И если вам хочется когда-нибудь улететь отсюда, не пытайтесь мешать.

— В каюте ничего подозрительного,— сообщил спустя тридцать минут второй помощник Крис Флloyd. К этому моменту двигатели были уже выключены

и «Гэлакси» снижался по эллиптической орбите, готовясь вот-вот скользнуть в атмосферу Европы. Пути назад уже не было; сейчас можно было вывести из строя двигатели, но это было равноценно самоубийству. Двигатели понадобятся при посадке — хотя это всего лишь отдалит неизбежный конец.

— Рози Мак-Магон! Кто бы мог в это поверить! Может, она наркоманка?

— Нет,— ответил Флойд.— Это тщательно продуманная и отлично выполненная операция. У нее на корабле спрятано радио. Нужно взяться за поиски.

— Ты рассуждаешь как полицейский.

— Сейчас же прекратите, господа,— вмешался капитан. Все были взвинчены до предела — и в первую очередь из-за невозможности предпринять что-нибудь или хотя бы установить связь с мостиком, где забаррикадировалась преступница. Он посмотрел на часы.

— До входа в атмосферу — по крайней мере в то, что здесь называют атмосферой,— осталось меньше двух часов. Я буду у себя в каюте — вдруг им захочется поговорить со мной. Мистер Ю, прошу вас остаться у входа на мостик и сообщать мне о происходящем.

Еще ни разу в жизни капитан не чувствовал себя таким беспомощным, но бывает время, когда не остается ничего иного, кроме ожидания. Выходя из офицерской кают-компания, он слышал, как кто-то грустно заметил:

— Сейчас бы шарик кофе. Рози умела готовить такой кофе, какого я нигде больше не пробовал.

Да, мрачно подумал капитан, она действительно знает свое дело. За что ни возьмется, доводит до конца решительно и без колебаний.

28. Диалог

Лишь один человек на борту «Гэлакси» не считал происходящее полной катастрофой. Пусть я погибну, говорил себе Рольф Ван-дер-Берг, но, по крайней мере, у меня остается надежда обессмертить свое имя в анналах науки. Это, конечно, слабое утешение, но никто на борту не мог рассчитывать на большее.

«Гэлакси» направлялся к горе Зевс — в этом у него не было ни малейших сомнений; на Европе нет больше ничего интересного. Более того, ни на одной планете ничто даже отдаленно нельзя сравнить с горой Зевс.

Значит, его теория — а он честно признался, что это все еще оставалось теорией, — перестала быть тайной. Как могли это разнюхать?

Он полностью доверял дяде Паулю — правда, старик мог проявить неосторожность. Более вероятно другое — кто-то постоянно следил за его компьютерами. Если дело обстоит именно так, жизни старого ученого угрожает опасность. Может быть, следует предостеречь его, подумал Рольф. Он знал, что радист пытается установить связь с Ганимедом, воспользовавшись запасным передатчиком; уже сработал автоматический маяк, и сигнал тревоги вот-вот будет принят на Земле, ведь прошел почти час.

— Войдите, — отозвался Рольф, услышав тихий стук в дверь. — А, это ты, Крис. Что тебя привело сюда?

Рольф с удивлением смотрел на Криса Флойда, которого знал ничуть не лучше остальных офицеров корабля. Если посадка на Европу окажется удачной, мелькнула у него мрачная мысль, у них всех будет достаточно времени, чтобы познакомиться куда лучше.

— Привет, доктор. Вы — единственный, у кого каюта в этой части корабля. Решил вот обратиться к вам за помощью.

— Не уверен, что сейчас кто-нибудь на это способен. С мостика нет новостей?

— Нет. Когда я уходил, Ю и Гиллингс пытались прикрепить микрофон к двери. Впрочем, внутри все тихо. И неудивительно — у Чанга сейчас хлопот полон рот.

— А он сумеет совершить посадку на Европе?

— Он блестящий пилот; если вообще возможно посадить корабль, он посадит его. Меня куда больше беспокоит, как взлететь потом.

— Мне и в голову не приходило заглядывать так далеко. Я считал, что уж с этим-то не будет проблем.

— Нет, это окажется рискованным предприятием. Не забывайте, наш корабль рассчитан только на орбитальные полеты. Мы не собирались совершать посадку на одной из крупных лун — правда, рассчитывали сесть на Ананке и Карме. Поэтому не исключено, что мы застрянем на Европе, — особенно если Чанг израсходует слишком много топлива в поисках места для посадки.

— А ты не знаешь, где он собирается сесть? — Рольф постарался, чтобы его голос звучал как можно равнодушнее. По-видимому, это ему не удалось, потому что Крис взглянул на Рольфа с интересом.

— Пока не знаю. Все прояснится, когда Чанг начнет торможение. Но вы ведь хорошо знакомы с этими лунами; где, по вашему мнению, мы совершим посадку?

— На Европе лишь одно интересное место. Гора Зевс.

— А почему кому-то нужно садиться именно там? Рольф пожал плечами:

— Именно это нам и хотелось узнать. Обошлось нам в два дорогих пенетрометра.

— Похоже, обойдется куда дороже. Неужели у вас нет никаких подозрений?

— Ты рассуждаешь как полицейский, — с улыбкой

заметил Ван-дер-Берг, совершенно не думая, что его слова могут быть восприняты серьезно.

— Странно — за последний час мне только об этом и говорят.

Мгновенно атмосфера в каюте изменилась — будто что-то сработало в системе жизнеобеспечения.

— Не обращай внимания — я просто пошутил, или это правда?

— Если и правда, то я не признаюсь в этом — верно?

Он так и не ответил на мой вопрос, подумал Ван-дер-Берг; с другой стороны, вдруг это и было ответом.

Он внимательно посмотрел на молодого офицера, отметив — не в первый раз — поразительное сходство со знаменитым дедом. Кто-то говорил, что Крис Флойд был включен в состав команды «Гэлакси» незадолго до полета; раньше он служил на другом корабле космического флота Тсунга. «И тут не обошлось без связей», — скептически заметил про себя старый ученый. Однако в способностях Флойда не приходилось сомневаться — он был превосходным офицером. Впрочем, эти способности могли пригодиться и при выполнении побочных обязанностей; к примеру, Роза Мак-Магон — она ведь тоже, между прочим, была включена в состав экипажа «Гэлакси» перед самым вылетом.

Рольф Ван-дер-Берг чувствовал, будто его втягивают в какую-то огромную, липкую паутину межпланетных интриг; как ученый, привыкший всегда — почти всегда — получать прямые и недвусмысленные ответы на вопросы, задаваемые им природе, он чувствовал себя не в своей тарелке.

Впрочем, у него вряд ли есть основания считать себя невинной жертвой. Он пытался скрыть правду — или, по крайней мере, то, что он считал правдой. И теперь последствия обмана начали множиться подобно

нейтронам при цепной реакции, причем результаты могут оказаться такими же разрушительными.

На чьей стороне Крис Флойд? И вообще, сколько здесь сторон? Бурская лига, несомненно, как-то замешана, раз уж сведения о горе Зевс просочились и стали достоянием многих. Но ведь и внутри лиги множество фракций и немало групп, находящихся в оппозиции к ним; все это походило на зал, где — куда ни глянь — видишь свое отражение в зеркалах.

И все-таки Рольф был уверен в одном: Крису Флойд можно доверять — хотя бы из-за его связей. Готов побиться об заклад, подумал Рольф, что на время этой экспедиции он работает по заданию АСТРОПОЛа — каким ни окажется этот период — коротким или длинным.

— Я готов помочь, Крис, — произнес он задумчиво. — Ты, наверно, подозреваешь, что у меня есть кое-какие мысли. Не исключено, впрочем, что они могут оказаться совершенно необоснованными... Меньше чем через полчаса все станет ясно. А пока мне хотелось бы сохранить их в секрете.

И это не просто врожденное бурское упрямство, подумал Рольф. Если он ошибся, ему не хотелось бы умирать среди тех, кто знает, что трагедия произошла из-за его глупости.

29. Спуск

Этот вопрос мучил второго помощника Чанга с того момента, когда «Гэлакси» успешно — к его удивлению и облегчению — перешел на орбиту снижения. В течение следующих двух часов корабль находился в руках всевышнего или, по крайней мере, в руках сэра Исаака Ньютона; оставалось лишь ждать, когда наступит время окончательного торможения и спуска.

На мгновение ему в голову пришла мысль — а не по-

пробовать ли обмануть Розу и в момент, когда «Гэлакси» приблизится к Европе на кратчайшее расстояние, дать ему обратный вектор, повернуть корабль и направить его снова в космос. Тогда «Гэлакси» окажется на устойчивой орбите и со временем их может спасти экспедиция с Ганимеда. У этого плана был, однако, крупный недостаток: уж его-то, Чанга, спасти не придется. И хотя он не был трусом, ему совсем не улыбалась мысль, что он станет посмертным героем космических трасс.

В любом случае надежда пережить следующий час была слабой. Ему приказали посадить космический корабль в три тысячи тонн, одному, без всякой помощи, на совершенно незнакомую поверхность. Даже на Луне, которую Чанг знал как свои пять пальцев, он не решился бы на такой подвиг.

— Сколько минут до начала торможения? — спросила Роза. Это не было вопросом — скорее, напоминало приказ. Несомненно, она разбиралась в основах астронавтики, и Чанг отказался от последней отчаянной надежды перехитрить ее.

— Пять, — ответил он с неохотой. — Можно, я предупреджу экипаж, чтобы они готовились к посадке?

— Нет, я сама. Где микрофон?.. **ВНИМАНИЕ, СООБЩЕНИЕ С МОСТИКА. ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ НАЧИНАЕМ ТОРМОЖЕНИЕ. ПОВТОРЯЮ, ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ. КОНЕЦ.**

Ученые и офицеры, собравшиеся в кают-компании, ждали этого объявления. В одном им повезло: наружные видеомониторы остались включенными. Возможно, Роза забыла о них; скорее всего, это ее не интересовало. И вот теперь беспомощные зрители — в буквальном смысле плененная аудитория — наблюдали развертывающуюся перед ними картину.

Серп Европы, затянутый облаками, заполнил весь экран камеры заднего обзора. Нигде в сплошной пелене

водяных паров, конденсирующихся на обратном пути к ночной стороне, не было ни единого просвета. Само по себе это не имело никакого значения, потому что до последнего момента спуск будет контролироваться радиолокатором. Однако для наблюдателей, вынужденных полагаться на свое зрение, тревожное ожидание лишь усиливало агонию.

Никто не смотрел на приближающийся мир с таким вниманием, как человек, который изучал его в течение почти десяти лет с чувством бессильной неудовлетворенности. Рольф Ван-дер-Берг сидел в хрупком, рассчитанном на малую силу тяжести кресле, пристегнувшись тонкими ремнями, и едва не пропустил момента, когда началось торможение и невесомость исчезла.

Через пять секунд тормозная тяга стала максимальной. Офицеры что-то вычисляли на своих карманных компьютерах; лишенные доступа к главному навигационному компьютеру, они во многом гадали, и капитан ждал, когда сформируется общая точка зрения.

— Одиннадцать минут,— объявил он наконец,— при условии, что он не снизит тягу,—сейчас двигатели на максимуме. И при условии, что корабль зависнет над облаками на высоте десяти километров — и потом начнет спуск прямо вниз. На это уйдет еще пять минут.

Капитан счел излишним упоминать, что из этих пяти минут самой критической будет последняя секунда.

Казалось, Европа решила хранить свои тайны до самого конца. Когда «Гэлакси» неподвижно повис над покровом облаков, внизу по-прежнему не было видно никаких следов суши или воды. Затем, на несколько мучительных секунд, экраны заволокло серой пеленой — видимость исчезла, за исключением появившихся на мгновение посадочных опор, выдвинутых теперь, но почти никогда ранее не применявшихся. Несколько минут назад шум сервомоторов, выдвигающих посадоч-

ное устройство, вызвал тревогу среди пассажиров; теперь оставалось лишь надеяться, что хрупкие опоры, не рассчитанные на подобную нагрузку, не подломятся под тяжестью корабля.

Какова толщина слоя облаков? — задал себе вопрос Ван-дер-Берг. Неужели они простираются до самой...

Нет, облака редеют, расходятся в стороны — и вот перед ними Новая Европа, раскинувшаяся, казалось, всего в нескольких тысячах метров под кораблем.

Она действительно новая; не обязательно быть геологом, чтобы убедиться в этом. Наверно, четыре миллиарда лет тому назад только что родившаяся Земля выглядела точно так же, в то время как суша и море готовились начать свой вечный спор.

Здесь всего пятьдесят лет назад не было ни суши, ни моря — один лед. Теперь на полушарии, обращенном к пылающему Люциферу, лед растаял, появилась вода и тут же испарилась — водяные пары перенеслись на ледяное полушарие Ночной стороны. Перенос миллиардов тонн жидкости с одного полушария на другое обнажил древнее морское дно, на которое никогда не падал даже свет далекого Солнца.

Когда-нибудь, возможно, этот искореженный ландшафт будет смягчен и укрощен пышным растительным одеялом; сейчас же он представлял собой голые потоки лавы и грязевые поля с поднимающимися над ними струйками пара. Местами, тут и там, вздымались массы скальных пород со странными, наклонными слоями. Несомненно, это был район колоссальных тектонических возмущений; впрочем, это было и неудивительно, поскольку в результате одного из них недавно появилась гора размером с Эверест.

Да вот и она — возвышается над неестественно близким горизонтом. Рольф Ван-дер-Берг почувствовал, как у него стиснуло грудь и по спине побежали мурашки. Перед ним возвышалась гора его мечты, которую он

видел собственными глазами, а не через равнодушные объективы приборов.

Как он и ожидал, ее форма напоминала тетраэдр, причем наклоненный таким образом, что одна из сторон была почти вертикальной (какой вызов для альпинистов, даже при здешней силе тяжести — особенно если учесть, что вогнать скальные крючья невозможно). Вершина горы была затянута облаками, и большую часть пологого склона, обращенного к наблюдателям, покрывал снег.

— Это из-за нее столько шума? — пробормотал кто-то презрительно. — По-моему, самая обычная гора. Ничем не отличается от... — На него сердито зашикали, и снова наступила тишина.

«Гэлакси» медленно смещался теперь в направлении горы — Чанг искал хорошую посадочную площадку. Корабль с трудом контролировал боковой снос, так как девяносто процентов тяги требовалось для того, чтобы просто поддерживать «Гэлакси» в полете. Топлива было достаточно примерно на пять минут таких маневров; после этого совершить посадку, возможно, и удастся — но уже никогда не удастся оторваться от поверхности.

Почти сто лет тому назад такая же дилемма стояла перед Нилом Армстронгом. Но он не управлял кораблем под пистолетом, направленным ему в затылок.

И все-таки последние несколько минут Чанг совершенно забыл и про пистолет, и про Розу. Все его внимание было поглощено работой; он стал частью гигантской машины, которой управлял. Чанг испытывал сейчас лишь одно человеческое чувство; это не было чувство страха, он испытывал ликующий восторг. Он выполнял любимую работу, составлявшую цель его жизни. Посадка на Европу станет вершиной его профессиональной карьеры — даже если это будет последняя вершина.

Казалось, все шло именно к этому. Подножие горы было сейчас на расстоянии менее километра — а Чангу все еще не удалось отыскать посадочную площадку. Местность была исключительно неровной, изрезанной каньонами и усеянной огромными валунами. Он не заметил пока ни единого более или менее горизонтального участка, превышающего по размерам теннисный корт, — а до красной черты на указателе запаса топлива оставалось всего тридцать секунд.

Но вот наконец Чанг заметил ровный участок — самый ровный из всех. Да, это был единственный шанс в оставшееся время.

Легкими точными движениями он начал смещать огромный неустойчивый цилиндр по направлению к выбранной площадке, казалось, покрытой снегом; да, совершенно верно, раскаленные газы из дюз корабля сдували его — но что под снегом? — похоже на лед — видимо, замерзшее озеро — какова толщина — **КАКОВА ТОЛЩИНА...**

Мощный поток газов из главных дюз корабля ударил по предательски ровной поверхности с силой пятисоттонного молота. Мгновенно по льду разбежались в стороны глубокие трещины, затем начали переворачиваться огромные льдины. Неистовый поток раскаленной плазмы устремился на внезапно обнажившееся озеро, и концентрические волны кипящей воды побежали от центра.

Последующие действия Чанга, как и любого хорошо подготовленного космонавта, были чисто автоматическими. Не теряя ни единого мгновенья на колебания, угрожающие гибелью, он сорвал левой рукой предохранительный стержень с опечатанной дверцы; его правая рука тут же схватила красный рычаг, скрытый за ней, и рванула его на себя.

Программа «АВАРИЙНЫЙ ВЗЛЕТ», мирно дремавшая с момента завершения строительства, молние-

носно вступила в действие и швырнула корабль обратно в космическое пространство.

30. Посадка «Гэлакси»

Офицеры в кают-компании ощутили внезапный рывок тяги, включенной на полную мощность, как отмену смертного приговора. Они уже заметили, окаменев от ужаса, как под кораблем разрушилась площадка, выбранная для посадки, и понимали, в чем заключается единственный путь к спасению. И теперь, когда Чанг воспользовался им, офицеры позволили себе вздохнуть.

Никто не решался, однако, высказать предположение, как долго они будут наслаждаться этой роскошью. Один лишь Чанг знал, хватит ли топлива, чтобы выйти на устойчивую орбиту; но даже в этом случае, мрачно подумал капитан Лаплас, эта сумасшедшая с пистолетом может заставить Чанга снова пойти на посадку. Правда, капитан был убежден, что она далеко не сумасшедшая: все ее действия были точно рассчитаны.

Неожиданно тяга изменилась.

— Отключился четвертый двигатель,— заметил один из механиков.— Неудивительно, он не рассчитан на такую нагрузку. Наверно, перегрелся.

Никто не почувствовал изменения в направлении полета — тяга хотя и слегка уменьшилась, но была по-прежнему направлена вдоль оси корабля — однако изображение на экранах как-то странно накренилось. «Гэлакси» продолжал подниматься, но уже не вертикально. Он превратился в баллистическую ракету, мчащуюся к какой-то неизвестной цели на поверхности Европы.

Прошло еще несколько мгновений, и тяга снова внезапно уменьшилась; горизонт на видеомониторах выровнялся.

— Он отключил двигатель с противоположной сто-

роны — иначе корабль начал бы кувыркаться, но удастся ли ему удержать высоту? Какой молодец!

Ученые, сидящие тут же в кают-компании, никак не могли понять, чем заслужил пилот столь высокую оценку, потому что изображение на экране исчезло и вместо него возник ослепительно белый туман.

— Сбрасывает лишнее топливо — облегчает корабль...

Тяга уменьшилась до нуля; корабль свободно падал. За несколько секунд они пролетели через огромное облако ледяных кристаллов, образовавшихся из паров топлива, сброшенного Чангом. И под облаком появилось центральное море Европы, медленно приближающееся под воздействием десятой доли земного притяжения. По крайней мере, Чангу не придется искать посадочную площадку; отныне это превратилось в обычную процедуру, знакомую по видеоиграм миллионам — всем тем, кто никогда не бывал в космосе и никогда не рассчитывал побывать.

Нужно было только уравнивать тягу двигателя и силу притяжения для того, чтобы опускающийся корабль достиг нулевой скорости при нулевой высоте. Можно было даже немного ошибиться, но только не очень, даже при посадке на воду, которую предпочитали первые американские астронавты и на которую с неохотой пришлось пойти Чангу. Если он допустит ошибку — а после всего, что произошло за последние несколько часов, кто осмелится винить его? — он не услышит от компьютера: «Жаль, но вы разбились. Хотите попробовать еще раз? Ответьте: да или нет».

Второй помощник Ю с двумя товарищами стояли у запертой дверцы мостика, сжимая в руках импровизированное, сделанное на скорую руку оружие. Им выпало самое трудное задание. Перед ними не было экранов видеомониторов, и они не имели представления о том, что происходит с кораблем. Им приходилось полага-

ться лишь на те сообщения, которые время от времени получали из кают-компаний. Да и с мостика не доносилось ни единого звука, несмотря на установленный ими чувствительный микрофон — впрочем, ничего удивительного в этом не было. У Чанга и Розы Мак-Магон не было ни времени, ни необходимости разговаривать.

Посадка прошла идеально, без малейшего толчка. «Гэлакси» погрузился на несколько метров, немного всплыл, снова опустился и застыл благодаря весу двигателей в вертикальном положении.

И только теперь микрофон подхватил первые слова, произнесенные в рубке:

— Ты сумасшедшая, Роза, — послышался голос Чанга, не рассерженный, а скорее равнодушно-усталый. — Надеюсь, ты довольна. Благодаря тебе все мы погибли.

Затем хлопнул пистолетный выстрел и наступила долгая тишина.

Ю с товарищами терпеливо ждали. Рано или поздно что-то должно было произойти. Вдруг они услышали, как поворачиваются защелки, крепче сжали в руках разводные ключи и ломы и приготовились. Она сможет застрелить одного из них, но не всех троих.

Дверь начала открываться — медленно, очень медленно.

— Извините, — произнес второй помощник Чанг. — Должно быть, я упал в обморок.

И тут же, подобно любому разумному человеку, снова потерял сознание.

31. Галилейское море

Не могу понять, подумал капитан Лаплас, как можно работать врачом. Либо сотрудником похоронного бюро. И тем и другим приходится иногда заниматься отвратительными делами.

— Ну как, нашли что-нибудь?

— Ничего, капитан. Конечно, у меня нет соответствующего снаряжения. Я слышал, что некоторые имплантированные приборы можно отыскать лишь с помощью микроскопа. Правда, радиус их действия очень мал.

— Где-то на борту корабля находится ретранслятор. Флойд предложил обыскать корабль. Вы сняли отпечатки пальцев и... имеются ли другие средства опознавания?

— Да. Установив связь с Ганимедом, передадим всю информацию, включая ее документы. Сомневаюсь, однако, что удастся выяснить настоящее имя Розы или на кого она работала... Или почему.

— По крайней мере, она проявила гуманность,— задумчиво произнес Лаплас.— Когда Чанг дернул за ручку аварийного взлета, ей стало ясно, что все конечно. Ведь она вполне могла выстрелить в него и разбить корабль.

— Боюсь, нам мало пользы от ее гуманности. А вот что случилось, когда мы с Дженкинсом выбросили тело через отверстие для мусора...

На лице доктора появилась гримаса отвращения.

— Разумеется, вы были правы, капитан,— ничего другого не оставалось. Так вот, мы решили, что не стоит привязывать груз к трупу, и несколько минут он плавал на поверхности. Мы хотели убедиться, что он отплывет подальше от корабля,— как вдруг...

Казалось, врач не решается продолжать.

— Да говорите же, черт побери!

— Из воды показалось что-то... Похожее на клюв попугая, только раз в сто больше. Он схватил ее и тут же исчез. Мы в серьезной компании, капитан. Даже если воздух пригоден для дыхания, не советую купаться...

— Мостик вызывает капитана,— донесся из дина-

мика голос вахтенного офицера.— В воде что-то происходит. Включаю камеру три — следите.

— Это именно та штука, которую я видел! — воскликнул врач. По его спине пробежали мурашки. «Надеюсь, он не вернулся за добавкой» промелькнула у него мрачная мысль.

Внезапно огромное тело выпрыгнуло из воды и взлетело, изгибаясь, в небо. Чудовище, казалось, повисло над поверхностью моря.

Знакомое тоже может ошеломить — если встретить его в неожиданном окружении. Капитан и врач воскликнули в один голос: «Это акула!»

Они успели заметить небольшие различия — кроме огромного попугаежьего клюва, — прежде чем гигант рухнул обратно в море. У него была еще одна пара плавников — и вроде отсутствовали жабры. Вдобавок, не было глаз, зато с каждой стороны клюва виднелись странные выступы, напоминающие какие-то органы чувств.

— Ну конечно, конвергентная эволюция, — заметил доктор. — Одинаковые проблемы — одинаковые пути решения этих проблем, на любой планете. Как на Земле. Акулы, дельфины, ихтиозавры — все морские хищники схожи. Признаться, клюв меня озадачил...

— А что происходит сейчас?

Чудовище снова появилось на поверхности, но теперь оно двигалось очень медленно, будто высоченный прыжок истощил его силы. Более того, оно казалось большим — даже в предсмертной агонии; чудовище било хвостом по морской поверхности, не пытаясь плыть куда-то.

Внезапно его стошнило, затем оно перевернулось вверх брюхом и безжизненно застыло на поверхности моря, колыхаясь в волнах.

— Боже мой! — голос капитана был полон отвращения. — Мне кажется, я понимаю, что произошло.

— Совершенно разные биохимические циклы.— Даже врач был потрясен увиденным.— Роза умерла не одна — она прихватила его с собой.

Галилейское море было названо так, разумеется, в честь того, кто открыл Европу,— а он, в свою очередь, был назван по имени совсем маленького моря на ином мире.

Море на Европе было совсем юным — ему не было и пятидесяти лет. Подобно большинству младенцев, оно любило порезвиться. Хотя атмосфера Европы была все еще слишком разреженной, чтобы создавать настоящие ураганы, с окружающих его берегов непрерывно дул ветер — в сторону тропической зоны, прямо над которой застыл раскаленный Люцифер. Там, где господствовал вечный полдень, вода кипела не переставая — правда, в этой разреженной атмосфере ее температуры едва хватало, чтобы приготовить чашку горячего чая.

К счастью, эта бурлящая, кипящая зона непосредственно под Люцифером находилась в тысяче километров отсюда; «Гэлакси» совершил посадку в относительно спокойном районе, менее сотни километров от ближайшей суши. При максимальной скорости корабль мог пролететь это расстояние в ничтожные доли секунды; но сейчас, когда он дрейфовал под низко висящими облаками, окутавшими Европу серым пологом, суша казалась такой же далекой, как самый отдаленный квазар. Положение было еще хуже — если такое вообще было возможно — потому, что непрекращающийся ветер, дувший с суши, уносил «Гэлакси» все дальше в море. И даже если бы кораблю удалось выброситься на какой-нибудь девственный пляж этого юного мира, его положение вряд ли улучшилось бы.

Правда, это облегчило бы жизнь на нем: космические корабли, несмотря на их удивительную водонепро-

нищаемость, редко славятся мореходными качествами. «Гэлакси» плыл в вертикальном положении, волны непрерывно бросали его вверх и вниз; половина команды уже страдала от морской болезни.

Первое, что сделал капитан Лаплас, выслушав доклады о повреждениях, полученных при посадке,— обратился по судовому радио ко всем, кто имел опыт плавания на морских судах любых типов и размеров. Он надеялся, что среди тридцати инженеров-астронавтов и ученых-космологов таких найдется немало, и не ошибся. Почти немедленно свои услуги предложили пять яхтсменов-любителей и даже один профессиональный моряк — завхоз Фрэнк Ли, начавший свою карьеру на морских судах линии Тсунга и лишь потом перешедший на космические лайнеры.

Хотя завхозы больше привыкли работать со счетными машинками (или, как это предпочитал сам Фрэнк Ли, с деревянными, изготовленными двести лет назад счетами, где нужно было перебрасывать костяшки из слоновой кости), чем с навигационными приборами, им все-таки приходилось осваивать основы морского дела и даже сдавать экзамены. Ли ни разу не доводилось испытать на практике искусство моряка — и вот теперь, почти в миллиарде километров от Южно-Китайского моря, этот момент наступил.

— Нужно затопить топливные баки,— посоветовал он капитану.— Тогда корабль осядет и будет меньше подпрыгивать на волнах.

Лапласу казалось нелепым пускать воду в корабль, и он заколебался:

— А если нас выбросит на мель?

Никто из офицеров, присутствовавших в кают-компании, не сделал прямо-таки напрашивающегося замечания: «Ну и что?». Даже без обсуждения всем казалось, что на суше они будут в безопасности — лишь бы добраться до нее.

— Тогда мы просто продует баки. Нам все равно придется сделать это, когда достигнем берега, чтобы перевести корабль из вертикального положения в горизонтальное. Хорошо, что генераторы продолжают действовать...

Он замолчал; все понимали, что имелось в виду. Без вспомогательного реактора, снабжающего систему жизнеобеспечения энергией, все на «Гэлакси» погибли бы уже через несколько часов. А теперь — если реактор не выйдет из строя — корабль будет сохранять им жизнь в течение неограниченного времени.

Разумеется, со временем наступит голод; они только что наглядно убедились, что в морях Европы нет пищи для людей, один лишь яд.

По крайней мере, удалось установить связь с Ганимедом — теперь все человечество знает о постигшем их несчастье. Лучшие умы Солнечной системы пытаются сейчас спасти их. Во всяком случае, если не удастся найти выход, у пассажиров и команды «Гэлакси» есть утешение — они умрут в апогее славы.

IV. У водопоя

32. Отводной канал

— Итак, последние новости,— сообщил капитан Смит собравшимся пассажирам.— «Гэлакси» совершил посадку в море и находится на плаву без серьезных повреждений. Погиб один член экипажа — стюардесса. О подробностях не сообщается. Остальные живы и здоровы.

Все корабельные системы работают нормально; в нескольких местах была замечена течь, но ее тут же ликвидировали. Капитан Лаплас передает, что пока корабль вне опасности, но ветер гонит их от берега, по на-

правлению к центральной зоне Дневной стороны. Это не очень серьезно — на пути расположено несколько крупных островов, и корабль почти наверняка выбросит на один из них. В данный момент «Гэлакси» находится в девяноста километрах от ближайшего острова. С корабля видели крупных морских животных, не представляющих угрозы.

Если ничего не случится, они продержатся несколько месяцев, пока не кончатся запасы пищи, — в настоящее время капитан Лаплас, разумеется, строго ограничил их потребление. Тем не менее никто, по его словам, не падает духом.

А теперь, что ожидают от нас. Если мы немедленно вернемся на Землю, где пройдем переоборудование и заправимся топливом, нам удастся достичь Европы, двигаясь в направлении, обратном обращению Солнечной системы, через восемьдесят пять суток. В настоящее время «Юниверс» является единственным действующим космическим кораблем, способным совершить посадку и снова взлететь с достаточно большим полезным грузом. Шаттлы с Ганимеда смогут, по видимому, лишь сбрасывать припасы, не больше — хотя от этого может зависеть жизнь тех, кто находится на борту «Гэлакси».

Мне очень жаль, дамы и господа, что наша экспедиция оказалась такой непродолжительной; надеюсь, однако, вы увидели все, что мы обещали. Кроме того, я уверен, вы одобряете цель нашей новой экспедиции — хотя, если уж быть откровенным, шансы на успех невелики. У меня пока все. Доктор Флloyd, прошу вас остаться.

Пока остальные покидали, медленно и понурившись, кают-компанию, где состоялось столько инструктажей, капитан просматривал пачку полученных сообщений. Даже сейчас при некоторых обстоятельствах слова, напечатанные на листах бумаги, оставались

наиболее удобным средством связи, но и здесь техническая революция оставила свой отпечаток. Листки, которые читал капитан, были сделаны из материала, рассчитанного на многократное использование; такая бумага, применяемая для мультифаксов в течение неограниченного времени, резко уменьшила нагрузку несчастных мусорных корзин.

— Хейвуд,— произнес он,— теперь формальности закончились,— ты сам понимаешь, эфир забит сообщениями самого разного характера. И многое мне непонятно.

— Мне тоже,— ответил Флойд.— От Криса нет ничего нового?

— Пока нет, но станция на Ганимеде передала твое послание; наверно, он уже получил его. Тебе известно, разумеется, что личные контакты сейчас ограничены, но для тебя сделали исключение.

— Спасибо, капитан. Чем еще могу помочь?

— Я обращаюсь к тебе, Хейвуд, если понадобится помощь.

Они еще не знали, что это был едва ли не последний разговор, когда сохранялись их дружеские отношения. Через несколько часов доктор Флойд превратится в «этого старого безумного дурака!» и начнется непродолжительный «мятеж на “Юниверс”», возглавляемый самим капитаном.

Идея принадлежала не Хейвуду Флойду, хотя ему очень хотелось бы этого...

Второй помощник Рой Джолсон был «звездочетом», штурманом корабля — точнее, астронавигатором. Флойд едва знал его в лицо и ни разу не имел возможности поговорить с ним, не считая краткого «Доброе утро». Поэтому Флойда немало удивило, когда астронавигатор осторожно постучал в дверь его каюты.

В руках он держал несколько карт и, казалось, чувствовал себя неловко. Вряд ли это было из-за благоговения перед Флойдом — все на борту уже не раз встречали его и достаточно привыкли. Значит, причина была в чем-то другом.

— Доктор Флойд, — начал астронавигатор таким озабоченным голосом, что сразу напомнил Флойду коммивояжера, чье будущее зависит от того, удастся ли ему заключить эту сделку. — Мне нужен ваш совет — и помощь.

— Можете рассчитывать на меня, но чем я могу помочь?

Джолсон развернул карту, где было указано положение всех небесных тел в пределах орбиты Люцифера.

— Эта мысль возникла у меня, когда я вспомнил, как вы решили причалить «Леонова» к «Дискавери», чтобы успеть как можно дальше уйти от Юпитера перед его взрывом.

— Это придумал не я, а Вальтер Курнов.

— О-о, извините, я этого не знал. Разумеется, рядом с нами нет корабля, который мог бы подтолкнуть нас — но у нас есть нечто куда лучшее.

— Что именно? — спросил озадаченный Флойд.

— Только не смейтесь. Зачем лететь на Землю за топливом, когда Старый служака каждую секунду выбрасывает тонны воды и к тому же находится всего в двухстах метрах? Если мы протянем отводной трубопровод, нам удастся достичь Европы не через три месяца, а через три недели!

Идея была настолько ошеломляющей и одновременно такой очевидной, что у Флойда перехватило дыхание.

— А каково мнение капитана?

— Я еще не обращался к нему; именно в этом мне

и потребуется ваша помощь. Мне хочется, чтобы вы проверили мои расчеты, а затем изложили ему это предложение. Уж мне-то он совершенно точно откажет --- я не виню его. Окажись на его месте, я поступил бы так же...

В каюте воцарилась долгая тишина. Затем Хсйвуд Флойд произнес:

Сейчас я скажу вам, почему это невозможно. А потом вы объясните мне, в чем я ошибаюсь.

Второй помощник Джолсон хорошо знал своего капитана; Смиту еще не приходилось выслушивать такое безумное предложение...

Его возражения были обоснованными и не были продиктованы синдромом «Нет пророка в своем отечестве».

-- Согласен, теоретически это осуществимо, --- признал он. -- Но как решить практические проблемы? Как залить жидкость в топливные баки?

--- Я уже говорил с механиками. Переместим корабль на самый гребень кратера --- даже в пятидесяти метрах никакой опасности. Затем снимем трубы в незаполненном отсеке, протянем трубопровод к Старому служаке и подождем извержения; известно, как он пунктуален.

--- Но корабельные насосы не смогут работать в почти безвоздушном пространстве!

--- Они не понадобятся; мощность, с которой выбрасывает воду гейзер, обеспечит нам поступление не менее ста килограммов в секунду. Старый служака выполнит за нас всю работу.

--- Гейзер извергает ледяные кристаллы и пар, а не воду.

--- Все будет конденсироваться в баках.

--- Похоже, ты действительно все продумал, --- ответил капитан с неохотным восхищением. --- Но все

равно — мне это не нравится. Например, насколько чистой будет вода? Ты подумал о растворенных в ней примесях — особенно о частицах углерода?

Флойд с трудом удержался от улыбки. У капитана Смита появилась мания — он боялся сажи.

— Крупные частицы мы отфильтруем; остальные никак не скажутся на реакции. Да, между прочим: похоже, что соотношение изотопа водорода здесь лучше, чем в земной воде. Не исключено, что тяга возрастет.

— А как относятся к этому твои спутники? Если мы направимся прямо к Люциферу, пройдут месяцы, прежде чем они вернутся домой...

— Я еще не говорил с ними. Но какое это имеет значение, когда на карту поставлено столько человеческих жизней? Нам удастся прилететь к «Гэлакси» на семьдесят дней раньше! На семьдесят дней! Подумай, что может произойти на Европе за это время!

— Я отлично понимаю важность фактора времени, — огрызнулся капитан. — Но это относится и к нам тоже. На такое длительное путешествие у нас может не хватить продовольствия.

Теперь он начинает ловить блох, подумал Флойд, и не может не знать, что я об этом догадываюсь. Здесь нужен такт...

— На лишнюю пару недель? Неужели у нас так мало запасов? К тому же до сих пор нас слишком хорошо кормили. Кое-кому из нас невредно проявить сдержанность.

На лице капитана появилась холодная улыбка.

— Попробуй убедить в этом Уиллиса и Михайловича. Боюсь, однако, что вся эта идея — безумный бред.

— По крайней мере, давай изложим ее владельцу корабля. Я хочу поговорить с сэром Лоуренсом.

— Сам понимаешь, я не могу тебе запретить этого, — ответил капитан Смит с сожалением в голосе. — Но я заранее знаю, что он тебе скажет.

Капитан Смит жестоко ошибался.

Сэр Лоуренс Тсунг не играл в азартные игры вот уже тридцать лет — это не соответствовало его величию в мире коммерции. Но в молодости он часто вызывал некоторый переполох на ипподроме в Гонконге, пока отцы города, настроенные пуритански, в приступе заботы о нравственности не приняли решения о его закрытии. До чего похоже на жизнь, думал иногда сэр Лоуренс с сожалением: когда он мог делать ставки, у него не было денег, а теперь, когда столько денег, — положение самого богатого в мире человека ко многому обязывало.

И тем не менее — а он знал это лучше других — вся его деловая карьера была продолжительной азартной игрой. Разумеется, он старался улучшить свои шансы, собирал самую надежную информацию и выслушивал экспертов, которые, по его мнению, могли дать хороший совет. Как правило, он вовремя выходил из игры, полагаясь на интуицию, но риск всегда был где-то рядом.

И теперь, читая меморандум Хейвуда Флойда, он снова испытывал прежнее волнение, как в далеком прошлом, когда видел взмыленных лошадей, с топотом вылетающих из-за поворота на последнюю прямую. И вот перед ним новое рискованное предприятие — наверно, последнее и самое крупное за всю его карьеру, хотя, разумеется, он никогда не скажет об этом совету управляющих своего концерна — не говоря уже о леди Джасмин.

— Билл, — спросил он, — а что ты думаешь об этом?

Его сын (спокойный и основательный в поступках, но без искры гения, которая, возможно, и не требовалась в его поколении) ответил именно так, как и ожидал сэр Лоуренс:

Теоретически это вполне осуществимо. На бумаге все возможно. Однако мы уже потеряли один корабль. И теперь рискуем вторым.

Но он все равно полетит к Юпитеру — то есть к Люциферу.

— Верно — только после тщательного осмотра и проверки на земной орбите. А ты понимаешь, отец, во что выльется предлагаемая доктором Флоридом экспедиция — при полете прямо к Люциферу? «Юниверс» побьет все рекорды скорости — к моменту Разворота она превысит тысячу километров в секунду!

Это было худшим, что он мог сказать отцу; топот лошадей, летящих к финишу, снова зазвучал в ушах сэра Лоуренса.

— Будет неплохо, — сдержанно заметил сэр Лоуренс, — если они проведут ряд испытаний, хотя капитан Смит сопротивляется изо всех сил. Угрожает даже отставкой. А пока выясни у страховой компании Ллойд-за — возможно, нам придется отказаться от требования страховки за «Гэлакси».

Особенно, мог бы прибавить он, если в этой игре мы собираемся использовать «Юниверс» в качестве еще более крупной ставки.

И его очень беспокоил капитан Смит. Теперь, когда Лаплас выброшен на Европу, Смит стал его лучшим капитаном.

33. Заправка

— За всю жизнь не видел ничего более нелепого, — проворчал главный механик. — Но за отведенное нам время лучше не сделаешь.

Самодельный трубопровод протянулся через пятьдесят метров ослепительно белой, усыпанной кристаллами скалистой почвы от корабля к пока бездействующему жерлу Старого служаки и заканчивался там

обращенной вниз четырехугольной воронкой. Солнце только что поднялось из-за холмов, и почва уже начала вздрагивать под ногами—подземные, или, точнее, подгаллейские, резервуары, питающие гейзер, ощутили прикосновение тепла.

Хейвуд Флойд не выходил из кают-компания, он с трудом верил, что всего за двадцать четыре часа произошло столько событий. Начать с того, что все, кто был на корабле, раскололись на два враждующих лагеря—во главе одного стоял капитан, другой, поневоле, пришлось возглавить ему. Разговаривали они друг с другом с ледяной вежливостью и избегали прямых нападок; правда, Флойд узнал, что в определенных кругах его осчастливили новым прозвищем—«самоубийца Флойд», что ему не слишком понравилось.

И все-таки никто не сумел отыскать существенных изъянов в операции Флойда—Джолсона (это название тоже было несправедливым; сам он настаивал, что заслуга полностью принадлежит Джолсону, но его отказывались слушать. А Михайлович поинтересовался: «Что, боитесь разделить ответственность?»).

Через двадцать минут, когда Старый служака несколько запоздало встретит рассвет, начнется первое испытание. Но даже если оно пройдет успешно и топливные баки начнут наполняться кристально чистой водой—вместо мутной жижи, как предсказывал капитан Смит,—это еще не означало, что путь к Европе открыт.

Незначительным, но немаловажным фактором были желания знаменитых пассажиров. Они надеялись вернуться домой через две недели; теперь, к их удивлению—а в некоторых случаях оцепенению,—перед ними возникла перспектива опасной экспедиции через половину Солнечной системы—причем даже в случае благоприятного исхода день возвращения на Землю был окутан туманом неизвестности.

Уиллис был очень расстроен; все его планы рушилось. Он бродил по кораблю, бормоча что-то относительно судебных исков, но не встречал никакого сочувствия.

Гринберг, напротив, был в восторге; еще бы, он снова работает в космосе! И Михайлович — который тратил массу времени, что-то шумно сочиняя в своей далеко не звуконепроницаемой каюте, — тоже был в экстазе. Он был уверен, что это новое приключение послужит толчком его вдохновению.

Мэгги М отнеслась к этому по-философски: «Если мы можем спасти столько человеческих жизней, — сказала она, глядя прямо на Уиллиса, — разве можно возражать?»

Что касается Эвы Мерлин — Флойд постарался объяснить ситуацию как можно понятнее и убедился, что ей и без того все ясно — она, ко всеобщему изумлению, задала вопрос, мимо которого до сих пор почему-то проходили: «А если европейцы не захотят, чтобы мы совершили посадку на их планете — даже ради спасения наших друзей?»

Флойд посмотрел на нее с искренним изумлением; даже теперь ему все еще трудно было общаться с ней как с мыслящим существом, поэтому он не мог заранее угадать, выскажет ли она нечто поразительно глубокое или ляпнет какую-нибудь глупость.

— Очень интересный вопрос, Эва. Поверьте, я тоже думаю об этом.

Флойд говорил истинную правду: он просто не мог заставить себя соврать Эве Мерлин. Это походило бы на кощунство.

Над жерлом гейзера появились первые струйки пара. Они взлетали вверх и исчезали в небе по своим неестественным траекториям, возможным лишь в безвоздуш-

ном пространстве, испаряясь под жгучими солнечными лучами.

Старый служака откашлялся и прочистил глотку. Снежно-белая, поразительно компактная струя ледяных кристаллов и капелек воды начала подниматься в небо. Земные инстинкты наблюдателей подсказывали им, что она вот-вот наклонится и начнет падать вниз, но они, разумеется, ошибались. Струя взлетала все выше и выше, чуть-чуть расширяясь и сливаясь наконец с огромной сверкающей оболочкой кометы. Флойд с удовлетворением заметил, как трубопровод задрожал и жидкость устремилась по нему в топливные баки.

Через десять минут на мостике состоялся военный совет. Все еще раздраженный, капитан Смит коротко кивнул Флойд; слово взял старший помощник капитана, он был немного смущен.

— Итак, теперь ясно, что трубопровод работает, причем удивительно хорошо. Если ничего не изменится, мы сможем наполнить баки за двадцать часов — хотя не исключено, что придется выйти и закрепить трубы понадежнее.

— А как относительно примесей? — спросил кто-то.

Старший помощник вытянул руку с пластмассовой колбой, наполненной бесцветной жидкостью.

— Мы отфильтровали все частицы диаметром более нескольких микронов. Чтобы не рисковать, проделаем эту операцию дважды, перегоняя жидкость из одного бака в другой. Боюсь, пока не пролетим Марс, придется обойтись без плавательного бассейна.

Все рассмеялись. Напряженность исчезла, и даже капитан позволил себе улыбнуться.

— Для начала включим двигатели на минимальную тягу, чтобы убедиться, как действует H_2O кометы Галлея. Если возникнут затруднения, придется отказаться от этой идеи и лететь для заправки домой, за чистой водой Луны, франко-борт кратер Аристарх.

Наступила тишина; каждый ждал, что заговорит кто-нибудь другой. Затянувшееся молчание нарушил капитан Смит.

— Вы знаете, — произнес он, — что все это мне очень не нравится. Я даже... — Внезапно он изменил тему; все и без того знали, что он собирался направить сэру Лоуренсу заявление об отставке, хотя этот жест был достаточно бессмысленным при данных обстоятельствах.

— Но за последние несколько часов кое-что произошло. Хозяин корабля одобрил предложение — при условии, что в ходе наших испытаний не возникнет серьезных трудностей. И — это большой сюрприз, и мне известно о нем не больше вас — Всемирный космический совет не только одобрил замысел, но и обратился к нам с настоятельной просьбой осуществить его, причем взял на себя все расходы. Остается лишь гадать почему.

Однако меня все еще не покидают сомнения... — Он недоверчиво посмотрел на колбу с прозрачной жидкостью, которую держал теперь в руках Хейвуд Флойд, рассматривая на свет и слегка взбалтывая. — Я инженер, а не химик. Жидкость выглядит чистой — но как она скажется на внутренней обшивке топливных баков?

Флойд так и не смог объяснить причину своего поступка; для него столь необдуманные действия были совершенно нехарактерны. Возможно, ему уже слишком надоели долгие споры и хотелось быстрее взяться за дело. А может быть, он решил, что капитану не хватает твердости.

Быстрым движением он повернул краник, сжал в руке пластмассовую колбу и выплеснул все 20 кубических сантиметров кометы Галлея себе в горло.

— Вот ответ на ваш вопрос, капитан, — сказал он, проглотив жидкость.

— Между прочим,— заметил врач полчаса спустя,— ничего глупее мне не приходилось видеть. Вы что, не знаете, что там содержатся цианиды, цианогены и вообще бог знает что еще?

— Да знаю,— засмеялся Флойд.— Видел результаты анализа— несколько частиц на миллион. Никаких оснований для беспокойства. И все-таки меня ждал сюрприз,— унылое выражение сменило улыбку.

— Какой именно?

— Если удастся организовать ее доставку на Землю, можно заработать целое состояние, продавая жидкость как «слабительное кометы Галлея».

34. Автомойка

После того как решение было принято, атмосфера на корабле резко изменилась. Споры стихли; все помогали друг другу, и мало кому удалось выспаться за два оборота ядра кометы—сто часов земного времени.

Первый день был потрачен на осторожный отвод части струи Старого служаки, но когда гейзер к вечеру утих, техника была полностью отработана. Уже приняли на борт более тысячи тонн воды; в течение следующего галлейского дня баки будут наполнены.

Хейвуд Флойд старался не попадаться на глаза капитану, не желая испытывать судьбу; к тому же у Смита была тысяча разных дел. Правда, рассчитывать параметры новой орбиты не понадобилось; все расчеты были сделаны и тщательно проверены на Земле.

Сейчас уже не оставалось сомнений, что идея— поистине блестящая и ее преимущества даже более значительны, чем ожидал сам Джолсон. Заправившись на комете Галлея, «Юниверс» избавился от двух крупных изменений в траектории полета, необходимых для свидания с Землей; теперь корабль мог лететь прямо к цели

с максимальным ускорением, выигрывая много недель. Несмотря на возможный риск, все аплодировали блестящему замыслу.

Или почти все...

Члены тут же возникшего на Земле общества «Руки прочь от кометы Галлея!» были полны возмущения. Их было всего 236, но они знали, как привлечь к себе внимание. По их мнению, нельзя грабить небесное тело — даже ради спасения человеческих жизней. Они не утихомирились и после того, как им объяснили, что «Юниверс» взял лишь малую толику кометного вещества, которое все равно бесполезно исчезало в космическом пространстве. Дело вовсе не в этом, доказывали они, важен принцип. Их сердитые заявления сыграли немалую роль в улучшении настроения на борту корабля, усталые обитатели которого весьма нуждались в разрядке.

Как всегда осторожный, капитан Смит провел первое испытание на одном из коррекционных двигателей; даже если он выйдет из строя, корабль сможет обойтись без него. Не удалось заметить никаких отклонений от нормы; двигатель работал так, будто его питала лучшая дистиллированная вода из лунных шахт.

Затем капитан решил испытать главный двигатель, номер один; если он выйдет из строя, маневренность корабля не нарушится — уменьшится только общая тяга. Корабль полностью сохранит способность маневрировать, но поскольку тягу в этом случае будут обеспечивать лишь четыре бортовых двигателя, она уменьшится на двадцать процентов.

И здесь не было замечено отклонений; даже скептики стали вежливы с Хейвудом Флордом, а со вторым помощником Джолсоном перестали обращаться как с парией.

Подъем с поверхности кометы был назначен на ранний вечер — перед тем, как начнет ослабевать деятель-

ность Старого служаки. (Увидят ли этот гейзер посетители кометы во время ее следующего прохождения через семьдесят шесть лет? — подумал Флойд. Может быть; следы деятельности гейзера были замечены на фотографиях, сделанных еще в 1910 году.)

Не было никакого отсчета времени, как это происходило на впечатляющих пусках космических кораблей со стартовых площадок мыса Канаверал. Капитан Смит убедился, что все в порядке, дал двигателю ничтожную тягу — всего пять тонн, и «Юниверс» начал медленно подниматься, удаляясь от ядра кометы.

Ускорение было незначительным, зато пиротехнический эффект вызвал благоговейный ужас — и для большинства на борту оказался совершенно неожиданным. До сих пор языки пламени, вырывающиеся из главных двигателей, были практически невидимы, так как они образовывались полностью из высокоионизированного кислорода и водорода. Даже когда — на расстоянии сотен километров от корабля — газы охлаждались настолько, что вступали в химическую реакцию, ничего не было заметно, так как реакция не излучала света видимой части спектра.

Но теперь «Юниверс» поднимался от кометы Галлея на столбе раскаленного сияния, кажущегося почти сплошным и настолько ярким, что на него было трудно смотреть невооруженным глазом. Там, где раскаленное пламя ударяло по ядру кометы, скалистый грунт разлетался вверх и в стороны; навсегда покидая вечную страницу, «Юниверс» оставлял свою космическую подпись на ее ядре.

Большинство пассажиров, привыкших подниматься в небо без всяких видимых следов поддержки, реагировали с понятным испугом. Флойд ждал, когда последует неминуемое разъяснение; ему доставляло удовольствие уличать Уиллиса в какой-нибудь научной ошибке, однако это случалось очень редко. И даже когда Уил-

лис ошибался, он тут же находил вполне разумное объяснение своей ошибке.

— Углерод, — произнес он. — Раскаленный углерод — как в пламени свечи, лишь температура здесь немного выше.

— Немного, — пробормотал Флойд.

— Ведь мы больше не жжем — извините меня за это слово, — Флойд пожал плечами, — чистую воду. Несмотря на тщательную фильтрацию, в ней осталось много коллоидного углерода, не считая соединений, удалить которые можно лишь с помощью дистилляции.

— Несомненно, это производит потрясающее впечатление, — заметил Гринберг, — но я немного обеспокоен. Вся эта радиация — не окажет ли она влияние на двигателя и не вызовет ли перегрев корабля?

Это был действительно интересный вопрос, и на лицах слушателей отразилась тревога. Флойд ждал ответа Уиллиса, но хитрец предпочел уклониться и перебрросил мяч Флойду:

— На это лучше всего ответит доктор Флойд — в конце концов, это его идея.

— Не моя, а Джолсона. Но вопрос все равно любопытный. Опасность нам не угрожает — когда тяга достигнет предела, весь этот фейерверк останется в тысяче километров позади. Так что беспокоиться не о чем.

В этот момент корабль повис в двух километрах от ядра кометы Галлея; если бы не ослепительное сияние выбрасываемых газов, они увидели бы под собой всю освещенную Солнцем сторону крошечного мира. На этой высоте — или расстоянии — струя Старого служки несколько расширялась. Гейзер походил — внезапно подумал Флойд — на один из гигантских фонтанов, украшающих Женевское озеро. Прошло уже пятьдесят лет, как он видел их в последний раз. Интересно, продолжают ли они действовать?

Капитан Смит легко коснулся рычагов управления, медленно вращая корабль, затем проверил тангаж и рыскание. По-видимому, все в порядке.

— Старт — через десять минут, — объявил он. — Первые пятьдесят часов ускорение силы тяжести — одна десятая g ; затем две десятых до Разворота — через сто пятьдесят часов после старта. — Он замолчал, давая возможность слушателям проникнуться значением сказанного; еще ни один космический корабль не пытался поддерживать такое значительное постоянное ускорение в течение столь длительного времени. Если «Юниверс» не сумеет должным образом провести операцию торможения, он войдет в историю как первый пилотируемый межзвездный корабль.

А теперь он поворачивался в горизонтальном положении — если можно применить это слово в состоянии почти полной невесомости, — и сейчас его нос был направлен точно на белую колонну тумана и ледяных кристаллов, которая продолжала извергаться из ядра кометы. «Юниверс» двинулся по направлению к этому белому столбу...

— Что он делает? — обеспокоенно спросил Михайлович.

Ожидая этот вопрос, капитан заговорил снова. Казалось, у него восстановилось хорошее настроение, и в его голосе звучало нескрываемое удовольствие.

— Нам осталось еще одно дело до отлета. Не беспокойтесь — я совершенно точно знаю, что делаю. И старший помощник согласен со мной — верно?

— Так точно, сэр, хотя мне показалось сначала, что вы шутите.

— Что происходит на мостике? — произнес Уиллис. Впервые он испытывал замешательство.

А теперь корабль начал медленно поворачиваться вокруг своей оси, продолжая двигаться вперед со скоростью пешехода. С этого расстояния — теперь уже мень-

ше ста метров — гейзер еще больше напоминал Флойду такие далекие теперь Женевские фонтаны.

НЕУЖЕЛИ ОН ХОЧЕТ ПРОЛЕТЕТЬ ЧЕРЕЗ...

Совершенно верно. Едва заметная вибрация охватила корпус корабля, когда «Юниверс» погрузился в поднимающуюся вверх колонну пены. Он все еще поворачивался вокруг оси, как бы ввинчиваясь в гигантский гейзер. Иллюминаторы и экраны видеомониторов подернулись молочной пеленой. На все потребовалось не более десяти секунд; затем корабль оказался на другой стороне. С мостика донесся взрыв аплодисментов, но пассажиры — даже включая Флойда — продолжали недоумевать.

— Теперь мы готовы к полету, — заявил капитан голосом, полным удовлетворения. — У нас снова чистый, аккуратный корабль.

На протяжении следующего получаса более десяти тысяч астрономов-любителей на Земле и Луне сообщили, что комета стала вдвое ярче. Сеть Наблюдения за кометами вышла из строя из-за перегрузки, и астрономы-профессионалы были вне себя от гнева.

Но зрители пришли в восторг, а через несколько дней, за несколько часов до рассвета, «Юниверс» выкинул еще более красивый фокус.

Увеличивая скорость более чем на десять тысяч километров в час в течение каждого часа, корабль находился теперь глубоко внутри орбиты Венеры. Он подлетит еще ближе к Солнцу, прежде чем начнет проходить через свой перигелий, с гораздо большей скоростью, чем любое естественное небесное тело, — и затем устремится к Люциферу.

Пролетая между Землей и Солнцем, корабль развернул за собой тысячекилометровый хвост раскаленного углерода, видимый невооруженным глазом как звезда четвертой величины, заметно передвинувшись — по

сравнению с созвездиями, расположенными позади, — на фоне утреннего неба в течение одного часа. В самом начале своей спасательной экспедиции больше людей одновременно увидит «Юниверс», чем любой другой предмет, изготовленный человеческими руками за всю историю мира.

35. Дрейф

Неожиданное сообщение, что «Юниверс» уже в пути и может прилететь гораздо раньше, чем предполагалось, настолько улучшило моральное состояние команды и пассажиров «Гэлакси», что их охватило чувство эйфории. Тот факт, что они продолжали беспомощно дрейфовать среди незнакомого океана, окруженные неизвестными чудовищами, внезапно начал казаться не таким уж важным.

Изменилось отношение и к самим чудовищам, хотя они и появлялись иногда, вызывая интерес среди наблюдателей. Изредка выныривали гигантские «акулы», хотя ни разу не приближались к кораблю, даже когда за борт летели отбросы. Это было удивительно; все указывало на то, что огромные животные — в отличие от их земных собратьев — каким-то образом поддерживают между собой связь. Возможно, они ближе к дельфинам, чем к акулам.

Вокруг шныряли стаи самых разных рыб, которые не привлекли бы никакого внимания на земных рынках. После нескольких неудач один из офицеров — страстный рыбак — сумел изловить одну из них на крючок без наживки. Он не сумел пронести ее через воздушный шлюз — да и капитан категорически запретил это, — но тщательно измерил и сфотографировал свой улов, прежде чем выбросить его обратно в море.

Рыбаку, гордому своей удачей, пришлось дорого заплатить за успех. Неполный космический костюм, кото-

рый был на нем, издавал запах тухлых яиц, характерный для сероводорода, и он принес этот запах внутрь корабля. Рыбак как-то сразу забыл про свою удачу и превратился в мишень для бесчисленных насмешек. Это было еще одним напоминанием о чужом и безжалостном мире за бортом корабля.

Капитан тут же запретил рыбную ловлю, несмотря на мольбы ученых. Им разрешалось наблюдать и регистрировать, но не собирать образцы. К тому же, как было справедливо указано, они планетные геологи, а не натуралисты. Ни один из них не догадался прихватить с собой формалин — впрочем, он, наверно, не оказал бы никакого действия.

Однажды корабль несколько часов дрейфовал через плавающие ковры или листы какого-то ярко-зеленого вещества. Они были овальной формы, имели метров десять в диаметре, и все примерно одного размера. «Гэлакси» пересек их поля, не встречая сопротивления, и они тут же смыкались позади корабля. Было высказано предположение, что это колонии каких-то организмов.

А однажды утром вахтенный офицер был потрясен, увидев, как из глубины поднялся перископ и на офицера уставился кроткий синий глаз, похожий, как сообщил офицер, придя в себя, на глаз больной коровы. Глаз печально разглядывал его в течение нескольких секунд, затем медленно скрылся в океанских глубинах.

Быстрое движение здесь отсутствовало, и причина была очевидна. Европа являла собой мир низкого уровня энергии — в ее атмосфере не было даже следов свободного кислорода, позволяющего животным Земли существовать с помощью серии непрерывных взрывов, начиная с момента, когда они делали первый вздох при рождении. Единственным существом, проявившим отчаянные усилия, была «акула», замеченная

с корабля сразу после посадки, да и то в момент предсмертной судороги.

Для людей это было, наверно, хорошим известием. Их, одетых в неуклюжие космические скафандры, вряд ли что-нибудь сможет догнать на поверхности Европы — даже если пожелает.

Капитан Лаплас передал управление кораблем своему завхозу с чувством иронического удовлетворения. Его не покидала мысль, что подобная ситуация может оказаться уникальной в анналах моря и космоса.

Правда, у мистера Ли было не так уж много дел. «Гэлакси» дрейфовал в вертикальном положении, треть корпуса выступала над поверхностью моря, слегка наклонившись под напором постоянно дующего ветра, который гнал корабль со скоростью пять узлов. Обнаружили всего несколько мест течи ниже ватерлинии, которые тут же загерметизировали. К счастью, корабельный корпус оказался по-прежнему воздухонепроницаемым.

Несмотря на то, что навигационное снаряжение было в основном бесполезно, они точно знали свои координаты. Ежечасно с Ганимеда передавали результаты радиопеленга их аварийного маяка, и если «Гэлакси» останется на прежнем курсе, не позже чем через три дня их выбросит на большой остров. Если же корабль пронесет мимо, дрейф будет продолжаться в направлении открытого моря, и в конце концов «Гэлакси» достигнет зоны воды, постоянно кипящей при невысокой температуре — непосредственно под Люцифером, стоящим в зените. Хотя последствия и не обязательно окажутся катастрофическими, подобная перспектива не предвещала ничего хорошего; мистер Ли, временно исполняющий обязанности капитана, все время думал, как избежать этого.

Парус — даже если бы ему удалось найти подходя-

щую ткань и оснастку — мало повлиял бы на их теперешний курс. Он пробовал опускать импровизированные морские якоря до глубины в пятьсот метров, пытаясь отыскать подводные течения, и потерпел неудачу. Не удалось и достать дна — глубина океана измерялась, по-видимому, многими километрами.

Возможно, это было и к лучшему; огромные глубины предохраняли их от подводных сотрясений, то и дело происходивших в молодом океане. Время от времени «Гэлакси» сотрясался, как от ударов гигантского молота, — это проносилась ударная волна. Через несколько часов цунами высотой в несколько десятков метров обрушится на какой-то отдаленный берег; но здесь, на большой глубине, смертоносные волны ощущались как легкая рябь.

Несколько раз наблюдатели замечали вдалеке внезапно появляющиеся водовороты; они казались очень опасными — мальмстремы, способные затянуть «Гэлакси» в неизвестные глубины, — к счастью, расстояние было слишком велико и корабль лишь несколько раз вращался вокруг своей оси.

Наконец, однажды всего в сотне метров от корабля из моря поднялся и лопнул огромный пузырь. Это событие произвело на всех большое впечатление; общие чувства выразил доктор, с облегчением вздохнувший: «Слава богу, внутри корабля мы не чувствуем запаха».

Поразительно, как самые причудливые ситуации могут превращаться в обыденные. Уже через несколько дней жизнь на борту «Гэлакси» шла своим чередом, и главной проблемой капитана Лапласа стало, чем бы занять свою команду. Ничто не влияет так отрицательно на моральный дух, как бездействие, и капитан не переставал удивляться, какие занятия придумывали для своих матросов шкиперы старых парусных судов во

время бесконечных переходов. Ведь нельзя же без конца подтягивать оснастку и мыть палубу.

Ученые поставили перед ним противоположную проблему. Они непрерывно выдвигали предложения о проведении различных тестов и экспериментов, каждый из которых нужно было тщательно обдумать и взвесить, прежде чем одобрить или отклонить. Если бы капитан дал согласие на проведение всех экспериментов, ученые немедленно монополизировали бы все ограниченные теперь каналы связи.

Главный антенный комплекс «Гэлакси» располагался на уровне ватерлинии, где его постоянно трепали волны, и корабль больше не мог поддерживать прямую связь с Землей. Все приходилось ретранслировать через Ганимед на частоте в несколько несчастных мегагерц. Продолжал действовать всего один видеоканал, и капитану пришлось выдержать мощный нажим со стороны земных телекомпаний. Впрочем, и показывать-то особенно было нечего, за исключением открытого моря, тесных корабельных помещений и команды, хотя и сохранившей бодрость, но с каждым днем все больше оброставшей волосами.

Особенно часто радиogramмы поступали на имя второго помощника Флойда, короткие шифрованные ответы которого были настолько немногословны, что не могли содержать исчерпывающей информации. Наконец Лаплас решил поговорить с молодым офицером.

— Мистер Флойд,— произнес он в уединении своей каюты.— Вы не могли бы сообщить мне более подробно о своих побочных занятиях?

Смущенный Флойд взглянул на капитана и тут же схватился за край стола, когда внезапный порыв ветра накренил корабль.

— Мне самому хотелось бы, сэр, но это запрещено.

— Позвольте спросить — кем?

— Откровенно говоря, я сам не знаю.

И это было абсолютной правдой. Флойд подозревал, что его завербовали в АСТРОПОЛ, но два сдержанных джентльмена, которые произвели на него такое глубокое впечатление, во время инструктажа на Ганимеде почему-то не сообщили ему об этом.

— Поскольку я капитан этого корабля — особенно при существующих обстоятельствах, — мне хотелось бы знать, что происходит у меня на борту. Если мы выпутаемся отсюда, мне предстоит провести несколько лет, отвечая на вопросы следственной комиссии. И вам, скорее всего, тоже.

На лице Флойда появилась унылая улыбка.

— Тут и задумаешься, а стоит ли вообще спасаться? Мне известно лишь одно, сэр, — какое-то влиятельное агентство предполагало, что в ходе нашей экспедиции что-то может произойти. Они не знали конкретно что, поэтому предложили быть настороже. Боюсь, от меня было мало пользы, но я оказался единственным подходящим кандидатом в оставшееся время.

— Вряд ли стоит винить себя в происшедшем. Кто мог вообразить, что Роза...

Внезапно капитан замолчал, осененный неожиданной мыслью.

— Может быть, вы еще кого-нибудь подозреваете? — Ему хотелось прибавить: «Меня, например?», но он сдержался. Ситуация и так была достаточно безумной.

Флойд задумался, затем принял решение.

— Возможно, мне следовало поговорить с вами еще раньше, сэр, но мне казалось, что вы так заняты. Я уверен, что в это каким-то образом замешан доктор Вандер-Берг. Вы знаете, разумеется, что он с Ганимеда; это странные люди, и мне трудно понять их. — Не только понять, подумал он, но и разделить их чувства. — Слишком замкнутые в своем кругу, не очень приветли-

вые с посторонними. Впрочем, их нельзя в этом винить: все пионеры, осваивающие неизвестные места, походят на них.

— Ван-дер-Берг — хм. А остальные ученые?

— Разумеется, все прошли тщательную проверку. Ничего необычного.

Флойд сказал не всю правду. Доктор Симпсон имел больше жен, чем допускалось законом — по крайней мере одновременно, тогда как у доктора Хиггинса была большая коллекция весьма необычных книг. Второму помощнику Флойду было непонятно, зачем все это ему рассказали; может быть, его наставникам просто хотелось произвести на него впечатление таким всезнанием. Он пришел к выводу, что работа на АСТРОПОЛ (или как там еще называлась завербовавшая его организация) давала возможность познакомиться с некоторыми забавными вещами.

— Хорошо, — заключил капитан, отпуская разведчика-дилетанта. — Только держите меня в курсе дел и, если узнаете что-нибудь, влияющее на безопасность корабля, тут же мне сообщите.

При существующем положении было трудно сказать, что еще может угрожать кораблю. Любая новая опасность казалась уже излишней.

36. Чужой берег

Еще за двадцать четыре часа до того, как с «Гэлакси» заметили остров, было все еще неясно, выбросит корабль на берег или пронесет мимо и он продолжит дрейф в простор Центрального океана. Координаты корабля, определенные радиолокатором на Ганимеде, наносились на большую карту, и все с беспокойством изучали ее по нескольку раз в день.

Но даже если кораблю и удастся достичь берега, его проблемы лишь начинались. Корабль могло разбить

о подводные рифы скалистого побережья — или выбросить на мелководный песчаный пляж.

Мистеру Ли, исполняющему обязанности капитана, все это было хорошо известно. Он сам побывал в кораблекрушении, когда двигатель его яхты вышел из строя в критический момент у берега острова Бали. Правда, тогда им не угрожала опасность, хотя положение и было достаточно драматическим, и ему вовсе не хотелось, чтобы ситуация повторилась — особенно теперь, когда рядом не было судна береговой охраны, готового прийти на помощь.

Их незавидное положение отличалось поистине космической иронией. Они находились на борту одного из самых современных транспортных средств, созданных человеком, — способного пересечь всю Солнечную систему! — и были бессильны свернуть хотя бы на несколько метров от курса, по которому несло корабль. И все-таки они были не так уж беспомощны — капитану Ли удалось кое-что придумать.

Кривизна этого мира значительно превышала земную, и они увидели остров, лишь приблизившись к нему на пять километров. К облегчению капитана Ли, на берегу, куда несло корабль, не было скал, чего он так боялся; с другой стороны, не было видно и пляжа, на который он надеялся. Геологи предупредили его — чтобы найти песок на Европе, следовало подождать еще несколько миллионов лет; ее мельницы, медленно перемалывающие породу, пока не успели как следует взяться за дело.

Убедившись, что корабль выбросит на берег, Ли дал команду откачать воду из топливных баков, намеренно заполненных вскоре после приводнения. Далее последовало несколько неприятных часов, во время которых по крайней мере четверть команды утратила интерес к происходящему.

«Гэлакси» поднимался из воды все выше и выше, его

колебания все увеличивались и становились беспорядочными — затем он опрокинулся с сокрушительным всплеском, подняв тучу брызг, и улегся на поверхности моря подобно мертвому киту в те старые недобрые дни, когда китобои накачивали этих гигантов воздухом, чтобы не дать утонуть. Убедившись в горизонтальном положении корабля, капитан Ли слегка откорректировал его плавучесть, и теперь корма немного осела, а мостик поднялся над поверхностью.

Как он и ожидал, «Гэлакси» развернуло бортом к ветру. Из строя вышла еще четверть команды, но у капитана Ли оказалось достаточно помощников, чтобы завести плавучий якорь, заранее приготовленный для этой цели. Это был всего лишь импровизированный плот из связанных вместе деревянных ящиков, но его сопротивления оказалось достаточно, чтобы развернуть корабль носом к приближающейся суше.

Теперь они увидели, что корабль несет — мучительно медленно — к узкому участку берега, усыпанному небольшими валунами. Если уж на Европе нет песчаного пляжа, лучше альтернативы трудно придумать.

Мостик был уже над берегом, когда под кораблем закрипел грунт, и капитан Ли выложил свою последнюю козырную карту. До этого он рискнул провести всего лишь одно испытание, опасаясь, что оборудование, не рассчитанное на такую нагрузку, выйдет из строя.

В последний раз «Гэлакси» выпустил свое посадочное устройство. Сервомоторы со скрежетом вогнали посадочные ноги в поверхность Европы. Теперь корабль надежно встал на якорь, и в этом океане, не знающем приливов, ему больше не угрожали ни ветры, ни волны.

Не было сомнений, что «Гэлакси» встал на свою по-

следнюю стоянку; и для всех, кто находился на борту корабля, она тоже могла оказаться последним местом отдыха.

V. Через пояс астероидов

37. Звезда

Теперь «Юниверс» мчался с такой скоростью, что она даже отдаленно не походила на скорость, с которой несется по своей орбите любое природное тело в Солнечной системе. Скорость движения Меркурия — ближайшей к Солнцу планеты — даже в перигелии чуть больше пятидесяти километров в секунду; «Юниверс» превысил эту скорость в два раза уже в первый день — причем его ускорение было вдвое меньше того, с которым он будет двигаться, когда сожжет несколько тысяч тонн топлива и его масса соответственно уменьшится.

В течение нескольких часов, когда корабль пролетал через орбиту Венеры, она была самым ярким небесным телом, уступая лишь Солнцу и Люциферу. Ее крошечный диск был виден даже невооруженным глазом, однако и с помощью самых мощных телескопов с борта корабля не удалось разглядеть на ней никаких отличительных черт. Венера хранила свои тайны не менее ревностно, чем Европа.

Приближаясь к Солнцу еще больше — войдя далеко внутрь орбиты Меркурия, — «Юниверс» не просто сокращал путь, но и приобретал дополнительное ускорение от гравитационного поля Солнца. А так как бухгалтерия Природы всегда соблюдает баланс в своих затратах и доходах, в результате этого маневра Солнце утратило часть своей скорости. Впрочем, замедление было настолько ничтожным, что его удастся измерить лишь через несколько тысяч лет.

Капитан Смит воспользовался пролетом корабля через перигелий, чтобы укрепить свой престиж, пошатнувшийся в результате его прошлой нерешительности.

— Теперь вы понимаете,— заявил он,— почему я прогнал корабль через струю Старого служаки. Если бы мы не смыли всю эту грязь с корпуса, сейчас испытывали бы последствия перегрева. Я даже сомневаюсь, выдержит ли система температурного контроля такую перегрузку—сейчас она превышает земной уровень в десять раз.

Глядя—через почти черные фильтры—на гигантскую разбухшую массу Солнца, пассажиры не сомневались, что он прав. Они успокоились лишь после того, как Солнце постепенно уменьшилось до своих нормальных размеров—и продолжало исчезать за кормой, когда «Юниверс» прорезал орбиту Марса, направляясь к заключительному этапу экспедиции.

Знаменитая пятерка по-разному приспособилась к неожиданной перемене в их жизни. Михайлович непрерывно и шумно занимался сочинением музыкальных шедевров и редко показывался на людях—обычно за обеденным столом, когда принимался рассказывать возмутительные истории и подшучивал над всеми, кто попадал под руку. Уиллис служил мишенью для его насмешек чаще остальных. Гринберг назначил себя—не встретив возражений—почетным членом команды и проводил на мостике львиную долю времени.

Мэгги М относилась к происходящему с печальной улыбкой.

— Писатели,—заметила она,—всегда заявляют, какие шедевры им удалось бы написать, если бы они оказались в таком месте, где никто им не мешает и не отвлекает внимания; выше всего ценятся тюрьмы и маяки. Так что мне не стоит жаловаться—вот только мои просьбы о высылке материалов то и дело задерживаются из-за срочных радиogramм.

Даже Виктор Уиллис пришел в конце концов к такому же выводу; с утра до вечера он работал над разного рода перспективными проектами. Вдобавок он старался не выходить из каюты еще по одной причине: требовалось несколько недель, чтобы не создавалось впечатления, будто он забыл побриться.

Эва Мерлин ежедневно проводила несколько часов в комнате отдыха. Там она наверстывала упущенное и просматривала — как с готовностью объясняла всем, кто проявлял интерес, — свои любимые классические произведения. К счастью, на «Юниверс» успели перед отлетом оборудовать кинозал и библиотеку. Правда, выбор был относительно невелик, но и его было достаточно для нескольких человеческих жизней.

На борту находились все знаменитые фильмы, начиная с мигающих шедевров, созданных на заре киноискусства. Эва знала почти каждый из них и с готовностью делилась своими знаниями.

Флойд, разумеется, слушал ее рассказы с удовольствием, потому что в эти минуты она оживала и превращалась в человека, будто сходила с картины на стене. Как это удивительно и печально, думал он, что Эва может вступать в контакт с окружающей ее действительностью лишь через искусственный мир изображений на видеоэкране.

Одним из самых странных впечатлений в жизни Хейвуда Флойда, полной приключений, было то, как он сидел в полумраке зрительного зала рядом с Эвой Мерлин, на борту космического корабля где-то за пределами орбиты Марса, и они вместе смотрели первый вариант фильма «Унесенные ветром». Временами он видел ее знаменитый профиль на фоне профиля Вивьен Ли и мог даже сравнивать их — хотя невозможно сказать, какой лучше — оба были неподражаемы.

Когда вспыхнул свет, Флойд с удивлением заметил,

что Эва плачет. Он с нежностью взял ее за руку и сказал:

— Я тоже плакал, глядя на смерть Бонни.

На лице Эвы появилась слабая улыбка.

— Я ведь плакала из-за Вивьен,— сказала она.— Когда мы снимали второй вариант, я много читала о ней— у нее была такая трагическая жизнь. А то, что мы говорим о ней здесь, пролетая среди планет, напомнило мне слова Ларри, когда он привез бедняжку с Цейлона после нервного расстройства. Он сказал друзьям: «Я стал мужем женщины из космоса».

Эва на мгновение замолчала, и по ее щеке пробежала (весьма театрально, не мог не подумать Флойд) новая слеза.

— А вот нечто еще более странное. В своем последнем фильме она снималась ровно сто лет назад— и вы знаете, как назывался этот фильм?

— Продолжайте, продолжайте— удивите меня снова.

— Пожалуй, это куда больше удивит Мэгги— если она действительно приведет в исполнение свою угрозу и напишет книгу. Последний фильм Вивьен Ли назывался «Корабль дураков».

38. Космические айсберги

Теперь, когда у них неожиданно оказалось так много свободного времени, капитан Смит согласился наконец выполнить просьбу Виктора Уиллиса и дать ему интервью, составлявшее часть его контракта. Откладывал запись сам Виктор, и причиной задержки было то, что Михайлович настойчиво продолжал называть «ампутацией». Поскольку стало очевидным, что пройдет несколько месяцев, прежде чем Уиллису удастся восстановить свой образ, столь знакомый его поклонникам, он решил наконец провести интервью, оставаясь сам за

пределами видеокамеры; после ретрансляции на Землю в студии вставят его лицо в кадры фильма.

Они сидели во все еще не до конца отделанной капитанской каюте, наслаждаясь великолепным вином, которое составляло, казалось, основную часть багажа Виктора. Оставалось всего несколько часов до момента, когда будут выключены двигатели и корабль в течение нескольких часов продолжит полет по инерции, и это была последняя удобная возможность на протяжении ближайших дней. Пить вино в невесомости, утверждал Виктор, мерзко; он наотрез отказался наливать свое драгоценное выдержанное вино в пластмассовые шарики.

«Здравствуйте, уважаемые зрители. С вами говорит Виктор Уиллис. Мы находимся на борту космического корабля «Юниверс». Сейчас 18 часов 30 минут, 15 июля 2061 года. Еще не достигнув средней точки путешествия, мы находимся далеко за пределами орбиты Марса и уже почти развили максимальную скорость. И какова же она, капитан?

— Одна тысяча пятьдесят километров в секунду.

— Больше тысячи километров в секунду — почти четыре миллиона километров в час!

Изумление Виктора казалось совершенно искренним; трудно поверить, что параметры были известны ему не хуже капитана. Но одним из достоинств Виктора была его способность ставить себя на место зрителей и не только предугадывать их вопросы, но и пробуждать интерес.

— Совершенно верно, — заметил капитан со спокойной гордостью. — Сейчас мы летим вдвое быстрее, чем доводилось какому-либо человеческому существу с начала летосчисления.

Я ведь сам собирался сообщить об этом, подумал Виктор; ему не нравилось, когда кто-то его опережал.

Будучи, однако, настоящим профессионалом, он быстро оправился.

Он помолчал, взглянул на свой знаменитый меекран; направленное изображение на нем было видно лишь ему одному.

— Каждые двенадцать секунд мы пролетаем расстояние, равное диаметру Земли. И все-таки нам понадобится еще десять дней, чтобы добраться до Юпи... извините, до Люцифера! Это даст вам некоторое представление о масштабе Солнечной системы...

— А теперь, капитан, у меня деликатный вопрос, но за последнюю неделю мне так часто его задавали.

(Боже мой, молча простонал Смит. Только не о туалетах в состоянии невесомости!)

— В этот самый момент мы пролетаем через центральную часть пояса астероидов...

(Уж лучше бы он спросил про туалеты, подумал Смит.)

...и хотя еще ни один космический корабль не получал серьезных повреждений от столкновения с астероидом, разве сейчас нам не угрожает опасность? В конце концов, в этой области космоса пролегают орбиты буквально миллионов космических тел, от огромных до размером с футбольный мяч. Из них вычислены астрономами и нанесены на небесные карты орбиты всего нескольких тысяч.

— Больше, чем нескольких: более десяти тысяч.

— Но ведь остаются еще миллионы, о которых нам ничего не известно.

— Верно. Впрочем, даже если бы нам это и было известно, вряд ли могло оказаться полезным.

— Что вы имеете в виду?

— Мы бессильны что-нибудь предпринять.

— А почему?

Капитан Смит задумался; Уиллис прав — это действительно деликатный вопрос. Начальство устроит

мне основательную выволочку, если я распугаю потенциальных клиентов.

— Во-первых, космическое пространство настолько велико, что даже здесь — как вы справедливо заметили, в самом центре пояса астероидов — вероятность такого столкновения ничтожно мала. Мы надеялись показать вам астероид — самый лучший, который удалось отыскать, был Хануман, диаметром в какие-то несчастные триста метров — но к нему удалось приблизиться лишь на четверть миллиона километров.

— Да, но ведь Хануман — настоящий гигант по сравнению с бесчисленными обломками, плавающими в космическом пространстве. Разве это вас не беспокоит?

— Не больше, чем опасность погибнуть от удара молнии на Земле.

— Между прочим, я едва не погиб от удара молнии — на вершине Пайк в Колорадо — были гром и вспышка одновременно. Значит, вы признаете, что такая опасность существует; скажите, а риск не увеличивается из-за колоссальной скорости, с которой мы летим?

Уиллис, разумеется, отлично знал ответ на этот вопрос; он снова ставил себя на место миллионов неизвестных слушателей на планете, удаляющейся от него на тысячу километров за каждую секунду.

— Это сложно объяснить, не прибегая к математическим расчетам, — ответил капитан (сколько раз он произносил эту фразу, даже когда она не соответствовала действительности), — но я попытаюсь. Не существует прямой зависимости между скоростью и риском. При движении с космическими скоростями столкновение с чем угодно кончится катастрофой; если вы стоите рядом с атомной бомбой перед ее взрывом, не имеет значения, измеряется ее мощность килотоннами или мегатоннами.

Подобное заявление не было слишком уж успокоительным, но ничего другого просто не пришло в голову. Стараясь предупредить следующий вопрос Уиллиса, капитан поспешно добавил:

— И не следует забывать, что, если и добавляется ничтожная доля риска для нашего корабля, это делается во имя людей. Даже один выигранный час может спасти человеческие жизни.

— Да, конечно. Мы понимаем важность этой экспедиции.— Уиллис на мгновение замолчал; ему хотелось добавить: «Не забудьте, я тоже на одном корабле с вами», но он передумал. Это могло показаться нескромным—хотя скромность никогда не относилась к достоинствам Уиллиса. К тому же у него не было выбора—разве что отправиться домой пешком.

— А теперь мне пришло в голову нечто иное,— продолжал он.— Вы, наверно, помните, что случилось в Северной Атлантике полтора века назад?

— В 1911 году?

— Если уж быть точным, то в 1912.

Капитан Смит понял, куда клонит Уиллис, и отказался от игры, где ему следовало притворяться совсем уж невежественным.

— Вы, наверно, имеете в виду «Титаник»,— сказал он.

— Совершенно верно,—согласился Уиллис, пытаясь скрыть разочарование.— Ко мне обратились по меньшей мере человек двадцать, каждый из которых считал, что лишь ему одному удалось провести параллель.

— Какая может быть параллель? «Титаник» неоправданно рисковал только ради побития рекорда.

И тут капитан Смит чуть не добавил: «И к тому же на нем не было достаточного количества спасательных шлюпок», но вовремя спохватился, вспомнив, что единственный шаттл «Юниверс» может вместить всего пять

человек. Если Уиллис ухватится за это, потребуются длительные разъяснения.

— Я согласен, что эта аналогия слишком натянута. Но ведь есть еще одна поразительная параллель, на которую указывают все до единого. Вы не помните фамилию первого и единственного капитана «Титаника»?

— У меня нет ни малейшего...— начал капитан Смит и замолчал. От изумления у него отвалилась челюсть.

— Совершенно верно,— произнес Виктор Уиллис. Только с очень большой натяжкой его улыбку можно было назвать всего лишь самодовольной.

Капитан Смит готов был придушить всех этих исследователей-дилетантов. Но разве мог он винить своих родителей в том, что они завещали ему самую распространенную английскую фамилию?

39. Капитанский стол

Как жаль, что зрители на Земле — и за ее пределами — не были свидетелями менее официальных бесед, которые проходили на борту «Юниверс». Несомненно, они получили бы от них большое удовольствие. Жизнь на корабле вошла в нормальное русло — довольно монотонное, — нарушаемое лишь редкими памятными мероприятиями, самым значительным из которых и, разумеется, освященным давними традициями был капитанский стол.

Ровно в 18.00 шесть пассажиров и пять офицеров — из тех, кто не был на вахте, — ужинали вместе с капитаном Смитом. На «Юниверс» не требовалось являться на ужин в вечернем костюме — как это считалось обязательным на плавающих дворцах Северной Атлантики, — но претензии на изысканность были заметны и здесь. Эва всегда появлялась с новой брошкой, кольцом, колье, лентой в прическе или пахла необычными

духами. Судя по всему, у нее был неисчерпаемый запас безделушек.

При включенных двигателях и тяге ужин начинали с супа; но если корабль летел по инерции и на борту царил невесомость, подавали разные закуски. И в том и в другом случае перед началом ужина капитан Смит рассказывал последние новости—или пытался рассеять последние слухи, основывающиеся обычно на передачах с Земли или с Ганимеда.

Обвинения и оправдания слышались здесь и там: похищение «Гэлакси» пытались объяснить самыми фантастическими теориями. Уже были упомянуты все до единой тайные организации, существовавшие когда-либо, и много таких, которых просто никогда не было. Тем не менее у каждой из этих теорий была одна общая черта: никто не мог хоть отчасти правдоподобно объяснить причину происшедшего.

Тайна усугублялась единственным подтвержденным фактом. В результате тщательных детективных поисков, проведенных АСТРОПОЛОм, выяснилась поразительная деталь: покойная «Роза Мак-Магон» на самом деле оказалась Рут Мэйсон, уроженкой Северного Лондона. Она работала в столичной полиции и после многообещающего начала была уволена за националистическую деятельность. Она эмигрировала в Африку—и исчезла. По-видимому, ее вовлекли в какую-то подпольную политическую организацию этого несчастного континента. Время от времени упоминалось имя «Чака», и тут же следовало опровержение со стороны СШЮА.

За столом шли бесконечные—и бесплодные—дебаты о том, как все это могло быть связано с Европой,—особенно после того, как Мэгги призналась, что когда-то собиралась написать роман о Чаке—с точки зрения одной из тысячи несчастных жен зулусского деспота. Но чем больше материала о Чаке она собирала,

тем отвратительнее казалась сама идея романа. «К тому времени, когда я отказалась от своих планов,— призналась она с иронической улыбкой,— мне стало ясно, как относится к Гитлеру современный немец».

И такие личные откровения становились все более частыми. После ужина одному из пассажиров давали слово, и он мог говорить до тридцати минут. У каждого из них пережитого хватило бы на несколько жизней, некоторые побывали на многих планетах, так что слушать эти беседы после ужина было очень интересно.

Виктор Уиллис, к общему удивлению, оказался наименее интересным рассказчиком. Он честно признался в этом и объяснил почему.

— Я так привык,— сказал он почти, но не совсем, извиняющимся тоном,— выступать перед миллионными аудиториями, что мне трудно найти общий язык с такой маленькой дружеской компанией.

— А с недружеской? — поинтересовался Михайлович, всегда готовый прийти на помощь. — Это можно устроить.

Эва же, наоборот, оказалась гораздо более интересной собеседницей, чем ожидали многие; правда, ее воспоминания ограничивались исключительно миром развлечений. Особенно увлекательными были рассказы о знаменитых режиссерах, пользовавшихся хорошей — или дурной — репутацией, с которыми ей приходилось работать; Дэвид Гриффин фигурировал в ее воспоминаниях особенно часто.

— Это правда,— спросила Мэгги М, у которой Чака не выходил из головы,— что Гриффин ненавидел женщин?

— Нет, неправда,— тут же ответила Эва. — Дэвид ненавидел лишь актеров. Он не считал их людьми.

Воспоминания Михайловича тоже касались ограниченного круга тем — знаменитых оркестров и балетных трупп, дирижеров и композиторов, а также их окруже-

ния. Но он знал так много забавных историй о закулисных интригах и связях, о сорванных назло кому-то премьерях и смертельной вражде между примадоннами, что даже те из его слушателей, кто совсем не интересовался музыкальным миром, отчаянно смеялись, и никто не возражал, когда ему требовалось еще несколько минут, чтобы закончить рассказ.

Сухие повествования полковника Гринберга о невероятных приключениях были полной противоположностью. Первая высадка на прохладном — относительно прохладном — Южном полюсе Меркурия так широко освещалась в прессе, что ему трудно было добавить что-то новое. Больше всего присутствующих интересовал вопрос: «Когда намечается следующая высадка?», за которым тут же следовал другой: «А вы хотели бы принять в ней участие?».

— Если меня пригласят, я полечу, разумеется, — ответил Гринберг. — Но мне все-таки кажется, что Меркурий походит на Луну. Вспомните — мы высадились там в 1969 году и не возвращались на нее почти полвека. К тому же Меркурий не кажется мне таким полезным, как Луна, — хотя не исключено, что в будущем положение изменится. На Меркурии нет воды; правда, ее обнаружили, ко всеобщему изумлению, на Луне. Впрочем, скорее не на Луне, а в Луне...

— Хотя посадка на Меркурии привлекла куда больше внимания, я был гораздо полезнее на Луне — там я организовал перевозку льда на мулах из кратера Аристарха.

— На мулах?

— Совершенно верно. До того как построили экваториальную пусковую установку на Луне и начали забрасывать лед прямо на орбиту, нам приходилось возить его из шахт в космопорт Имбриум. Для этого понадобилось проложить дорогу через лавовые потоки и построить мосты через множество пропастей. Мы

прозвали ее Ледяной дорогой—всего триста километров, но ее строительство обошлось в несколько жизней...

— Так вот, мулы—это восьмиколесные тракторы с гигантскими шинами и независимой подвеской; каждый из них тащил дюжину прицепов, вмещающих по сотне тонн льда. Приходилось ездить по ночам—тогда не нужно закрывать груз от солнечных лучей.

Мне довелось водить такие поезда несколько раз. На одну поездку уходило шесть часов—в наши намерения не входило побивать рекорды скорости. Затем лед разгружали в огромные герметизированные резервуары и ждали рассвета. Как только лед таял, воду перекачивали в топливные баки космических кораблей.

Ледяная дорога все еще на прежнем месте—что ей сделается?—но теперь ею пользуются лишь туристы. Если у них голова на плечах, они едут по ней ночью, как и мы. Это было как в сказке—полная, яркая Земля над головой и так светло, что мы редко включали фары. И хотя можно было разговаривать по радио, обычно мы выключали трансиверы и оставляли только автоматические маяки, регулярно сообщавшие, что с нами ничего не случилось. Нам просто хотелось побыть наедине с этой огромной сияющей пустыней—мы знали, что это не продлится вечно, и спешили насладиться удивительной красотой. Теперь же там строят «Теравольт»—ускоритель кварков, опоясывающий Луну по экватору, а по всему Имбриуму и Серенитатису купола растут как грибы после дождя. Но мы-то еще застали настоящую нетронутую Луну—точно такую, какой ее увидели Армстронг и Олдрин—до того как на почте базы Спокойствия начали продавать открытки с надписью «Жаль, что тебя здесь нет».

40. Чудовища с Земли

«...к счастью, ты пропустил ежегодный бал: хочешь — верь, хочешь — нет, но он оказался таким же скверным, как и в прошлом году. И опять, как и раньше, наш домашний мастодонт, уважаемая мисс Уилкинсон, умудрилась отдавить во время танца ноги своему партнеру — даже при силе тяжести в два раза меньше земной.

Теперь о деле. Поскольку ты не вернешься домой в течение месяцев вместо пары недель, администрация с вождением поглядывает на твою квартиру — хороший район, недалеко универсам, великолепная панорама Земли по безоблачным дням и так далее. Предлагают сдать ее в поднаем до твоего возвращения. Нам это кажется разумным и сэкономит тебе массу денег. Мы заберем все личные вещи, какие ты сочтешь нужными...

Теперь про этого Чаку. Мы знаем, ты склонен к шуткам, но откровенно говоря, мы с Джерри пришли в ужас! Теперь понятно, почему Мэгги М отказалась от книги про него — да, конечно, мы читали ее «Похотливых олимпийцев» — очень забавно, но слишком уж женски...

Подумать, какое чудовище! Теперь я понимаю, почему банду африканских террористов называли его именем. Представь себе — казнить своих воинов, если они женятся! И истребить всех несчастных коров в своей жалкой империи лишь потому, что они — женского пола! А хуже всего — изобретенные им копья; как это не тактично — тыкать копьями в людей, с которыми ты даже должным образом не знаком...

А какая ужасная реклама для нас, обреченных! Приходит в голову мысль, а не передумать ли? Мы всегда утверждали, что все мы добрые и отзывчивые (не говоря уже о том, какие талантливые и артистичные, разумеется), но после того, как ты заставил нас заглянуть

в прошлое некоторых так называемых великих полководцев (как будто в способности убивать есть какое-то величие!), нам стало стыдно за нашу компанию...

Конечно, мы знали про Адриана и Александра — но даже не подозревали о Ричарде Львиное Сердце и Саладине. Или о Юлии Цезаре — уж он-то занимался всем — спроси у Антония, а не только у Клеопатры. Не знали мы и о Фридрихе Великом — впрочем, у него были и положительные качества — как хорошо относился он к старику Баху!

А когда я сказал Джерри, что уж Наполеон-то является исключением, — знаешь, что ответил Джерри? «Бьюсь об заклад, что Жозефина на самом деле была мальчиком!» Расскажи-ка это Эве.

Ты подорвал наш моральный дух, негодяй, навязав нам еще и этого мерзавца. Уж лучше бы нам оставаться в счастливом неведении...

Несмотря на все это, шлем тебе наши самые лучшие пожелания, и Себастьян присоединяется к нам. Передай привет европейцам, если удастся их встретить. Судя по сообщениям с «Гэлакси», некоторые из них будут отличными партнерами для мисс Уилкинсон».

41. Воспоминания столетнего мужчины

Доктору Хейвуду Флойду не хотелось рассказывать о первой экспедиции к Юпитеру и о второй — десять лет спустя — к Люциферу. Это было так давно, и он все изложил — по меньшей мере, раз сто — комитетам Конгресса, комиссиям Космического совета и представителям средств массовой информации вроде Виктора Уиллиса.

Но у него оставались обязательства перед коллегами по экспедиции, и он не мог уклониться от них. Они надеялись услышать от него — единственного живого человека, своими глазами наблюдавшего рождение но-

вого солнца — и новой солнечной системы, — нечто особое, позволяющее лучше понять миры, к которым они приближались с такой скоростью. Это желание было наивным: ученые и инженеры, работающие на протяжении целого поколения на Галилеевых лунах, знали о них намного больше. Когда Флойда спрашивали: «А что в действительности происходит на Европе (Ганимеди, Ио, Каллисто)», — он довольно бесцеремонно рекомендовал любопытным почитать подробнейшие материалы, хранящиеся в корабельной библиотеке.

И все-таки в одной области его опыт был уникален. Полвека спустя ему не раз приходилось задумываться, получилось ли это на самом деле, или Дейвид Боумен явился ему на борту «Дискавери» во сне. Могло показаться, что на корабле обитали привидения.

Но нет, Флойд знал, что это не было сном — у него на глазах летающие пылинки слились в призрачный образ человека, умершего двенадцать лет назад. И если бы не его предостережение (Флойд отчетливо помнил, что губы Дейвида были неподвижны, а голос доносился из динамика, укрепленного на кронштейне), «Леонов» и все, кто находился на борту, испарились бы при детонации Юпитера.

— Почему он так поступил? — говорил Флойд во время одной из бесед за капитанским столом. — Вот уже пятьдесят лет эта мысль не дает мне покоя. Во что бы он ни превратился, после того как отправился с «Дискавери» в космической капсуле осматривать Монолит, у него должно было остаться что-то общее с человеческой расой; он не стал совсем чужим. Известно, что он возвращался на Землю — на очень короткое время — из-за этого случая с бомбой на орбите. Есть и свидетельства — весьма надежные, — что он навестил мать и свою прежнюю невесту; как видите, это не похоже на поведение существа, лишенного эмоций.

— Как вы думаете, во что он превратился? — спросил Уиллис. — И где он сейчас?

— Второй вопрос не имеет, по-видимому, смысла — даже для человеческих существ. Вам известно, где находится ваше сознание?

— Я слаб в метафизике. Где-нибудь в мозгу, наверно.

— Когда я был помоложе, — вздохнул Михайлович, обладавший даром превращать в шутку самые серьезные дискуссии, — оно было у меня на метр ниже.

— Остается предположить, что он на Европе; мы знаем, что Монолит находится там, а Боумен был, несомненно, как-то связан с ним — вспомните, как он передал свое предостережение.

— Вы считаете, что он передал и второе — гласящее, что мы не должны высаживаться на Европу?

— И которое сейчас мы собираемся нарушить...

— Ради святого дела...

Капитан Смит, который обычно не вмешивался в разговор, позволяя ему идти своим чередом, на этот раз сделал редкое исключение из своего правила.

— Доктор Флойд, — задумчиво произнес он, — вы находитесь в уникальном положении, и нам следует воспользоваться им. Боумен однажды уже сделал все, чтобы спасти вас. Если он еще там, он может снова прийти на помощь. Признаться, меня очень беспокоит это предостережение: **НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ ЗДЕСЬ**. Если бы он заверил вас, что оно временно отменяется, я чувствовал бы себя куда лучше.

— В самом деле, верно, — поддержали сидящие вокруг стола.

— Я думал об этом, — ответил Флойд, — и уже предупредил «Гэлакси», чтобы они следили, не будет ли каких-нибудь, скажем, знаков, свидетельствующих о том, что он пытается вступить в контакт.

— Не исключено,—заметила Эва,—что он уже умер—если духи умирают.

На этот раз даже Михайлович воздержался от комментариев, но Эва, похоже, поняла, что ее замечание не было воспринято всерьез.

Ничуть не смутившись этим, она продолжала.

— Вуди, милый,—сказала она.—Почему бы тебе просто не вызвать его по радио. Ведь оно для этого и существует, правда?

Подобная мысль уже приходила Флойду в голову, но казалась слишком наивной.

— Пожалуй,—ответил он.—По крайней мере, это не повредит.

42. Монолит

На этот раз Флойд был убежден, что происходящее снится... Он всегда плохо спал при невесомости, а сейчас «Юниверс» летел по инерции, на максимальной скорости, с выключенными двигателями. Через два дня начнется почти неделя непрерывного торможения, когда «Юниверс» будет гасить колоссальную излишнюю скорость, чтобы выйти на орбиту вокруг Европы.

Как он ни приспособливал пристежные ремни, всякий раз казалось, что они или затянуты слишком туго — и ему было трудно дышать, или слишком свободно — и он взлетал, отрываясь от койки.

Однажды он проснулся и обнаружил, что парит посреди каюты. Флойд несколько минут размахивал руками, пока сумел, наконец, пролететь пару метров до ближайшей стены. Совершенно измученный отчаянными усилиями, лишь тогда он понял, что нужно было просто подождать: поток воздуха, отсасываемого вентиляционной системой корабля, скоро подтянул бы его к вентиляционной решетке, и не пришлось бы тратить никаких усилий. Ему, опытному космонавту, это было

отлично известно; единственным оправданием была паника.

Но этим вечером Флойду удалось все сделать идеально; не исключено, что после возвращения силы тяжести к ней снова придется приспособливаться. Он пролежал всего несколько минут, вспоминая разговор за столом, и уснул.

Во сне разговор продолжался. Кое-что, правда, изменилось, но Флойд не обратил внимания на такие мелочи. Уиллис, например, успел снова отрастить бороду — но лишь с одной стороны лица. Флойд решил, что это сделано с исследовательскими целями, хотя и не мог понять, какими именно.

К тому же у него были свои неприятности. Он защищался от обвинений Миллсона, главы Космического совета, как-то неожиданно оказавшегося среди сидящих за столом. Флойд не мог понять, каким образом Миллсону удалось пробраться на «Юниверс» (неужели все это время он летел зайцем?). Это обстоятельство казалось Флойду куда важнее того, что Миллсон умер по крайней мере сорок лет назад.

— Хейвуд,— говорил его старый враг,— Белый дом очень недоволен.

— Интересно, почему?

— Из-за твоей радиогаммы на Европу. Ты согласовал ее текст с Госдепартаментом?

— Не считал это необходимым. Ведь я просто запросил разрешение на посадку.

— А-а, в этом-то все дело. Кого ты запросил? Мы признаем это правительство? Боюсь, ты нарушил существующие правила.

Миллсон постепенно исчез, неодобрительно качая головой. Хорошо, что это всего лишь сон, подумал Флойд. Теперь что?

Ну вот, этого следовало ожидать. Привет, дружище. Ты бываешь самых разных размеров, верно? Конечно,

даже ЛМА-1 не смог бы втиснуться ко мне в каюту — а его Большой Брат проглотил бы весь «Юниверс» одним махом.

Черный Монолит стоял — или висел — всего в двух метрах от койки. Флойда неприятно поразило, что у Монолита не только форма, но и размеры такие же, как у обычной надгробной плиты. Хотя уже неоднократно отмечали это сходство, до сих пор несовместимость масштабов смягчала психологический шок. Теперь, впервые, он почувствовал в этом сходстве что-то тревожное, даже зловещее. Я знаю, что это всего лишь сон, но в моем возрасте напоминания такого рода излишни...

Итак, что тебе здесь надо? Может быть, хочешь передать что-нибудь от Дейва Боумена? Или ты и есть Дейв Боумен?

Ну что же, я и не рассчитывал на ответ; ты и в прошлый раз был не слишком разговорчив, правда? Но стоит тебе показаться, как что-то обязательно происходит. Тогда, в кратере Тихо, шестьдесят лет назад, ты послал сигнал на Юпитер, сообщив своим хозяевам, что тебя откопали. А посмотри, что ты сделал с Юпитером, когда мы прилетели туда через двенадцать лет!

Так что же ты задумал теперь?

VI. Убежище

43. Спасательные работы

Первой и самой важной проблемой, вставшей перед капитаном Лапласом и его экипажем, едва они успели привыкнуть, что под ногами суша, стала полная переориентация. На борту «Гэлакси» все оказалось наоборот.

Космические корабли рассчитаны на два режима —

либо на состояние полной невесомости, либо при работе двигателей на тягу, направленную вдоль продольной оси. Но «Гэлакси» лежал сейчас почти горизонтально, в результате чего все полы превратились в стены. Было похоже, что они пытаются жить на маяке, опрокинутом на бок; требовалось переставить всю мебель, и по крайней мере половина корабельного оборудования отказывалась нормально работать.

Однако это была неприятность, неожиданно обернувшаяся благом — по крайней мере, в некоторых отношениях, и капитан Лаплас немедленно воспользовался этим. Команда была настолько занята перестройкой интерьера «Гэлакси» — обратив первоочередное внимание на сантехнику, — что ему не приходилось беспокоиться о ее моральном духе. Пока корпус корабля оставался воздухонепроницаемым, а мюоновые генераторы снабжали корабль электроэнергией, непосредственная опасность им не угрожала; требовалось продержаться лишь двадцать дней, и к ним с неба придет спасение — в виде корабля «Юниверс». Никто даже не вспоминал, что неизвестные силы, правящие Европой, могут воспротивиться еще одной посадке. Эти силы — пока — не обратили внимания на «Гэлакси»; неужели теперь они помешают спасательной экспедиции...

Сама Европа, однако, относилась к потерпевшим кораблекрушение куда менее терпимо. Пока «Гэлакси» дрейфовал в открытом море, сотрясения коры маленького мира практически не влияли на корабль. Но теперь, когда корабль превратился в одно из весьма основательных сооружений на суше, каждые несколько часов он сотрясался от сейсмических возмущений. Если бы он стоял в обычном вертикальном положении, то давно бы опрокинулся.

Сотрясения почвы были скорее неприятными, чем опасными, хотя и вселяли кошмар в тех, кто пережил землетрясения в Токио в 2033 году или в Лос-

Анджелесе в 2045. Положение ничуть не облегчалось тем, что последовательность сотрясений была известна заранее, достигая пика своей активности каждые три с половиной дня, когда Ио проносилась по своей внутренней орбите. Слабым утешением служило и то, что гравитационные приливы на Европе наносили самой Ио неменьший ущерб.

После шести дней непрерывной работы капитан Лаплас решил, что при существующем положении лучшего порядка на «Гэлакси» достигнуть не удастся, и объявил выходной — который почти вся команда провела в койках, наслаждаясь сном, — а затем составил расписание второй недели пребывания на Европе.

Ученые, вполне естественно, хотели заняться исследованиями нового мира, на котором они так неожиданно оказались. Судя по радиолокационным картам, переданным с Ганимеда, остров имел пятнадцать километров в длину и пять в ширину; его самая высокая точка возвышалась всего на сто метров над уровнем моря — недостаточно, заявил кто-то мрачно, чтобы спастись от по-настоящему свирепого цунами.

Трудно представить себе более заброшенное и унылое место; полвека слабых дождей и ветров на Европе оказалось недостаточно, чтобы разбить одеяло лавы, покрывающее половину острова, и сгладить ходы гранита, проступающие через застывшие реки. Но этот остров был теперь их домом, и ему нужно было подыскать имя.

Мрачные предложения — такие как Преисподняя, Чистилище, Ад — были решительно отвергнуты капитаном; ему хотелось что-нибудь ободряющее. Серьезно рассматривалось одно удивительное, дон-кихотское предложение, отдающее дань храброму противнику, но его все-таки отклонили тридцатью двумя голосами против десяти при двух воздержавшихся — остров не будет назван «Страной роз»...

В конце концов единогласно прошло Хэвен — Убежище.

44. Выдержка

«История не повторяет себя — вновь повторяются лишь исторические ситуации».

Передавая на Ганимед свой ежедневный рапорт, капитан Лаплас часто вспоминал эту фразу. Ее процитировала Маргарет М'Бала — которая приближалась сейчас со скоростью около тысячи километров в секунду — в своей радиোগрамме, стараясь воодушевить потерпевших кораблекрушение. Капитан с удовольствием зачитал ее послание товарищам по несчастью.

«Передайте, пожалуйста, мисс М'Бала, что ее маленький исторический пример оказал исключительно благотворное влияние на моральный дух команды; трудно найти лучший образец, достойный подражания, чем приведенный ею...

...Несмотря на все трудности, связанные с тем, что наши стены и полы поменялись местами, условия, в которых мы живем, поистине роскошны по сравнению с жизнью полярных исследователей прошлого. Некоторые из нас слышали про Эрнста Шеклтона, но мы не имели ни малейшего представления о саге корабля «Эндьюранс». Попасть в ловушку и больше года провести на льдинах — перезимовать в ледяной пещере, выдержав антарктические морозы, — затем проплыть по морю тысячу километров в открытой шлюпке и пересечь горный хребет, отсутствующий на карте, чтобы добраться до ближайшего человеческого поселения...

... Но это было всего лишь началом. Что кажется невероятным и вдохновляет всех нас: Шеклтон четыре раза возвращался обратно за остальными членами экспедиции, оставшимися на том крохотном острове, — и спас всех до единого! Можете представить себе, как

повлиял этот рассказ на моральный дух команды. Надеюсь, вам удастся передать эту книгу по телефаксу во время следующего сеанса связи — мы все хотим ее прочесть.

... А что он подумал бы о нас? Да, мы находимся в несравненно лучшем положении, чем полярные исследователи тех давно ушедших дней. Кажется невероятным, что еще в начале прошлого века они были полностью отрезаны от остального мира, стоило им пересечь линию горизонта. Нам стыдно ворчать, что скорость света слишком мала и нельзя разговаривать с друзьями в реальном времени — или что приходится ждать ответа с Земли целых два часа! Еще раз, мисс М'Бала, примите нашу искреннюю благодарность.

...Разумеется, у всех земных исследователей было одно крупное преимущество перед нами: все же они могли свободно дышать. Наша научная группа требует не переставая, чтобы их выпустили из корабля, и нам удалось приспособить четыре скафандра для пребывания на поверхности Европы в течение шести часов. Атмосферное давление достаточно велико, так что не требуются скафандры, закрывающие все тело, — достаточно поясных, изолирующих лишь верхнюю половину, — и я разрешил выходить одновременно двоим при условии, чтобы они не теряли из виду корабль.

...Наконец, о погоде сегодня. Давление — 250 бар, температура — двадцать пять градусов, порывы западного ветра до 30 узлов, как всегда сплошная облачность, сотрясения почвы — от одного до трех баллов по открытой шкале Рихтера.

... Знаете, мне никогда не нравилось слово «открытая» по отношению к сотрясениям почвы — особенно сейчас, когда Ио приближается к нам на максимально близкое расстояние...»

45. Экспедиция

Когда несколько человек одновременно просят разрешения поговорить с ним, обычно это означает, что предстоят неприятности, или по меньшей мере что-то тут нечисто. Капитан Лаплас уже обратил внимание, что Флойд и Ван-дер-Берг то и дело шушукуются в коридоре, причем нередко к ним присоединяется второй помощник Чанг. В общем, предугадать тему разговоров было нетрудно. И все-таки их просьба застала его врасплох.

— Вы хотите отправиться к горе Зевс! Как? В открытой шлюпке? Неужели эта книга о Шеклтоне настолько вскружила вам голову?

Флойд выглядел слегка смущенным; капитан попал в точку. Книга действительно вселила в него вдохновение, причем не только в отношении этого.

— Даже если нам и удастся построить шлюпку, сэр, на это уйдет слишком много времени... особенно теперь, когда «Юниверс» может появиться в течение ближайших десяти дней.

— К тому же,— добавил Ван-дер-Берг,— плавание по этому Галилейскому морю вряд ли доставит особое удовольствие; может быть, не все его обитатели знают, что мы несъедобны.

— Остается один выход, верно? Я отношусь к нему скептически, но готов выслушать ваши доводы. Постарайтесь убедить меня.

— Мы уже говорили с мистером Чангом, и он уверен, что это осуществимо. Гора Зевс всего в трехстах километрах; шаттл долетит до нее менее чем за час.

— И там найдется удобное место для посадки? Как вы, несомненно, помните, мистер Чанг пытался посадить там «Гэлакси» без особого успеха.

— Тут нет трудностей, сэр. Масса «Уильяма Тсун-

га» в сто раз меньше; даже лед озера сможет, наверно, выдержать его. Мы просмотрели видеофильм и обнаружили не меньше дюжины хороших посадочных площадок.

— К тому же,— улыбнулся Ван-дер-Берг,— пилоту никто не будет угрожать пистолетом.

— Верно. Но главная проблема — здесь, у нас. Как вы собираетесь вывести шаттл из отсека, где он находится? Установите подъемный кран? Даже при здешней силе тяжести нагрузка будет немалой.

— Этого не потребуется. Мистер Чанг вылетит прямо на нем.

Наступила длительная тишина, во время которой капитан Лаплас обдумывал — по-видимому, без особого энтузиазма — последствия работы ракетных двигателей внутри его корабля. Маленький шаттл «Уильям Тсунг» — или, как называли его все, «Билл Т» — весил всего сто тонн и предназначался исключительно для орбитальных полетов; обычно его просто выталкивали из «гаража»; и двигатель включался лишь на достаточном расстоянии от корабля-матки.

— По-видимому, вы все хорошо продумали,— неохотно произнес капитан,— а как с углом взлета? Только не говорите, что собираетесь перевернуть «Гэлакси», чтобы «Билл Т» мог взлететь прямо вверх. Гараж расположен в середине борта; хорошо еще, что он не оказался внизу, когда нас выбросило на берег.

— Взлет произведем под углом шестьдесят градусов к горизонтали; бортовые двигатели развернут шаттл.

— Если так считает мистер Чанг, у меня нет сомнений. Но работа двигателей внутри корабля — каков будет ущерб?

— Конечно, внутри гаража все будет разрушено —

но ведь и так пользоваться им больше не придется. А прочность переборок рассчитана на силу случайного взрыва, так что опасности для всего корабля никакой. На всякий случай дадим сигнал пожарной тревоги и будем наготове.

Несомненно, план был блестящим. Если он осуществится, экспедиция не будет бесполезной. За последнюю неделю капитан Лаплас даже не вспоминал о тайне горы Зевс, ставшей причиной их трагедии; ему приходилось думать лишь о спасении людей. Но теперь их положение перестало быть безнадежным, и можно было задуматься о будущем. Стоило рискнуть и попытаться узнать, почему этот маленький мир оказался центром таких интриг.

46. Шаттл

— Насколько я припоминаю,— заметил доктор Андерсен,— первая ракета Годдарда пролетела около пятидесяти метров. Интересно, удастся ли мистеру Чангу превзойти этот рекорд.

— Будем надеяться — иначе нам несдобровать.

Почти все ученые собрались в кают-компанию «Гэлакси», и каждый с беспокойством смотрел в сторону кормы. Хотя вход в гараж и был вне их поля зрения, скоро они увидят «Билла Т», когда — или если — он вылетит наружу.

Никакого отсчета не было; Чанг не спешил, тщательно проверяя все приборы. Он взлетит, когда убедится, что готов к этому. Из шаттла убрали все, что можно, стараясь максимально облегчить его; топлива оставили лишь на сто секунд полета. Если операция будет успешной, этого количества хватит с лихвой; если взлет закончится неудачей, лишнее топливо будет не только бесполезным, но даже и опасным.

— Поехали,— небрежно произнес Чанг.

Это походило на трюк фокусника; все произошло так быстро, что напоминало оптический обман. Никто не заметил, как «Билл Т» вылетел из гаража, потому что он был окутан облаком пара. Когда облако рассеялось, шаттл уже садился в двухстах метрах от корабля.

По кают-компании пронесся дружный вздох облегчения.

— Победа! — воскликнул бывший исполняющий обязанности капитана Ли. — Он побил рекорд Годдарда — и без всяких усилий!

«Билл Т», стоящий на своих четырех приземистых ногах на фоне унылого ландшафта Европы, походил на увеличенную и еще менее элегантную модель спускаемого аппарата «Аполло». Но когда капитан Лаплас смотрел из рубки, ему в голову пришла другая аналогия.

Он подумал, что его корабль напоминает выброшенную на берег самку кита, в муках родившую китенка. Капитан надеялся, что китенок выживет...

Еще через сорок восемь часов «Уильям Тсунг» был полностью снаряжен и проверен в испытательном десятикилометровом полете над островом. Теперь он был готов к вылету. Для экспедиции времени было вполне достаточно; по самым оптимистическим расчетам, «Юниверс» прилетит не раньше чем через три дня, а полет к горе Зевс, даже принимая во внимание то, что понадобится время, чтобы установить приборы доктора Ван-дер-Берга, займет всего шесть часов.

Сразу после посадки капитан Лаплас пригласил второго помощника Чанга к себе в каюту. Чанг заметил, что капитан чувствует себя неловко.

— Отлично, Уолтер, — хотя, разумеется, другого мы и не ожидали.

— Спасибо, сэр. Неприятности?

Капитан улыбнулся. В дружной команде не бывает секретов.

— Главное управление, как обычно. Мне не хочется разочаровывать вас, но они требуют, чтобы к горе Зевс отправились только доктор Ван-дер-Берг и второй помощник Флloyd.

— Понятно,— отозвался Чанг с оттенком горечи.— И что вы ответили?

— Пока — ничего; именно поэтому я вас и пригласил. Я готов заявить, что вы — единственный пилот, способный выполнить это задание.

— Они сразу поймут, что это чепуха; Флloyd справится с шаттлом не хуже меня. И никакой опасности — если не принимать во внимание отказ какого-нибудь механизма; впрочем, это может случиться с каждым.

— И все-таки я готов рискнуть, если вы настаиваете. В конце концов, кто может мне помешать? А когда мы вернемся на Землю, на всех нас будут смотреть, как на героев!

Чанг молчал. Он производил в уме какие-то сложные расчеты и, судя по всему, остался доволен полученным результатом.

— Замена двухсот килограммов полезной нагрузки топливом открывает перед нами новые интересные возможности; мне и раньше хотелось сказать об этом, но «Билл Т» с полной командой и дополнительными приборами на борту не справился бы с такой задачей.

— Уже догадываюсь. Великая Стена.

— Конечно; облетев вокруг раза два, можно как следует осмотреть ее и узнать, наконец, что она представляет собой в действительности.

— Мне кажется, у нас и так отличное представление о Стене; стоит ли искушать судьбу?

— Может, и нет. Но есть еще одна причина; для некоторых из нас она кажется еще важнее...

— Продолжайте.

— «Цин». Он находится всего в десяти километрах от Стены. Нам хотелось бы сбросить там венок.

Так вот что обсуждали его офицеры с такой торжественностью; в который раз капитан пожалел, что не владеет мандаринским наречием китайского языка.

— Понимаю,— тихо произнес он.— Мне нужно подумать и спросить мнение Ван-дер-Берга и Флойда.

— А разрешение начальства?

— Обойдемся без них. Я сам приму решение.

47. Осколки

— Не теряйте времени,— передали с Ганимеда.— Предстоящее сближение будет для вас весьма тяжелым. Сотрясения будут вызваны не только прохождением Ио, но и нашим. И вот еще что — не хотим пугать, но если ваш радиолокатор не сошел с ума, ваша гора осела еще на сто метров с момента предыдущего наблюдения.

При такой скорости, подумал Ван-дер-Берг, Европа снова станет плоской уже через десять лет. Насколько быстрее протекают на ней тектонические процессы по сравнению с Землей; немудрено, что она вызывает такой интерес у геологов.

Теперь, сидя пристегнутым в кресле позади Флойда, окруженный своими приборами, Ван-дер-Берг испытывал странное чувство — взволнованное ожидание смешивалось с грустью. Так или иначе, но через несколько часов самое крупное интеллектуальное приключение всей его жизни завершится. Ничего сравнимого с ним больше уже не случится.

Ван-дер-Берг не испытывал ни малейшего страха; его уверенность в пилоте и машине была абсолютной. Неожиданно он подумал не без печальной иронии, что ему следует за все это благодарить покойную Розу

Мак-Магон; без нее такой возможности никогда бы не представилось, и он мог бы сойти в могилу, испытывая прежнюю неуверенность.

Тяжело нагруженный «Билл Т» с трудом поднялся даже при здешней силе притяжения; он не был рассчитан на такую работу, но обратный путь пройдет куда легче — весь груз приборов останется у горы Зевс. Казалось, потребовалась целая вечность, чтобы взлететь над «Гэлакси»; за это время они осмотрели корпус корабля, оценив полученные им повреждения и признаки начавшейся коррозии, вызванной проходившими время от времени кислотными дождями. Флойд сконцентрировал все внимание на управлении аппаратом, а Ван-дер-Берг передал на корабль краткий отчет о состоянии его корпуса с точки зрения единственного наблюдателя. Он решил, что это не помешает, несмотря на то, что пригодность «Гэлакси» к космическим полетам скоро — если не произойдет новых неприятностей — никого не будет интересовать.

И вот под ними развернулась панорама всего острова; лишь теперь Ван-дер-Берг оценил, насколько блестяще мистер Ли — исполнявший обязанности капитана — сумел выбросить корабль на берег. Сверху было видно всего несколько мест, пригодных для такой операции; правда, огромную роль сыграло везение, и все-таки Ли использовал ветер и плавучий якорь с максимальным эффектом.

Туман закрыл все вокруг; «Билл Т» взлетал по полубаллистической траектории, чтобы уменьшить лобовое сопротивление, и в ближайшие двадцать минут ничего, кроме облаков, не будет видно. Жаль, подумал Ван-дер-Берг, наверняка там, внизу, плавают интересные существа, которых еще никому не доводилось видеть...

— Отсечка двигателя, — произнес Флойд в микрофон. — Все работает нормально.

— Отлично, «Билл Т». На вашей высоте других ле-

тательных аппаратов не наблюдается. Вы все еще первые в очереди на посадку.

— Что это за шутник? — спросил Ван-дер-Берг.

— Ронни Лим. Не думай, что я шучу, — эта фраза «первые в очереди на посадку» впервые была произнесена во время полетов «Аполло».

Ван-дер-Берг понимал, в чем дело. Временами юмор — не заходящий слишком далеко — был единственным средством, способным снять напряжение, неизбежно возникающее у людей, вовлеченных в сложное и, возможно, рискованное предприятие.

— До начала торможения еще пятнадцать минут, — заметил Флойд. — Посмотрим, кто еще в эфире кроме нас.

Он включил автоматическое сканирование, и маленькая кабина наполнилась пронзительными свистками и гудками, разделенными короткими промежутками тишины, по мере того как тюнер отбрасывал их один за другим, быстро поднимаясь по спектру радиочастот.

— Местные радиомаяки и передача собранных данных, — пояснил Флойд. — Я надеялся — а, вот и она!

Из динамика донесся едва слышный музыкальный тон, быстро поднимающийся и падающий, похожий на безумное сопрано. Флойд взглянул на указатель частоты.

— Доплеровское смещение почти исчезло — его скорость быстро падает.

— Что это — передача текста?

— Думаю, медленное видеосканирование. Через большую тарелку на Ганимеде — когда он занимает нужное положение — все время идут передачи на Землю. Средства массовой информации отчаянно требуют новостей.

Несколько минут они прислушивались к гипнотическому, но бессмысленному для них звуку; затем Флойд отключил его. Хотя передача с «Юниверс» осталась не-

понятной для их слуха, не вооруженного декодерами, она значила только одно. Спасение мчится к ним, и скоро трудности будут позади.

Отчасти чтобы заполнить образовавшуюся паузу, отчасти потому, что ему это было действительно интересно, Ван-дер-Берг спросил как бы между прочим:

— Ты разговаривал уже со своим дедом?

«Разговаривал» было, разумеется, неправильным словом, принимая во внимание космические расстояния, но пока еще никому не удалось придумать приемлемой замены. На короткое время становились распространёнными голосограммы, аудиопочта и звуковые открытки, но все они канули в небытие. Даже сейчас бо́льшая часть человечества по-прежнему не верила, что в колоссальных просторах Солнечной системы невозможно вести разговоры в реальном времени, и нередко приходилось выслушивать сердитые замечания: «Почему это вы, ученые, не придумаете что-нибудь?»

— Да, — ответил Флойд. — Он здоров, и я заранее радуюсь предстоящей встрече.

В голосе Флойда было заметно какое-то напряжение. Интересно, подумал Ван-дер-Берг, когда они виделись последний раз; он понимал, однако, что такой вопрос будет нетактичным. И он потратил оставшееся время на обсуждение проблем разгрузки и установки приборов, чтобы после посадки избежать путаницы и сэкономить время.

Прозвучал сигнал начала торможения — на долю секунды позже того, как Флойд нажал кнопку и привел в действие автоматическую программу. Я в надежных руках, подумал Ван-дер-Берг. Можно успокоиться и направить внимание на предстоящую работу. Где эта фотокамера? Неужели снова улетела куда-то...

Облака рассеивались. Хотя радиолокатор уже точно показал на экране, что ждет их внизу, с точностью, не

уступающей обычному зрению, картина горы, возвышающейся всего в нескольких километрах, потрясла их.

— Смотри! — внезапно крикнул Флойд. — Вон там, слева, около двойного пика, — ну-ка, попробуй догаться?

— Ты прав, конечно. Не думаю, что нам удалось причинить какой-нибудь ущерб — он просто размазался по склону. Интересно, куда попал второй...

— Высота тысяча футов. Куда садиться? Площадка «Альфа» выглядит отсюда не слишком многообещающе.

— Да, пожалуй — попробуй «Гамму». В любом случае, поближе к горе.

— Пятьсот футов. Заходим на «Гамму». Я зависну на двадцать секунд. Если тебе не понравится, сядем на «Бете». Четыреста... Триста... Двести... («Мягкой посадки, “Билл Т”, — передали с “Гэлакси”».) Спасибо, Ронни... Сто пятьдесят... Сто... Пятьдесят... Ты только посмотри! Всего несколько маленьких валунов и — как странно — похоже, все усыпано битым стеклом. Кто-то здорово погулял здесь... Пятьдесят... Пятьдесят... Все в порядке?

— Идеально. Давай на посадку.

— Сорок... Тридцать... Двадцать... Десять... Точно, не передумашь?.. Десять... Взбивает пыль, как сказал однажды Нил — или Базз?.. Касание! Просто, не правда ли? Не знаю, за что мне платят жалованье.

48. Люси

— Привет, Центральная Ганимеда. Мы совершили идеальную посадку — то есть Крис совершил идеальную посадку на ровной площадке, сложенной из каких-то метаморфических горных пород — по-видимому, из того же псевдогранита, который мы называли «гавени-том». Основание горы всего в двух километрах, но мне уже ясно, что идти к ней нет необходимости...

Мы одеваем сейчас наши космические полукостюмы и через пять минут приступим к разгрузке. Разумеется, оставим мониторы включенными; будем вызывать вас каждые четверть часа. Конеч.

— Почему ты считаешь, что не надо идти поближе к горе? — спросил Флloyd.

Ван-дер-Берг ухмыльнулся. Казалось, за последние несколько минут он сбросил груз прошедших лет и превратился в беззаботного мальчишку.

— *Circumspice*, — произнес он со счастливой улыбкой. — Латинское выражение, означающее «Посмотри вокруг». Сначала давай вынесем большую видеокамеру и — это да!

«Билл Т» внезапно качнулся и в течение нескольких секунд раскачивался на амортизаторах посадочного устройства. Стоило такой качке немного продлиться, и лучшего рецепта для мгновенной морской болезни не придумаешь.

— Ганимед был прав относительно этих возмущений, — заметил Флloyd, когда они пришли в себя. — Думаешь, это не слишком опасно?

— Нет, наверно; до момента наибольшего сближения еще тридцать часов, а под нами сплошной скальный пласт. Но лучше не терять времени — к счастью, здесь мы быстро управимся. Как у меня маска? В порядке? Что-то не так.

— Дай-ка подтяну ремень. Теперь лучше. Вдохни поглубже. Ну вот, теперь хорошо. Я выхожу.

Ван-дер-Бергу самому хотелось сделать этот первый шаг, но Флloyd был командиром их маленького корабля, и в его обязанности входило проверить, все ли в порядке с «Биллом Т» и готов ли он к немедленному взлету.

Флloyd обошел вокруг, осмотрел посадочные опоры, затем поднял вверх большой палец. Ван-дер-Берг кивнул и начал спускаться по трапу. Хотя ему уже прихо-

дилось одевать этот легкий дыхательный аппарат во время прогулок по острову, но сейчас он чувствовал себя в нем как-то неловко; спустившись, он начал поправлять складки. Затем выпрямился — и увидел, что делает Флойд.

— Не трогай! — крикнул он. — Это опасно!

Флойд отпрыгнул на добрый метр от осколка стекловидной породы, который осматривал. На первый взгляд осколок показался ему неудачной пробой, вылитой из стеклоплавильной печи.

— Он не радиоактивный, а? — обеспокоенным тоном спросил Крис.

— Нет. И все-таки ничего не трогай, пока я не подйду. К изумлению Флойда, на руках Ван-дер-Берга он увидел плотные рабочие перчатки. Опытному астронавту потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к тому, что здесь, на Европе, безопасно ходить без перчаток и вообще обнажать кожу, подвергая ее влиянию местной атмосферы. Нигде в пределах Солнечной системы — даже на Марсе — такое было недопустимо.

С предельной осторожностью Ван-дер-Берг наклонился и поднял длинный осколок стекловидной породы. Даже в рассеянном свете Европы от него исходило какое-то странное сияние, и Флойд заметил, что край осколка переходит в длинное тонкое лезвие.

— Самый острый нож во всей Вселенной, — произнес Ван-дер-Берг счастливым голосом.

— И мы летели сюда лишь за тем, чтобы найти нож?

Ван-дер-Берг попытался засмеяться, но почувствовал, что в прилегающей к лицу маске это слишком трудно.

— Неужели ты все еще не догадываешься?

— Мне начинает казаться, что все остальные давно догадались.

Ван-дер-Берг взял своего спутника за плечо и повернул лицом к гигантской массе нависающей горы Зевс. С этого расстояния гора заполняла половину неба — не просто самая большая, а единственная гора во всем мире.

— Даю тебе минуту, чтобы повосхищаться пейзажем. Мне нужно передать важную радиограмму.

Он нажал несколько кнопок на панели своего связного устройства, подождал, когда зажгутся буквы «Готов», и произнес:

— Центральная Ганимеда — один — ноль — девять. Это Ван. Как прием?

Прошло неуловимо короткое время, и послышался явно электронный голос:

— Хэлло, Ван. Это Центральная Ганимеда — один — ноль — девять. Готов к приему.

Ван-дер-Берг на мгновение замолчал, наслаждаясь величием момента, который на всю жизнь останется в памяти.

— Передать на Землю. Срочно: Дяде — Семь — Три — Семь. Следует текст: ЛЮСИ НА МЕСТЕ. ЛЮСИ НА МЕСТЕ. Конец радиограммы. Повторите текст.

Может быть, следовало прервать его, не допустить передачи, что бы она ни значила, подумал Флойд, слушая, как голос с Ганимеда повторяет текст радиограммы. Но уже поздно. Через час она достигнет Земли.

— Извини меня, Крис, — улыбнулся Ван-дер-Берг. — Мне хотелось быть первым — помимо всего остального.

— Если ты сейчас же не посвятишь меня в происхождение, я зарежу тебя вот этим стеклянным ножом.

— Стеклянным — хо-хо! С объяснением лучше подождать — оно исключительно интересное, но очень запутанное. Лучше уж я дам тебе факты. Так вот, слушай.

Гора Зевс — это единый кристалл алмаза, масса

его — около миллиона миллионов тонн. Или, если тебя это больше устраивает, два на десять в семнадцатой степени каратов. Правда, не могу гарантировать, что вся она чистейшей воды и высшего качества.

VII. Великая Стена

49. Храм

Разгружая научные приборы и прочее снаряжение на крохотное гранитное плато, где они совершили посадку, Флойд то и дело посматривал на громаду горы, что возвышалась над их головами. Ему было трудно оторвать от нее взгляд. Алмазный кристалл — размерами больше Эвереста! Ведь одни лишь осколки, разбросанные вокруг шаттла, стоят не миллионы, а миллиарды...

С другой стороны, их ценность может равняться ценности — ну, битого стекла. Стоимость алмазов всегда контролировалась владельцами алмазных копей и корпорациями, продававшими драгоценные камни, но если на рынок будет внезапно выброшена гора — в буквальном смысле — алмазов, их стоимость неминуемо скатится до нуля. Теперь Флойд начал понимать, почему так много заинтересованных сторон обратило свое внимание на Европу; политические и экономические последствия были огромны.

Найдя подтверждение своей теории, Ван-дер-Берг снова превратился в ученого, все силы которого были направлены на завершение эксперимента, и не обращающего внимание на происходящее вокруг. С помощью Флойда — оказалось не так уже просто вытащить некоторые приборы, особенно крупные, из небольшой кабины «Билла Т» — они прежде всего пробурили отверстие глубиной в метр с помощью портативного

электрического сверла и получили керн, с максимальными предосторожностями перенесенный в кабину.

Флойд с удовольствием занялся бы сначала другими делами, но согласился, что в первую очередь нужно решить более трудные задачи. Лишь когда был установлен комплекс сейсмографов, а на низком, устойчивом треножнике размещена телевизионная камера с широкоугольным объективом, Ван-дер-Берг снизошел до того, чтобы собрать часть несметных богатств, разбросанных вокруг.

— По крайней мере,— заметил он, тщательно выбирая наименее опасные осколки,— это будут отличные сувениры.

— Если только друзья Розы не убьют нас, чтобы перехватить их.

Ван-дер-Берг внимательно посмотрел на своего спутника; интересно, подумал он, что уже известно Крису — и о чем он, подобно остальным, догадывается.

— Вряд ли они пойдут на это теперь, когда тайна стала общеизвестна. Пройдет около часа, и компьютеры на всех биржах Земли раскалятся от перегрузки.

— Ах ты мерзавец! — воскликнул Флойд. В его голосе звучало скорее восхищение, чем гнев. — Так вот почему ты послал радиограну!

— Нет закона, запрещающего ученому немного подзаработать, но этими грязными делами пусть занимаются мои приятели на Земле. Честное слово, меня куда больше интересует то, чем мы занимаемся сейчас. Дай-ка мне вон тот гаечный ключ...

Прежде чем им удалось закончить оборудование станции Зевс, сотрясения почвы трижды едва не сбивали их с ног. Сначала под ногами ощущалась легкая вибрация, затем все вокруг начинало содрагаться, наконец раздавался ужасный протяжный стон, исходящий, казалось, отовсюду. Он доносился даже по воздуху, и это было самым странным. Флойд никак не мог при-

выкнуть к тому, что окружающая их атмосфера делала возможными даже разговоры на небольшом расстоянии без помощи радио.

Ван-дер-Бергу приходилось то и дело заверять Флойда, что пока сотрясения совершенно безвредны и не представляют опасности, но тот не слишком полагался на мнение экспертов. Да, геологу уже однажды удалось доказать — с поразительной убедительностью — точность своих выводов; теперь, поглядывая на «Билла Т», раскачивающегося на своих амортизаторах подобно кораблю в штормовом море, Флойд надеялся, что везение Ван-дер-Берга продлится еще несколько минут.

— Вот и все, — произнес, наконец, ученый, и Флойд вздохнул с облегчением. — Данные поступают на Ганимед по всем каналам. Аккумуляторы, питаемые энергией от солнечных батарей, продержатся много лет.

— Я буду удивлен, если твои приборы выдержат хотя бы неделю, — заметил Флойд. — Готов поклясться, что с момента нашего приземления гора слегка осела. Лучше давай уберемся отсюда, пока она не рухнула нам на голову.

— Меня куда больше тревожит, что струя газов при взлете разрушит все, ради чего мы так старались, — сказал Ван-дер-Берг.

— Не бойся — мы на приличном расстоянии, да и для взлета нам потребуется всего лишь половина тяги — ведь мы солидно разгрузились. Ну, разумеется, если мы не возьмем на борт еще несколько миллионов или миллиардов. Или триллионов.

— Не будем жадничать. К тому же, не знаю, сколько все это будет стоить после нашего возвращения на Землю. Разумеется, музеи расхватают почти все. После этого — кто знает?

Пальцы Флойда коснулись нескольких кнопок на контрольной панели, и он установил связь с «Гэлакси».

— Первый этап экспедиции завершен. Мы готовы к взлету. Следуем дальше в соответствии с планом.

Их ничуть не удивило, когда послышался голос капитана Лапласа:

— Вы настаиваете на продолжении экспедиции? Не забывайте, лишь вам принадлежит окончательное решение. Я гарантирую поддержку, каким бы оно ни было.

— Так точно, сэр, у нас все в полном порядке. Мы разделяем чувства команды. А научные результаты могут быть поистине невероятными—мы оба по-настоящему рады этому.

— Одну минуту—мы ждем вашего доклада относительно горы Зевс!

Флойд посмотрел на Ван-дер-Берга. Ученый пожал плечами и наклонился к микрофону.

— Если мы сейчас расскажем вам об этом, капитан, вы или примите нас за сумасшедших, или решите, что мы шутим. Подождите еще пару часов, пока мы не вернемся и не предьявим доказательства.

— Гм, полагаю, моему приказу вы все равно не подчинитесь, верно? В общем, желаю успеха. Да, чуть не забыл: сэр Лоуренс просил передать, что он согласен—полет к «Цину»—это великолепная мысль.

— Я не сомневался в его одобрении,—заметил Флойд, поворачиваясь к своему спутнику.—К тому же, раз «Гэлакси» все равно придется списать, уже неважно, что случится с «Биллом Т», правда?

Ван-дер-Берг понял Флойда, но не разделял его точку зрения целиком. Ученый сделал величайшее открытие; его научная репутация поднялась на небывалую высоту, и теперь ему хотелось уцелеть, чтобы воспользоваться завоеванной им славой.

— Да, между прочим,—спросил Флойд.—Что это за Люси—конкретное лицо?

— Насколько мне известно, нет. Копаясь в памяти компьютеров, мы разыскали это имя и решили, что из

него выйдет отличный пароль — все решат, что оно как-то связано с Люцифером, а это всего лишь полуправда и потому лишь собьет с толку.

Раньше мне никогда не приходилось слышать о них, но сто лет назад существовала группа известных музыкантов с очень странным названием «Биттлз» — пишется «Б—И—Т—Т—Л—З» — не спрашивай меня, откуда оно возникло, я все равно не знаю. Так вот, они сочинили песню с не менее странным названием: «ЛЮСИ В НЕБЕСАХ С АЛМАЗАМИ». Поразительно, правда? Будто догадывались...

По данным радиолокационного обследования Европы со станции на Ганимеде остатки «Цина» находились в трехстах километрах к западу от горы Зевс, в направлении так называемой Сумеречной зоны и холодных регионов, расположенных за ней. Там действительно царил вечный холод, но не темнота: эта часть Европы половину времени освещалась ярким сиянием далекого Солнца. Тем не менее даже к концу длинного европейского солнечного дня температура здесь оставалась намного ниже нуля. Поскольку вода в жидком состоянии может существовать лишь на полушарии, обращенном к Люциферу, промежуточные области были местом, где постоянно свирепствовали штормы, где дождь и град, дождь со снегом и снег боролись друг с другом.

С момента посадки «Цина» и последовавшей за этим трагедии корабль переместился почти на тысячу километров. Должно быть, его отнесло дрейфом — как и «Гэлакси» — по возникшему Галилейскому морю, пока не прибило наконец к унылому негостеприимному берегу.

Флойд поймал отраженный сигнал на бортовом радиолокаторе, как только «Билл Т» вышел на горизонтальную часть траектории своего второго прыжка через

Европу. Для такого крупного объекта, как космический корабль, сигнал оказался поразительно слабым; едва они пробили облачность и пошли на снижение, стало ясно почему.

Остатки космического корабля «Цин» — первого пилотируемого корабля, совершившего посадку на спутнике Юпитера, — находились в центре небольшого круглого озера, совершенно очевидно, искусственного происхождения, соединенного каналом с морем меньше чем в трех километрах. От корабля остался всего лишь каркас, и то не весь; обшивка и все остальное было снято.

Но кем? — подумал Ван-дер-Берг. Вокруг не было никаких признаков жизни. Казалось, здесь никто не бывал уже много лет. Тем не менее у него не было ни малейших сомнений, что кто-то очистил корабль с намеренной, почти хирургической тщательностью.

— Думаю, ничто не угрожает посадке, — заметил Флloyd, дождаив пока последует рассеянный кивок Ван-дер-Берга. Геолог уже наклонился к иллюминатору и снимал все увиденное на видеопленку.

«Билл Т» мягко сел на краю озера, и астронавты посмотрели на памятник человеческому стремлению в космос, расположенный за полосой холодной, темной воды. Остатки корабля находились вне пределов досягаемости, но это не имело значения.

Натянув космические полукостюмы, они вышли из шаттла, поднесли венок к краю воды, торжественно подняли его перед объективом видеокамеры, затем бросили в воду, отдавая дань памяти первопроходцам от команды «Гэлакси». Несмотря на то что единственными материалами, годными для изготовления венка, были фольга, бумага и пластик, он получился на удивление красивым, казалось, что цветы и листья естественные. К нему было приколото множество записок и надписей на древнем языке, написанном отнюдь не

латинским шрифтом, а старыми-старыми, давно вышедшими из употребления иероглифами.

На обратном пути к «Биллу Т» Флойд задумчиво произнес:

— Ты заметил, что там не осталось металла. Всего лишь стекло, пластик, синтетические материалы.

— А каркас и фермы?

— Композитные материалы — углерод и борон, главным образом. Местные жители, судя по всему, испытывают крайнюю нужду в металле — и сразу узнают его. Интересно...

И даже очень, подумал Ван-дер-Берг. На планете, где нет огня и, следовательно, невозможно изготовить металлы и сплавы, они будут цениться как — как алмазы!!!

После того как Флойд связался с «Гэлакси» и выслушал благодарные слова второго помощника Чанга и остальных членов экипажа, он снова взлетел, выровнял «Билла Т» на высоте тысячи метров и направил шаттл на запад.

— Последний круг, — заметил он. — Подниматься выше не имеет смысла — всего десять минут полета. Но я не собираюсь садиться; если Великая Стена именно то, что мы предполагаем, лучше не совершать посадку. Пролетим мимо — и домой. Приготовь свои камеры; это может оказаться важнее горы.

И, подумал он про себя, скоро я узнаю, какие чувства испытывал дедушка Хейвуд пятьдесят лет назад, где-то совсем рядом. Да, нам будет о чем поговорить при встрече — меньше чем через неделю, если ничего не случится.

50. Открытый город

Какое ужасное место, подумал Флойд. Порывы холодного ветра, несущего дождь со снегом, свинцовые

облака, и, время от времени, в просветах, внизу мелькала суша, местами покрытая льдом,—боже, да Хэвен настоящий тропический рай по сравнению с этим! И все-таки он знал, что Ночная сторона всего в нескольких сотнях километров отсюда, за крутым изгибом Европы, и климат там еще хуже.

К его изумлению, еще до того, как они прилетели на место, погода неожиданно и резко улучшилась. Облака рассеялись — и прямо перед «Биллом Т» возникла колоссальная черная стена высотой почти в километр. Она была настолько огромной, что создавала вокруг свой микроклимат: ветры огибали ее, оставляя спокойное, безветренное пространство.

Не было сомнений в том, что это Монолит; и у его основания расположились сотни полукруглых строений, сияющих призрачно белым светом в лучах находившегося невысоко над горизонтом солнца, когда-то бывшего Юпитером. Они походили, подумал Флойд, на старые улы, сделанные из снега. У него в памяти начали смутно пробуждаться воспоминания о каких-то строениях на Земле, но Ван-дер-Берг опередил его.

— Йглу,--- произнес он.— Те же самые проблемы — те же самые решения. Никакого иного строительного материала под рукой — не считая камня, а камень куда труднее обрабатывать. К тому же, на стороне местных жителей малая сила тяжести — смотри, некоторые из этих иглу очень большие. Интересно, кто в них живет...

Они все еще были слишком далеко и не видели, есть ли кто-нибудь на улицах этого маленького городка на краю мира. Подлетев ближе, они заметили, что здесь нет улиц.

— Похоже на Венецию изо льда,— заметил Флойд.— Одни иглу и каналы.

— Земноводные жители,— согласился Ван-дер-Берг.— Этого следовало ожидать. Интересно, куда они подевались?

— Наверно, мы напугали их. Шум от «Билла Т» слышен снаружи куда больше, чем внутри.

Прошло несколько минут. Ван-дер-Берг был занят съемками и связью с «Гэлакси» и лишь потом ответил:

— Думаю, нам нужно попытаться вступить в контакт с ними. Ты прав — это куда значительнее, чем гора Зевс.

— И куда опаснее.

— Не вижу ни малейших следов развитой технологии. Впрочем, погоди — вон там, видишь, что-то похожее на радиолокационную антенну! Ты не мог бы подлететь поближе?

— Чтобы по нам открыли пальбу? Нет уж, спасибо. К тому же, мы сжигаем массу топлива, пока висим здесь. Осталось всего на десять минут — если хотим вернуться обратно.

— Давай хотя бы сядем и посмотрим вокруг. Вон, рядом, хорошая площадка. Куда же все подевались?

— Испугались — вроде меня. Девять минут. Хорошо, пролетим над городом. Снимай все подряд — да-да, «Гэлакси», у нас все в порядке, просто мы немного заняты сейчас, через несколько минут свяжемся с вами.

— Слушай, Крис, я только что понял — это не антенна радиолокатора, а что-то куда интереснее. Смотри, тарелка направлена прямо к Люциферу — это солнечная печь! Какие молодцы! Лучше места не придумаешь — солнце никогда не меняет места на небе, а зажечь огонь на Европе невозможно.

— Восемь минут. Жаль, что все спрятались от нас.

— Или залезли в воду канала. Давай хотя бы посмотрим на это большое здание посреди площади. Помоему, это ратуша.

Ван-дер-Берг показал на строение, намного превышающее другие по размерам, причем с совершенно иной архитектурой; оно состояло из ряда вертикальных

цилиндров, похожих на трубы органа — только гораздо больше. К тому же здание не было совершенно белым, его покрывал какой-то сложный пятнистый узор.

— Европейское искусство! — воскликнул Ван-дер-Берг. — Смотри, похоже на мозаичное панно! Ближе! Еще ближе! Это нужно обязательно заснять!

Флойд начал послушно спускаться — ниже — ниже — еще ниже. Казалось, он совсем забыл свои прежние опасения относительно нехватки топлива; внезапно потрясенный Ван-дер-Берг понял, что Флойд идет на посадку.

Ученый перевел взгляд с быстро приближающейся поверхности на пилота. Хотя Флойд, несомненно, сохранял контроль над механизмами шаттла, казалось, он погрузился в гипнотический транс: не отрываясь, он пристально смотрел прямо перед собой.

— Что с тобой, Крис? — воскликнул Ван-дер-Берг. — Что ты делаешь?

— Совершаю посадку, разумеется. А разве ты не видишь его?

— Кого?

— Человека, вон там, у самого большого цилиндра. И ты только посмотри: у него нет дыхательного аппарата!

— Крис, не сходи с ума! Там нет никого!

— Он смотрит на нас. Машет рукой — мне кажется, я узнаю... Боже мой!

— Крис! Немедленно прекрати спуск! Там никого нет!

Флойд не обращал на него никакого внимания. Абсолютно спокойно, профессиональными, точными движениями он за мгновение до прикосновения к поверхности выключил двигатель и мягко посадил «Билла Т».

С максимальной тщательностью Флойд проверил показания приборов на панели и поставил все ручки на «0». Лишь закончив всю последовательность операций,

он снова посмотрел наружу с озадаченным, но счастливым выражением на лице.

— Здравствуй, дедушка,— произнес он тихим голосом, хотя никого, кроме Ван-дер-Берга, вокруг не было.

51. Фантом

Даже в самых страшных кошмарах доктору Ван-дер-Бергу не приходило в голову, что он может оказаться на враждебном мире в крошечной космической капсуле рядом со спутником, сошедшим с ума. Правда, Крис Флойд не проявлял признаков буйно помешанного; возможно, удастся уговорить его вернуться обратно к «Гэлакси»...

Он по-прежнему смотрел вперед пустым взором, и губы его время от времени шевелились в молчаливом разговоре. Враждебный мир вокруг оставался совершенно пустым—можно было подумать, что он покинут столетиями раньше. Шло время, и Ван-дер-Берг начал замечать признаки того, что совсем недавно здесь кто-то жил. Хотя струя двигателя «Билла Т» сдула тонкий слой снега вокруг, на всей остальной части площади он продолжал лежать. Это было похоже на страницу, вырванную из книги, покрытую знаками и иероглифами, и некоторые из них были ему понятны.

Вон туда протащили какой-то тяжелый предмет—или по снегу протащился кто-то сам. Из закрытого теперь входа в один из иглу вели совершенно четкие следы колес. Вдали лежал какой-то предмет, похожий на сосуд; наверно, жители Европы бывают такими же безалаберными, как и земляне...

Присутствие жизни было совершенно очевидным и явным. Ван-дер-Бергу казалось, что за его движениями наблюдают тысячи глаз—и он не знал, чьи это глаза—друзей или врагов. Не исключено, что жителям было совершенно все равно; они просто ждали, пока

пришельцы уберутся восвояси, и тогда они снова придутся за свои таинственные занятия, прерванные появлением землян.

Наконец Крис снова произнес в пустоту:

— До свиданья, дедушка.

Он сказал это с грустью в голосе и, повернувшись к Ван-дер-Бергу, продолжил уже как обычно:

— Он говорит, что нам пора улетать. Наверно, ты принял меня за сумасшедшего.

Лучше всего, подумал Ван-дер-Берг, не показывать, что я согласен. А через несколько мгновений ему пришлось беспокоиться о другом.

Флойд озадаченно смотрел на цифры, выданные бортовым компьютером. Наконец он произнес извиняющимся тоном:

— Прости меня, Ван, но мы использовали для приземления гораздо больше топлива, чем я ожидал. Нам придется изменить маршрут.

Это, подумал Ван-дер-Берг уныло, судя по всему, означает, что у них не хватит топлива, чтобы вернуться на «Гэлакси». Он с трудом удержался, чтобы не воскликнуть: «Черт бы побрал твоего дедушку!». Но вместо этого спросил:

— Что будем делать?

Флойд смотрел на карту и вводил в компьютер новые данные.

— Здесь оставаться мы не можем.— (А почему нет?— подумал Ван-дер-Берг. Раз уж нам все равно придется умереть, то, по крайней мере, с пользой проведем время и узнаем как можно больше.)— Поэтому нужно отыскать такое место, с которого шаттл, посланный «Юниверс», легко сможет подобрать нас.

Ван-дер-Берг почувствовал, как гора свалилась с плеч, и молча с облегчением вздохнул. Каким нужно быть дураком, чтобы забыть об этом; он чувствовал себя подобно приговоренному к смерти и помилован-

ному на пути к виселице. «Юниверс» достигнет Европы меньше через четверо суток; кабину «Билла Т» вряд ли можно назвать роскошной, однако она была все-таки куда лучше, чем все остальные варианты.

— Где-нибудь подальше от этой унылой погоды найдем хорошую, надежную площадку, поближе к «Гэлакси» — хотя я и не уверен, как это может помочь нам. У нас хватит топлива на пятьсот километров — просто лететь через море слишком рискованно.

На мгновение Ван-дер-Берг с сожалением подумал о горе Зевс; сколько исследований можно было бы провести там. Но сейсмические возмущения — становившиеся все мощнее по мере того, как Ио все ближе подходила к створу с Люцифером, — делали это невозможным. Интересно, продолжают ли функционировать установленные им инструменты. Нужно проверить — как только решим главную проблему.

— Лучше всего направиться к экватору — для шаттла это наиболее удобно. На радиолокационной карте видны ровные площадки внутри материка на шестидесяти градусах западной долготы.

— Да, это плато Массادا. (Кроме того, подумал Ван-дер-Берг, там тоже неплохо было бы оглядеться вокруг. Нужно использовать любую представляющуюся возможность...)

— Тогда все в порядке. До свиданья, Венеция. До свиданья, дедушка.

Когда приглушенный рев тормозных ракет стих, Флойд последний раз проверил показания приборов и поставил необходимые предохранители. Затем он растегнул ремни безопасности и потянулся — насколько позволяла кабина «Билла Т».

— Не так уж и плохо — для Европы, — произнес он неунывающим голосом. — За оставшиеся четверо суток нам предстоит выяснить, действительно ли неприкосно-

венный запас шаттла так невкусен, как утверждают многие. Итак — кто из нас начнет говорить первым?

52. Откровенный разговор

Жаль, что мне не пришлось учиться психологии, подумал Ван-дер-Берг; тогда мне удалось бы определить основные параметры его галлюцинаций.

Несмотря на то что при здешнем тяготении любое из кресел было достаточно удобным, Флойд до предела откинул назад спинку своего кресла, расположился поудобнее и обхватил ладонями затылок. И тут Ван-дер-Берг вспомнил, что такова классическая поза пациента в дни старого, еще не полностью дискредитированного анализа по Фрейду.

Он был рад, что его спутник заговорил первым; отчасти из любопытства, но главным образом потому, что Ван-дер-Берг надеялся, что чем быстрее Флойд расскажет о случившемся, тем легче будет ему выздороветь — или, по крайней мере, обрести спокойствие. Но Ван-дер-Берг не испытывал особого оптимизма: для столь ярких галлюцинаций должны быть весьма глубокие, серьезные основания.

Ван-дер-Берга крайне смутило то обстоятельство, что Флойд был полностью с ним согласен и уже поставил диагноз.

— Уровень устойчивости моей нервной системы и психологической совместимости оценивается категорией «А-1», — сказал он. — Это настолько высокая категория, что психиатры разрешают мне даже читать заключения медицинской комиссии обо мне — а в эту категорию попадает всего десять процентов. Так что я озадачен не меньше тебя, но я действительно видел дедушку, и он говорил со мной. Я не верю в призраков — а кто верит? — однако это означает, что он умер. Жаль, что я был так плохо знаком с ним, а мне так хо-

телось снова встретиться... По крайней мере, теперь мне есть о чем вспомнить.

После долгого молчания Ван-дер-Берг попросил Криса:

— Расскажи мне точно, что он говорил.

— Я никогда не отличался абсолютной памятью,— ответил Крис с грустной улыбкой,— и происшедшее настолько потрясло меня, что вряд ли мне удастся точно припомнить его слова.— Он замолчал, и на его лице появилось недоуменное выражение.

— Но вот что кажется мне очень странным: я пытаюсь вспомнить, о чем мы с ним говорили, и у меня возникает впечатление, что мы не пользовались словами.

Еще хуже, подумал Ван-дер-Берг; не только жизнь после смерти, но и телепатия. Но он всего лишь попросил:

— Тогда передай мне основное содержание своего — э-э — разговора. Ты ведь помнишь, я был рядом и не слышал ни единого произнесенного тобой слова.

— Ну хорошо. Он сказал нечто вроде: «Мне хотелось снова увидеть тебя, и я счастлив нашей встрече. Все закончится успешно, «Юниверс» скоро прилетит и спасет вас».

Типичное спиритическое послание — в общих словах и ничего не значащее, подумал Ван-дер-Берг. Духи никогда не сообщают ничего полезного или удивительного — их послания всего лишь отражают надежды и страхи слушателя. Нулевая информация, отразившаяся из подсознания...

— Дальше...

— Потом я спросил, куда делись все жители — почему место кажется таким заброшенным. Он засмеялся и сказал в ответ что-то непонятное. Что-то вроде: «Я знал, что вы не причините вреда — когда мы увидели ваш аппарат, едва успели оповестить всех. Все...—

он произнес слово, которое я не смогу произнести, даже если и вспомню его,—спрятались в воде—когда нужно, они могут двигаться достаточно быстро! Они не выйдут оттуда, пока вы не улетите и ветер не развеет ядовитые газы». Интересно, что он хотел сказать этим? Выхлопные газы нашего реактивного двигателя—это всего лишь самый обычный, чистый пар, их атмосфера в значительной мере состоит из него.

Ну что ж, подумал Ван-дер-Берг, по-видимому, галлюцинации, так же как и сновидения, совсем не обязательно должны вести к логическим заключениям. Возможно, понятие «яд» символизирует какой-то глубоко укоренившийся страх в сознании Криса, настолько глубокий, что его не удалось обнаружить даже при психологическом анализе. Как бы то ни было, сомневаюсь, что это имеет ко мне какое-то отношение. Ядовитые газы, видите ли! Двигатель «Билла Т» использует в качестве рабочего вещества чистую дистиллированную воду, доставленную с Ганимеда к ним на орбиту...

Впрочем... одну минуту. Какова температура газов, когда они вылетают из дюз корабля? Я где-то читал...

— Крис,—тихим голосом осторожно спросил Ван-дер-Берг,—вода, пройдя через реактор, вся превращается в пар?

— Ей больше не во что превращаться. Ах да, при максимальной температуре десять или пятнадцать процентов ращепляется на водород и кислород.

Кислород! По спине Ван-дер-Берга пробежали мурашки, хотя в кабине было достаточно тепло. Очень маловероятно, что Флойд понимает значение только что сказанного им; это выходит за пределы области его знаний.

— А знаешь ли ты, Крис, что для простейших организмов Земли—и уж конечно для существ, живущих в атмосфере, похожей на ту, что присутствует здесь, на Европе,—кислород является смертельным ядом?

— Ты шутишь!

— Нисколько: он ядовит даже для нас — при высоком давлении.

— Действительно, нам говорили об этом при обучении подводным работам.

— Твой... дедушка был совершенно прав. Это похоже на то, как если бы мы обрызгали их город ипритом. Впрочем, не совсем так — кислород рассеивается очень быстро.

— Значит, теперь ты мне веришь.

— Я и не утверждал обратного.

— Оставь, для этого нужно быть ненормальным!

Напряженность в кабине исчезла, и они рассмеялись.

— А как он был одет?

— В старомодный домашний халат — он надевал его, когда я был совсем маленьким. Халат казался очень удобным.

— Еще что тебе запомнилось?

— Ты знаешь — он выглядел гораздо моложе, и волосы были гораздо гуще, чем при нашей последней встрече. Поэтому мне кажется, что он не был — как бы лучше выразиться? — настоящим. Что-то вроде изображения, созданного компьютером. Или синтетической голограммы.

— Монолит!

— Да — я тоже подумал об этом. Помнишь, как Дэйв Боумен явился дедушке на «Дискавери»? Но почему? Он не предупреждал меня ни о чем — даже ничего не передавал. Просто захотел попрощаться и пожелать мне счастья...

Наступила неловкая тишина, и лицо Флойда исказила гримаса боли; казалось, он вот-вот разрыдается. В следующее мгновение он овладел собой и улыбнулся Ван-дер-Бергу.

— Я достаточно рассказал тебе. Теперь твоя оче-

редь объяснить, как попал на планету, состоящую главным образом из льда и серы, алмаз, весящий миллион миллионов тонн. Надеюсь, твое объяснение будет достаточно убедительным.

— Будет,— ответил доктор Рольф Ван-дер-Берг.

53. Скороварка

— Когда я учился в Университете Флагстаффа,— начал свой рассказ Ван-дер-Берг,— мне как-то попал в руки старый учебник астрономии, где было написано: «Солнечная система состоит из Солнца, Юпитера — и множества осколков». Ставит Землю на место, чтобы не слишком задирала нос, верно? И не слишком справедливо по отношению к Сатурну, Урану и Нептуну — трем остальным газовым гигантам, диаметр каждого из которых уступает юпитерианскому всего в два с небольшим раза.

Но я лучше начну с Европы. Ты знаешь, что, перед тем как Люцифер принялся нагревать ее, поверхность Европы, покрытая льдом, была совершенно плоской — наибольшая возвышенность не превышала двухсот метров — и даже после того, как лед растаял и масса воды перенеслась на Ночную сторону и замерзла там, осталась почти такой же плоской. С 2015 года — когда были начаты подробные наблюдения — и до 2038 на всем спутнике была всего одна значительная возвышенность — и все знают, что она собой представляла.

— Совершенно верно. И хотя я видел его своими собственными глазами, мне все еще не верится, что Монолит может быть стеной! Мне он всегда представлялся стоящим на своем торце — или плавающим в пространстве.

— Думаю, мы поняли теперь, что он может делать что угодно — все, что существует в нашем воображе-

нии,— и массу других вещей, которые мы не можем себе представить.

Итак, что-то произошло на Европе в период между одной серией наблюдений и другой. На ее поверхности в 2037 году внезапно появилась гора Зевс — высотой в десять километров.

Вулканы такого размера не возникают за пару недель; к тому же на Европе нет такой вулканической активности, как на Ио.

— Не знаю как тебе,— проворчал Флойд,— а вот мне ее активность кажется вполне достаточной. Ты почувствовал этот толчок?

— К тому же, если бы эта новая гора была вулканом, она выбрасывала бы в атмосферу колоссальное количество газа; действительно, в атмосфере Европы произошли некоторые изменения, но столь ничтожные, что никак не подтверждают такое объяснение. Все это оставалось для нас тайной, а поскольку мы не решались подлетать к Европе слишком близко — и, к тому же, были слишком заняты другими делами,— нам не оставалось ничего иного, как выдумывать самые фантастические теории. Действительность оказалась, однако, куда более фантастичной...

Первые подозрения возникли у меня в результате случайных наблюдений, осуществленных в 2057 году, но года два я не думал о них всерьез. Затем доказательства стали более убедительными; в любой менее причудливой ситуации они стали бы абсолютно надежными.

Но до того как я решился поверить, что гора Зевс представляет собой алмаз, мне потребовалось объяснение. Для хорошего ученого — а я считаю себя таковым — ни один факт не заслуживает уважения до тех пор, пока он не подкреплён теорией. Теория может оказаться и ошибочной — так обычно и происходит, по

крайней мере отчасти,— но она должна представить рабочую гипотезу.

Как ты заметил, нелегко объяснить появление алмаза массой в миллион миллионов тонн на планете, состоящей из льда и серы. Сейчас, разумеется, все это кажется совершенно очевидным, и я считаю себя полным дураком из-за того, что не заметил объяснения еще несколько лет назад. Мы избавились бы тогда от массы неприятностей — и спасли жизнь по крайней мере одному человеку.

Он замолчал, и вдруг неожиданно спросил Флойда:

— Никто не упоминал в разговоре с тобой доктора Пауля Крюгера?

— Никто. Да и зачем? Я, разумеется, слышал о нем.

— Просто так. Видишь ли, произошло немало таинственных событий, объяснение которым мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Как бы то ни было, все это перестало быть тайной. Короче говоря, два года тому назад я послал Паулю секретную радиограмму. Ах да, извини, совсем забыл — он мой дядя. Так вот, я сообщил ему результаты своих наблюдений и появившиеся у меня предположения. Я попросил его подтвердить их — или опровергнуть.

Поскольку в его распоряжении самые современные компьютеры, дяде Паулю много времени не потребовалось. К сожалению, он не проявил достаточной осторожности; а может быть, кто-то следил за его работой — я уверен, что твои друзья, кем бы они ни оказались, уже знают ответ на этот вопрос.

Через пару дней после получения моего запроса он раскопал старую статью, напечатанную восемьдесят лет назад в научном журнале «Нейчур», — в то время журнал еще печатался на бумаге, представляешь себе! — и эта статья убедительно все объясняла. Почти все.

Ее автором был ученый, работавший в одной из крупных лабораторий в Соединенных Штатах — Америки, разумеется, — в то время Соединенных Штатов Южной Африки еще не было. Лаборатория занималась проектированием ядерного оружия, так что там отлично разбирались в высоких температурах и давлениях...

Не знаю, имел ли доктор Росс — это фамилия автора — какое-нибудь отношение к бомбам, но в процессе своей работы он задумался, должно быть, об условиях, существующих в глубинах гигантских планет. И в своей статье, появившейся в 1984 году — извини, в 1981, — он высказал ряд очень интересных предположений...

Он указал на то, что в газовых гигантах — в форме метана, CH_4 , — содержится огромное количество углерода. До семнадцати процентов от общей массы! По его расчетам, при температуре и давлении, существующих в ядрах этих планет — миллионы атмосфер! — углерод будет выделяться из соединений, осаждаться в центре и — ты уже догадался, наверно, — кристаллизоваться. Как теория она была поистине великолепной: думаю он даже и не мечтал, что когда-нибудь удастся проверить ее на практике...

Итак, это первая часть истории. Некоторые аспекты второй части куда интереснее. А там еще остался кофе?

— Конечно, мне кажется, что я уже нашел разгадку второй части. Ясно, что это связано со взрывом Юпитера.

— Взрывом, но не обычным, а направленным внутрь. Произошла имплозия Юпитера; его наружные слои обрушились в направлении ядра, затем произошла детонация. В некотором отношении это было похоже на детонацию ядерной бомбы, только вот новое состояние оказалось устойчивым — Юпитер превратился в мини-солнце.

Так вот, при имплозии происходят очень странные процессы; вроде как образовавшиеся осколки проходят один через другой и выходят с другой стороны. Неважно, каким был механизм, но в результате алмаз размерами в гору вылетел на орбиту.

Должно быть, он успел совершить сотни витков — постоянно меняя параметры орбиты под влиянием гравитационных полей спутников Юпитера, — пока не столкнулся с Европой. И условия столкновения должны быть совершенно определенными — одно небесное тело обгоняло другое, так что их относительная скорость в это мгновение не превышала и двух километров в секунду. Столкнись они на встречных курсах, лоб в лоб, — от Европы вряд ли осталось бы что-нибудь, не говоря уж о горе Зевс! А иногда меня преследуют кошмары — мне кажется, что гора вполне могла упасть на Ганимед, прямо на нас...

Атмосфера, уже возникшая на Европе, немного смягчила удар; и все-таки сотрясение было ужасным. Интересно, как отреагировали на это столкновение наши друзья на Европе? Несомненно, именно этот удар привел к возникновению целой серии тектонических возмущений... продолжающихся и поныне.

— И политических тоже, — добавил Флloyd. — Только сейчас я начинаю понимать это. Немудрено, что СШЮА обеспокоены.

— Не только они.

— Неужели кто-то серьезно рассчитывал захватить эти алмазы?

— А почему бы и нет? Нам-то удалось, — ответил Ван-дер-Берг, показывая в кормовую часть шаттла. — Но чисто психологическое воздействие будет колоссальным. Именно поэтому так много людей хотели узнать правду.

— Теперь ее узнали. Что дальше?

— Слава богу, это не моя забота. Надеюсь, однако,

что мне удалось внести заметный вклад в научные ассигнования Ганимеда.

Да и мои личные финансы тоже не пострадают.

54. Долгожданная встреча

— С чего это ты взял, что я умер? — донесся из динамика изумленный голос Хейвуда Флойда. — Я еще никогда не чувствовал себя так хорошо!

Окаменев от удивления, Крис Флойд уставился на динамик. Он испытывал огромное облегчение — и чувствовал одновременно какое-то негодование. Кто-то — или что-то — сыграл с ним жестокую шутку.

В голосе Хейвуда Флойда, который находился от них в пятидесяти миллионах километров, но с каждой секундой приближался на несколько их сотен, тоже слышалось некоторое возмущение. Но он казался энергичным и приветливым и не скрывал радости от того, что у Криса все в порядке.

— У меня для тебя хорошие новости: шаттл «Юниверс» доставит медицинское оборудование и лекарства на «Гэлакси», затем прилетит к вам, захватит тебя с Ван-дер-Бергом и состыкуется с нами на следующем витке. Затем, спустя пять витков, мы сядем рядом с «Гэлакси» и ты встретишься с друзьями, когда они ступят на борт.

Ну, у меня пока все — хочу лишь добавить, что счастлив нашей будущей встречей. Мы сможем, наконец, наверстать упущенное время.

Жду твоего ответа через — ну, скажем, три минуты...

На мгновенье внутри «Билла Т» наступила полная тишина; Ван-дер-Берг не решался взглянуть на своего спутника. Затем Флойд включил микрофон и медленно произнес:

— Дедушка — какой удивительный сюрприз. Я все еще не могу прийти в себя. Но я знаю, что видел тебя на

Европе — слышал, как ты прощался со мной. Я совершенно убежден в этом — вот как сейчас в том, что говорю с тобой...

Разумеется, у нас будет время все обсудить. Но помнишь, как говорил с тобой Дэйв Боумен — тогда, на «Дискавери»? Возможно, со мной произошло нечто похожее...

А теперь мы устроимся поудобнее и будем ждать. У нас все в порядке — чувствуем время от времени сотрясения почвы, но это ничем не угрожает. До скорой встречи, обнимаю тебя.

Он не мог вспомнить, когда говорил это деду в последний раз.

На исходе первых суток в кабине стало дурно пахнуть. После вторых они перестали замечать запах — но обратили внимание, что пища стала менее вкусной. К тому же, они хуже спали, и даже обвиняли друг друга в храпе.

На третий день, несмотря на частые передачи с «Юниверс», «Гэлакси» и с самой Земли, их начала охватывать скука и запас сомнительных анекдотов подошел к концу.

Но этот день оказался последним. К его концу рядом с ними опустилась «Леди Джасмин», разыскивающая своего потерявшегося ребенка.

55. Магма

— Баас, — сказал робот-секретарь, — пока вы спали, я записал эту специальную передачу с Ганимеда. Может быть, включить ее?

— Да, — ответил доктор Пауль Крюгер. — С десятикратной скоростью. И выключи звук.

Он знал, что сначала последует длительное вступление, которое можно пропустить и посмотреть позд-

нее — если возникнет необходимость. А сейчас ему хотелось как можно скорее увидеть происшедшее.

На экране промелькнули надписи, называющие имена операторов и дикторов, и появилось лицо Виктора Уиллиса, находящегося где-то на Ганимеде, который в полной тишине отчаянно размахивал руками. Доктор Пауль Крюгер, подобно большинству ученых, несколько скептически относился к Уиллису, хотя и не отрицал, что тот приносит определенную пользу.

Неожиданно Уиллис исчез, и вместо него на экране возник менее взволнованный образ — гора Зевс. На этот раз она была, однако, куда более активной, чем полагается хорошо воспитанной горе; доктор Крюгер был потрясен, увидев, насколько изменился ее вид с момента предыдущей передачи с Европы.

— Нормальная скорость, — скомандовал он. — Звук.

— ... почти сто метров в сутки, и наклон увеличился на пятнадцать градусов. Тектонические возмущения достигли поразительных размеров — у подножия значительные потоки лавы. Рядом со мной доктор Вандер-Берг. Ван, каково твое мнение?

Мой племянник выглядит очень хорошо — принимая во внимание, что ему пришлось пережить. Отличная родословная, конечно...

— Судя по всему, кора не сумела оправиться от удара и теперь не выдерживает все возрастающих нагрузок. Гора Зевс медленно оседала с того момента, как мы обнаружили ее, но за последние несколько недель скорость оседания возросла в тысячи раз. Даже на глаз заметны ее подвижки.

— Сколько времени потребуется для того, чтобы гора исчезла совсем?

— Я как-то не верю в это...

Камера тут же показала другой вид горы, и голос Виктора Уиллиса донесся из-за экрана:

— Это были слова доктора Ван-дер-Берга, произнесенные им два дня назад. А сейчас что ты думаешь, Ван?

— Гм — похоже, что я ошибся. Гора оседает с невероятной скоростью. Просто глазам не верю — осталось всего с полкилометра! Боюсь делать какие-нибудь прогнозы...

— И совершенно правильно, Ван. Итак, это было всего лишь вчера. А сейчас мы включим пленку, заснятую с большой скоростью, которая демонстрируется с обычным числом кадров в секунду. Она заканчивается моментом, когда рухнула наша камера...

Доктор Пауль Крюгер наклонился вперед, наблюдая за последним актом драмы, в которой он сыграл такую небольшую, но исключительно важную роль.

В сущности, необходимости в замедленной съемке не было; события разворачивались перед его глазами со скоростью, почти в сто раз превышающей нормальную. Час сжимался в одну минуту — человеческая жизнь сокращалась до жизни бабочки.

Гора Зевс оседала у него на глазах. Струи расплавленной серы с поразительной скоростью взлетали в небо вокруг всего основания горы, описывая параболы ярко-синего пламени. Зрелище напоминало картину — корабль тонет в штормовом море, окруженный огнями святого Эльма. Даже впечатляющие извержения вулканов на Ио не могли сравниться с этой поразительной картиной природной ярости.

— Самое крупное сокровище, найденное людьми за всю историю человечества, исчезает из глаз, — произнес Уиллис приглушенным голосом, полным благоговейного ужаса. — К сожалению, мы не можем показать вам последние мгновенья. Скоро вы поймете почему.

Действие замедлилось до нормальной скорости. Оставалось всего лишь несколько сот метров горы,

и извержения у ее основания происходили теперь заметно медленнее.

Внезапно изображение на экране накренилось; стабилизаторы уровня камеры, до сих пор сопротивлявшиеся постоянным сотрясениям почвы, отступили, не выдержав неравной схватки. На мгновение показалось, что гора вырастает из почвы — но это опрокинулся треножник, на котором была закреплена камера. Последняя сцена с Европы представляла крупный план пылающей волны расплавленной серы, готовой захлестнуть видеокамеру.

— Все исчезло! Пропало навсегда! — произнес Уиллис траурным голосом. — Богатства, в несчетное число раз превышающие все россыпи Голконды или Кимберли! Какая потеря! Какое жестокое разочарование!

— Боже, какой кретин! — воскликнул доктор Крюгер, брызгая слюной. — Неужели он не понимает...

Наступило время для еще одного письма в «Нейчур». И этот секрет окажется слишком большим, чтобы сохранить его в тайне.

56. Теория пертурбаций

Редактору, банк данных журнала «Нейчур» (всеобщий доступ)

От профессора Пауля Крюгера, Члена Королевского Общества, т. д.

ПРЕДМЕТ: ГОРА ЗЕВС И ЮПИТЕРИАНСКИЕ АЛМАЗЫ

Как теперь широко известно, европейская формация, известная как гора Зевс, первоначально была частью Юпитера. Предположение, что ядра газовых гигантов могут состоять из алмазов, впервые было высказано Марвином Россом (Национальная лаборатория Лоуренса Ливермора, Калифорнийский университет) в его классической статье «Ледяной слой Урана

и Нептуна — алмазы в небе?» («Нейчур», т. 292, № 5822, стр. 435—436, 30 июля 1981 г.). Как ни странно, но Росс не включил Юпитер в свои расчеты.

Погружение горы Зевс внутрь коры Европы вызвало хор сожалений, причем смехотворных, — по причинам, указанным ниже.

Не вдаваясь в подробности, которые будут изложены в моей последующей публикации, я оцениваю алмазное ядро Юпитера по крайней мере в 10^{28} г. *Это в десять миллиардов раз больше, чем гора Зевс.*

Несмотря на то что значительная часть этого вещества была, несомненно, разрушена в момент детонации планеты и возникновения — судя по всему, искусственным образом — солнца Люцифер, предположение, что единственным осколком была гора Зевс, не выдерживает никакой критики. Хотя немалое количество вещества рухнуло обратно на Люцифер, значительная часть была выброшена на орбиту — и остается там *до сего времени*. На основе элементарной теории пертурбаций легко доказать, что эти осколки будут периодически возвращаться к точке своего возникновения. Разумеется, не представляется возможным давать точную оценку, но я полагаю, что алмазы массой по крайней мере в миллион раз больше горы Зевс находятся в космическом пространстве, обращаясь по орбитам вблизи Люцифера. Утеря одного незначительного осколка, расположенного к тому же в крайне неудобном и труднодоступном месте (на Европе), не имеет практически никакого значения. Я предлагаю создать в космосе — и как можно быстрее — специальную сеть радиолокационных установок для определения координат небесных тел, состоящих из этого вещества.

Хотя исключительно тонкая алмазная пленка широко производится начиная еще с 1987 года, создавать алмазы в значительном количестве пока не удавалось. Возможность производства алмазов в объемах, изме-

ряемых мегатоннами, могло бы полностью преобразить многие отрасли промышленности и создать совершенно новые. Особое внимание привлекает то обстоятельство, как указал на это Айзекс и другие авторы почти сто лет тому назад (см. «Сайэнс», т. 151, стр. 682—683, 1966 г.), что алмаз представляет собой единственный строительный материал, пригодный для осуществления проекта так называемых космических лифтов, которые делают возможной транспортировку от поверхности Земли до орбиты при ничтожных затратах. Алмазные горы, обращающиеся сейчас среди спутников Юпитера, могут открыть перед человечеством всю Солнечную систему. Насколько тривиальным по сравнению с этим представляется старинное применение углерода, кристаллизованного в кубической системе!

Чтобы сделать изложение этой темы максимально полным, следует упомянуть еще одно местонахождение огромных масс алмазов — место, еще более недоступное, к сожалению, чем ядро гигантской планеты...

Высказывалось предположение, что кора нейтронных звезд может состоять в основном из алмазов. Поскольку ближайшая нейтронная звезда расположена на расстоянии пятнадцати световых лет от нас и сила притяжения на ее поверхности превышает земную в семьдесят тысяч миллионов раз, трудно считать ее возможным источником получения этого материала.

Впрочем, кто мог предположить, что когда-либо нам удастся коснуться вещества, составлявшего ядро Юпитера?

57. Передышка на Ганимеде

— Бедные, невежественные колонисты! — причитал Михайлович. — Я в ужасе — на всем Ганимеде ни одного большого концертного зала! Я понимаю, конечно, что наперсток оптроники в моем синтезаторе способен

воспроизвести любой музыкальный инструмент. Но «Стейнвэй» все-таки остается «Стейнвэем», равно как и «Страд» — «Страдом».

Его жалобы, хотя и не слишком серьезные, уже пробудили некоторых представителей местной интеллигенции на ответные действия. Популярная местная программа «Утренний Ганимед» ответила на его причитания следующим ядовитым комментарием: «Оказав нам честь своим присутствием, наши знаменитые гости подняли — хотя и временно — культурный уровень *обоих* миров...»

Это высказывание было направлено в первую очередь против Уиллиса, Михайловича и М'Бала, которые несли свет просвещения невежественным туземцам с излишним рвением. Мэгги М стала причиной настоящего скандала, откровенно поведав о любовных связях Зевса-Юпитера с Ио, Европой, Ганимедом и Каллисто. Рассказ о том, как он явился в обличье белого быка к нимфе Европе, не понравился бы сам по себе, а повествование о попытках спасти Ио и Каллисто от справедливого гнева его супруги Геры, оказавшихся явно недостаточно решительными, лишь подлило масла в огонь. Но особенное неудовольствие местных жителей вызвало сообщение, что мифологический Ганимед оказался совсем другого пола.

Нужно отдать им справедливость — намерения самозванных послов мировой культуры были достойны всяческой похвалы, хотя и не совсем бескорыстны. Узнав, что на Ганимеди им придется оставаться в течение нескольких месяцев, они тут же поняли, что угроза скуки нависнет над ними, лишь только исчезнет прелесть новизны. К тому же, гостям хотелось как можно лучше использовать свои таланты для благотворного воздействия на окружающих. Однако далеко не все хотели — или имели время, — чтобы на них оказывали

благотворное воздействие здесь, на технологически высокоразвитой границе Солнечной системы.

Эва Мерлин, наоборот, идеально освоилась с новой ситуацией и чувствовала себя как рыба в воде. Несмотря на ее земную славу, имя «Мерлин» мало что говорило большинству жителей Ганимеда. Это позволяло ей наслаждаться свободой и без конца бродить по коридорам и надувным куполам Центральной базы Ганимеда. Здесь ей не угрожала опасность, что люди будут глазеть на нее или обмениваться взволнованными комментариями за ее спиной. Правда, ее все-таки узнавали — но лишь как гостью с Земли.

Гринберг, со свойственной ему деловитостью, легко вошел в деловые и технические круги спутника и уже был избран в состав нескольких советов и комиссий. Скоро он оказался настолько полезным и незаменимым, что его предупредили о сложностях, которые могут возникнуть, если он захочет покинуть Ганимед.

Хейвуд Флойд, наблюдая за деятельностью своих спутников, сочувственно улыбался, но оставался в стороне. Он думал лишь об одном — как восстановить добрые отношения с Крисом, в то же время его заботило и будущее своего внука. Теперь, когда «Юниверс» — в топливных баках которого оставалось менее ста тонн воды — благополучно опустился на поверхность Ганимеда, предстояло сделать многое.

Благодарность, которую испытывали все, кто находился на борту «Гэлакси», к своим спасителям, помогла экипажам обоих кораблей слиться в единое целое; после тщательного осмотра и ремонта «Юниверс», а также его заправки они вернутся обратно на Землю вместе. Сообщение, что сэр Лоуренс уже строит планы создания нового, усовершенствованного «Гэлакси II», значительно улучшило моральный дух команды; правда, строительство корабля начнется лишь после того, как адвокаты сэра Лоуренса урегулируют расхождения со

страховой компанией Ллойдза, все еще утверждающей, что ранее не существовавшее преступление — похищение космического корабля во время полета — не подпадает под действие страховочного полиса.

Что касается самого преступления, никто не был арестован или даже обвинен. Несомненно, оно тщательно планировалось в течение ряда лет какой-то хорошо организованной и не испытывающей недостатка в деньгах группой. Соединенные Штаты Южной Африки заявили во всеуслышание, что не имеют к преступлению никакого отношения, и потребовали официального расследования. Бурская лига также выразила свое негодование и обвинила в происшедшем Чаку.

Доктор Крюгер ничуть не удивился, обнаружив в получаемой им почте злобные, но анонимные письма, обвиняющие его в измене. Обычно они были написаны на африкаан, но содержали едва заметные ошибки в грамматике или фразеологии, и ученый пришел к выводу, что эти письма составляют часть кампании дезинформации.

Поразмыслив, он переслал эти письма в АСТРОПОЛ — где они, по-видимому, уже имеются, подумал он усмехнувшись. АСТРОПОЛ поблагодарил его, но — как и ожидал доктор Крюгер — воздержался от комментариев.

Вторые помощники Флойд и Чанг, а также другие члены экипажа «Гэлакси» получили — по отдельности — приглашения отобедать в лучших ресторанах Ганимеда от двух таинственных незнакомцев, с которыми Флойд уже встречался перед вылетом. Когда ошастливленные приглашенные, отведав откровенно плохой пищи, сравнили затем свои записи, они пришли к выводу, что их вежливые собеседники пытались собрать информацию, обвиняющую Чаку в совершении преступления, но вряд ли преуспели в этом.

Доктор Ван-дер-Берг, затеявший всю эту исто-

рию — оказавшуюся для него весьма успешной как в научном, так и в финансовом отношении, — не знал теперь, что делать с новыми открывшимися перед ним возможностями. Ряд известных университетов на Земле обратились к нему с очень интересными предложениями — но, по иронии судьбы, воспользоваться ими Ван-дер-Берг уже не мог. Он слишком долго жил на Ганиমেде с его одной шестой земной силы тяжести, и его организм был уже не в состоянии перестроиться.

Правда, он мог жить на Луне или на борту «Пастера», как объяснил ему Хейвуд Флойд.

— Мы намерены создать там космический университет, — сказал он, — чтобы люди с других миров, не способные выдержать земную силу тяжести, могли вступать в контакт с землянами в реальном времени. У нас будут лекционные залы, аудитории, лаборатории — некоторые из них снабдим только компьютерами, но выглядеть они будут так, что никто не заметит разницу. Вдобавок, ты сможешь использовать свои сомнительные миллионы для видеозакупок на Земле.

К своему изумлению, Флойд не только вернул себе внука, но и приобрел племянника; в его представлении Ван-дер-Берг и Крис были связаны друг с другом уникальными обстоятельствами, которые совместно пережили. Это относилось прежде всего к появлению таинственного образа в том городке на Европе, под сенью нависшего Монолита.

У Криса не было ни малейших сомнений.

— Я видел и слышал тебя с такой же четкостью, как сейчас, — говорил он деду. — Однако губы у тебя не двигались — и самое странное, что мне это не показалось необычным. Я считал это совершенно естественным. Ты выглядел немного печальным — нет, пожалуй, лучше сказать — грустным. Или смирившимся с происшедшим.

— Мы все время вспоминали о вашей встрече с Боуменом на «Дискавери», — добавил Ван-дер-Берг.

— Перед посадкой на Европе я попытался связаться с ним по радио. Такая попытка может показаться наивной, но другой просто не пришло в голову. Я был уверен, что он там — в той или иной форме.

— И вы так и не получили ответа?

Флойд заколебался. Воспоминание быстро тускнело, но внезапно он отчетливо вспомнил появление мини-монолита в своей каюте.

Ничего тогда не произошло, и все-таки с того момента он был уверен, что Крис в безопасности и что он снова увидит его.

— Нет, — медленно произнес он. — Я так и не получил никакого ответа.

В конце концов, это вполне могло оказаться сном.

VIII. Царство серы

58. Лед и пламя

До наступления эпохи исследования планет в конце XX века вряд ли нашлись бы ученые, считающие, что на мире, таком удаленном от Солнца, может существовать жизнь. И тем не менее на протяжении полумиллиарда лет в скрытых морях Европы кипела жизнь не менее разнообразная, чем в земных морях.

До вспышки Юпитера слой льда защищал эти океаны от космического вакуума. Почти всюду толщина льда измерялась километрами, но были места, где он трескался и расходился. И тогда здесь начиналась короткая схватка между двумя непримиримо враждебными стихиями, соприкосновение которых было невозможно на любом другом небесном теле Солнечной системы. Схватка между Морем и Открытым Космосом

неизбежно заходила в тупик: вода, соприкоснувшись с холодной пустотой, начинала кипеть и замерзать, образуя ледяную броню. Моря Европы давным-давно промерзли бы до самого дна, если бы не влияние Юпитера, расположенного поблизости. Его притяжение постоянно меняло форму ядра этого маленького мира; силы, вызывающие конвульсии Ио, действовали и здесь, хотя с гораздо меньшей свирепостью. Война между планетой и ее спутником, идущая с переменным успехом, пробуждала подводные толчки и обвалы, с необычайной скоростью проносящиеся по далекому дну.

Среди этих глубинных равнин были рассеяны бесчисленные оазисы, каждый из которых распространялся на несколько сот метров вокруг огромного количества трещин и разломов, через которые из недр спутника извергались минеральные рассолы. Осаждая содержащиеся в них химические вещества на перепутанной массе труб и кратеров, они создавали иногда естественные подобия разрушенных замков или кафедральных соборов, из которых выливалась черная кипящая жидкость, медленно пульсирующая, будто гонимая толчками какого-то могучего сердца. И подобно крови, эта жидкость несла с собой жизнь.

Ее тепло заставляло отступать смертельный холод, просачивающийся сверху, и образовывало теплые острова на морском дне. И что не менее важно, жидкость несла с собой из ядра Европы химические вещества, необходимые для жизни. Здесь, в среде, при любых других условиях совершенно враждебной жизни, было изобилие энергии и пищи. Подобные геотермические отдушины были открыты на дне земных океанов в то самое десятилетие, когда человечество впервые бросило взгляд на юпитерианские спутники.

Тропические зоны, расположенные рядом с трещинами, были населены мириадами тончайших паукообразных существ, являющихся аналогами растений,

хотя почти все они способны были передвигаться. Между ними ползали причудливые слизняки и черви, иногда питающиеся «растениями», но главным образом извлекающие питательные вещества из окружающих вод, наполненных минералами. Подальше от источника тепла — подводного огня, согревающего всех окружающих существ, — располагались более выносливые, жизнестойкие организмы, походившие на крабов.

Армии биологов могли потратить целую жизнь на изучение одного маленького оазиса. В отличие от земных морей палеозойской эры скрытый океан Европы не являлся устойчивой средой, поэтому эволюция протекала здесь быстро, создавая огромное разнообразие фантастических форм. И над всеми ими нависала угроза неминуемой смерти: рано или поздно источник жизни ослабевал и иссякал, по мере того как силы, питающие его, перемещались в другое место. Морские бездны были усеяны свидетельствами подобных трагедий — целые кладбища скелетов и останков, обросших минеральными осадками, показывали, где из книги жизни были вычеркнуты целые главы.

Там, на дне моря, лежали гигантские раковины, похожие на свитые в спирали трубы, которые превышали размерами человека, самые разнообразные моллюски — двустворчатые или даже трехстворчатые. А рядом виднелись спиральные отпечатки на камне, имевшие несколько метров в поперечнике, которые походили на прекрасные аммониты, так таинственно исчезнувшие из океанов Земли в конце мелового периода.

Во многих местах в бездне виднелись огни — реки расплавленной лавы текли вдоль морских долин на протяжении десятков километров. На такой глубине давление было настолько велико, что вода, соприкасаясь с раскаленной магмой, не превращалась в пар, и две жидкости сохраняли между собой неустойчивое перемирие.

Здесь, на другом мире и с другими актерами, повторилось нечто вроде истории Египта задолго до появления человека. Подобно тому как Нил нес жизнь узкой полоске прилегающей к нему пустыни, так и эти реки тепла оживляли морские бездны Европы. Вдоль их берегов, полос, редко превышающих километр в ширину, бесчисленные виды жизни возникали, развивались и умирали. Некоторые из них оставляли после себя памятники, в виде камней, наваленных друг на друга, или причудливых узоров траншей, вырытых на морском дне.

На этих узких полосах изобилия, протянувшихся через пустыни бездны, развивались и гибли примитивные цивилизации и целые культуры. И окружающий их мир не имел об этих цивилизациях никакого представления, потому что оазисы тепла были отделены друг от друга, подобно самим планетам. Существа, греющиеся в тепле лавовых потоков и питающиеся веществами, которые вытекали из отверстий, ведущих в недра Европы, не могли пересечь враждебную пустыню, разделяющую их одинокие острова. Если бы среди них оказались историки и философы, каждая из этих культур была бы убеждена, что она единственная во вселенной.

И каждая была обречена. Не только потому, что источники питающей их энергии возникали случайно и постоянно перемещались, но и потому, что приливные силы, дающие жизнь этим источникам, все время ослабевали. Даже если бы жителям Европы удалось достичь ступени подлинного разума, они погибли бы, когда их мир затих и покрылся непроницаемой коркой льда.

Они оказались в ловушке между льдом и огнем — до того момента, пока в небе над ними не вспыхнул Люцифер и не освободил их вселенную.

И на берегу только что возникшего континента по-

явились прямоугольные очертания гигантского предмета, черного, как ночь.

59. Троица

— Отлично сработано. Теперь у них не возникнет искушения вернуться обратно.

— Я узнаю все больше и больше; но мне все-таки грустно, что моя старая жизнь угасает.

— И это пройдет; я ведь тоже возвращался на Землю повидать тех, кого любил когда-то. Теперь я понял, что существуют вещи величественнее Любви.

— Какие же?

— Сострадание, например. Справедливость. Истина. И много других.

— С этим мне легко согласиться. Для представителя человеческого рода я очень стар. Страсти моей молодости давно угасли. Что теперь случится с... настоящим Хейвудом Флойдом?

— Вы оба в равной степени настоящие. Но он скоро умрет, так и не осознав, что обрел бессмертие.

— Это парадокс — но мне он понятен. Если это чувство сохранится, когда-нибудь, возможно, я буду благодарен. Кого мне нужно благодарить — тебя или Монолит? Тот Дэвид Боумен, которого я знал целую жизнь назад, не обладал такими возможностями.

— Да, не обладал; с тех пор многое изменилось. Хэл и я многому научились.

— Хэл! Он тоже здесь?

— Да, доктор Флойд. Не ожидал, что мы встретимся снова — особенно вот таким образом. Подражать вам — это было интересной проблемой.

— Подражать? Ах да, конечно. Зачем это понадобилось?

— После того как получили твою радиограмму, мы с Хэлом решили, что ты можешь помочь нам здесь.

— Помочь — *вам*?

— Да, хотя это и кажется тебе странным. У тебя много знаний и опыта, которых нам не хватает. Лучше всего назвать это мудростью.

— Спасибо. То, что я появился перед своим внуком,—это было мудрым поступком?

— Нет. Это вызвало массу хлопот. Но это был жест сострадания. Необходимо взвешивать подобные поступки и сравнивать их друг с другом.

— Ты сказал, что вам нужна моя помощь. Зачем?

— Хотя мы и познали многое, есть вещи, ускользающие от нас. Хэл составил схему внутренних систем Монолита, и мы в состоянии управлять теми, что проще. Это универсальный инструмент. Судя по всему, его основная функция — быть катализатором разума.

— Я думал об этом. Но у нас нет доказательств.

— Теперь, когда мы получили возможность проникать внутрь его памяти, они у нас есть. Четыре миллиона лет назад, в Африке, он дал толчок племени питекантропов, умиравших от голода, и это стало началом человеческого рода. И теперь он повторил этот эксперимент здесь — но за него пришлось дорого заплатить.

Когда Юпитер был превращен в солнце, чтобы дать возможность этому миру реализовать свой потенциал, погибла другая биосфера. Я сейчас покажу ее тебе такой, какой сам увидел когда-то...

«Пролетая через ревущее сердце Великого Красного Пятна, с разрывающимися вокруг молниями гроз, охвативших всю ширь континента, он понял, почему оно не утихает так много столетий, хотя и составлено из газов куда менее плотных, чем те, которые создают ураганы на Земле. Он погружался в более спокойные глубины, пронзительный визг водородного ветра стихал в его ушах, и облако восковых снежинок — некоторые уже образовали едва осязаемые горы углеводородной пены — опустилось сверху. Было уже доста-

точно тепло, чтобы вода могла существовать в жидком состоянии, но здесь не было океанов; газовая окружающая среда не могла поддерживать их.

Он спускался сквозь один слой облаков за другим и вошел, наконец, в область такой отчетливой видимости, что даже человеческий глаз различал территорию в тысячу километров. Это было всего лишь небольшое завихрение в огромной спирали Великого Красного Пятна; оно таило секрет, о существовании которого люди подозревали много лет, но не могли его доказать.

У подножий дрейфующих гор из пены виднелись мириады маленьких, резко очерченных облаков — все примерно одинакового размера и усыпаны похожими красно-коричневыми пятнами. Они казались маленькими лишь по сравнению с нечеловечески огромным масштабом окружающих предметов; самое маленькое облачко легко покрыло бы город средних размеров.

Это были, несомненно, живые существа, потому что они передвигались, медленно и осмотрительно, вдоль склонов воздушных гор, что-то пощипывая на них, подобно гигантским овцам. И они переговаривались друг с другом в метровом диапазоне — их радиоголоса слышались тихо, но отчетливо на фоне потрескиваний и толчков самого Юпитера.

Не что иное, как живые, наполненные газом оболочки, они плавали в узком промежутке между ледяными высотами и обжигающими глубинами. В промежутке действительно узком, но эта область была несравнимо больше всей биосферы Земли.

Они были не одни. Между ними быстро носились другие существа — настолько маленькие, что их можно было легко упустить из виду. Некоторые из них поразительно напоминали земные самолеты как по форме, так и по размерам. Но и они были живыми — может хищники, может, паразиты, а возможно, даже и пастухи...

... и реактивные торпеды, похожие на головоногих

моллюсков земных океанов, охотящиеся за газовыми мешками и пожирающие их. Но гигантские сферы не были беззащитными; они оборонялись когтистыми щупальцами, походившими на цепные пилы километровой длины, и электрическими разрядами.

Теперь он видел еще более странные очертания — всех возможных форм, известных в геометрии: причудливые полупрозрачные воздушные змеи, тетраэдры, сферы, многогранники, клубки спутанных лент... Им — всему этому гигантскому планктону юпитерианской атмосферы — было предназначено плавать, как паутинкам, на поднимающихся вверх газовых потоках, пока они не завершат процесс своего размножения; затем они опустятся в глубины, где превратятся в углерод, создавая основу для нового поколения.

Он обшарил мир, поверхность которого более чем в сто раз превышала земную, увидел много чудес, но не нашел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало признаки разума. Радиоголоса огромных сфер, наполненных газом, несли всего лишь простые сообщения, предупреждающие об опасности или выражающие страх. Даже хищники, от которых можно было бы ожидать более высокой степени организации, походили на акул в океанах Земли, — автоматы, лишенные разума.

И несмотря на всю свою новизну и гигантские размеры, от которых захватывало дыхание, биосфера Юпитера была хрупким миром, полным туманов и пены, тончайших шелковистых нитей и паутинок, сотканных из углеводородных снежинок, образованных непрерывными электрическими разрядами в верхних слоях атмосферы. Они были не более осязаемые, чем мыльные пузыри, и самые страшные хищники, населяющие юпитерианскую биосферу, были бы разорваны на части даже слабейшими земными плотоядными...

— И все эти чудеса были уничтожены — чтобы создать Люцифер?

— Да. Виды, населяющие Юпитер, подверглись сравнению с жителями Европы—и сравнение оказалось не в их пользу. Возможно, в окружающей их газовой среде, им никогда не удалось бы достичь уровня настоящего разума. Но следовало ли обрекать их на уничтожение из-за этого? Мы с Хэлом все еще не нашли ответ на этот вопрос; вот почему нам нужна твоя помощь.

— Но как мы можем сравнивать себя с Монолитом—пожравшим Юпитер?

— Он всего лишь инструмент; он обладает колоссальным разумом, но у него нет сознания. Несмотря на все его могущество, мы превосходим его.

— Мне трудно в это поверить. Но ведь что-то создало этот Монолит?

— Мне довелось однажды встретиться с этим—или с той его частью, которую я был в состоянии выдержать,—когда «Дискавери» прилетел к Юпитеру. И оно послало меня обратно—таким, каким я стал сейчас,—чтобы служить ему на этих мирах. С тех пор я ничего не слышал о нем;—по крайней мере пока.

— Это ободряет. Монолита более чем достаточно.

— Но возникла иная, более значительная проблема.
ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ.

— Вряд ли меня можно чем-то еще напугать...

— Когда гора Зевс столкнулась с Европой, результатом могла стать гибель всего этого мира. Столкновение не было запланировано—более того, его нельзя было даже предугадать. Никакие расчеты не могли предсказать ничего подобного. В результате столкновения были опустошены огромные площади морского дна на Европе, уничтожены целые виды—включая те, на эволюцию которых мы очень надеялись. Перевернулся даже сам Монолит. Не исключено, что он получил повреждения, а его программы искажены. Они, несомненно, не были в состоянии предвидеть все случайности; да и возможно ли это во Вселенной—

практически бесконечной, где Случай может всегда нарушить самые тщательные планы.

— Это верно — и для людей, и для монолитов.

— Мы трое должны стать управляющими непредвиденным, равно как и стражами этого мира. Ты уже встречался с Амфибиями; тебе еще предстоят встречи с Существами, закованными в силиконовую броню, питающимися лавовыми потоками, и Пловцами, снимающими морские урожаи. Наша задача — помочь им развить свои возможности — или здесь, или где-нибудь еще.

— А как с Человечеством?

— Бывали моменты, когда мне хотелось вмешаться в их жизнь — но предупреждение, данное Человечеству, распространяется и на меня.

— Мы соблюдали его не слишком тщательно.

— Достаточно тщательно. А пока, нам нужно сделать многое, прежде чем закончится короткое лето Европы и снова придет длинная зима.

— Сколько у нас на это времени?

— Мало; меньше тысячи лет. И мы не должны забывать о судьбе жителей Юпитера.

3001 год

60. Полночь на Плазе

Знаменитый небоскреб, возвышающийся над лесами Центрального Манхэттена в одиноком великолепии, почти не изменился за прошедшую тысячу лет. Он составлял часть истории, и его сохраняли в благоговейном почтении. Подобно всем историческим памятникам, его уже давно покрыли тончайшей алмазной пленкой, чтобы исключить разрушительное действие времени.

Те, кто когда-то присутствовал на заседании первой

Генеральной Ассамблеи, никогда не смогли бы предположить, что прошло больше девяти столетий. Их могла бы, однако, заинтриговать совершенно ровная черная плита, стоящая посреди плазы и почти копировавшая очертаниями здание ООН. Если бы—подобно всем остальным—они протянули руку и коснулись ее, их озадачила бы легкость, с которой их пальцы скользнули по черной как смоль поверхности.

Но их больше озадачили—нет, привели в благоговейный восторг—изменения, происшедшие в небе...

Последние туристы ушли час назад, и плаза совершенно опустела. Небо было безоблачным, и уже виднелись наиболее яркие звезды; свет звезд послабее меркнул в лучах крошечного солнца, сиявшего в полночь.

Свет Люцифера отражался не только от черного стекла древнего здания; его лучи освещали и узкую серебряную радугу, пересекавшую южную часть неба. Вдоль и вокруг нее двигались—очень медленно—крошечные огоньки: шло общение всех миров Солнечной системы, расположенных между ее двумя солнцами.

И если очень внимательно присмотреться, можно было различить тонкую нить Панамской башни—одной из шести алмазных труб, связывающих, подобно пуповине, Землю с ее рассеянными в космосе детьми,—которая на двадцать шесть тысяч километров протянулась вверх от Экватора, чтобы соединиться с Кольцом Вокруг Мира.

Внезапно, почти с такой же быстротой, как и родился, Люцифер начал угасать. Ночь, которую люди не знали на протяжении тридцати поколений, снова заполнила небо. Засияли ранее изгнанные—и невидимые—звезды.

И во второй раз за четыре миллиона лет Монолит проснулся.

Послесловие

В заключение мне особенно хотелось бы поблагодарить Лэрри Сессинса и Джерри Снайдера за предоставление мне данных и координат кометы Галлея при ее следующем приближении. Они не несут никакой ответственности за те значительные изменения в орбите кометы, которые я включил в повествование.

Я также весьма благодарен Мелвину Россу из Ливерморской национальной лаборатории им. Лоуренса не только за его поразительную по смелости теорию планет с алмазным ядром, но и за экземпляры его исторической (я надеюсь на это) статьи на эту тему.

Полагаю, мой старый друг доктор Луис Альварес получит удовольствие от моих невероятно отважных выводов, основанных на его исследованиях, мне хочется поблагодарить его за поддержку и вдохновение в течение последних тридцати пяти лет.

Я очень обязан сотруднику НАСА Джентри Ли, моему соавтору по «Крэдл», за то, что он доставил мне из Лос-Анджелеса в Коломбо портативную машинку «Кайпро-2000», что позволило мне писать эту книгу в самых экзотических и — что еще более важно — уединенных местах.

Главы 5, 58 и 59 частично основаны на материале, взятом из «2010: Одиссея два». (Если уж сам автор не может заниматься плагиатом своих собственных книг, тогда кому это дозволено?)

25 апреля 1987 года

*Артур К. Кларк
Коломбо, Шри-Ланка*

С тех пор как я завершил роман, произошли странные события. Я полагал, что пишу художественное произведение, оказалось — я ошибался. Смотрите, что произошло.

1. В «2010: Одиссея два» космический корабль «Леонов» имел на борту «двигатель Сахарова».

2. Спустя половину столетия, в «2061: Одиссея три», глава 8, космические корабли перемещаются в межпланетном пространстве с помощью двигателей, в которых катализаторами служат мюоны, действующие на принципе «холодного термояда» — реакции, открытой Луисом Альваресом с коллегами в 1950-е годы (см. его автобиографию: Alvarez.— NY: Basic Books, 1987).

3. Судя по сообщению в *Scientific American* (July 1987), доктор Сахаров работает над производством ядерной энергии, основанным на мюонном катализе, называемом также холодным синтезом. «Объекты, лежащие в основе мюонного катализа — мюоны, — представляют собой короткоживущие элементарные частицы. Недавние исследования показали, что наиболее эффективным процесс будет при температуре около 900° С».

И теперь с огромным нетерпением я ожидаю результатов этих работ.

10 сентября 1987 года

Артур К. Кларк

Содержание

<i>А. Балабуха. Парадоксы Артура Кларка</i>	5
КОНЕЦ ДЕТСТВА. Перевод Норы Галь	25
I. Земля и сверхправители	27
II. Золотой век	93
III. Последнее поколение	175
2061: ОДИССЕЯ ТРИ. Перевод И. Почиталина	269
I. Волшебная гора	272
II. Долина черного снега	336
III. Европейская рулетка	364
IV. У водополя	403
V. Через пояс астероидов	430
VI. Убежище	449
VII. Великая стена	467
VIII. Царство серы	500
3001 год	509
Послесловие	511

Литературно-художественное издание

Артур Кларк

ОДИССЕЯ ДЛИНЮЮ В ЖИЗНЬ

Заведующий редакцией В. С. Власенков Ст. научный редактор А. Г. Белевцева.

Мл научный редактор М. А. Харузина Художник К. А. Сошинская

Художественный редактор Н. М. Иванов Технический редактор Е. В. Алёхина.

Корректор С. С. Суставова.

ИБ № 7565

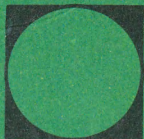
Сдано в набор 04.12.89 Подписано к печати 04.04.90. Формат 70 × 100¹/₃₂. Бумага
офсетная № 1 Печать офсетная. Гарнитура тайм.. Объем: бум. л. 8 Усл печ л.
20,80 Усл.-кр.-отт. 21,23. Уч. изд. л 22,81 Изд. № 9/7153. Тираж 100 000 экз.
Зак. 1555. Цена 7 р. 90 к.

Издательство «Мир» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по
печати. 129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комите-
та СССР по печати 143200, Можайск ул. Мира 93.

7 р. 90 к.

Зарубежная

фантастика

Издательство «Мир»